

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

П. Э. АЛЕКСЕЕВА

О ЛЮДЯХ И ВРЕМЕНИ

ЭЛИСТА
2010

ББК 63.3 (2 Рос = Калм)
А 471

**Печатается по решению Ученого Совета
Учреждения Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН**

Рецензент

А.Н. Басхаев, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:

А.Т. Баянова (отв. ред.)

В.П. Санчилов, кандидат исторических наук

Н.Б. Менкеева

А 471 **Алексеева П.Э. О ЛЮДЯХ И ВРЕМЕНИ:** сборник статей. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – 176 с.

Эта книга – плод многолетней кропотливой работы старейшего библиотекаря Калмыкии П.Э. Алексеевой.

Основу сборника составляют статьи автора, опубликованные за последние десятилетия в средствах массовой информации.

Стремясь восполнить пробел, существующий в научно-популярной литературе по калмыковедению, опираясь на редчайшие источники и архивные материалы, автор открывает читателю многие малоизвестные страницы истории нашего народа.

Книга адресована молодому поколению исследователей родного края и просто любознательному читателю.

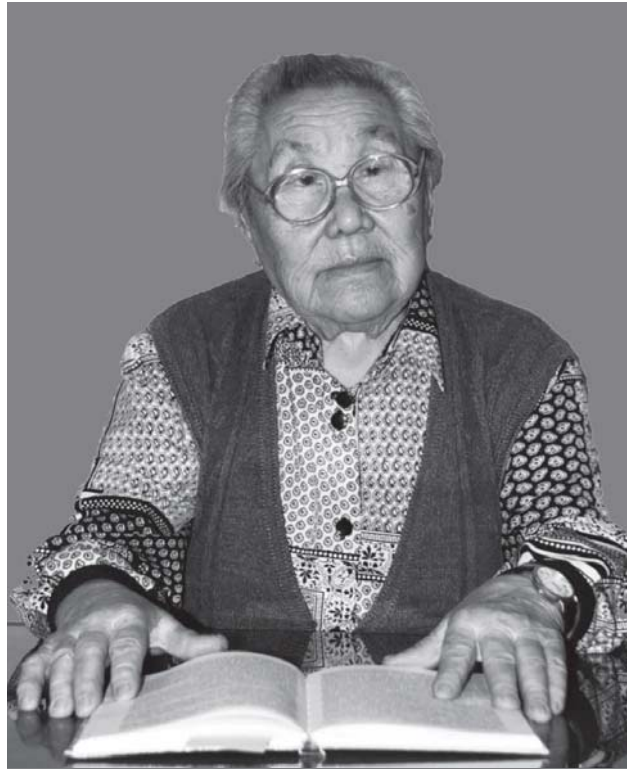
ISBN 978-5-903833-27-6

© Алексеева П.Э.

© Учреждение Российской академии наук

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2010

*Посвящаю светлой памяти моего брата – солдата Победы,
военного врача, доктора медицинских наук, профессора
Учура Абушиновича Алексеева*

От автора

Современный этап развития общества характеризуется повышенным интересом к глубинным истокам культурно-исторического и духовного наследия, когда происходит осознание уникальности и неповторимости своей национальной культуры как части общечеловеческой. Нам есть чем гордиться, есть что беречь и передать молодому поколению. Поэтому обращение к истории культуры родного края приобретает все большую актуальность.

Д.С. Лихачев сказал в свое время: «Краеведение – прекрасная школа воспитания гражданственности». Любить и знать историю своего родного края, традиции и обычаи своего народа – это и есть проявление патриотизма и гражданственности.

За многие годы работы в библиотеке через мои руки прошли тысячи книг. Во многих из них отражена история нашего народа, жизнь многих выдающихся личностей, внесших огромный вклад в дело изучения языка, культуры, традиций калмыков. Как библиотекарь и как историк я не могла не рассказать об интересных фактах и находках, о материалах, ранее неизвестных или малоизвестных, широкому кругу читателей. Десятки различных публикаций в средствах массовой информации стали итогом моей работы над источниками.

Идея сбора и систематизации отдельных моих статей и создания этой книги принадлежит моим коллегам – сотрудникам КИГИ РАН, за что я им бесконечно благодарна.

Выражаю свою особую признательность дирекции КИГИ РАН, коллегам Е.Н. Бадмаевой, А.Т. Баяновой, М.Б. Байсхлановой, Л.Ю. Ланцановой, В. Шарапову и Т.Б. Шовуновой за оказанную помощь и поддержку в подготовке и издании данного сборника.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

ЖИЗНЬ – ОТКРЫТАЯ КНИГА

Разными путями приходят люди к своей профессии. Самое большое счастье для человека, когда он выбирает дело по душе и верен ему всю жизнь. Таким счастливым человеком считает себя Прасковья Эрдниева Алексеева.

Более пяти десятилетий жизнь ее неразрывно связана с библиотекой. Творческий человек, энтузиаст, профессионал своего дела, она не мыслит свою жизнь без библиотеки, а прожитые годы, по ее мнению, становятся богатством, если они наполнены делами высокой общественной значимости и смысла. Ее жизнь – как открытая книга: открой любую страницу, и ты окунешься в водоворот интересных жизненных перипетий, увидишь человека со сложной и интересной судьбой.

Когда-то в далеком прошлом род Алексеевых был большим и дружным. Об этом часто вспоминает Прасковья Эрдниева. Но судьба отдельной семьи неотделима от истории страны, трагические страницы которой коснулись и рода Алексеевых.

Годы революции и установления советской власти разделили их семью, как и всю страну, на два противоположных лагеря. Старшему брату Алексеевых суждено было эмигрировать, оставив родных. Но это только первая трагическая страница в книге жизни некогда большой семьи. Наступали роковые 20-е, затем 30-е и 40-е годы.

Первые аресты злой поземкой пронесли по Калмыцкой степи еще в годы коллективизации. Был арестован и скромный сельский учитель Эрдни Апельевич Алексеев. Но это была пока только первая ссылка отца. Впереди его ждали еще 3 ареста.

В годы сталинских репрессий, когда от Москвы до самых до окраин прокатились громкие судебные процессы над «изменниками Родины», по пресловутой 58-й статье был осужден не только отец, но и старшая сестра Василиса, а оставшиеся члены семьи, в том числе юная Прасковья, были сосланы в Сибирь.

Удивительно, что пережив страшные годы лишений, Прасковья Эрдниева с теплотой и грустью вспоминает годы жизни в ссылке. Видимо, человеческая память так устроена, что все хорошее и доброе запоминается и остается. В мыслях она уже давно простила человека, по доносу которого были арестована сестра Василиса, и людей в погонах, которых боялась все годы ссылки.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Прасковьи Алексеевой, если бы в Сибири ее не отыскал двоюродный брат Учур, который помог ей выехать в Башкирию. В Уфе Прасковья Эрдниева смогла получить высшее образование, она успешно окончила историко-филологическое отделение Башкирского государственного учительского института и исторический факультет пединститута, что было большой удачей и редкостью для спецпереселенцев.

В 1946-1954 гг. Прасковья Эрдниева работала учителем истории, русского языка и литературы в районах Башкирии. Молодая учительница пользовалась заслуженным авторитетом, к ее мнению всегда прислушивались, доверяли ответственные общественные поручения. В 1955 году П.Э. Алексеева была назначена библиотекарем Республиканской научно-медицинской библиотеки в Башкирской АССР.

В 1958 году П.Э. Алексеева, как и многие ее соотечественники, после реабилитации и восстановления автономии калмыцкого народа возвратилась на родину. Молодого специалиста назначили первым директором Республиканской библиотеки, она принимала активное участие в становлении библиотечной сети. Но главной ее мечтой была работа в научной библиотеке. В 1960 году Прасковья Эрдниева переходит на должность заведующей научной библиотекой Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ). С этого времени жизнь ее тесно связана с Институтом. Почти пять десятилетий жизни П.Э. Алексеевой отдано науке и бесценным книгам, к которым она относится с особым трепетом.

Алексеева П.Э. – не только основатель научной библиотеки института, но и поистине создатель ее богатейших фондов. Благодаря ее инициативе и подвижническому труду библиотека является крупнейшим в республике хранилищем литературы по калмыковедению. Книжный фонд научной библиотеки насчитывает свыше 50 тысяч томов, одну треть которого составляют редкие издания XVIII-XIX вв. В библиотеке собраны коллекции калмыцких грамматик, редких изданий словарей, книг и периодических изданий, содержащих важные исторические сведения о калмыках, и другие уникаль-

ные научные труды. Этому предшествовал долгий и кропотливый поиск книг. Не имея специальной оргтехники, работая в архивах, в обменно-резервных фондах, в отделах редких книг по всей стране, выискивая необходимый материал, Прасковья Эрдниева переписывала книги от руки, а затем перепечатывала в Элисте на печатной машинке.

Имя П.Э. Алексеевой широко известно в республике и далеко за ее пределами. Прасковья Эрдниева сумела установить тесное сотрудничество с библиотеками разных городов России и зарубежья, организовала книгообмен с известными учеными-востоковедами, библиотеками научных институтов страны и научными обществами Монголии, КНР, США и ряда европейских стран.

Прасковья Эрдниева не ограничивается только библиотечной работой. Она активно занимается научными исследованиями. П.Э. Алексеева – участник многих научных форумов, автор десятков книг и статей краеведческого характера. Ею подготовлены и изданы «Библиография по калмыцкому языкознанию», «Библиография по джангароведению». В 1999 году ею в соавторстве с американским ученым, профессором Мэрилендского университета А. Борманджиновым опубликована книга «Этнический состав донских калмыков».

П.Э. Алексеева является автором исторических очерков «Станица Граббевская: XVII – декабрь 1943 года», «Богшрахинский аймак и богшрахинцы». Истинный знаток своего дела, она составила «Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 г.», ценность которого не раз подтверждали отзывы ведущих ученых в области калмыковедения. Ею собран и систематизирован уникальный материал в сборнике «Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.)».

Не одно поколение ученых, преподавателей, студентов вузов Калмыкии и исследователей из разных стран получает у нее подробные консультации по вопросам истории и культуры калмыцкого народа. Восхищает то, что, обладая феноменальной памятью, широкой эрудицией, помня большое количество имен, дат и фактов, она бескорыстно делится своими знаниями.

Большой вклад внесла Прасковья Эрдниева в раскрытие неизвестных страниц в трагической истории калмыцкого народа. Благодаря ей установлены многие забытые имена земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в сталинских лагерях. Талант исследователя позволил ей найти имена знаменитых людей, известных деятелей Калмыкии, ученых-востоковедов, занимавшихся историей нашего края – Барбота де Марни, И. Бентковского, И.Я. Шмидта, Иоганна Иерига, И. Попова и др.

Трудовая деятельность Алексеевой П.Э. – это яркий пример глубокой преданности калмыцкой науке и однажды выбранному пути. За многолетний добросовестный труд, самоотверженное служение науке она награждена многочисленными медалями, Почетными грамотами Республики Калмыкия и Правительства РК. П.Э. Алексеевой присвоены почетные звания «Заслуженный работник культуры Калмыцкой АССР» (1981) и «Почетный гражданин Республики Калмыкия» (2001).

П.Э. Алексеева – автор 14 книг и многочисленных статей. Мы ждем с интересом новых публикаций и книг, автором которой будет П.Э. Алексеева.

А.Т. Баянова
заведующая научной библиотекой КИГИ РАН

**ГИДРОТЕХНИК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ СЕРДЮКОВ
(1677 – 1754)**

В начале XVIII столетия при закладке северной столицы России возникла необходимость строительства и водного пути, который связал бы ее с главной водной артерией страны – Волгой.

Указом от 12 апреля 1703 года Петр I повелел строить Тверецкий канал. Для этой цели выписали из Амстердама 10 шлюзных мастеров, а надзирать за работами было поручено стольным князьям Василию и Михаилу Гагариным. Все необходимое для строительства заказали на Тульском оружейном заводе.

Во время похода в Персию Петр побывал в Астрахани, где осматривая купеческие лавки, обратил внимание на одного из приказчиков московского купца Евреинова – Михаила Сердюкова, выделявшегося своими знаниями в коммерческих вопросах, в технике. Возвратившись в Москву, Петр I приказал Евреинову отпустить Сердюкова к нему.

М.И. Сердюков был привезен Евреиновым из Сибири в Астрахань. По некоторым документам М.И. Сердюков по национальности указан как калмык, по другим – монгол (бурят). Он был крещен и оставлен купцом на службе в торговой лавке. Сметливый ум, природная одаренность способствовали его профессиональному росту. Вскоре он дослужился до приказчика.

По распоряжению Петра I М.И. Сердюков был причислен к новгородским купцам и назначен главным поставщиком материалов для строительства судоходного канала по Вышне-Волоцкой водной системе на Ладожском озере.

В 1719 году М.И. Сердюков предложил свой проект реконструкции канала и коренного улучшения судоходства по Вышневолоцкой водной системе, который был одобрен Петром I. Указом от 26 июня 1719 года М.И. Сердюкову предоставлялись широкие полномочия на завершение строительства этой важной водной системы, так необходимой для экономического развития страны.

М.И. Сердюков поселился в Вышнем Волочке, построил дом, в котором часто останавливался Петр I. По делам поставок М.И. Сердюков часто бывал на канале, наблюдал за ходом строительства. Канал был построен, и он до конца своей жизни являлся главным его управителем. За это время М.И. Сердюков проявил себя как талантливый гидротехник: внес много новшеств в систему водных каналов. С 1719 по 1723 годы в районе Вышнего Волочка под его руководством были сооружены ряд гидротехнических устройств. В 1736–1738 годах на реке Цна было построено водохранилище, разработан способ улучшения судоходства на реках Мсте, Тверце и произведены другие работы.

Вскоре преуспевающий купец М.И. Сердюков переехал в Новгород, где построил новый каменный дом. При закладке фундамента рабочие откопали большой железный крест и установили его у входа в дом. Успехи М.И. Сердюкова и благосклонность к нему самого царя вызывали зависть новгородской знати, его обвинили в расколе. По распоряжению всесильного архиепископа Санкт-Петербургского и Новгородского Феофана Прокоповича М.И. Сердюкова увезли в Петербург в тайную канцелярию, где он без суда и следствия просидел несколько месяцев в тюрьме. Его вызволил сам Петр I.

Роль М.И. Сердюкова в развитии гидротехнических сооружений в России в XVIII столетии велика. Об этом подчеркивают и авторы многих трудов, связанных с их историей. Его заслуги отмечали П. Пекарский в книге «Наука и литература при Петре Великом». В книге В.А. Горелова «Речные каналы в России. К истории русских каналов XVIII в.» 6-я глава названа «Строительство Вышне-Волоцких каналов Михаилом Сердюковым (1719–1723 гг.)», а глава 7 – «Вышне-Волоцкий отдельный пункт при Сердюковых (1722–1774 гг.)». В книге «Русская техника» В. Данилевского (Л., 1948) в главе 6 «Гидросиловые установки» помещены снимки промышленных установок М.И. Сердюкова.

Талантливый русский гидротехник, самородок из народа М.И. Сердюков ушел из жизни в 1754 году. После смерти М.И. Сердюкова управление каналами перешло к сыновьям Михаилу и Ивану, но дела шли не так успешно, как при отце.

Сын М.И. Сердюкова – Иван – женился на дочери Акинфия Демидова Анне. Выходец из тульских мастеровых, Акинфий Демидов заложил начало горного дела на Урале. В 1764 г. Анна Акинфьевна овдовела.

В истории упоминается и имя внука М.И. Сердюкова, писателя Михаила Ивановича Сердюкова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1959. С. 212.
2. Судходный дорожник Европейской России. Изд. Главного управления путей сообщения. СПб., 1855. Ч. 2. Вып. 1.
3. Журнал Мин-ва путей сообщений. 1875. Кн. 2. С. 30–35; Кн. 3. С. 32–48.
4. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русских. С. 30–33.
5. Пекарский П. Наука и литература при Петре I. С. 461.
6. Горелов В.А. Речные каналы в России. К истории русских каналов в XVIII в. Л.; М.: Изд-во Мин-ва речного флота. СССР, 1953. Гл. VI. С. 78–98; гл. VII. С. 99–127.
7. Данилевский В.В. Русская техника. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1948. Гл. VI. Раздел 2. Промышленные установки. С. 276–282. Ил.
8. Виргинский В.С., Либерман М.Я. Михаил Иванович Сердюков М.: Наука 1979.
9. Сушков Н.В. Михаил Иванович Храповицкий и Михаил Иванович Сердюков // Раут, 1854.

**КОНТР-АДМИРАЛ
ДЕНИС СПИРИДОНОВИЧ КАЛМЫКОВ
(1687 – 1746)**

В книге «Жизнеописание первых российских адмиралов...» (1) указано, что Денис (Дионисий) Спиридонович Калмыков «из простой породы». В 1702 году, в возрасте 15 лет, Денис Калмыков с группой боярских детей поступил в навигационную школу. Именно по этой информации и была установлена дата его рождения – 1687 год (2). В 1706 году по окончании навигационной школы Д.С. Калмыкова отправляют в Англию для обучения штурманскому делу, а по возвращении в Москву в 1713 году зачисляются во флот (3).

В «Жизнеописаниях первых российских адмиралов...» имеется копия акта о возвращении учеников из Англии, в которой сообщается о том, что «... В прошлых годах по Указу Великого государя из Москвы для науки мореходства посланы в Амстердам и в Англию в школу математико-навигационных наук нижеописанные простых пород ученики. В 1706 году из Оружейной палаты: Петр Фролов, Денис Калмыков ... и другие, всего 30 человек» (4).

Из Амстердама Денис Калмыков прибыл в Архангельск и уже в 1713 году в звании экстра-мичмана служил на корабле «Архангел Гавриил». В составе эскадры капитана Самсонова он прибыл в Ревель. Дальнейшие хронологические даты и сведения о продвижении Д.С. Калмыкова по служебной лестнице приводятся нами из различных источников по истории российского флота.

В 1714 году Д.С. Калмыкову присваивают звание штурмана и посылают в Ригу для найма на русскую службу английских и голландских унтер-офицеров и матросов, где ему удалось нанять 52 человека. В 1719 году он получил звание капитан-лейтенанта, а 2 марта 1721 года Д.С. Калмыков стал капитаном 3-го ранга. Он командовал кораблем «Екатерина» – бывшем вице-адмиральском флагмане Петра I, который ранее плавал в Финском заливе под командованием генерал-адмирала графа Апраксина. В 1724 году Д.С. Калмыков оставался в Адмиралтействе. От Коллегии Адмиралтейства его направляют депутатом на Тырницкие заводы.

Современники Д.С. Калмыкова считали его лучшим каллиграфом из всех российских капитанов, служивших при Петре I. Уважая его заслуги, Петр I за две недели до своей кончины, 14 апреля 1724 года, произвел Д.С. Калмыкова в капитаны 2-го ранга. 19 января 1726 года Д.С. Калмыков направлен в помощь капитану Зотову для составления штата о такелажах. В феврале этого же года – в Голландию, где нанял 3-х штурманов на российскую службу и в июне возвратился в Петербург.

Для пополнения устава морской службы Д.С. Калмыков занялся переводом английского устава и регламента.

В 1727 году Д.С. Калмыков командовал Кронштадтской эскадрой на корабле «Армонт» и фрегате «Арондель». На корабле «Михаил» ходил в Киль в отряде Синявина, занимался обучением гардемарин. В этом же году на фрегате «Кронденвид» совершил плавание от Кронштадта до Архангельска и обратно.

В 1730 году Д.С. Калмыков назначен главным комендантом Астраханского порта. 6 сентября 1730 года произведен в звание капитана 1-го ранга. В марте 1734 года Коллегии Адмиралтей-

ства вызвала Д.С. Калмыкова в Кронштадт и присвоила звание комендор-капитана, назначив капитаном над Кронштадтским портом. В феврале 1742 г. Д.С. Калмыкову присвоено звание контр-адмирала.

В морском походе против шведов в 1742–1743 годах галерным флотом командовал уже контр-адмирал Д.С. Калмыков (5).

В 1742 году изданы составленные Д.С. Калмыковым «Генеральные сигналы» (6). В 1744 г. контр-адмирал Д.С. Калмыков стал членом Коллегии Адмиралтейства, а в следующем году был назначен главным командиром Кронштадтского порта.

29 мая 1746 г. контр-адмирал Д.С. Калмыков скончался в Кронштадте (7). После смерти Д.С. Калмыкова остались его малолетние дети. Два сына, Яков и Егор, воспитывались у одного профессора в Ревеле. Осуществлял опеку над ними старый друг Д.С. Калмыкова – Яков Саввич Берх. Две дочери, Евдокия и Екатерина, были отданы на воспитание вдове капитана фон Генш.

У Д.С. Калмыкова были еще два брата, боцманы. В 1744 г. один из них, Алексей, по возрасту был списан с флота и жил в семье Д.С. Калмыкова. После кончины брата Алексей обратился в Коллегию с прошением определить его в госпитальные надзиратели. Просьба его была уважена, и он был трудоустроен.

В июле 1776 года капитанша фон Генш доложила Коллегии Адмиралтейства о том, что старшая дочь Д.С. Калмыкова – Евдокия – желает вступить в брак с унтер-лейтенантом Яковом Семичевым. Генерал-адмирал князь Голицын сообщил об этом Елизавете Петровне. И монаршее согласие было дано. Императрица распорядилась выдать Евдокии 1/4 часть имения отца, а жениха определить на службу придворных яхт. Вскоре вышла замуж и Екатерина Калмыкова за мичмана Арсентьева.

В заключение хотелось подчеркнуть, что Денис Спиридонович Калмыков, выходец из народа, благодаря природному уму, прилежному учению, трудоспособности стал образованным человеком своего времени. От выпускника навигационной школы он дослужился до высшего звания в российском флоте – звания контр-адмирала, оставив заметный след в истории морского флота России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. СПб., 1832–1836. Ч. 1–4.
2. Общий морской список. Ч. 1-я. Основание флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885–1890.
3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895. Т. XIV. С. 66.
4. Жизнеописания первых российских адмиралов...
5. Соколов Ал. Морские походы против шведов 1742 и 1743 гг. СПб., 1847. Ч. 5. С. 252–330.
6. Алфавитный указатель 12 частей общего морского списка. СПб., 1900. Ч. 1. С. 166.
7. Указатель статей повременных изданий, предшествующий журналу «Морской сборник» / сост. И. Петров. СПб., 1881.

ДЖУНГАРСКИЙ КНЯЗЬ ЛОУЗАНГ-ШУНУ

В конце XVII – первой половине XVIII в. в Центральной Азии разгорелась борьба за сферу влияния в этом регионе со стороны маньчжурской династии Цин, в которой последним противостояло Джунгарское ханство во главе с Цеван-Рабтаном (Зорикту хун-тайджи, Цаган Арабтан, Цон Рабтан, Эрдени-Зорикту-Батур хун-тайджи, контайша). Политическая борьба джунгарских правителей отразилась и на судьбах их детей, вовлеченных в эту борьбу за власть. Здесь речь пойдет о сыне джунгарского хун-тайджи Цеван-Рабтана и Сетер-Джап, дочери калмыцкого хана Аюки, Лоузанг-Шуну. В русских источниках его называют по-разному Шуно или Шоно Даба, Шуна-батыр, Шуно Лоузанг. В основе имени – монгольско-калмыцкое слово «шоно» («чоно») – «волк» (1). От этого брака родились еще один сын и три дочери.

Сын от первого брака Цеван-Рабтана с хошутской княжной Кюнгю, опасаясь, что приемником выберут Лоузанг Шуну, настроил отца против него. В начале 20-х годов XVIII в. Лоузанг-Шуну командовал ойратскими войсками в походе джунгар в Среднюю Азию и Казахскую Орду. Несмотря на его военные заслуги и огромную популярность среди ойратов, претендентом на власть все же был объявлен старший брат Галдан-Цэрэн. Во избежание братоубийственной войны Лоузанг-Шуну отдалили

к западным границам Джунгарии. Хотя он был одним из почитаемых князей, ему пришлось бежать к волжским калмыкам, родственникам матери.

В Калмыцкой степи он появился осенью 1725 года. Волжские калмыки и русское правительство, видя в нем джунгарского лазутчика, отнеслись к нему с недоверием, из-за чего он даже намеревался вернуться в Джунгарию. Ханша же Дарма-Бала приняла внука Аюки под свое покровительство. Теплый прием Лоузанг-Шуну нашел и у другого внука Аюки, Дондок-Омбо, который в то время кочевал вместе с ханшей Дарма-Балой. Она же способствовала женитьбе Лоузанг-Шуну на дочери Дондок-Омбо Церен-Балзан.

Интересны с современной точки зрения брачные отношения между владельцами, находящимися в близких родственных связях. По калмыцкой системе родства Церен-Балзан приходилась Лоузанг-Шуну тетей по материнской линии, нац эгч. В 1723 году, еще до приезда Лоузанг-Шуну в Калмыцкие степи, Цэван-Рабтан направил послов на берега Волги с целью засватать свою дочь за сына Аюки Церен-Дондука. По другой версии инициатором сватовства была Дарма-Бала.

В 1724 году прибыли послы с Волги в Джунгарию сватать дочерей Цэван-Рабтана сыновьям Аюки-хана, который тепло встретил их и согласился отправить трех дочерей в сопровождении 8000-го войска и 100 девушек в приданое. В 1727 году с Волги прибыли новые послы, во время пребывания которых Цэван-Рабтан скоропостижно скончался. Калмыцких послов обвинили в его смерти. И Галдан-Цэрен сурово расправился с ними, а мачеху свою Сетер-Джап вместе с дочерьми подверг мучительной казни (2).

Китайское правительство решило обратиться за помощью к России, а также использовать Лоузанг-Шуну против брата Галдан-Цэрена. В 1729 году из Китая выехало посольство с целью склонить Россию к борьбе против Джунгарского ханства. В январе 1732 года китайские послы были допущены в Москву. В ходе переговоров они добились разрешения для поездки к волжским калмыкам 4 членов миссии.

В июне 1731 года китайские послы были приняты ханом Церен-Дондуком в присутствии ханши Дарма-Балы, Шакур ламы и представителя русской администрации подполковника В.П. Беклемишева. Наряду с переговорами с калмыками, которых не удалось привлечь на свою сторону, китайцы вели их также с Лоузанг-Шуну, надеясь вернуть его под покровительство богдыхана и склонить на борьбу с Галдан-Цэреном. Но так ничего и не добившись, выехали в Тобольск, где их ждали остальные члены посольства.

В 1732 году новым китайским посольством в Россию была предпринята еще одна безрезультатная попытка, о чем в «Дипломатическом собрании дел...» говорится: «...главнейшая причина сего посольства была - вооружить калмыков против зенгорцев (т.е. джунгарцев) и убедить живущего в Калмыцких улусах брата контайшина... перейти в подданство китайского императора...» (3).

Лоузанг-Шуну в 1732 году умер. Сенат об этом уведомил цинское правительство. Таким образом, китайцам не удалось вовлечь волжских калмыков в борьбу с Джунгарией и использовать Лоузанг-Шуну против его брата Галдан-Цэрена, правителя Джунгарского ханства.

Имя Лоузанг-Шуну было популярно и среди народов, сопредельных с калмыцкими кочевьями. Предводитель башкирского восстания 1740 г. Карасакал после его подавления бежал в Казахские степи и выдавал себя за Шоно-Лоузанга. Карасакал в письме генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову, отказавшись явиться в Оренбург в распоряжение властей, объявил себя владельцем джунгарских калмыков Суной, сыном хун-тайджи. В конце письма имеются такие строки: «...А что вы требуете меня, называя башкирцом и каракалпаком, то я сущий владелец Суну, контайшин сын., то прошу писать, называя Суною» (4). В других материалах о Карасакале говорится: «...в Киргиз-Кайсацкой орде называется Суна батыр хан, контайшин сын, и имеется брат его Картан-Сирен (т.е. Галдан-Цэрен) в той Калмыцкой орде ханом...» (5).

О пребывании Лоузанг-Шуну на Волге в «Этюдах» Н.Н. Пальмова имеется очерк «Джунгарский Лоузанг-Шуну в Калмыцкой степи. 1725–1732 гг.» (6). В примечании Н.Н. Пальмов приводит песню о Лоузанг-Шуну, текст которой с русским переводом Бадмы Гаряевича Майорова и Лиджи Нармаевича Нормаева прислал ему в 1927 году студент Ленинградского института живых восточных языков Дорджи Онкоров.

ПЕСНЯ О ЛУУЗНГ-ШУНУ

Цастин цаһан уулд
Цаһахн арслң наадна.
Цагни болсн Луузнг-Шана

На белоснежной горе
Белый лев играет.
Луузнг-Шана, обреченный на печаль,

Заята наһцнран темцнэл.
Бууһин сумн борта билэ,
Бууһад күләм зүрктэ билэ;

Буйн күцсн Луузнг-Шана
Заята наһцнран темцв.

Зааһин зандн бүшмүдтэ билэ,
Заһалма шүүрм борта билэ;
Заянь болсн Луузнг-Шана
Заята наһцнран темцв.

Направился к своим нагцанар.
Серый конь у него, как пуля,
Сердце непоколебимое: готов
сойти с коня и ждать противника;
Луузнг-Шана, воплощение добра,
Направился к своим нагцанар.

Бешмета окраска, что цвета зандана,
Конь такой быстрый, что догонит сокола:
Луузнг-Шана, судьбой решенный,
Направился к своим нагцанар.

В рукописном собрании калмыцкого фольклора Н. Очирова (7), собранном среди приволжских калмыков в 1908–1909 гг., имеется следующий текст песни (зап. № 33):

ПЕСНЯ О ЛУУЗАНГ ШУНУ (ШАНА),

В записи Н.О. ОЧИРОВА

Цагин Цаһан уулд
Цәһәхн арслңгарн наадлав.
Цагни болсн Луузаанг Шана
Заятахн наһцанаран темцлэв.

Заарта занд бишмүдтэ билэви
Заһалма күцхе борта билэви.
Заянни гагцахан Луузаанг Шана
Заятахн наһцанаран темцлэви.

Бууһин сумн борта билэви.
Бууһад күләми зөргтэ билэви.
Буйн гаһца Луузаанг Шана
Буйнтахн наһцанаран темцеве.

ЛУУЗН ШАРА

Цастин цаһан уулд
Цаһахн арслңгарн наадлав.
Цагнь болсн Луузн Шара
Заятахн наһцнран темцлэв.

Заяни һанцхн Луузн Шара
Заятахн наһцнран темцлэв.
Бууһин сумн борта билэв,
Бууһад күләмэ зүрктэ билэв.

Заарта зандн бишмүдтэ билэв,
Заһалма күцм борта билэв.

Буйн һанц Луузн Шара
Буйнтахн наһцнран темцлэв.

С небольшими разночтениями текста эта песня включена в сборник песен «Дуулыч, теегм, дуулыч» (Элиста, 1958. С. 231) под названием «Цастин цаһан уул». В сборнике «Төрскн һазрин дуд» (8) приведены всего два куплета песни «Шуна баатр», несколько отличающиеся от предыдущих текстов:

Нарин һөвин зеерд
Нааран хэләһэд цервнә.
Насни баһа Луузн Шуна
Наһцнран темцэд хатрна.

Бууһин сумн күлгтэ билэв,
Бууһад күләм зөргтэ билэ.
Болшго хөвтэ Луузн Шуна
Болзгтаһар наһцнран темцнә.

Во всех вариантах песен варьируется мотив одинокого и смелого Лоузанг-Шуну, направляющегося к родственникам матери. И только в варианте записи Н. Очирова повествуется событие от первого лица. В примечании Н.Н. Пальмова к тексту песен отмечено, что Д. Онкоров сообщил о бытовавшей у калмыков легенде о черкесском происхождении Лоузанг-Шуну. Сам же факт бегства Лоузанг-Шуну из Джунгарии на Волгу подтверждается историческими событиями. Н.Н. Пальмов предполагает, что матерью дочери Аюки Сетер-Джап была его жена Абухана (или Обохана), кабардинка, сестра кабардинского князя Каспулата Муцаловича Черкасского. В подтверждение этого он отмечает, что наиболее

теплый прием Лоузанг-Шуну встречает у нагцанар, родственников матери, в семье Дондук-Омбо, у которого жена Джан тоже была кабардинка (9). К 1712–1715 гг. жена Аюки Абухана, после смерти одного из сыновей, еще при жизни Аюки отпросилась к сородичам по религии и поселилась в Астрахани.

По калмыцкому обычаю, не разрешались браки на племяннице по матери («зе күүкн»), а на тете («наһц эгч») можно было жениться. По этому поводу у калмыков есть поговорка: «Зе күүкән авхла, зел тасрдг, наһц эгчән авхла, насни туршар жирһдг» («У женатого на племяннице – род пресекается, у женатого на тете – жизнь благоприятствует»). Также «зе», племянник или внук по женской линии, материнской, в трудный момент жизни всегда мог найти приют у нагцанар, имел право на некоторую долю имущества (обычай «зе бәрх»). Если по каким-либо причинам эту долю не выделяли, то «зе» мог силой отогнать часть скота («зееһин хөв»). По калмыцкому исчислению родственных отношений дочь Аюки Сетер-Джап и дочь Дондук-Омбо Церен-Балзан – выходцы из одного родственного дома, они считались между собой «эгч-дү» («сестры»). Лоузанг-Шуну женился на сестре матери (двоюродной или троюродной), своей тете («наһц эгч»), что у калмыков разрешалось.

Таковы некоторые исторические факты и мифы о героине калмыцкой песни «Луузнг-Шуну».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеев В.А. Дело Шоно Лоузанга // Общество и государство в Китае. 1983. С. 97.
2. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С. 236.
3. Бантыш-Каменский Н. Дипломатические собрания дел между Россией и Китайским государством с 1619 по 1792 год. Казань, 1982. С.187.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 478.
5. Там же. С. 489.
6. Пальмов Н.Н. Джунгарский Лоузанг Шуну в Калмыцкой степи // Пальмов Н.Н. Этюды по истории при-волжских калмыков. Ч. 1. Астрахань. 1926. С. 201–287.
7. Материалы по устной народной литературе астраханских калмыков. Собраны Н.О. Очировым. 1909–1911 гг. Рукописный материал. Архив СПб. ИВ РАН. Р. П. Оп. № 344. Песни. № 38.
8. Төрскн һазрин дуд / цуглулж, диглж барт белдснь Окна Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1989. Х. 32.
9. Браки между калмыцкими и кабардинскими владельцами заключались и до женитьбы Дондук-Омбо на Джане. Аюка и его отец Пунцук (Мончак) были женаты на сестрах князя Казбулата (Каспулата) Муцаловича Черкасского. Сам К.М. Черкасский был женат на сестре Аюки, дочери Мончака, Делгер // Думанов Х.М. Истоки. Кабардино-калмыцкие связи / Юг России: культурно-исторический феномен. Элиста, 2004. С. 54.

АНТОН ГРИГОРЬЕВИЧ ВЛАДЫКИН (1857 – 1812) И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКА

В середине XVIII в. зародилось отечественное маньчжуроведение, занявшее одно из ведущих мест в мировой науке. Заслуга его создания принадлежит Пекинской духовной миссии (1715–1864 гг.). Всего их было организовано Синодом и Коллегией иностранных дел 14, которые менялись каждые 10 лет. Миссии исполняли дипломатические функции, члены их занимались изучением языка и истории Китая.

С 1727 г. в составе миссии стали посылать учеников духовных заведений, из которых вышли первые русские маньчжуристы Илларион Калинович Россохин, Алексей Леонтьевич Леонтьев, Степан Васильевич Липовцов, Василий Павлович Васильев, Иван Ильич Захаров, Антон Григорьевич Владыкин и др.

Антон Григорьевич Владыкин – один из основателей русского маньчжуроведения, составитель первых маньчжурско-русских словарей и учебных пособий. По происхождению А.Г. Владыкин калмык, крещеный в Астрахани. В 1775 г. он поступил на учебу в духовную семинарию Троице-Сергиевой лавры. Проявил большие способности в познании восточных языков, в особенности китайского. В 1780 г. в составе 7-й духовной миссии под руководством Иакима Шишковского А. Владыкин был направлен в Китай, где прожил свыше 14 лет. Вместе с ним отправились и ученики московской духовной академии Егор Солертовский, Алексей Попов, Иван Филонов. Условия для жизни и работы были трудными: из четырех учеников этой миссии в Россию вернулся один Владыкин, остальные умерли в Китае.

Находясь в составе миссии, А.Г. Владыкин успешно продолжал изучение языков. Его часто приг-

лашали в императорский дворец для переводов официальных корреспонденций, поступавших из России. За свои труды он неоднократно награждался отрезом шелковой материи.

По окончании срока пребывания той или иной миссии в Китае отдельные ее члены обычно еще задерживались на неопределенный срок (до оформления караванов). За это время они должны были обучить языку новых учеников. Так, Владыкин остался переводчиком при приставе 8-й миссии Василии Игумнове. В Россию А.Г. Владыкин вернулся в 1796 г. (по другим данным, в 1794 г.) в чине надворного советника и был назначен переводчиком при Коллегии иностранных дел в Москве.

В 1796 г. он представил в Коллегию рапорт с обстоятельной запиской, к которому был приложен план Пекина, карта Китая, переведенная им на русский язык, прося за это вознаграждение, т.к. находился в материально затруднительном положении.

В 1798 г. Владыкин вновь обратился в Коллегию, но уже с ходатайством о необходимости открыть специальную школу по подготовке переводчиков. Он предлагал набрать несколько человек из числа студентов или писцов, желающих изучить китайский и маньчжурский языки. В мае 1798 г. школа была учреждена. На ее содержание было ассигновано 3000 рублей. Владыкину пришлось лично позаботиться о помещении для школы и первых учениках, которыми стали Тимофей Харитонович, Евраф Дранчев (в августе 1798 г. был принят Михаил Сипаков вместо умершего Дранчева), Александр Денеська, а также о дровах, бумагах, чернилах и других необходимых для занятий вещах. Занятия проходили ежедневно, кроме воскресенья. В школе, кроме языков, также преподавали арифметику и катехизис.

В 1799 г. Владыкин доложил Коллегии об успехах своих учащихся. К этому времени они знали уже до 2000 китайских письменных знаков, переводили с китайского на русский и маньчжурский языки краткие тексты, читали и писали по-маньчжурски. Занятия закончились в 1801 г. Выпускники школы для подкрепления знаний на практике обязаны были некоторое время прослужить переводчиками. Один из них – М. Сипаков – в 1805 г. был в составе 9-й духовной миссии во главе с Н.Я. Бичуриным. В 1802 г. Коллегия иностранных дел, по просьбе руководителя 8-й миссии Софрония Грибовского, предложила Владыкину дать ответ на 10 вопросов, касавшихся миссии. Ответы его приводит Адоратский в истории Пекинской духовной миссии.

В 1805–1806 гг. Русское правительство отправило чрезвычайное посольство в Китай во главе с графом Ю.А. Головкиным, которое сопровождала научная экспедиция под руководством И.О. Потоцкого, куда входили востоковед Ю. Клапрот и др. Главным переводчиком был назначен А.Г. Владыкин, как профессионал и знаток Китая. Однако посольство до Китая не дошло. После месячных переговоров в Урге, из-за отказа соблюдения унизительных церемоний, оно вынуждено было вернуться в Россию. Ю.А. Головкин по возвращении дал А.Г. Владыкину блестящую характеристику.

В 1806 г. А.Г. Владыкин представил в Коллегию иностранных дел хронологическую таблицу по истории Китая и некоторые переводы императорских указов с просьбой опубликовать за казенный счет, но получил отказ. Ему удалось издать только два небольших перевода с маньчжурского языка, большинство же трудов так и остались в рукописях.

Умер А.Г. Владыкин в Петербурге в 1811 г. (по другим источникам в 1819 г.) в возрасте 55 лет.

В 1827 г. вдова Владыкина предложила Академии наук приобрести его рукописи. Сохранилась их оценка, составленная С.В. Липовцовым в 1847 г. Часть материалов А.Г. Владыкина поступила в публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека – РНБ). Директор библиотеки А.Н. Оленин 14 декабря 1828 г. пригласил Н.Я. Бичурину описать фонд на восточных языках. Первая библиографическая работа известного востоковеда «Реестр китайских и маньчжурских книг» содержала ценную информацию о Китае, монгольских ксилографах. Имеются в ней некоторые сведения о рукописных словарях маньчжуриста А.Г. Владыкина.

СПИСОК ТРУДОВ А.Г. ВЛАДЫКИНА:

1. Древняя история мунгальская. История царства мунгальского. История династии Юань. Сведений о местонахождении рукописи нет.
2. Китайский роман под названием Дзинь-Юнь-Циоу. 241 л. Переплет-папка // ОР РНБ. Ф. 542. № 727.
3. Краткий летописец китайских царей. От древних до ныне царствующих, выбранный из достоверных китайских историй Антоном Владыкиным. 1805. 30 л. / Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88, № 7.
4. Маньчжурская азбука в пользу российского юношества, сочиненная Антоном Владыкиным. 1804. 11 л. // Отдел рукописей РНБ.
5. Маньчжурская грамматика. Для российского юношества, сочиненная Антоном Владыкиным. 1804. 22 л. // ОР РНБ.

6. Маньчжурский лексикон, переведенный Антоном Владыкиным. Т. 1. 316 л. // Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88. № 2.
7. Руководство для учащихся по маньчжурскому языку. С приобщением двух кн. первого класса. 1. Сянь-дзы-дзин. 2. Мин-сян-дзы / пер. А. Владыкина. 46 л. // Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88. № 8.
8. Словарь китайский с маньчжурским. 595 л. // Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88. № 7.
9. Словарь маньчжурский с российским. Антон Владыкин. 373 л. // Архив СПб. ИВ РАН, ф. 88 № 1.
10. Словарь маньчжурский с российским. В листах. 359 л. // Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88. № 2.
11. Словарь российский с маньчжурским. 167 л. // Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 88. № 4.
12. Указ китайского богдыхана Юньду-сына в связи с награждением отличившихся вельмож буквою, означающей счастье. 1726. 1 л. // ОР РНБ. Ф. 542. Л. 651.
13. Указ китайского императора по делу главного министра Хошена. 1796. 2 мл. // ОР РНБ. Ф. 542. Лл. 656–656 об.
14. Указы китайских царей древних и новейших, переведенные с китайского и маньчжурского языков Антоном Владыкиным. 1805. 47 л. ОР РНБ. Ф. 88, № 6.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О А.Г. ВЛАДЫКИНЕ

1. О службе при посольстве (Головкина Ю. А.) переводчиков китайского языка коллежского асессора (Антон Владыкина), латинского-коллежского асессора Струве и монгольского-надворного советника Игумнова // Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 37, 1–7. Оп. 6, 1805, № 1/2, п.7,8 л.
2. О поднесении государю императору переводчиком Владыкиным карты Китая, плана Пекина, составленных им словарей, китайско-маньчжурского и русско-китайского, и двух им же переведенных с китайского языка книг: «Летописец китайских царей» и «Собрания указов китайских императоров», и карты Китая, переведенной на русский язык, и о пожаловании за сие Владыкину вознаграждения // АВПР. Ф. 347. II-26. Оп. 71. 1799–1808 гг. № 2, 20 л.
3. О награждении переводчика Владыкина за перевод с монгольского (маньчжурского) языка на русский Монгольской истории // АВПР. Ф. 347. II-26. Оп. 71. 1808–1810 гг. № 6, 14 л.
4. По отношению капитула орденов о надворном советнике Владыкине // АВПР. Ф. 847. IV-33. Оп. 178. 1855 г. Л. 16.
5. О передаче в Академию наук бумаг Владыкина, представленных его вдовой, по второму мужу Зимайловой. 1827 г.
6. Работы студентов – учеников Пекинской миссии – Владыкина, Соллертовского, П. Каменского. В 286 л. 1/2 листах. Архив СПб. ИВ РАН. Ф. 42. № 1/531.
7. Антон Владыкин. Лл. 18–161 / переводы с китайского и маньчжурского разных текстов - указов, выдержек из классических книг, тексты на китайском или маньчжурском языке с переводами на русский.
8. Иван Колосов. Продолжение дипломатических собраний дел между Российским и Китайским государствами. С 1764 по 1796 гг. сочинено из подлинных бумаг Московского главного архива Министерства иностранных дел начальником 2-го отделения коллежским советником и кавалером Иваном Колосовым. 1839. 54–125 л. ОР ГБЛ. № 4262: Архив СПбФ ИВ РАН (ныне – ИВР РАН). Разр. 1. Оп. 1. № 6 / 2.
- 8-й пункт приложения: копия с рапорта маньчжурского и китайского языков ученика Антона Владыкина от 12 ноября 1795 г. и записка от 3 апреля 1796 г. Лл. 116/125/258-263/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О А.Г. ВЛАДЫКИНЕ:

1. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 503 с.
2. Смирнов С. История Троице-Сергиевой лавры. М., 1867.
3. Энциклопедический словарь Плюшара. Т. XI.
4. Энциклопедический словарь. Брокгауз. Т. VIa. СПб., 1892.
5. Новый энциклопедический словарь. Т. 10.
6. Большая энциклопедия. Т. 5. СПб., 1901.

КАЛМЫКИ В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИЙ XVIII ВЕКА

Организация экспедиций по изучению различных районов страны была одной из первоочередных задач Академии наук России того времени. Особенно широко экспедиционная деятельность Российской академии развернулась во второй половине XVIII века. Вначале занимались сбором сведений, касающихся лишь административно-хозяйственных вопросов. Экспедиции 1768–1774 гг. так и назывались – академическими, и еще физическими, и они были очень плодотворными, несмотря на то, что круг исследований расширялся. Их возглавляли такие крупные ученые и путешественники, как П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, И.Г. Георги, которые занимались исследованием природных ресурсов, производительных сил России, собиранием и изучением летописей, описанием быта различных народов, составлением новых карт посещаемых ими местностей. Знакомясь с населением, изучали их языки, составляли словари местных наречий.

Интересна обширная и единая для всех участников программа этих экспедиций, состоявшая из 10 пунктов. Цель ее – исследовать свойства земли и вод, в частности, найти и описать минералы и минеральные воды; выявить болезни людей и скота и применяемые средства их врачевания, методы разведения скота, особенно овец, а также пчел, шелковых червей, изучить способы рыбной и звериной ловли; ознакомиться с прикладным искусством, преданиями, достопримечательностями; обратить внимание на полезные растения, определить географическое расположение мест, а также описать нравы, обычаи, языки народов, живущих в исследуемых районах.

Для экспедиционных исследований XVIII в. был выбран юго-восток Европейской части России и Сибирь. Хотя экспедиция и называлась Оренбургской, охват территорий был гораздо шире: от Сибири вплоть до Монголии и Средней Азии.

Экспедиция 1768–1774 гг. состояла из трех Оренбургских отрядов, которыми руководили П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк, и двух астраханских – во главе с С.Г. Гмелином и И.А. Гильденштедтом. Маршруты их проходили через Поволжье, где проживали калмыки. Поэтому в собранных материалах имеются сведения и о калмыках, их истории, роде занятий, быте, религии, языке.

Первый отряд Оренбургской экспедиции возглавил Петр Симон Паллас, молодой ученый, доктор медицины, приглашенный из Германии в 1768 году на должность профессора естественной истории.

В 1768 г. П.С. Паллас проследовал с экспедицией из Поволжья на Южный Урал. В августе 1769 г. из Яицкого городка П.С. Паллас посетил кочевье калмыков между Уралом и Волгой и оставил подробное описание их быта, нравов, религии, писанного и обычного права, рода занятий, в частности, выделки кожи и т.д. (Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 455–535). В письме из Уфы секретарю Академии И.А. Эйлеру Паллас сожалел о том, что не может приобрести коллекцию из 80 калмыцких предметов ввиду их дороговизны. (Ученая корреспонденция АН XVIII в. М.; Л., 1937. С. 161).

Летом 1773 г. П.С. Паллас из Сибири прибыл в Царицын, совершил поездку в Сарпинские степи, посетил Сарепту. В отчете путешествия он дает описание этой местности и, в частности, речек Соста-шира, Харнут-шира, Гунчу-шира, Усту-шира, Гашун усун шира, Ики усун шира, озер Шорва, Шорвин цаган нур, местностей Яшколь, Улан Заха и др. (Паллас. Путешествия... СПб., 1788. Ч. 3. С. 256–333).

В Царицыне к нему обратился местный немец Иоганн Иериг (Эрих, Яриг), знавший калмыцкий язык и предложивший свои услуги. П.С. Паллас тут же рекомендовал Академии принять Иерига на должность переводчика, а также для изучения тибетских и монгольских рукописей по древней истории монгольских народностей. Из писем П.С. Палласа в Академию видно, что он проявлял неподдельный интерес к истории калмыков. Так, историку И.Э. Фишеру он сообщает о высылке ему материалов по истории калмыков с указанием на желательность перевода буддийского сочинения калмыков «Бодимор», имеющегося у священника ставропольских крещеных калмыков Чубовского. (Ученая корреспонденция... С. 176). В 1774 г. из Царицына Паллас пишет конференц-секретарю Академии И.А. Эйлеру о своей задержке в Поволжье для собирания сведений о калмыках. Но вынужден был вскоре выехать из-за начавшегося восстания под предводительством Е. Пугачева. (Ученая корреспонденция... С. 243–244).

В государственном архиве Астраханской области хранятся письма П.С. Палласа за 1774 г. (Вопросы истории, 1960. № 7. С. 216). В одном из них он обращается с просьбой к астраханской губернской канцелярии снять копии с калмыцких родословных грамот, а также представить в распоряжение экспедиции различные сведения о количестве калмыцких улусов между Волгой и Доном, о численности калмыков, ушедших с Волги в 1771 г., об улусах, расположенных в Яицких степях. В письме от 18 мая

1774 г. он сообщает, что для сбора сведений по истории калмыков оставлен в Калмыцких степях И. Иериг сроком на 3 года. П.С. Паллас охарактеризовал его как лучшего знатока калмыцкого языка. Им же для И. Иерига была оставлена инструкция по сбору материалов. (Ученая корреспонденция... приложение № 10. С. 437). В примечаниях к письму приводятся сведения о том, что И. Иеригом за 1774–1782 гг. представлены в Академию свыше 40 работ. Среди них – переводы калмыцких сказок, описания быта народа и религиозных церемоний. Выдержки из его рапортов напечатаны Академией наук в изданиях «Акта», «Нова Акта». (Экспедиции Академии наук XVIII–XIX вв. М.; Л., 1940. С. 90).

П.С. Паллас, кроме материалов путешествия, написал ряд этнографических работ о монгольских народностях, главной из которых является «Собрание исторических известий о монгольских народах». Т. 1–2, СПб., 1776, 1801 (на немецком языке). Некоторые выдержки ее русского перевода опубликованы в журналах «Санкт-Петербургский вестник», (1778. №. 1), и «Сибирский вестник» (1818. Ч. 1. №№ 1–5).

В 1771 г. к экспедиции П.С. Палласа был причислен капитан Николай Петрович Рычков, сын П.И. Рычкова, автора трудов «История Оренбургской...» (1759), «Топография Оренбургской губернии» (1762) и первых русских изданий, где имелись сведения о калмыках. Н.П. Рычков присоединился к отряду войск, шедших в погоню за калмыками, уходившими в Джунгарию, проехал до Тургая, Троицкой крепости. Описания путешествия Н. Рычкова опубликованы под названием «Журнал или записки капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г.». (СПб., 1772).

В 1793–1794 гг. П.С. Паллас совершил вторую экспедицию в южные районы России, проехав вдоль Волги через Царицын, Сарепту, Астрахань, посетил Калмыцкую степь. Таким образом, сведения о калмыках П.С. Палласом собирались в течение нескольких лет.

Второй отряд экспедиции в Оренбургский край возглавил Иван Иванович Лепехин, молодой русский ученый, получивший медицинское образование за границей. В районе Поволжья и, в частности, в Астраханском крае маршруты И.И. Лепехина и П.С. Палласа совпадали, но проходили они в разное время года. В 1769 г. после посещения Симбирска отряд И.И. Лепехина выехал через Сызрань в Саратов и Царицын, а затем на оз. Эльтон. Вернувшись в Царицын, отправился в Черный Яр, затем в Астрахань, оттуда морем на Гурьев и по р. Урал к Оренбургу. Таким образом, И.И. Лепехин наблюдал кочевья калмыков близ Ставрополя-на-Волге и степных районов Нижней Волги и Урала.

Материалы экспедиции И.И. Лепехина опубликованы под названием «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства». (В 4-х частях. Ч. I, 1768–1769 гг.; Ч. II. Продолжение дневных записок акад. И.И. Лепехина в 1770 г. СПб., 1772; Ч. III, продолжение записок в 1771 г. СПб., 1780; Ч. IV. Путешествие акад. И.И. Лепехина в 1772 г. СПб., 1805).

Эти же материалы были изданы в «Полном собрании ученых путешествий», (СПб., 1821 в тт. III, IV, VI). Информация о калмыках дается в 3 томе. Глава 9 посвящена ставропольским крещеным калмыкам, их занятию скотоводством и хлебопашеством. Подробно описаны пища, традиционные обряды и обычаи сватовства, воспитания детей, рукоделие и ремесла калмыцких женщин и др. В «Продолжении записок путешествия акад. Лепехина» (Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1822. Т. 4.) помещено приложение «О калмыках». В нем приводятся сведения о калмыцком народе, о миропонимании, о таких обрядах, как свадьба, рождение ребенка, похороны и т.д.

Третьим отрядом Оренбургской экспедиции руководил Иоганн Петер Фальк, шведский врач, приглашенный на работу в Петербургскую Академию наук, директор Ботанического сада. В его задачу входило обследование Астраханского и Оренбургского краев, Южного Урала, Западной Сибири. В помощь И.П. Фальку Академия направила молодого ученого Даниила Иоганна Готлиба Георги.

Материалы экспедиции И.П. Фалька после его смерти были обработаны И.Г. Георги и Христофором Барданесом и изданы в 3-х томах.

На русском языке «Записки путешествия академика Фалька» опубликованы в «Полном собрании ученых путешествий» (1824–1825. Т. 6, 7). Среди его архивных материалов имеются копии и переводы официальных документов, относящихся к истории калмыков, в том числе и копия с «Калмыцкого уложения» (Архив АН. Ф. 3. Оп. 35. № 1–20, 33). Эти сведения приводятся в книге «Материалы по истории экспедиций АН в XVIII–XIX вв.». М.; Л., 1940. С. 107.

В «Записках путешествия академика Фалька», кроме исторических и хозяйственно-экономических сведений о калмыках, параллельно даются калмыцко-русские названия растений и топонимические термины. Из таких материалов, например, в главе XII (Полное собрание ученых путешествий, СПб., 1824. Т. 6), приведены названия географические: р. Дон – Тен гол, р. Терек – Тер гол, р. Кизляр – Сулак, Каспийское море – Хулсун тенгис, р. Кума – Кума гол, Теплые ключи – Халун усун аршан. Соленое озеро Боткали около Астрахани называлось Шурукте, развалины Маджар – Маджарин балгасун,

р. Волга – Идель (Ижел гол); из растений – сарацинское пшено (т.е. рис) – тутарга, арбуз – тарвус, огурцы – хая, тыква – хабак, дыня – го, кукуруза – эрдуй шихи. Кстати, И.П. Фальк одним из первых высказал мнение, что на островах Волги так же хорошо родилось бы сарацинское пшено (рис), как в Персии.

По городу Ставрополь приводятся следующие сведения: «Ставрополь (Симбирский уездный город) стоит на левом рукаве Волги. В нем 3 церкви, 232 двора и школа для детей крещеных калмыков. В Ставропольском округе в 1768 г. 8724 русских домов, 13935 душ мужского и 13202 женского пола, а крещеных калмыков было 18729 человек обоего пола». (Полное собрание ученых путешествий. Т. VI. С. 102–103).

Далее приводятся названия: г. Саратов – Шерота (Шарту), Камышин – Шера-камыш, Дубовка – Дубаки, озеро Сарпа – Шорба нур, две речки у Ахтубы – Мухар хасун сала, Ике хасун сала, Царев Луг – хан Вохани балгасун, озеро поблизости Царева луга – Шикерта нур (Сахарное озеро).

Местность около р. Ахтуба до Бузана калмыки называли Мантуха, которая в записях Тулишена упоминается как место его встречи с калмыцким ханом Аюкой в 1714 г. Далее переводятся следующие названия: речка Царица – Хара Сала, г. Царицын – Акиш или Акаш (Агиш или Агаш), колония Сарепта – Ман Хамар, озеро Богдо – Богдын да басун, гора Богдо – Ко Богда, Чернояр – Янкала или Янхала, Енотаевск – Шине балгасун, острова у Енотаевска – Табун арал, Черная гряда – Яссун гатулгун, ст. Самьян – Замьян, остров около Замьяна – Ишке хамур (Козий нос).

Местность между левым рукавом Волги и Ахтубой называлась Воложкой или Митянским полем, а местечко, где астраханские купцы вели с калмыками меновую торговлю на скот и кожу, Калмыцким Базаром. В 1771 г. Калмыцкий Базар превращен в деревню (Полн. собр. учен. путешествий. СПб., 1824. Т. 6. С. 141).

У с. Лебяжьего на правом берегу Волги, где она образует мыс, называемый Коровьим лугом, Фальк обнаружил виноградники и плодовый сад, заложенный в 1753 г. калмыцким ханом Дондук Даши. В 1770 г. ими владела вдова Замьяна (Полн. собр. учен. путешествий. Т. 6. С. 144).

В пятнадцатой главе описаний путешествия И.П. Фальк называет левую сторону Волги, где калмыки кочевали летом, Калмыцкой, а правую ее сторону, куда они переходили зимой, – Куманской. Между Селитряной и Астраханью имела пристань для караванов из Астрахани на Оренбург и для перехода калмыков через Волгу на левый берег. Здесь И.П. Фальк проезжал в 1770 году.

Между р. Малкой и Кубанью Фальк обнаружил теплые ключи – халун усун аршан. Больные горцы и калмыки в них купались. Фальк дважды ездил на ключи, и состояние его здоровья значительно улучшилось.

И.П. Фальк же приводит ряд терминов и названий, относящихся к сельскому хозяйству: пшеница – цаган таран, капуста – хавустын, чеснок – даргель, свекла – лобонг, табак – тамак и др.

Имеется описание станицы Замьян. Станица окружена валом, состоит из 40 дворов, среди них большой деревянный дом, построенный из казны калмыцкому князю Замьяну. По описанию Фалька, в доме проживала вдова Замьяна, женщина умная, честолюбивая, решительная. При ней находились 40 или 50 кибиток подвластных ей калмыков. Ниже Замьяна – стан из 100 кибиток крещеных калмыков, несущих службу с казаками.

В Рын-песках И.П. Фальк обнаружил остатки калмыцкого жертвенника, где он взял тангутские (как тогда называли восточные рукописи на тибетском, монгольском, калмыцком языках) бумаги, чтобы отослать в Академию.

Из собранных участниками экспедиции материалов И.П. Фальк составлял обзорные статьи об исследуемых местностях. Таковы, например, «Известия акад. Фалька о Киргизской и Зюнгорской степи» (Полн. собр. учен. путешествий. СПб., 1825. Т. VII. С. 28–59).

В экспедиции И.П. Фалька был много ему помогавший Христофор Барданес, уроженец Молдавии, сын греческого купца. Учился Барданес в Киеве. Попав в плен к туркам, был продан в рабство. Вместе с хозяином совершил поездку в Европу, где овладел несколькими иностранными языками. Возвратившись в Россию, сдал экзамены на лекаря. В экспедицию И.П. Фалька был принят таксидермистом (Полн. собр. учен. путешествий. СПб., 1825. Т. VII. С. 3–5). Любопытный Х. Барданес совершил две самостоятельные поездки в Джунгарские и Казахские степи под прикрытием войск из Сибири, пытавшихся догнать бежавших с Волги калмыков (Известия АН Каз. ССР. 1981. № 5. С. 36–41). Материалы Х. Барданеса опубликованы как дополнение к материалам экспедиционной работы И.П. Фалька (Полн. собр. учен. путешествий. 1825. Т. VII).

В записках Х. Барданеса имеются материалы по калмыцкой топонимике: гора Гурбан цар – три вола, Калмык толга – калмыцкая голова, речка Зун модон – сто деревьев и др. На правой стороне р.

Или Барданес обнаружил огромный плодоносящий сад ойратского правителя Галдан Церена и монастырь Цаган Сюме со статуей Будды в полный рост. На левом берегу – другой монастырь со статуей Майдари. Все эти святыни были потом разрушены китайцами.

Лексический материал И.П. Фальк использовал при составлении пятиязычного словаря «Сравнительный глоссарий казанско-татарского, киргизского, бухарского и калмыцкого языков» (Известия АН Каз. ССР. 1981. № 5. С. 38. Примеч. 9).

Георги Даниил Иоганн Готлиб (Георги Иван Иванович) родился в 1729 г. в Померании, учился в Швеции, занимался естественной историей. После организации Академией экспедиций, И.И. Георги обратился в Российскую Академию и по ее приглашению прибыл в Россию в 1770 году, после чего был отправлен в Астрахань в помощь И.П. Фальку. И. Георги встретился с ним осенью 1770 г. в Оренбурге. Ввиду болезни И.П. Фалька, Георги в экспедиции работал самостоятельно. В 1771 году, после пребывания в Челябинске, И.И. Георги попросился к П.С. Палласу, который наметил ему самостоятельный путь к Байкалу и Забайкалью. И.И. Георги объехал Сибирь через Иркутск, Томск, Тару, проехал Тобольск, Уфу, башкирские земли и двинулся на Царицын. Отсюда Георги собирался совершить поездку в Астрахань, но из-за начавшейся крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, поспешил выехать с Нижней Волги. В Петербург он вернулся в 1774 году, представил описание путешествия в 2 частях. Позже, в 1796 г., из собственных записок и сочинений других путешественников по России составил книгу на немецком языке. В ее специальных разделах описаны обряды, религия, быт, род занятий народов, населяющих Россию. В том же году она вышла на французском и русском языках. На русском языке труд И.И. Георги называется «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1–3». (СПб., 1776). В 1799 году вышло второе издание труда И. Георги в 4-х частях. В четвертой части, иллюстрированной 21 цветной гравюрой, на которых изображены представители народов России в национальной одежде, в разделе «О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках, россиянах» имеется описание и калмыков. (СПб., 1799. Ч. 4. 312 с.).

В 1785–1787 гг. И. Георги вместе с Барданесом занимался обработкой и подготовкой к изданию описаний путешествия И.П. Фалька. Умер И.И. Георги в 1802 г. в Петербурге.

Один из отрядов Астраханской экспедиции возглавлял Гмелин Самуэль Готлиб, доктор Тюбингенского университета, приглашенный в 1766 г. Академией на должность профессора ботаники сроком на 5 лет.

С.Г. Гмелин, племянник известного путешественника по Сибири Гмелина Иоганна Георга, родился в 1745 г. в Тюбингене. Умер на Кавказе летом 1774 года в плену у горцев, к которым попал во время путешествия.

Путь экспедиции С.Г. Гмелина после Воронежа проходил по маршруту: Цимлянская – Черкасск – Азов – Царицын – Астрахань – Каспийское море.

Одним из условий экспедиций было изучение языка местных народов. Долгое время отряд С.Г. Гмелина, в составе которого были 4 гимназиста Николай Крашенинников, Яков Ключарев, Иван Михайлов, Андреян Соколов, находился в Астраханском крае. По окончании работы Андреяном Соколовым был составлен калмыцкий словарь, подготовленный к изданию на немецком языке. Словарь находится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в отделе рукописных и редких книг. (Шифр: Эрм. нем. 57). В ней 77 листов, каждый из которых разграфлен на 6 столбцов. Из них заполнены 1, 2, 5, 6. В первом даны слова на немецком языке, во 2-м – на русском, в 5-м – транскрипция калмыцких слов на русском алфавите, в 6-м – транскрипция калмыцких слов на латинском алфавите. Сюда включены названия растений, насекомых, предметов и т.д. Например: пчела – зог, осока – шуура, народ – тангачи, роза – нохойн хошун, переводчик – толмач, толкователь – колбюрячи и др. На каждой странице 14 реестровых слов, расположенных в алфавитном порядке, а всего их – свыше 2000. Калмыцкие варианты слов даны не во всех случаях. Транскрипция же их – только в начале словаря, на первых 15 листах. Переводы некоторых калмыцких слов переданы в форме предложений. Например: зябну – даарчи байне би, одеваюсь – хупцилджи байне би, молчу – анир уга байне би и т.д. Фотокопия данного словаря хранится в фонде библиотеки Калмыцкого государственного университета.

Второй отряд экспедиции в Астраханский край возглавил Гильденштедт Иоганн-Антон, доктор медицины. Он родился в 1745 году в Риге, учился во Франкфурте-на-Одере. В 1767 году получил место профессора по естественной истории в Российской Академии наук. В Россию приехал в 1768 году и в этом же году выехал в экспедицию. Маршрут его до Воронежа совпадал с путем следования С.Г. Гмелина, а после пролегал на Царицын – Астрахань – Кизляр по Тереку через Калмыцкую степь. Им описана Кумо-Манычская впадина, к отчетам прилагались карты Кавказского края, Каспийского моря.

Труды экспедиции А. Гильденштедта изданы после его смерти П.С. Палласом на немецком языке

в 1784–1791 годах. В 1815 г. Ю. Клапротом выпущено второе издание в Берлине. На русском же языке было опубликовано только несколько статей из экспедиционных записок А. Гильденштедта.

Каждой экспедицией накапливалось определенное количество словарного материала калмыцкого языка. Поскольку все они действовали по единой программе, то запись, количество и порядок слов почти одинаковы. Тем не менее, П.С. Палласом были составлены «Сравнительные словари всех языков и наречий в 2-х частях», И.П. Фальком – пятиязычный словарь. В издании «Самые ранние западноевропейские источники по истории калмыцкого языка (от Витзена 1682 до Цвика 1827)» (Висбаден, 1965 г.) имеются образцы записей слов и словарей экспедиций 1768–1774 гг. Так, в материалах путешествий П.С. Палласа зафиксировано 360 калмыцких слов, в его работе «Собрание сведений о монгольских народах» – 354 слова, в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» – около 300 слов. В материалах путешествия И.П. Фалька – 574 слова, кроме его пятиязычного словаря. Из приведенных примеров мы видим, что у членов экспедиций был интерес к языкам народов России, и ими накапливался значительный материал для сопоставления и составления многоязычных словарей, которые становятся в ту пору одним из важных направлений лексикографической работы по изучению языков народов России.

Таким образом, благодаря всесторонним экспедиционным изысканиям, проводимыми Российской Академией Наук, было собрано немало ценных сведений о народах, населяющих Россию, в том числе и о калмыках, были заложены основы для последующего, более глубокого изучения их истории и быта. Материалы тех экспедиций не утратили своего научного значения и в настоящее время. Они отражают в комплексе пройденный народами исторический путь, помогают глубже понять пути их развития на современном этапе.

ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ*

В развитие отечественного и европейского востоковедения заметный вклад внесли поселенцы Сарепты, основанной во второй половине XVIII века вблизи Царицына. Возникновение ее связано с манифестом Екатерины II от 22 июня 1763 г., разрешавшим заселение земель Астраханской губернии от Саратова вверх и вниз по Волге. Первым этим правом воспользовался сам губернатор Н.А. Бекетов, переселивший часть своих крестьян из Саратовской губернии. Так, на землях, где кочевали калмыки, появились села Бекетовка и Отрада, вслед за ними несколько колоний выходцев из Богемии.

В 1765 г. 50 членов евангелического братства прибыли на Волгу. На правом ее берегу, ниже Царицына (ныне – Волгоград) у Ергенинских высот, при слиянии реки Сарпа (Шорв хол) с Волгой им отвели место для поселения. Колония получила название Сарепта (ныне – г. Волгоград, Красноармейский район). Калмыки эту местность называли Ман Хамар, а колонию называли Саксун балгасун от слова «Саксония» (Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 135).

Новым поселенцам отвели в общественное пользование 5870 десятин лучшей земли, на 30 лет освободили от всех налогов, повинностей и рекрутского набора. Одновременно они получили права на самоуправление и суд, свободную торговлю, беспошлинное винокурение, свободный выезд за границу.

Население Сарепты быстро росло. Поселенцы обживались прочно: открыли ткацкие, швейные, вязальные мастерские, торговые предприятия. Строили каменные дома, обзаводились хозяйством, сажали сады, огороды. От набегов соседних кочевников колония для безопасности была обнесена валом, глубоким рвом. Здесь был расположен гарнизон. Одними из первых в России стали сеять горчицу и производить горчичное масло.

Исследователь Саратовского края П.К. Любомиров в статье «История народного образования в Саратовской губернии» пишет, что в 1772–1773 гг. в Сарепте были школы для мальчиков и девочек.

У Ергенинских холмов, в километрах 9–10 от Сарепты, местный врач Иван Виф открыл источник минеральной воды, которую местные жители употребляли для питья и ванн. Целительные свойства сарпинских (т.е. ергенинских) водных источников в конце XVIII века получили широкую известность. Сарепта стала модным курортом того времени и пользовалась популярностью еще до открытия Кавказских минеральных вод. Сарпинскими минеральными водами лечили болезни печени и желудочно-кишечного тракта (Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. М.: Наука, 1969. С. 152). Приезжавшие

* Элистинские новости. 1990. 17 марта. № 11. С. 8–9.

на воды везли все необходимое с собой, а лошадей покупали у калмыков. Жили в калмыцких кибитках. При источнике проводилось и грязелечение: «Грязью сею обмазывают все части тела и находят, что она крепит, чистит и смягчит кожу...» (Водолагин М.А. Там же). Через определенное время грязь смывали. Местные калмыки тоже пользовались лечебными свойствами грязей. В медицинской литературе такой метод получил название «калмыцкий метод грязелечения» (Инф. д-ра мед. наук У.А. Алексеева, 1978 г., г. Уфа).

Недалеко от Сарепты, на речке Червленной, крещеные калмыки основали одноименное село. Многие из них занимались земледелием, хотя земли явно не доставало: правительство выделило им всего 450 десятин, вместо восьми тысяч, о которых они ходатайствовали (Краснов А.Н. Геоботанические исследования в Калмыцких степях. СПб., 1886. С. 27; Лугарев П. Материалы по истории калмыков. Казань, 1910. С. 5). Соседство крещеных калмыков с немецкими поселенцами вызвало, по-видимому, у последних стремление попробовать свои силы в миссионерской деятельности среди кочевников. С 1768 г., после основания Сарепты, по 1796 г. евангелическое братство занялось миссией среди калмыков, но особого успеха не имело (Лугарев П. Там же. С. 2). Зато постепенно накапливались различного рода сведения о калмыцком народе.

Поселенцы вели с калмыками торговые дела: сбывали предметы своего ремесла, а у них покупали сырье. Бедные калмыки, не имевшие собственного хозяйства, нанимались к поселенцам на работу (Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки, 1846. Статья 1-я. С. 66).

В 1768 г. братство поручило двум членам Сарептского общества, Бергману (не В. Бергман) и Цвику, всесторонне изучить быт калмыков, их язык, религию и обычаи. 29 мая 1768 г. они в сопровождении зайсанга Тохмута, бывавшего в Сарепте, отправились в Калмыцкую степь и провели там несколько лет.

В 1813 г. было создано Российское библейское общество с целью распространения христианства среди народов, населяющих Россию. Первыми из народов-инородцев, как тогда называли представителей национальных меньшинств, на кого обратили внимание миссионеры, были калмыки. Начались работы над переводами Евангелия и другой христианской литературы на калмыцкий язык. Для печатания же требовались типографские литеры на старокалмыцкой письменности, которые были отлиты при содействии библейского общества. В 1815 г. в типографии Академии наук отпечатали первые книги на калмыцком языке и стали распространять их среди степняков (Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. См.: Труды 3-го Международного съезда ориенталистов в 1876 г. СПб., 1879–1880. С. 99–256). Книги отправлялись в степь для распространения среди калмыков. Так, в 1815 г. три члена библейского общества отправились к владельцу Хошеутовского улуса князю Тюменю с рекомендательным письмом. Они просили оказать поддержку миссии и пробыли там до 1821 г. В 1827 г. в Лейпциге на немецком языке вышло описание путешествия Г. Цвика в Сарепту, к астраханским калмыкам, совершенное им в мае-августе 1823 г. (Цвик Г.А. Путешествие из Сарепты к калмыкам Астраханской степи в мае-августе 1823 г. Лейпциг. 1827.). Цвик также издал грамматику калмыцкого языка и словарь.

Кроме В. Бергмана и Г. Цвика, в отечественном востоковедении известны имена ученых – жителей Сарепты – Якоба Шмидта, Иоганна Иерига.

Шмидт Яков Исаак (Яков Иванович) родился в 1779 г. в Амстердаме, где получил начальное образование. В сентябре 1798 года прибыл в Сарепту в составе 6 представителей церковной общины евангелического братства, работал в торговой конторе. По делам службы в Калмыцкой степи провел около 3 лет, изучил калмыцкий язык, ознакомился с устным народным творчеством, бытом и обычаями калмыков, поддерживал тесные контакты со знатоками монгольского и тибетского языков.

В 1811 г. Шмидт поселился в Москве, но с началом Отечественной войны 1812 г. переехал в Петербург. Работая бухгалтером библейского общества в столице, он не оставил своих занятий по изучению восточных языков. Библейское общество поручало ему переводы Евангелий на калмыцкий язык (Евангелия от Иоанна и Матфея, деяния апостолов), составление небольших текстов религиозного содержания. Переведенные и отпечатанные книги отправлялись обществом в Калмыцкую степь. Как знаток восточных языков его пригласили на работу в Академию наук, где он занялся переводом тибетских текстов и составлением словаря тибетского языка. В 1822 г. в письме одному из редакторов «Азиатского журнала» в Париже Я. Шмидт сообщает о своем переводе «Истории монголов» Санан-Сэцэна и о своем намерении составить грамматику монгольского и ёлётского языков (Сибирский вестник, 1823. Кн. 15–16. С. 101–106).

В 1828 г. Сенатом проводилась ревизия Астраханской губернии, проверка состояния управления калмыцким народом. Сенатор Энгель, руководитель комиссии, в ходе работы отметил, что нет хороших

переводчиков с калмыцкого. Позже в своем донесении Сенату он указал на этот факт. В том же году в Петербурге при школе медицинского ведомства Я.И. Шмидт открыл класс калмыцкого языка по подготовке переводчиков на 10 человек и сам преподавал в течение 8 лет. Ученики набирались из ближайших приказов, учились не более 4 лет, а по окончании должны были прослужить переводчиками не менее 6 лет (Полное собрание законов. Т. X. № 2353).

Научная деятельность Я.И. Шмидта была исключительно плодотворной. В 1831 г. вышла в свет его «Грамматика монгольского языка» на немецком языке, а в следующем году – на русском. В 1835 г. был издан «Монголо-немецко-русский словарь». Им переведены на немецкий язык многие монгольские литературные памятники: «История восточных монголов», «Подвиги Гэсэр-хана», «Улигерин дала», а на русский – исторические летописи Санан-Сэцэна. В 1826 г. адъюнкт Я.И. Шмидт избран членом-корреспондентом Академии наук, затем удостоился звания академика. Умер ученый в 1847 г. в Петербурге.

В фонде Архива РАН (Ф. 785) хранятся работы Я.И. Шмидта: Грамматика монгольского языка (СПб., 1831); Тибетско-русский словарь (СПб., 1841); Монголо-немецко-русский словарь (СПб., 1835); его отзывы о научных трудах Н.Я. Бичурина «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» (СПб., 1834), о «Грамматике калмыцкого языка» А.В. Попова (Казань, 1847); работе Бертольда, Юльга по калмыцкому языку; инструкция по сбору сведений по истории, литературе и языкам Востока для членов Пекинской духовной миссии; записка об учреждении особого класса для обучения калмыцкому языку при училище восточных языков Министерства иностранных дел; словари монгольского и ойратского языков.

Другой выходец из немецкой колонии на Волге – Иоганн Иериг – также известен как знаток калмыцкого языка, собиратель восточных рукописей. Во время исследований Астраханской губернии в 1773 г. с ним познакомился в Царицыне путешественник П.С. Паллас. По рекомендации известного ученого Академия приняла Иерига на должность переводчика сроком на 3 года с окладом 100 рублей в год и прикрепила его к группе Палласа. По окончании экспедиции Академия рекомендовала Иоганна Иерига в Калмыцкую степь для изучения языка, сбора и перевода калмыцких рукописей, обязав изучить также тангутский язык.

Известный советский востоковед Л.С. Пучковский отмечает особые заслуги русских путешественников XVIII века в сборе монгольских рукописей для Академии наук. Особенно значительна на этом поприще деятельность И. Иерига.

Интерес Академии к изучению тибетского языка был вызван находкой тибетских рукописей в монастыре Аблаинкинг в Сибири, образцы которых доставили в Петербург в 1722 г. во время путешествия капитана Унковского к джунгарским калмыкам. Библиотекарь Российской Академии представил в Парижскую академию один из листов этой рукописи для научного определения и перевода.

Сохранилась переписка И. Иерига с Академией (Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. 1766–1782. М.-Л., 1937). В марте 1775 г. конференц-секретарь Академии Эйлер сообщает Иеригу в Енотаевск о том, что получены четыре его доклада, и что ему разрешено оставаться в Поволжье до окончания исследований. В этом же году в письме к П.С. Палласу Иериг писал о некоторых трудностях в работе, о своих исследовательских отчетах Академии. Кроме сведений о калмыках, рукописей, Иериг собирал и отсылал образцы трав степного края. Так, в одном из отчетов в 1778 г. он сообщал об употреблении калмыками растительного лекарства от ревматических болезней. Трава по-русски называлась «степная малина», а по-калмыцки «зергена».

Сотрудничество Палласа с Иеригом было плодотворным. Данные Иерига о калмыках Паллас использовал в своем «Сборнике исторических сведений о монгольских народах». (СПб., 1776).

После Калмыцкой степи Академия командировала Иерига в Сибирь для изучения восточных языков и сбора рукописей. В одном из писем из Бурятии в 1781 г. он извещал о посылке в Академию своих заметок смешанного характера и о находке некоторых монгольских рукописей. Умер И. Иериг в 1795 г.

В работе академика С.А. Козина по описанию архива Азиатского музея перечислены работы И. Иерига по тибетскому, ёлётскому, калмыцкому языкам, «Эрденин шастир» и др. (Библиография Востока. Л., 1934. Вып. 5–6. С. 56–66).

Материалы И. Иерига находятся в архиве СПб Института востоковедения РАН СССР (ныне – Архив СПб ИВ РАН) (Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М.: Наука, 1974. С. 81. Ф. 21).

Через 30 лет после путешествия П.С. Палласа, в начале XIX века в Калмыцкой степи побывал Вениамин Бергман, уроженец Лифляндии (ныне – Латвия). Учился в Лейпцигском и Йенском университетах, был домашним учителем в Риге и Москве. В 1802 г. на средства Академии наук он предпринял

поездку к калмыкам, проживавшим на Волге. В феврале прибыл в Сарепту, а в апреле выехал в Калмыцкую степь, где за 2 года собрал большой материал по истории, языку, быту и религии калмыков. Описание своего путешествия В. Бергман издал в Риге на немецком языке (Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годы. Рига, 1804–1805. Т. 1–4). Отрывки его были переведены на французский и русский языки и опубликованы в Азиатском вестнике (1826. Кн. 3) и в «Вестнике Европы» под названием «Любопытные известия о калмыках» (Вестник Европы. М., 1805. Ч. 24. С. 264–283).

В описании его путешествия содержатся ценные этнографические сведения. В. Бергман первым записал отрывки из героического эпоса «Джангар» и одну из легенд о джангарчи. Кроме этого, он опубликовал несколько статей. Первые сведения о монгольском языке и мифологии (т.е. калмыцкому языку и мифологии калмыков) В. Бергман получил от сарептского жителя Конратия Нейца. Воейков в «Описании калмыцкого народа» (Сын Отечества, 1822, 75 № 5–7) и монголовед О. Ковалевский в «Буддийской космологии» (Ученые записки Казанского университета. 1835. Кн. 2, 4; 1837. Кн. 1), отмечают, что записи Бергмана более достоверны, нежели записи о калмыках Иоганна Иерига и объясняют это тем, что В. Бергман провел среди калмыков более продолжительное время и лучше знал калмыцкий язык, чем все его предшественники, посетившие Калмыцкую степь.

В. Бергманом был осуществлен перевод с калмыцкого языка религиозного сочинения «Йиртмжин толи» («Зеркало Вселенной»), также он является автором некоторых заметок о тибетско-монгольской религии.

Сарепта – поселение с традиционно установившимися правилами и своеобразной культурой – интересовала многих, кто бывал в этих местах и позже, в конце XIX – начале XX века. Именно в Сарепте, наиболее благоустроенном населенном пункте, через который пролегали водный и железнодорожный пути, останавливались исследователи. В 1904 году местом своего пребывания выбрали Сарепту два известных востоковеда Г.И. Рамstedт и А.Д. Руднев. Они выезжали в калмыцкие улусы, иногда сами калмыки приезжали к ним в Сарепту.

А.Д. Руднев в своем отчете о поездке в Калмыцкую степь летом 1904 г. писал, что жил в Сарепте и работал вместе с Рамstedтом. Он занимался исследованиями языка местных калмыков, записывал тексты и отдельные выражения, стараясь, как это только возможно, точнее отмечать фонетические особенности. Спорные вопросы и свои наблюдения обсуждал с Рамstedтом, вместе выявляли новых информантов, сличали и уточняли уже полученные данные (А.Д. Руднев. Отчет о поездке в Калмыцкие степи летом 1904 г.). В качестве образцов он приводит записанные им сказки, десяток песен, отчасти с напевами, а также танцевальные мелодии. Сарептский аптекарь Кристоф передал А.Д. Рудневу тибетские лекарства, принимаемые калмыками, и список медицинских терминов на латинском языке с переводом на калмыцкий (А.Д. Руднев. Там же).

Результаты поездки Г.И. Рамstedта и А.Д. Руднева в Калмыцкую степь отражены в их трудах «Калмыцкие песни», «Торгутские песни», «Калмыцкие сказки», «Калмыцко-немецкий словарь», опубликованных в разное время, а также в «Мелодии монгольских племен» по говорам монгольских народов.

О САРЕПТЕ, САРЕПТЯНАХ, КАЛМЫКАХ*

Во второй половине XVIII века в Поволжье при слиянии реки Сарпа с Волгой возникло новое поселение с названием Сарепта. Основали его немцы-колонисты, члены евангелического общества гернгутеров из Богемии.

Сарепта возникла на землях кочевьев калмыков, которые они называли Ман Хамар. Новым поселенцам на очень выгодных условиях было отведено около шести тысяч десятин лучших земель. Они на 30 лет освобождались от всех видов налогов, повинностей, рекрутского набора, а также получили права на самоуправление и суда, торговлю и свободный выезд за границу. При таких условиях жизни число жителей Сарепты заметно возрастало: к ним прибывали другие поселенцы. Успешно развивалась экономика. Стали открываться ткацкие, швейные, вязальные мастерские, различные торговые предприятия. По заданию Вольного экономического общества России здесь первыми стали сеять горчицу и производить горчичное масло (хардалин тосн). Этот вид хозяйствования до сих пор является специфичным для Волгоградской области, одного из основных поставщиков горчичного масла и горчичников.

При таком интенсивном ведении хозяйства появилась необходимость в рынках сбыта продуктов

* Элистинские новости. 2003. 17 марта С. 8–9.

и предметов домашнего обихода. Поселенцы стали налаживать контакты со своими соседями, калмыками-кочевниками. Они торговали в калмыцких улусах и покупали у них сырье. Бедные калмыки нанимались к сарептянам на работу и селились со своим нехитрым скарбом поблизости. Тесное общение между народами требовало знания языка. Многие немцы изучили тогда калмыцкий язык. Не исключено, что и некоторые калмыки могли изъясняться на их языке.

Близ Сарепты выросло Червленое, единственное поселение крещеных калмыков-земледельцев в XIX веке. В то время основная масса калмыков все еще вела кочевой образ жизни и занималась скотоводством.

Обжившись на новом месте, жители Сарепты стали использовать и здешние природные ресурсы. В лечебных целях они применяли минеральные воды и грязи Ергенинских холмов. Лечебные свойства трав и местных минеральных источников были известны и калмыкам, которые лечили ими различные заболевания. Примитивный метод лечения грязями в виде «аппликаций», например, неслучайно в медицине носит название «калмыцкий метод грязелечения». Новая лечебница в то время пользовалась большой популярностью у жителей Царицына и его окрестностей. Приезжавшие на лечение жили в кибитках. Для передвижения же покупали лошадей у калмыков, которых нанимали в качестве прислуги. До открытия знаменитых кавказских минеральных источников ергенинские воды и грязи были очень популярны. Врачи из Сарепты проявляли большой интерес к народным методам лечения у калмыков. В аптеках Сарепты имелись образцы лекарственных трав, которыми лечились калмыки.

Члены евангелического общества искали новых поклонников своей религии среди соседей. Двум членам Сарептского евангелического общества было поручено отправиться в степь к калмыкам для изучения их быта, нравов, языка, и чтобы иметь большие возможности для распространения учения братства, так же, как православные, миссионеры хотели среди буддистов-калмыков найти поклонников своей веры. И их усилия не прошли даром. Так, в материалах Всероссийской переписи 1897 года среди калмыков встречаются буддисты, православные, католики, магометане, лютеране.

Первая миссия братства из Сарепты в Калмыцкие степи отправилась в 1768 году. Два члена братства Бергман и Цвик отправились в Калмыцкую степь в сопровождении зайсанга по имени Тохмут. Они провели среди калмыков несколько лет, кочевали вместе с ними. Были в степях у калмыков и другие члены общества. По публикации Цвика видно, что он побывал у калмыков не один раз.

В 1827 году Генрих Август Цвик в Лейпциге издал книгу на немецком языке «Путешествие из Сарепты к калмыкам Астраханских степей в мае-августе 1822 г». Он же издал еще две работы на немецком языке по калмыцкому языку: грамматику и словарь.

Немаловажную роль в истории изучения калмыков сыграли и другие сарептяне. Во время академических экспедиций по изучению России в конце XVIII века в Нижнем Поволжье и в Астраханских степях поочередно в разное время года, по разным маршрутам побывали отряды экспедиций П.С. Палласа, И. Георги, И. Фалька и др. В собирании калмыцких рукописей оказывали большую помощь жители Сарепты Иоганн Иериг, Шмидт Якоб Исаак (Яков Иванович).

В 1802 году на средства Академии наук России через Сарепту совершил путешествие к калмыкам Вениамин Бергман. В его изложении «Легенда о джангарчи» выглядит так: «Было это еще во времена правления хана Убаши. Во владении нойона Цебек Доржи долго и тяжело болел один бедный калмык. Однажды впал он в летаргический сон. Родственники подумали, что он умер. По старым обычаям оставили тело на том месте, а сами собрали свои кибитки и перекочевали на новое. Больной же, пролежав три дня и три ночи, очнулся от укуса бродячей собаки, которая хотела пожить мертвечиной». Когда «воскресший» явился к родственникам, те от страха испытали ужас. Ведь они стали свидетелями явления «возврата из подземного царства». А «воскресший» кочевник вернулся к своим обычным делам.

Однажды у него в кибитке остановился гелюнг. На ночь гость попросил рассказать хозяина какую-нибудь историю или легенду. Не успел гелюнг высказать свою просьбу, как он начал удивительную песню. Все вокруг заслушалось и стали расспрашивать, что же он такое распевал. Слушатели восторжались удивительными подвигами героя, богатством и красотой слога песен. Молва об искусном исполнителе дошла до самого хана Убуши. Хан затребовал певца в свою ставку, попросил рассказать, как и где он выучил такие необыкновенные песни.

И тогда певец начал свой рассказ: «Когда посыльный Эрлик-номин хана предоставил мою душу владыке подземного царства, тот закричал: «Зачем ты привел его душу, ему еще рано сюда попадать». А перед тронем Эрлик-номин хана диковинные существа играли на разнообразных инструментах и пели очень красивые песни. И Эрлик-номин хан распорядился: «За страх, испытанный тобой, за то, что по ошибке был доставлен в подземное царство мертвых, разрешается тебе выбрать

любую понравившуюся песню, чтобы мог донести ее жителям земного царства. Но до тех пор, пока тебя не попросит гелюнг, ты должен молчать и никому не рассказывать об увиденном. После этих слов рот мой был запечатан тамгой (печатью). Пришло время и табу молчания с меня снимается, поскольку выполнил просьбу гостя-гелюнга и исполнил песню о подвигах Джангара, услышанную в подземном царстве».

В. Бергман отмечает, что в ставке хана жили еще два джангарчи, знавшие, кто десять, кто двадцать песен. Если это сообщение достоверно, то вполне возможно, что хан Убуши при бегстве с Волги мог увести их с собой.

В Сарепте работали многие ученые исследователи Калмыцких степей. В конце XIX столетия не миновал Сарепту и геоботаник А.Н. Краснов, автор книги «Геоботанические исследования в Калмыцких степях в 1884–1885 гг.». Здесь, возможно, побывал и геолог И.В. Мушкетов.

В 1903 году ученые-востоковеды Г.И. Рамstedт и А.Д. Руднев выбрали Сарепту исходным местом своих экспедиций к калмыкам. Из Сарепты они выезжали в степь или же приглашали сюда информаторов, знатоков калмыцкого языка и фольклора, представителей тогдашней калмыцкой интеллигенции, студентов столичных высших учебных заведений: Л. Нормаева, Н. Очирова, С. Баянова, Э. Даваева и др.

Таким образом, Сарепта сыграла немаловажную роль в изучении истории калмыков иностранными и русскими учеными, начиная с конца XVIII в. до начала XX века.

ИОГАНН ИЕРИГ И КАЛМЫКОВЕДЕНИЕ

Соседство немецкой колонии Сарепта с калмыцкими кочевьями оказало благотворное влияние для обеих сторон. Представители восточных народов, доселе незнакомые выходцам из Европы, вызвали огромный интерес своеобразным кочевым укладом жизни, самобытной религией. Члены Библейского общества стремились привлечь в свою веру новых соседей. С проповеднической целью некоторые из них уходили в кочевье, изучали язык, нравы и быт калмыков.

Приход немцев-колонистов на Волгу во второй половине XVIII в. совпал со временем организации Академией наук экспедиций для изучения различных районов страны и народов, населяющих Россию. Для участников экспедиций была составлена специальная программа, единая для всех 5 отрядов экспедиций, во главе которых были П.С. Паллас (1741–1811), И.И. Лепехин (1740–1802), И.П. Фальк (1727–1774), С.Г. Гмелин (1745–774), И.А. Гильденштедт (1745–1780).

Сарепта привлекала к себе внимание иностранных путешественников. Здесь жили их соотечественники, с которыми можно было общаться на родном языке, здесь они находили приют, могли поправить здоровье на местных водах. Здесь же обретали добровольных помощников из числа сарептских немцев, знакомых с бытом и языком кочевников-калмыков.

Одним из них и стал Иоганн Иериг, человек любознательный, проявляющий интерес к исследованиям. В 1772 г. И. Иериг встречался с С.Г. Гmeliном, проезжавшим на Кавказ через Поволжье, и передал ему интересные заметки о религии и быте калмыцкого народа.

А осенью 1773 г. И. Иериг предложил П.С. Палласу свои услуги в собирании исторических сведений о калмыцком народе. П.С. Паллас незамедлительно написал в Академию рекомендательное письмо, где он блестяще охарактеризовал И. Иерига как наиболее подходящего, подготовленного человека, заинтересованного в своих занятиях по сбору материалов и добровольно изучившего язык и грамоту кочевников-калмыков.

Письмо П.С. Палласа от 24 сентября 1773 г., адресованное секретарю Петербургской Академии Иоганну Альбрехту Эйлеру, было рассмотрено на заседании Конференции. В результате обсуждений И. Иерига зачислили переводчиком восточных рукописей, хранившихся в библиотеке Академии наук, и установили ему вознаграждение – 100 рублей в год.

После зачисления И. Иерига в штат Академии наук П.С. Паллас составил для него специальную программу, которой он должен был придерживаться, собирая сведения у калмыков, вместе с которыми вел кочевнический образ жизни, переходя зимой на жительство в Енотаевск, в Астрахань.

И. Иериг вел переписку с Академией, где он подробно сообщал о проделанной работе, о своих успехах в области изучения быта, языка калмыков, проживающих в Поволжье. Переписка ученых, путешественников с Академией наук, в т.ч. и И. Иерига сохранилась в Архиве Академии наук, которые изданы в 2 томах под названием «Ученая корреспонденция АН XVIII века». Корреспонденция И. Иерига, адресо-

ванная секретарю И.А. Эйлеру и непосредственному куратору П.С. Палласу, написана на немецком языке, аннотации даны на русском.

В 1775 г. И.А. Эйлер сообщает в Астрахань И. Иеригу о полученных 4 его докладах и о разрешении оставаться ему в Поволжье до окончания работы. В октябре 1775 г. Иериг пишет П.С. Палласу о выполненных работах по его программе и сообщает о переходе на зимнюю стоянку.

Работая вдали, Иериг нерегулярно и несвоевременно получал от Академии обещанное денежное вознаграждение за свой труд, но, тем не менее, все отчеты отправлял вовремя. Он не имел на руках официального документа, подтверждающего задачи его деятельности, что затрудняло его пребывание среди кочевников. Обо всем этом И. Иериг жалуется в письме Эйлеру из Енотаевска в январе 1777 г. После чего переписка обрывается. Лишь в декабре 1778 г. Иериг сообщает в Академию о высланных им образцах растений. На этом известия от И. Иерига из калмыцких степей вновь прерываются.

Сообщения И. Иерига о калмыках представляли большой научный интерес. Поэтому некоторые из них с 1779 г. стали публиковаться в изданиях АН: о цвете лица калмыков, о средствах лечения ими кожных болезней, о кровопускании, о лекарственных растениях и т.д. Более подробные изложения отчетов И. Иерига о калмыках появились в серии «Русская библиотека».

По окончании трехлетнего срока контракта П.С. Паллас предложил Академии использовать опыт И. Иерига для сбора рукописей среди бурят в Сибири. Уже следующее сообщение с приложенными к нему несколькими монгольскими рукописями от Иерига поступило в марте 1781 г. из района Гусино озеро, а в октябре того же года – о сборе растений и разных семян.

В марте 1785 г. И. Иериг посылает П.С. Палласу начало исторического сочинения о сибирских народах.

Из Сибири И. Иериг несколько раз обращается в Академию с просьбой отозвать его. И вот, в ноябре 1785 г. И. Иериг из местности Кулун Нор с монгольской границы благодарит секретаря И.А. Эйлера за известие об отзыве в Петербург, пишет, что он намерен выехать с установлением зимней дороги, что к этому времени он успеет подготовить двух учеников и привести в порядок ботанические коллекции из Восточного Забайкалья, а также свои монгольские записи.

В начале 1788 г. И. Иериг все еще находился в Восточной Сибири. В феврале 1788 г. он обращается к Эйлеру из Иркутска с просьбой об оказании материальной помощи на проезд до Петербурга и провоза нескольких ящиков с книгами и минералами. По пути из Иркутска он остановился на две недели в Кунгуре из-за болезни Самюэля Шиффера и трудностей переезда.

В ноябре 1788 г. благополучно добрался до Москвы, затем в Петербург. Прибыв в Петербург, И. Иериг отчитался, систематизировал собранные материалы и в начале 1790 г. снова отправился в Сибирь, на этот раз с женой Софьей.

В Кяхте И. Иериг продолжил занятия тибетским языком, сбором сведений о монгольских народах. В октябре 1793 г. он отправил в Академию свой труд по тибетскому языку и благодарность за пенсию, которую ему привез Т.И. Ловиц, а в декабре посылает свое историческое исследование о древней монгольской письменности.

Одна из работ И. Иерига о религиозных воззрениях и обычаях монголов, по распоряжению директора Петербургской Академии Е.Р. Дашковой, была передана на рецензию пастору лютеранской церкви в Петербурге, которую тот возвратил в январе 1799 г. После имя И. Иерига не упоминается. Таким образом, И. Иериг находился на службе в Академии наук с 1773 г. до конца 1800 г., в течение почти 30 лет. Собранные И. Иеригом материалы хранятся в фондах Азиатского музея (ныне отделение Института востоковедения РАН в Санкт-Петербурге).

П.С. Паллас в 1776 г. издал книгу на немецком языке «Собрание исторических известий о монгольских народах» в 2-х частях. Немалая заслуга в выходе этого труда в свет принадлежит И. Иеригу.

Научное наследие И. Иерига по истории монголов XVIII века находится в рукописях в архивах, слабо изучено, мало доступно широкому кругу исследователей. Академик С.А. Козин в 1934 г. опубликовал обзор «Азиатский архив при Институте востоковедения АН СССР». Материалы классифицированы им на 5 разделов: Старый фонд, Новый фонд, Фонд особого хранения и пользования, Необработанный фонд, Делопроизводство Архива Института востоковедения, бывшего «Азиатского Музея».

Интересующие нас материалы по И. Иеригу сосредоточены в «Старом фонде», охватывающем 1640–1840 гг. В алфавитном указателе этого обзора по И. Иеригу указаны: Сочинение по тибетскому языку, датированное 1792 годом; Монголы и олеты; Историческое сочинение «Эрденин шастир»; «Итегел»; калмыцкая версия сутры, калмыцкий алфавит и др. материалы.

По обзору писем и материалов Архива Института востоковедения можно сделать вывод о значительном вкладе И. Иерига в развитие монголоведения и назвать его одним из первых калмыковедов в России.

**Я.И. ШМИДТ (1) И КАЛМЫКИ: ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР
(По материалам переписи 1800 – 1810 гг.)**

Истории изучения эпистолярного наследия калмыков, как части письменной культуры монголоязычных народов, важное место занимают труды отечественных (2) и зарубежных ученых. В настоящее время образцы текстов на «ясном» письме (тодо бичиг), в том числе и письма, хранятся во многих мировых собраниях старых восточных книг.

В 1961 г. германским ученым В. Хайсигом в соавторстве с К. Загастером был составлен каталог всех находящихся в библиотеках Германии монгольских рукописей, ксилографов и карт, в который были включены источники на «ясном» письме (3). В 1965 г. профессор Гёттингенского университета (Германия) Г. Дёрфер опубликовал работу под названием «Ранние западноевропейские источники по истории калмыцкого языка» (4). В ней он описал 16 неопубликованных ранее сочинений, начиная от голландского географа и путешественника Н. Витсена (Витзена) (1691) до миссионера Г. Цвика (1827), содержащих словарь калмыцкого языка.

В конце 1960-х гг. в период пребывания на стажировке в Германии американский ученый Дж. Крюгер (5), заинтересовавшись монгольскими материалами, включенными в каталог, приобрел микрофильм с текстами писем на тодо бичиг, значившимися под № 553 в Берлинской коллекции писем. В 1992 г. профессор Дж. Крюгер с В. Розицким и аспирантом Р. Сервисом начали работу по исследованию, переводу и подготовке к изданию писем из этой коллекции. Она состоит из 89 отдельных писем: два из них на тибетском языке, два на монгольском и одно письмо является дубликатом. Остальные 84 написаны на тодо бичиг, переписаны разборчивым почерком с оригиналов и переплетены в обычную тетрадь. Среди них есть короткие письма, а также весьма объемные (на 5–6 страницах). Относительно содержания Дж. Крюгер писал, что это переписка калмыков с врачом К. Нейцем, письма от калмыцких нойонов, а также переписка новообращенного христианина калмыка Соднома с Бадмой и Номту, бурятскими помощниками Шмидта по переводу Библии (6).

Другая коллекция калмыцких писем, сброшюрованных так же, как и письма из Берлинской коллекции, хранится в архиве протестантской секты гернгутеров, последователей Моравских братьев (г. Гернгут, Германия). Эти письма изучались немецким ученым Э. Хенишем. В своей статье «Калмыцкие отрывки» (7), он приводит лишь неполный список, а также транскрипцию (транслитерацию) и перевод шестого письма. Хениш ошибочно указывал, что эта коллекция хранится в Прусской библиотеке в Берлине.

Сведения о гернгутской коллекции калмыцких писем были получены профессором Дж. Крюгером от немецкого монголиста Х.-П. Фитце, и в 1993 г. в свой приезд в Германию ему удалось получить микрофильм с этими письмами. Коллекция состоит из 82 писем. В нее включены письма, адресованные Я. И. Шмидту, написанные Эрдени-тайши Тундутовым, князем Джамба Тундутовым, Цебек и др. Эти письма были сохранены Шмидтом и после его кончины переданы в архив Гернгутской миссии в Саксонии (Германия). Этот факт свидетельствует о том, что немецкие миссионеры придавали большое значение данному материалу (8). Профессор Крюгер вместе с В. Розицким и аспирантом Р. Сервисом перевели на английский язык и издали письма из этой коллекции (9). Хронологически они датированы 1802–1810 годами. Судя по упоминаемым в письмах именам и событиям, это был очень сложный период в жизни калмыков.

Члены евангелического братства из местечка Гернгут в Моравии поселились на Нижней Волге в 1765 году, основав колонию Сарепта в северной части калмыцких кочевий. Их основной миссией было распространение христианства среди местного населения, в том числе и калмыков.

На новом месте члены общества «Моравское братство» постарались в первую очередь создать условия для нормального жизнеобеспечения своих последователей. Они занялись обработкой земли, разведением огородов, распашкой земли для посевов различных сельскохозяйственных культур. У устья реки Сарпа (калм. Шорв) колонисты завели пашни. Вскоре с левобережья Волги на правый берег прикочевали калмыцкие улусы. Скот кочевников повредил пашни. Это повлекло за собой неминуемые столкновения между колонистами и кочевниками. Этот конфликт был урегулирован мирным путем, закреплен распоряжением Убуши хана (датируется годом огня-свиньи, четвертым днем месяца свиньи, т.е. 26 августа 1766 г.) (10). Конфликт этот был не случаен, по нему можно судить о тонкостях и сложностях государственной политики России на рубеже XVIII–XIX веков. Факты истории того периода проясняют ситуацию с землепользованием на Нижней Волге.

После ухода в 1771 году большей части калмыцкого народа в Джунгарию указом Екатерины II от 17 октября 1771 г. Калмыцкое ханство было упразднено. Дербетовский улус разделен на два улуса: Малые Дербеты и Большие Дербеты. Большедербетовцы находились в ведении Донского казачества. Не согласные с притеснениями с их стороны (калмыков хотели переселить на другую сторону Волги для борьбы с кочевниками), они снова ушли в Дербетовский улус Астраханской губернии.

Правительство не было заинтересовано в уходе калмыков с южных границ. Оно боялось повторения 1771 года. В Санкт-Петербург был вызван владделец Дербетовского улуса Чуче Тундутов с ламой Сойбонгом. От них была получена подробная информация о положении дел калмыков на местах. После этого посещения был издан указ Павла I, по которому калмыкам передавались во владение все земли от Царицына выше по Волге, рекам Сарпа, Сал, Маныч, Кума и по побережью Каспийского моря, т.е. все те земли, по которым кочевали калмыки до 1771 года. Калмыки из ведения Астраханской губернии были переданы в подчинение Коллегии иностранных дел (11). Грамотой от 14 октября 1800 г. Чуче был утвержден наместником ханства. В 1801 г. Чуче подал прошение о разрешении его сыну Эрдени-тайше приехать в Санкт-Петербург для личного доклада императору о положении калмыцкого народа. Было подано ходатайство об упразднении Калмыцкого правления в Астрахани (12). Чуче Тундутов умер в мае 1803 г. Наместничество он завещал старшему сыну Эрдени-тайше.

После смерти Павла I и с приходом к власти Александра I произошли изменения и в калмыцком наместничестве. Наместник ханства теперь подчинялся Астраханскому военному губернатору. Была учреждена новая должность – главный пристав калмыцкого народа – для защиты прав и интересов калмыков. Первым главным приставом назначен Дмитрий Борисович Мертваго (1760–1824), генерал-провиантмейстер, сенатор, губернатор Таврической губернии. После него главным приставом калмыцкого народа стал Н.И. Страхов.

По указу Александра I от 12 июня 1803 г. калмыки теряли права на землю, полученные по указу Павла I в 1800 г. Император отдал распоряжение П.Д. Цицианову (13), военному губернатору Астраханской губернии, произвести учет калмыцких кибиток (т.е. семей) и в соответствии с этим числом отвести нужное количество земель. В то же время земля калмыцких кочевий раздавалась помещикам, которые переселяли сюда своих крестьян. Самовольные захваты калмыцких земель крестьянами Саратовской, Астраханской губерний не прекращались. По этому поводу подавал сведения в Коллегию иностранных дел главный пристав калмыцкого народа Н.И. Страхов.

На основании распоряжения Александра I главному приставу кочующих народов Кавказской губернии, военному губернатору Астраханской губернии П.Д. Цицианову было поручено обследовать положение дел пользования землей кочевыми народами. П.Д. Цицианов поручил решение этого вопроса генерал-майору Завалишину, который составил «Доклад о назначении калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской земель и распоряжение к тому относящихся..» (14).

Выводы «Доклада...» были следующие:

1. После ухода большей части калмыков в Китай в 1771 г. калмыков осталось мало. Прежние их кочевья розданы и заселены. Кочевникам их вернуть сейчас невозможно, поэтому необходимо им отвести земли от Царицына вниз по Волге до берегов Каспия нужное количество для пастбищ, стад, табунов;

2. Назначение земель возложить на гражданских губернаторов Саратовской, Астраханской губерний, главного пристава при калмыцком народе;

3. На отведенные уголья, луга, сенокосы, леса не имели притязания посторонние люди;

4. Совместно с главным приставом Н.И. Страховым определить, какие земли, раньше им принадлежавшие, могут быть отведены в нужном количестве по числу людей и соразмерно численности их скота;

5. Неукоснительно обратить внимание, чтобы калмыки имели всякое покровительство и защиту, охраняемы были возможными способами (15).

По своему усмотрению князь П.Д. Цицианов для установления границ землепользования калмыкам должен был привлечь чиновников из своего ведомства, землемеров из губернского штата и военных чинов, а также определить границы земель калмыков без притеснений со стороны киргизов между Волгой и Уралом, оставить свободными для заселения земли между Ахтубой и Волгой, устроить прогоны к Волге для водопоя их скота.

В документе, в частности, отмечалось:

«По «Положению об отводе земель...» калмыкам разрешалось зимой заходить в займище (Мочаги) для укрытия, прокорма скота, а также крестьянам и туркменам летом уходить в степь от гнуса.

Разрешить калмыкам, где бы они захотели строить дома, села.

Запретить после ухода калмыков в степь из Мочагов загонять туда скот, вытравлять пастбища туркменам, армянам, запретить зажигать камыш для выгона оттуда зверей.

Крестьянам, поселившимся в Чапурниках и «Цаца», с пашнями не выходить за пределы владений, не препятствовать калмыкам выгонять скот на водопой к Сарпе.

Река Кума являлась границей между калмыками и горцами. Кочевку по Калаусу за калмыками разрешить только туркменам из-за верблюдов, которые не выносят овода, только в двух урочищах – Джилян Кешу и Гахан гаталган» (16).

То, что все вышеперечисленные моменты были важны для кочевников, свидетельствует тот факт, что торгутские владельцы и дербетский Эрдени тайша Тундутов предложили включить исправления из 4 пунктов:

1. Чтобы туркмены во время оводов не пользовались кочевьями калмыков, пригоняли только одних верблюдов;

2. При реке Егорлык не выделять земли для крестьян;

3. Разрешить некоторой части калмыцких кочевий переходить на луговую сторону Волги, т.к. они не могут кочевать на землях Войска Донского;

4. Три рода туркмен отделить от кара-ногайцев, чтобы во время перекочевков туркмен с калмыками, не были вытравлены пастбища кара-ногайцами (17).

Эти четыре пункта были приняты с некоторыми поправками:

1. Туркмены всегда кочевали с калмыками со всеми стадами, а отделять верблюдов от остального скота совсем неудобно;

2. Крестьяне по р. Егорлык не очень стесняют калмыков: они им разрешают прогонять скот;

3. По согласованию владельцев, разрешить переходить на левобережье Волги по очереди ... под наблюдением пристава;

4. Разрешить калмыкам, особенно бедным, кочевать в Мочагах, заниматься ловлей рыб;

5. Расходы по разграничению межевых линий в сумме 10000 рублей выдать из казны, впоследствии взыскать через приставов от владельцев по их согласию (18).

На основании вышеназванного «Доклада...» был издан Указ правительственному Сенату, утвержденный 19 мая 1806 г. По нему калмыкам:

1. Отводились земли от реки Волги на запад по Каспийскому морю к реке Куме до с. Владимировка, реки Маныч и земель Войска Донского;

2. Разрешалось летом переходить Волгу в Енотаевском уезде напротив горы Богдо в степь к озеру Баскунчак;

3. Разрешалось прогонять скот к водным источникам, к реке Волга и другим рекам;

4. Кочевать по Дербетовскому улусу до Маныча по реке Калаус до Большого Егорлыка. На землях крестьян, проживающих по р. Егорлык, разрешалось прогонять скот к водопоям (19).

Калмыцкие владельцы отведенными для них землями и угодьями остались довольны, как об этом сообщает Я.И. Шмидту из Санкт-Петербурга Эрдени-тайша Тундутов (док. 14 от 8 авг. 1804 г.).

Колония Сарепта со временем превратилась в город европейского образца с развитой инфраструктурой: действовали почта, больница, аптека, торговые лавки, возникли ткацкая промышленность, ремесленные предприятия, предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции, маслобойни, кондитерские цеха и т.д. Высокий уровень жизни колонистов оказывал благотворное влияние на ближайших соседей.

Члены евангелического братства были усердными пропагандистами учения Христа среди калмыков, но особенного успеха не имели: миссионеры не были знакомы с буддизмом, они принимали кочевников за язычников. Тем не менее, представители Гернгутской миссии сумели установить тесные контакты с ними, которые постепенно перешли в хорошие добрососедские отношения. Некоторые сарептяне длительное время проводили в калмыцких кочевьях и хорошо изучили быт степняков, освоили разговорный язык и письменность. Ими были собраны бесценные образцы письменных и других историко-культурных памятников (20).

В рассматриваемый исторический период калмыки были активными участниками военных кампаний, предпринимавшихся Российским государством. Поскольку калмыки находились в ведении Астраханского военного губернатора, они принимали участие в военном походе русских против Персии в 1804 г. под командованием главнокомандующего Кавказскими войсками П.Д. Цицианова.

В 1806 г. в связи с войной Наполеона с Пруссией, союзницей России, Александр I распорядился о созыве ополченцев для помощи Пруссии. Согласно этому распоряжению, главный пристав кочующих народов Кавказской губернии А.И. Ахвердов обратился ко всем владельцам калмыцких

улусов и высшему духовенству собраться 20 января 1807 г. в улус Мукукена к почтовой станции Шалинской на Кизлярском почтовом тракте (21). Из-за плохих погодных условий сбор состоялся лишь 17 февраля 1807 г. Было решено собрать пятисотенные полки. Собирались «о двуконь» в Амта-Джурук. Откуда отпавились в Новочеркасск для выезда к границе на запад. Один дербетовский отряд под командованием Эрдени-тайши состоял из 15 зайсангов, 1600 рядовых, а отряд Хапчукова – из 200 человек.

Ополченцы до Пруссии не дошли (16 июня 1807 г. был заключен Тильзитский мир), с дороги они направились на Кавказскую линию (22).

Командиры калмыцких полков получили награды: Эрдени-тайши отмечен бриллиантовым перстнем (1807), медалью «За усердную службу» (1808); командир ополченцев торгутовского улуса Сербджаб Тюмень получил чин капитана и золотую медаль (23).

В СПБО Архива РАН хранятся материалы, переданные из Архива востоковедов СПбФ Института востоковедения РАН. В фонде № 785 представлены работы Я.И. Шмидта, которые положили начало монголоведению и тибетологии в России, именно он ввел эти дисциплины в круг европейских наук.

Переписка Я.И. Шмидта (1779–1847) с представителями калмыцкого народа является интереснейшим материалом для изучения истории калмыков XIX в., их взаимоотношений с миссионерами Сарепты. Калмыцкие письма 1802–1810 гг., адресованные Я.И. Шмидту, агенту торговой лавки колонии Сарепта, ставшему впоследствии известным ученым-востоковедом (24), демонстрируют проникновение в кочевой быт новых товарно-денежных отношений, торговли, почтовых услуг, медицинской службы. Письма интересны с точки зрения изучения лексики калмыцкого языка: в них много заимствований из русского языка (почтмейстер, вексель, пристав, господин, поручик, князь, прокурор, наместница и др.). Материалы писем, несомненно, должны стать объектом специального лингвистического исследования.

Письма свидетельствуют о том, что академик Шмидт впервые познакомился с калмыцкими письменными памятниками «Uligeriyin dalai» («Море притч»), «Geserin tuuji» («Гесер») в калмыцких степях (док. №№ 18, 29) (25). Шмидту принадлежит большая заслуга в сохранении письменного культурного наследия калмыков. Ряд сочинений, переписанных им, а также одно из его писем хранятся сегодня в СПбФ Института востоковедения РАН (26).

После ликвидации наместничества, возвращения калмыков в ведение Астраханской губернии Эрдени-тайша все еще надеялся восстановить звание наместника, завещанное ему отцом, и право пользования землей, пожалованное указом Павла I. Нойон Эрдени-тайша Тундутов, его брат Джамбатайша вели деловую переписку с официальными лицами в Санкт-Петербурге через Я.И. Шмидта и почтовую контору в Сарепте.

Анализ и сопоставление данных о вопросах землепользования калмыков, неоднократное упоминание в письмах имен П.Д. Цицианова, князя П.В. Лопухина проливает свет на причину длительного пребывания Эрдени-тайши Тундутова в Санкт-Петербурге. Сопоставление времени пребывания (в течение нескольких месяцев) Эрдени-тайши в Санкт-Петербурге в 1804 г. в ожидании решения важного для него вопроса, его сообщение в письме Я.И. Шмидту о положительном исходе дела и знакомство с содержанием принятого правительством Указа о предоставлении земель калмыкам и другим кочующим народам Кавказской губернии дает возможность сделать вывод о том, что кроме дербетовских владельцев были там и представители торгутовского улуса.

Вопрос о земле волновал всех. Эта тревога видна из писем домочадцев Эрдени-тайши Я.И. Шмидту: они пишут об ожидании вестей в любое время дня и ночи, выражают беспокойство по поводу отпавленных в Петербург через Сарепту писем на имя князя П.В. Лопухина (27).

В одном из писем из Санкт-Петербурга (док. 14 от 8 авг. 1804 г.) Эрдени-тайша просит торговую компанию Я.И. Шмидта ссудить ему крупную сумму денег. Как явствует из принятого закона о земле, в нем имеется пункт о взыскании 10000 руб. с владельцев за расходы по межеванию границ калмыцких кочевий. Эрдени-тайша выступил поручителем за всех владельцев в получении ссуды. В письмах 1805–1806 гг. сообщается о возврате долга торговой компании, который Эрдени-тайша не смог вовремя собрать с остальных владельцев. В эти сложные вопросы возврата долга было вовлечено и окружение Эрдени-тайши: наместница Джиджа, мать Эрдени-тайши, вдова наместника Чуче, брат Джамбатайши и другие лица.

Из писем того периода можно почерпнуть сведения об участии калмыков в военных действиях России. Так, в письме от 26 августа 1804 г. Эрдени-тайша из Санкт-Петербурга сообщает Шмидту, что аймачные войска из Георгиевска прибыли в Амта нур (док. 13). В одном из писем Цебек со-

общается: «...войска находятся в Амтя нуре, Джамба с войском поедет в Кермен (г. Новочеркасск), Эрдени-тайша вернется...» (док. 64, от 14 июня 1808 г.).

Калмыки пользовались услугами врачей и аптеки колонии Сарепты. Эрдени-тайша в письме от 11 июля 1806 г. обращается к Леонтию Абрамовичу, Абраму Ивановичу Лоренцу прислать доктора к заболевшему нойону Му Куукену (док. 58). Речь идет, скорее всего, о зайсанге Генден Шарап Мукукенове, отмеченном в списке участников войны с Наполеоном (значится в составе 5-й сотни 1-го Калмыцкого полка под командованием капитана Джамбы Тундутова).

В письмах из окружения Тундутовых встречается имя Гужермег (Гужермиг, Гужирмуг, Гужурмук), доверенного лица (порученца, посыльного) семьи Тундутовых. Возможно, здесь упоминается урядник Гужурмук Цюнгулов, участник войны с Наполеоном в составе 1-го Калмыцкого полка, переводчик. Он отличился в боях за крепость Мадлен. Командир полка капитан Тундутов в числе представленных к награде называет и Гужурмука (28).

Интересными представляются и сведения, отражающие культуру и быт калмыков. Из писем же становится ясным, что в семье Тундутовых пользовались музыкальными инструментами. Возможно, у них был своеобразный оркестр из струнных и щипковых музыкальных инструментов. В письме Я.И. Шмидту от 29 апреля 1804 г. Эрдени-тайши заказывает четыре вида стальных и медных струн для скрипки и ятхи (док. 82).

Другие документы показывают проникновение в быт калмыков предметов туалета промышленного производства: шелка, сукна, ткани, платков, шарфов, перчаток и т.п.

Все вышесказанное позволяет заключить, что взаимоотношения между представителями Гернгутской миссии, одним из ее членов Я.И. Шмидтом и калмыками были интересны, полезны и выгодны обеим сторонам; они оставили заметный след в судьбах двух народов. Роль Шмидта в сохранении историко-культурного наследия калмыцкого народа очевидна. В свою очередь, знакомство с богатейшей культурой калмыков послужило отправным пунктом в его последующей научной деятельности. Переписка между колонистами Сарепты (И.Я. Шмидтом) и калмыками не только демонстрирует яркие примеры добрососедства, но также отображает процесс обмена духовными ценностями между представителями разных народов, взаимообогащения и взаимовлияния двух культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Якоб Исаак (Яков Иванович) Шмидт – известный ученый-востоковед. Родился в 1779 г. в Амстердаме, в 1780 г. ребенком был привезен в колонию на Волге. Вырос и жил в Сарепте, работал в торговой конторе, вел торговые дела с калмыками. По делам конторы провёл в Калмыцкой степи около трех лет; за это время изучил калмыцкий язык, познакомился с литературой, устным народным творчеством, бытом и обычаями калмыков, поддерживал тесные контакты со знатоками монгольского и тибетского языков. В 1811 г. Шмидт поселился в Москве, во время Отечественной войны 1812 г. переехал в Петербург. Работая бухгалтером Библейского общества, он не оставил своих прежних занятий восточными языками. Библейское общество поручило ему перевод Евангелия на калмыцкий язык, составление небольших текстов религиозного содержания. Им были переведены на калмыцкий язык Евангелие от Иоанна и Матфея, деяния апостолов. Переведенные и отпечатанные книги отправлялись обществом в Калмыцкую степь. Наряду с монгольским языком Я. Шмидт занимался изучением тибетского языка. Как знатока восточных языков его пригласили на работу в Академию наук. С его приходом в Академии начался период изучения тибетского языка и литературы. Здесь Я. Шмидт занялся переводами тибетских текстов, составлением словаря тибетского языка. В 1822 г. в письме одному из редакторов «Азиатского журнала» в Париже Я. Шмидт сообщает о своем переводе «Истории монголов» Санан-Сэцэна, которая стала доступной европейским ученым благодаря Шмидту. В этом же письме он извещает редактора о том, что намерен составить грамматику монгольского и ёлётского языков (Сибирский вестник. 1823. Кн. 15–16. С. 101–106). Научная деятельность Я.И. Шмидта в Академии наук была исключительно плодотворной. В 1831 г. вышла его «Грамматика монгольского языка» на немецком языке, а в следующем – на русском языке. В 1835 г. вышел «Монголо-немецко-русский словарь». Им переведены на немецкий язык монгольские литературные памятники: «История восточных монголов», «Подвиги Гэсэр-хана», «Улигерин далай». На русский язык он осуществил перевод монгольской исторической летописи Санан-Сэцэна. За плодотворную деятельность в области ориенталистики Я.И. Шмидт в 1826 г. стал членом-корреспондентом Академии наук, получил звание адъюнкта, а затем академика. Умер в 1847 г. в Петербурге.

2. Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста, 2003; Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факс. писем / изд. текстов, введ., транслит., пер. слов., Д.Б. Гедеевой. Элиста, 2004.

3. Heissig W., Sagaster K. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Bd. 1. Wiesbaden, 1961.

4. Doerfer G. *Altere Westeuropaische Quellen Kalmuckischen Sprachgeschichte*. – *Asiatische Forschungen*. Т. 18. Bonn-Wiesbaden, 1965.
5. Профессор Университета Индианы (г. Блумингтон, штат Индиана, США) Джон Крюгер – крупнейший специалист в области монгольского языкознания, является автором многих научных трудов, посвященных лексикологии и лексикографии ойратского и калмыцкого языков. В течение многих лет он являлся главным редактором научного журнала «Монголоведные исследования» («Mongolian Studies»), издаваемого в США Обществом «Mongolian Society».
6. Krueger, John R.; Rozycki, Wilman V.; Service, Robert G. *An Oirat-script collection of letters in the Staatsbibliothek zu Berlin*. – *Zentralasiatische Studien*. Bd. 29 (1999). P. 109–136.
7. Haenisch E. *Kalmuckische Fragmente*. – *Ural-Altäische Jahrbücher*. Bloomington. 1953. Vol. 25 (3–4). P. 283–294.
8. Крюгер Дж. Две коллекции старых калмыцких писем в Германии. Хальмг Үнн. 1995, № 224 от 6 дек. С. 3.
9. См.: *Kalmyk Old-Script Documents of Isaak Jacob Schmidt 1800–1810. Todo Bicig Texts, Transcription, Translation from the Moravian Archives at Herrnhut*. Edited by John K. Krueger and Robert G. Service. – *Asiatische Forschungen*. Bd. 143. Wiesbaden, 2002.
10. См.: *Kalmyk Old-Script Documents of Isaak Jacob Schmidt. 1800–1810*. С. 8–9.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. XIV. С. 61; Беликов Т.И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой половине XIX вв. Элиста, 1960. С. 80–82.
12. Шорковиц Д. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального Государственного исторического архива и архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин, 1988. № 81. С. 5.
13. Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806), князь, генерал от инфантерии. При Александре I астраханский военный губернатор, Главнокомандующий Кавказскими войсками. В 1806 г. во время похода на крепость Баку, был убит Гусейн-ханом. В 1811 г. его прах перевезен в Тифлис, захоронен в Синском соборе.
14. Санкт-Петербургский журнал. СПб., 1806, №№ VIII, IX, X; ПСЗ. Т 29. Ст. 22135. С. 283–309.
15. Там же. Кн. VIII. Август. С. 54–56.
16. Там же. Кн. IX. Сентябрь.
17. Там же. Кн. IX. Сентябрь. С. 74–75.
18. Там же. Кн. IX. Сентябрь. С. 77–81.
19. Там же. Кн. IX. Октябрь. С. 68–72.
20. Исторические связи калмыков Нижнего Поволжья и общины Сарепты в XVIII–XIX вв.: Материалы науч. конф.. Волгоград, 2001. С. 17.
21. Беликов Т.И. Указ. соч. С. 87–88.
22. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912. С. 79.
23. Русско-калмыцкий календарь на 1912 г. Астрахань, 1912.
24. Монголоведение. № 2. Элиста, 2003. С. 285–289.
25. См.: *Kalmyk Old-Script Documents of Isaak Jacob Schmidt. 1800–1810*. С. 47, 69.
26. См.: Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов института востоковедения РАН. М. Т. I. 2001. С. 116.
27. Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), при Павле I генерал-прокурор (1798–1799), при Александре I министр юстиции (1803–1810), Председатель Государственного Совета и кабинета министров. В 1799 г. при Павле I получил княжеское звание и титул «светлейший».
28. Калмыки в Отечественной войне 1812 г.: сб. док. Элиста, 1964. Док. 36. С. 78–79.

ОБ ИСТОРИИ КАЛМЫКОВ В ТРУДАХ В. Н. ТАТИЩЕВА*

Интересы Василия Никитича Татищева (1686–1750), одного из просвещенных людей своего времени, чья государственная деятельность началась при Петре I, поражают своей широтой, глубиной и разнообразием: история и география России, геодезия и горное дело, этнография и языкознание, математика и механика, картография и философия. За время долголетней государственной службы тайному советнику В.Н. Татищеву дважды пришлось вплотную заниматься делами калмыков. В первый раз это было в 1737 году в бытность его начальником Оренбургской экспедиции,

* Седьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения. Екатеринбург, 2008.

занимавшейся исследованием огромного края, охватывающего территорию Урала, Приуралья, Башкирии и Астраханской губернии, Самары.

Тогда В.Н. Татищеву по Высочайшему указу императрицы Анны Иоанновны было поручено заняться вопросами переселения крещеных калмыков внутрь Закамской линии и строительства для княгини Анны Тайшиной с подвластными ей калмыками крепости, на пашни и кочевья выделить земли по рекам Сож и Черемшан (1).

Во второй раз это случилось в 1741 году, когда В.Н. Татищева назначили начальником Калмыцкой Комиссии, занимавшейся разрешением междоусобной борьбы владельцев за право получить законенную возможность управлять калмыцкими улусами после смерти хана Дондук-Омбо.

Задолго до этих событий, Петр I поручил В.Н. Татищеву организовать «землемерие всего государства и написать сочинение обстоятельное российской географии с ландкартами». Он отнесся к этому поручению со всей ответственностью и понял, что без изучения имеющихся исторических летописей и сведений о России и ее народах невозможно составить систематического описания истории и географии России. «На сие требовалось обстоятельной русской древней истории, а за недостаток к тому на русском языке необходимо нужно от иностранных и едва ли не всех знатных языков, яко из Азии арабского, турецкого, персидского, татарского и калмыцкого, потому что сии народы в древние времена многие с Россиею и принадлежащими к ней пределами и народов дела их, достаточные известия имея, описали...» (2).

Для составления «Истории и географии российской» В.Н. Татищев составил вопросник из 198 пунктов, состоящий из трех разделов, и разослал для получения ответов по городам и весям Российской империи. Отвечая на вопросы, следовало указать названия местностей, их границы, природные условия и ресурсы земель. В двух последних разделах обращалось внимание на этнографические и лингвистические сведения о жителях России (3).

В составе комиссии работали разные специалисты: геодезисты, рисовальщики, землемеры, горные мастера, писари, переводчики, лекари... Для охраны их сопровождали военные отряды.

В одной из инструкций В.Н. Татищева, предназначенной его помощнику, говорилось: «...Ехать Вам из Самары до Озерного, взять с собой капитана Эльтона (4). Капитана Эльтона, как от Самары до Озерного опишет, отправить с караулом казаков и калмыков вверх по Яику».

Другая инструкция вручалась всем членам экспедиции в качестве обязательного руководства. Один из разделов вопросника относился к «народам идолопоклонническим», к которым причислялись и буддисты. Последний 198-й пункт гласил: «... Наипаче нужно каждого народа знать язык, чтобы через то знать, коего они отродья суть» (5).

В.Н. Татищев обращал особое внимание участников экспедиции на то, как правильно вести беседы с информаторами, на первоочередные задачи: «...в языке надобно смотреть слова, которые не легко переменяются, как исчисление, один, два, три, первый, второй, третий, ... бог, небо, солнце, месяц, огонь; при записывании надлежит внятно выслушивать, чтобы буквы одну за другую не положить; нужно смотреть на ударения глас и т.д.» (6).

По поручению В.Н. Татищева переводчики экспедиции составляли краткие словари языка «инородцев» Уральского и Оренбургского краев. В их числе был и калмыцкий словарь. Более конкретные сведения о работе над «Русско-татаро-калмыцким лексиконом» изложены в книге С.К. Булича (7). Словарь, составленный в 1740 году в Самаре П.И. Рычковым и М. Габдрахмановым на 94 листах, содержит 1520 слов (8).

Известный арабист И.Ю. Крачковский отмечая заслуги В.Н. Татищева в изучении восточных языков в России в XVIII., впервые давшего правильную лингвистическую классификацию названий народов России, указывает, что В.Н. Татищев знал татарский язык и в числе знаний, необходимых молодому дворянину, наряду с европейскими языками назвал татарский, калмыцкий и финский языки, так как «татары и калмыки свои древности имеют» (9).

В.Н. Татищев, работая над «Историей Российской», следил за публикациями по истории России на западноевропейских языках. Так, он ознакомился с работой Ф.И. Страленберга о России и о народах ее, населяющих Азию. Пленный шведский офицер Таберт (Тауберт, Таберт, Табберт) был знаком с В.Н. Татищевым в период службы последнего на горных заводах Урала. По возвращении на родину пленный офицер получил звание дворянина и новое имя Филипп Иоганн Страленберг (1676–1747). В 1725 г. В.Н. Татищев встретился с ним в Стокгольме.

В период пребывания в Сибири, Ф.И. Страленберг собрал материал о России и населяющих ее народах в Азии и издал в 1730 году книгу в г. Стокгольме под названием «Das Nord und östliche Theil Europa und Asia» (10).

В.Н. Татищев, ознакомившись с работой Ф.И. Страленберга, написал обстоятельные примечания к каждой странице. Он объяснил погрешности труда отдельных терминов и выражений, искажения названий земель, местностей, народов, предметов и т.д. незнанием автором русского языка и языка народов Сибири. В этих замечаниях имеются сведения о калмыках, калмыцких словах, т.к. в труде Ф.И. Страленберга был напечатан словарь калмыцкого языка под названием «Kalmukischen Vocabulario», который явился первым печатным словарем калмыцкого языка.

В 1738 году в Самаре, где находилась Оренбургская экспедиция, по поручению и под наблюдением В.Н. Татищева был сделан русский перевод труда Ф.И. Страленберга, предположительно К.А. Кондратовичем (11).

Выше мы упоминали о том, что начальнику Оренбургской экспедиции было поручено выбрать место для поселения крещеных калмыков Астраханской губернии, построить крепость для калмыцкой княгини Анны Тайшиной и других владельцев, принявших православие. Выбор пал на Кунью Воложку близ Волги, где построили крепость, получившую название Ставрополь (ныне г. Тольятти).

Владелица Анна Тайшина прибыла сюда из Самары, где она ждала окончания строительства. С ней зимовало около 2400 калмыков, среди которых было много бедных, не имевших своего хозяйства.

В.Н. Татищев хлопотал о выделении деревень калмыкам для приучения их к оседлости и земледелию. Н.А. Попов в книге «Татищев и его время» приводит такое описание будущего поселения: «...крепость с домами для знатных калмыков, казармами для солдат и кладовыми магазинами, церкви, коей быть в помянутой крепости».

Татищев встретился с Тайшиной в крепости, заинтересовался калмыцкими историческими сочинениями. Он хотел получить от нее также сведения о религии калмыков. А. Тайшина сообщила, что все книги после крещения остались в Петербурге, пообещала прислать Татищеву копии калмыцких законов. В одном из писем в Коллегию иностранных дел из Оренбургского края В.Н. Татищев пишет: «А мнится мне, чтоб и калмыцких историй ко изъяснению употребить, и для того я, не жалея денег, старался калмыцкие книги достать, но никак добиться не мог, токмо княгиня Тайшина мне объявила, что при крещении их многие исторические книги у них отобраны и находятся иностранных дел в Коллегии; да священник присланный Чубовский сказывает, что у него в Синоде осталась калмыцкая история, Бодимир наименованная, и может быть, что оные лежат втуне. Здесь же переводчиков есть немало, и могут невядале оные перевести, на что собственного имени для пользы ближнего не пожалею...».

В 1738 году он послал в Академию замечания по поводу ранних работ Г.Ф. Миллера по истории калмыков, примечания на опубликованные им и другими исследователями материалы о калмыках, копию полученного от Тайшиной калмыцкого уложения (12). Для пополнения сведений о калмыках по запросу Татищева Академия обратилась к капитану И. Унковскому с просьбой выслать описания его путешествия к джунгарским калмыкам в 1722 г. (13).

В марте 1739 г. В.Н. Татищев передал в Академию собранные от калмыков известия, десять отдельных записок, касающихся их религии, родословных, текст свода их законов – калмыцкого уложения, и краткие изложения системы мира, их взглядов и т.д. (14).

В низовьях Волги после смерти хана Аюки началась междоусобная борьба калмыцкой знати за ханский престол. Для урегулирования взаимоотношений России с калмыками правительство назначило в Калмыцкую комиссию В.Н. Татищева, как опытного начальника, работавшего в Оренбургской комиссии с кочевыми народами Поволжья. Ему было «приказано начальствовать самому, как при генерал-лейтенанте; для угощения знатных калмыков брать музыку из полков, напитки из кабаков, припасы покупать на казенные деньги; из Саратова взять карету, оставшуюся от персидских послов».

В октябре 1741 г. Татищев прибыл в Царицын. Теперь по долгу службы он имел тесные контакты с калмыками. Ему с большим трудом с помощью переговоров удалось урегулировать отношения с калмыцкими владельцами, претендующими на ханский престол.

В декабре того же года В.Н. Татищева назначили губернатором Астраханской губернии, представлявшей в то время огромный край по Нижней Волге до Саратова, по Уралу до Гурьева, земли по Тереку до Кавказа. Губерния в экономическом отношении была в жалком состоянии. Новый губернатор предпринял некоторые меры по улучшению экономического состояния края. В том числе он представил в Сенат проект «о построении населенных пунктов по Волге и Астрахани для содержания... в лучшем порядке калмык». О мероприятиях, предпринятых Татищевым в Астраханской губернии, сообщает А.И. Андреев в своем труде «Переписка Татищева за 1746–1750 гг.».

Разъезжая по делам службы, беседуя с местным населением, Татищев постоянно интересовался русским значением тех или иных слов. Так, у него имелся перечень слов с переводами с мордовского, калмыцкого, татарского и других языков. Сведения о словарях, составленных по поручению Татищева, имеются в «Материалах для истории Академии» и в статье А.И. Андреева «Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири».

В 1745 году служебная деятельность В.Н. Татищева окончилась, научная же продолжалась. Он поселился в подмосковном имении Болдино, работая над «Историей российской», регулярно присылал свои записки в Академию. Интерес его к языкам народов России не ослабевал. Так, в письме к Третьяковскому Татищев писал, что необходимо «...собрать все буквы, употребляемые в России, напечатать с объяснениями». В числе языков, которые следует систематизировать и изучать, он называет и калмыцкий. Словарный материал, собранный через провинциальные канцелярии по запросу В.Н. Татищева, является одной из первых попыток собрать все сведения о языках народов, населяющих Россию.

Многогранна деятельность В.Н. Татищева, личность которого поистине незаурядна. Я же попыталась высветить лишь некоторые штрихи этой «необыкновенной судьбы необыкновенного человека», его деятельность в Оренбургской экспедиции, калмыцкой комиссии, связанной с нашим народом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов Н.Л. Татищев и его время. М.: Тип. В. Грачева и К°, 1861. С. 620–630.
2. Гордон Я.А. Хроника одной судьбы: художественно-документальная повесть о В.Н. Татищеве. М.: Советская Россия, 180. С. 32.
3. Попов Н.Л. Татищев и его время. ... С. 437.
4. Речь идет об английском инженере, морском капитане Джоне Эльтоне, геодезисте экспедиции, находившемся на русской службе с 1734 г.
5. Попов Н.Л. Татищев и его время. ... С. 583–584.
6. Там же. С. 584.
7. Булич С.К. Очерки истории языкознания в России.
8. Михайлова С.М. Казанский ун-та и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX в). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.
9. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. С. 63.
10. Stralenberg F. I. «Das Nord und östliche Theil Europa und Asia». Stokholm, 1730.
11. Кондратович Кириак Андреевич, русский прозаик, филолог. XVIII в., переводчик в АН. Принимал участие в Оренбургской экспедиции в должности старшего переводчика.
12. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 274. Док. 178.
13. Речь шла о книге «Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цевен-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского» и путевой журнал его за 1722–1724 гг. / предисл., примеч. Н.И. Веселинского // ЗИРГО по отделению этнографии. 1887. Т. 10. Вып. 2.
14. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 274. Док. С. 267. Док. 185.

О КОРНИЛЬЕВЫХ – ПРЕДКАХ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО МЕНДЕЛЕЕВА*

Не все, наверное, знают, что великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев – потомок известного сибирского промышленника Якова Григорьевича Корнильева, калмыка, в детском возрасте вывезенного из Джунгарии. Каким образом он оказался в Тобольске – неизвестно: разными путями попадали в то время калмыки, особенно дети, в русские города. Они могли быть подарены, проданы, словно какая-то вещь. Немногим из них удавалось обрести свободу. Как правило, в господском доме их крестили, и они получали фамилии, имена и отчества своих крестных отцов или владельцев. Так случилось и с Яковом Григорьевичем Корнильевым. Долгое время он прислуживал, но в начале XVIII века в Тобольске был уже известен среди посадских людей.

Позже Я.Г. Корнилев, бывший губернаторский управитель, скопил небольшой капитал и, удач-

* Журнал «Тегин герл». 1985. № 1.

но вложив его, стал одним из преуспевающих купцов Тобольска, через который пролегал в то время торговый путь с Джунгарией, Китаем и Казахской ордой.

У Я.Г. Корнильева были сыновья Михаил, Федор, Алексей и Василий. Из них наиболее известен младший – Василий Яковлевич, владелец бумажной фабрики и единственной в Сибири частной типографии, сыгравшей немаловажную роль в культурном развитии города. В 1789–1794 гг. в ней печатался первый в Сибири журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», учрежденный учителями Тобольского народного училища. В.Я. Корнильев бесплатно выпустил первые четыре номера, а всего их вышло в свет двадцать четыре.

Еще при жизни В.Я. Корнильев передал типографию одному из своих сыновей – Дмитрию, активному члену кружка «Иртыш». В 1790 г. Д.В. Корнильев начал выпускать «Исторический журнал». В отличие от предыдущего издания, в новом публиковались материалы в основном о Сибири.

Дмитрий Васильевич Корнильев, будучи просвещенным человеком, имел свою библиотеку, на пополнение которой денег не жалел. Впоследствии она перешла к его дочери Марии Дмитриевне Корнильевой, вышедшей замуж за Ивана Павловича Менделеева, директора Тобольской гимназии.

В доме Менделеевых была самая лучшая в городе библиотека, и детство будущего ученого прошло в атмосфере страстной любви и интереса к книгам. Его обширные познания отмечал Александр Блок. В письме к своей жене Любове Дмитриевне Менделеевой, дочери ученого, поэт писал: «...Он давно все знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности».

Д.И. Менделеев сохранил хорошие воспоминания о Корнильевых. Уже взрослым, приехав по делам службы в Тобольск, он с удовольствием посетил знакомые с детства места.

Его дядя, Василий Дмитриевич, был последним из рода Корнильевых по мужской линии. Жил он в Москве, занимался литературной деятельностью, был знаком с выдающимися людьми своего времени – А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, А.А. Дельвигом, Н.М. Карамзиным.

Так имена потомков Якова Григорьевича Корнильева прочно вошли в историю русской культуры и науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск; Свердловск, 1969. С. 47–48.
2. Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII – начала XIX вв.: исслед. и материалы. Вып. XII. М., 1996. С. 152–153.
3. Александр Блок. Письма к жене // Литературное наследство. Т. 89. М., 1978. С. 130.
4. Менделеев Д. И. Уральская железоделательная промышленность в 1889 г. СПб., 1900.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТАВРОПОЛЬЯ ИОСИФ БЕНТКОВСКИЙ*

Иосиф (Иозеф) Викентьевич Бентковский происходил из польских дворян Варшавского герцогства. В 1832 году он окончил гимназию и был зачислен рядовым на службу в депо Полоцкого воеводства. В 1833 году произведен в унтер-офицеры и переведен в Навагинский полк.

За участие в польском восстании 1830-х годов И.В. Бентковский был сослан на Кавказ и продолжил военную службу в Кавказском 1-м линейном полку. В 1836 году И.В. Бентковского зачислили в Ставропольский казачий полк. Служба в казачьем полку шла успешно. В 1842 г. получил звание хорунжего. Грамотный младший офицер казачьего полка пользовался уважением и вскоре был выбран заседателем в полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

В 1848 г. хорунжего И.В. Бентковского назначили начальником станицы Михайловской, а в 1854 г. он был произведен в поручики.

В 1857 г., прослужив четверть века на Северном Кавказе, И.В. Бентковский вышел в отставку, поступил на государственную службу в Ставропольский губернский статистический комитет и был избран членом-корреспондентом. Годы своей службы в комитете И.В. Бентковский посвятил всестороннему изучению Ставропольской губернии, исследованию его экономического состояния, природных ресурсов, жизни и быта народов, населяющих этот край, в том числе и кочующих на-

* Элистинские новости. 2003. 29 июля. С. 5.

родов – ногайцев и калмыков. В 1862 году деятельный сотрудник статистического комитета, знаток края избран действительным членом этого комитета, а 16 ноября 1871 года – его секретарем. 1871–1891 гг. стали периодом активной деятельности Ставропольского губернского статистического комитета.

И.В. Бентковский сотрудничал со многими научными обществами на Кавказе, он избирался членом-сотрудником Кавказского общества любителей истории и археологии, Кавказского медицинского общества, Всероссийского общества естествоиспытателей. В 1875 году И.В. Бентковский стал членом-сотрудником Императорского Русского географического общества (ИРГО).

По долгу службы секретарь статистического комитета бывал в разных уголках Ставропольской губернии, в том числе и в Большедербетовском улусе. Он был знаком с представителями калмыцкой знати, духовенства, неплохо ориентировался в особенностях быта калмыков-кочевников. Свои наблюдения и заметки публиковал на страницах местной и центральной печати, в трудах статистического комитета. Бентковский – автор свыше 160 публикаций, среди которых около 30 статей, относящихся к истории калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии.

Статьи И.В. Бентковского по истории калмыков публиковались в «Сборниках статистических сведений о Ставропольской губернии», на страницах газет «Ставропольские губернские ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости». Некоторые из них были напечатаны в Санкт-Петербурге, в «Прибавлениях» к «Биржевым ведомостям». Наибольшую известность получили статьи: «Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде по бассейнам рек Большой и Малой Кегульте и в смежных с ними урочищах с таблицами и картой земель» (1871), «Общественный и домашний быт калмыков», «Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса» (1869), «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» (1869), «Одежда калмыков Большедербетовского улуса и ее влияние на социальный и экономический быт» (1869), «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» (1879). За последнюю статью И.В. Бентковский был награжден бронзовой медалью «Известий общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете (ИОЛЕАЭ).

И.В. Бентковский интересовался природными богатствами Большедербетовского улуса, в частности Джалгинским соляным озером. В 1862 г. была опубликована его статья «Поездка на Джалгинское озеро» (Ставр. губ. вед., 1862, №№ 42–44), затем вышли и другие «Джалгинское самосадочное озеро и способ добывания из него соли» (1864), «Целительные грязи Джалгинского соляного озера» (1870), «Воды и степи Большедербетовского улуса, соответствуют ли условиям колонизации калмыков» (1868).

В 1883 году И.В. Бентковский издал труд «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии» (Ставрополь, 1883. 450 с.).

Близкое знакомство с жизнью калмыков дало возможность И.В. Бентковскому написать ряд других статей, таких как: «Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести» (1877), «Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам» (1877), «Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа» (1877), «Грабежи, разбой, воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма», «Монгольские законы об охоте» (1877), «Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем состоянии» (1878–1879), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879).

В статье «Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам» он призывает к изучению истории калмыцкого народа и приходит к такому выводу: «...Монгольская цивилизация, хотя и на подкладке буддизма, по времени и в некоторых отношениях опередила европейскую цивилизацию. Поставив своей задачей сделать человека возможно гуманным, монгольская цивилизация выработала замечательные законы об общественном призрении, благотворительности и человеколюбивых подвигах. Ее гуманные взгляды простирались даже на сострадание к животным.

Изучение социального быта монголов с этой точки зрения представляется интересным, можно сказать, положительно необходимым в том внимании, что прежде, чем реформировать общественные учреждения калмыков, за что мы только принимаемся, нужно вполне ознакомиться с прежними социальными условиями и воззрениями народа, чтобы тем легче и вернее исправить его на новый социальный путь и изменить его консервативные воззрения». Таким образом, он прежде, чем изменить условия жизни калмыков и кочующих народов, предлагает изучить их историю и бытовые условия.

В 1890 году датский путешественник доктор Ханс Каарсберг совершил путешествие в Россию. Из Турции он морем проехал в Одессу – Батуми, оттуда направился на Северный Кавказ, из Владикавказа он поехал в г. Ставрополь, побывал у калмыков Большедербетовского улуса.

В г. Ставрополе Х. Каарсберг познакомился с секретарем губернского статистического комитета И.В. Бентковским, который сопровождал путешественника в поездке в калмыцкий улус. На момент встречи с Х. Каарсбергом И.В. Бентковскому исполнилось 78 лет. В его сопровождении Х. Каарсберг побывал в селе Лапино, встретился с бакшой Ики-Туктуновского хурула Очир-ламой (в миру Санджи Явановым-Сахуловым), был гостем у князя М. Гахаева. Любопытный путешественник сделал ряд интересных записей, взял образцы автографов на «ясном письме», которые были воспроизведены в книге Х. Каарсберга, изданной в Дании.

И.В. Бентковский – автор статей «Калмыцкое летосчисление» (1874), «Объяснение калмыцких праздников» (1875). Он является составителем «Калмыцкого календаря» на 1870–1871, 1874–1875 годы. Подготовка таких материалов не могла обойтись без консультации старшего бакши Очир-ламы, известного и очень уважаемого буддийского учителя.

Зналок особенностей быта калмыков-кочевников, их религии, рода занятий, И.В. Бентковский как информант был очень полезен путешественнику Х. Каарсбергу. Им, двум европейцам, было интересно такое сотрудничество. В знак признательности И.В. Бентковский подарил Х. Каарсбергу калмыцкую рукопись «Алтан герел» («Сутра Золотого блеска») на «ясном письме», которая более чем через век вернулась в Калмыкию, благодаря американскому монголисту Джону Крюгеру, исследователю старописьменных памятников на «ясном письме». Ксерокопия была сделана с оригинала, сохранившегося в очень хорошем состоянии.

По возвращении в 1891 году в Данию Х. Каарсберг передал эту рукопись королевской библиотеке в г. Копенгагене, тем самым, сделав ее доступной для изучения востоковедами Западной Европы.

Калмыцкое название рукописи – «Алтан герел кемекуи ике көлгени судур оршива». Имеется сообщение о месте ее хранения: «Аадрхани ном судур хадгалакчи гер-ту баядг «Алтан герел» гедег ном эн буи. 1841 она така сариин арбан хойордокчи өдр Бага Дөрвэд нутгин Наһацаха Байр». Эта надпись говорит о том, что рукописная книга написана (или переписана) в 1841 г. в Малодербетовском улусе переписчиком Нагацаха Баиром, что хранилась она в библиотеке г. Астрахани.

Труды И.В. Бентковского, свидетельствующие о его плодотворной деятельности по обследованию Ставропольской губернии, исследованию истории калмыков Большедербетовского улуса, находившегося в составе этой губернии с 1860 года, до сих пор представляют значительный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г.Н. Прозрителев. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского (Доклад действит. члена Ставропольского статистического комитета). Ставрополь: Тип. газеты «Северо-Кавказский край», 1908. 55 с.
2. Х. Каарсберг. Через степи и кочевья калмыков верхом на лошади и на тройке: путевые записки. Копенгаген, 1892. 615 с. с ил. (На дат. яз.) См. заметку о кн. // ЭН, 1996, 1–5 июля. № 27. С. 9.
3. Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1853 по 1888 г. СПб., 1889. Отд. отт.

АДВОКАТ ФЕДОР ПЛЕВАКО И ДВА СЛУЧАЯ ЗАЩИТЫ КАЛМЫКОВ НА СУДЕ

Федор Никифорович Плевако родился 12 (по старому стилю) 1842 года в г. Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). Его отец – Василий Иванович Плевако – родом из украинских дворян, из Польско-Литовского княжества. Многие поляки после восстания 30-х годов XIX в. были сосланы вглубь России, на Урал. Служил он в Троицкой таможне надворным советником (8-й чин по Табелю о рангах, который соответствовал военному званию подполковника). Мать – Екатерина Степановна – калмычка из крещеных оренбургских калмыков-казаков. В то время служилым людям разрешалось вступать в браки с местными женщинами: башкирками, киргизками, казашками, калмычками. Однако родители Федора не были соединены браком по церковному обряду. Дети от гражданского брака считались незаконнорожденными, и не могли носить фамилию и имя отца. Федор получил фамилию и отчество крестного отца – старшего брата Никифора Никифоровича, и был записан как Федор Никифорович Никифоров.

В 1849 году Федор Никифоров поступил в приходское училище в г. Троицке. В 1851 году семья переехала в Москву. Братья Дормидонт и Федор Никифоровы стали учиться в Московском коммер-

ческом училище, и были там на хорошем счету. Но в 1853 году В.И. Плевак получил извещение об отчислении сыновей из стен учебного заведения по причине их «незаконнорожденности». После долгих хлопот ему удалось устроить мальчиков в Московскую гимназию, где их зачислили сразу в 3-й класс. Однако годы учебы в гимназии Федора Никифоровича были омрачены смертью отца и старшего брата.

В 1958 году Федор поступает на юридический факультет Московского университета под фамилией отца – Плевак. В студенческие годы он перевел на русский язык «Курс римского гражданского права» немецкого ученого Георга Фридриха Пушты и издал его в 1874 году на собственные средства. В 1864 году успешно окончил университет, получив диплом со званием «кандидат права» на имя Федора Никифоровича Плевако. Теперь в его фамилии имелось ударное окончание «о». По окончании университета в ожидании вакансии Ф. Плевако служил стажером в Московском окружном суде.

С весны 1866 года в России стала формироваться присяжная адвокатура. По закону должность присяжных поверенных могли занимать люди только с юридическим образованием, не моложе двадцати пяти лет и со стажем работы не менее пяти лет. Поскольку у Плевако не было требуемого стажа, он поступил помощником к присяжному поверенному М.И. Дроздову. Однако, выступая на громких уголовных процессах, он проявил себя грамотным адвокатом.

В 1870 году Ф.Н. Плевако был принят присяжным Московской окружной судебной палаты. С этого времени началась блестящая карьера адвоката Федора Никифоровича Плевако. Его особенно интересовали дела крестьян-бунтовщиков. После реформы 1861 года они оказались в еще более тяжелом положении от засилья и незаконных поборов дворян.

В профессиональной среде он выделялся своей отзывчивостью и общительным характером. Его принимали во всех слоях российского общества. Благодаря природному уму, кропотливому труду и незаурядным ораторским способностям он дослужился до чина действительного статского советника, который по Табелю о рангах приравнивается к званию генерал-майора.

Гуманист и правовец Ф.Н. Плевако умело защищал и граждан, привлекаемых к суду, и свою точку зрения, мог покори́ть слушателей и присяжных пламенной речью и добиться положительного решения судебного дела в пользу подзащитного. Среди многих его адвокатских дел приводятся два случая по обвинению главных буддийских священников Дона. В ходе судебных разбирательств оба обвиняемых были оправданы.

Первый случай связан с завещанием главного ламы донских калмыков Аркада Чубанова (1840–1894).

18 февраля 1894 года умер бакша донских калмыков Аркада Чубанов (1840–1894), уроженец станицы Платовской Сальского округа Области Войска Донского. Спустя некоторое время после его смерти штатный гелюнг хурула станицы Платовской Джембе Микулинов и казак этой же станицы Бадма Чубанов обратились в Новочеркасский окружной суд с прошением об утверждении духовного завещания ламы. К заявлению была приложена опись имущества, оставшегося после его смерти. Дом и хурул оценили в 3700 рублей, а оценка имущества, находившегося в хуруле и в доме, в описи отсутствовала. К заявлению было также приложено духовное завещание ламы, по которому дом, хурул и вся священная утварь переходили хурулу Платовской станицы. Движимое имущество ламы Аркада Чубанова отходило его племяннику Бадме Чубанову. 25 ноября того же года духовное завещание ламы утвердил Новочеркасский окружной суд к исполнению, и оно вступило в законную силу. Спустя два года в Сальском округе распространилось известие, что духовного завещания у ламы Аркада Чубанова не было, а предъявленное завещание составлено уже после его смерти. В «Судебной газете» за 23 ноября 1897 года была опубликована статья «Дело по обвинению донских калмыков Джембе Микулинова и других в составлении подложного завещания».

В ходе проверки, проведенной полицейским Ченцовым, манджик хурула К. Парсунков подтвердил, что завещание было написано после смерти ламы, а расписался учитель Абуша Сарсинов в присутствии бакши Джембе Микулинова, избранного ламой донских калмыков вместо умершего ламы, и других лиц. Началось расследование. Духовное завещание ламы А. Чубанова было подвергнуто судебной экспертизе. Специалисты сличили подписи ламы на официальных документах и на завещании и пришли к выводу, что подпись на завещании сделана не его рукой. Допрошенные в качестве свидетелей Сарсинов, Дакугинов, Абушинов показали, что завещание написано Абушиновым под диктовку самого ламы А. Чубанова и подписано им лично.

Бакша Джембе Микулинов, казаки Урубжур Абушинов, Абуша Сарсинов, Саран Мангатов, штатный гелюнг хурула Церен Буринов, урядник Дакугинов привлекались к суду Новочеркасского окружно-

го суда с участием присяжных поверенных князя А.И. Урусова (1843–1900), Ф.Н. Плевако (1893–1908), Н.В. Грекова (1845–1915) в качестве защиты.

Дело запутанное, в осуждении указанных лиц имелись заинтересованные стороны: в станице Платовской шла борьба между буддистами и православными за место на хуторе Гремучий колодец. Калмыки собирались построить здесь женскую школу, а православные – храм.

На суде свидетели давали противоречивые показания. Прокурор в своей обвинительной речи доказывал виновность подсудимых. Н.В. Греков же отметил несколько фактов в пользу подсудимых, установленных им в ходе предварительного следствия и на суде.

Присяжный поверенный Ф.Н. Плевако произнес блестящую речь в их защиту. Допуская мысль, что подпись сделана не рукой самого ламы Аркада Чубанова, он отметил, что в данном случае нет подлога, ибо в деле нет потерпевших. Наследник бакши, его племянник, получил по завещанию все движимое имущество своего дяди, которое досталось бы ему и без завещания, духовенство – дом ламы, хурул и все священные предметы, которые не могли перейти в частное владение. Его наследник не спорит против завещания. Далее Ф.Н. Плевако сказал: «Если калмыки и составили подложное завещание, то они хотели сохранить неприкосновенными священные предметы буддийского храма...». В заключение Федор Плевако попросил присяжных заседателей вынести оправдательный вердикт, чтобы они «внесли «русское» правосудие в темный уголок калмыцкого народа!»

После обстоятельной речи председательствующего суда М.К. Ханженкова подсудимые бывший бакша Микулинов (через переводчика) и учитель Сарсинов произнесли последнее слово в свою защиту. Присяжные заседатели должны были решить, доказано ли, что завещание Аркада Чубанова подложное, и виновны ли подсудимые в подлоге. Присяжные пришли к выводу, что подлог завещания не был доказан, и все подсудимые были оправданы.

Слушание другого судебного дела, участниками которого были адвокат Ф.Н. Плевако и главный лама донских калмыков Менке Борманжинов, произошло несколько позднее первого.

Менке Бакарович Бормажинов был избран на должность главного ламы буддистов Дона в 1901 г., вторично – в 1903 г.

Ламы донских калмыков избирались в то время сроком на три года из числа 3 кандидатов. Выборщики из 13 калмыцких станиц: бакша станичного хурула, станичный атаман и 5 почетных уважаемых казаков, из трех претендентов на пост главы буддистов Дона выбирали одного. Результаты выборов во многом зависели от поддержки родственного клана, наличия финансов и т.д. М. Борманжинов был представителем самой крупной станицы – Богшрахинской, и многочисленного богатого клана. Как настоятель, он пользовался большим уважением прихожан, был сторонником подготовки у себя в хуруле духовенства новой формации.

Однако у ламы М.Б. Борманжинова были и недоброжелатели, которые не поддерживали внедрения новшества по улучшению качества изучения основ буддизма и спровоцировали скандальное судебное дело. Однажды лама по делам службы донских буддистов приехал в г. Новочеркасск, столицу донского казачества, и остановился в гостинице. Вокруг его имени бульварная пресса тут же подняла шумиху о нарушении ламой этических норм буддизма. В то время проездом из Тифлиса в Петербург в Ростове-на-Дону оказался Ф.Н. Плевако. Скандальная история, связанная с буддийским ламой, заинтересовала его. Он затребовал материалы дела и понял, что все сфабриковано с целью вымогательства огромной суммы денег. Ф.Н. Плевако посоветовал коллегам скорее закрыть позорное судебное дело против ламы. Судьи пытались защитить честь мундира, но вынуждены были дело закрыть.

Благодарный лама предложил Ф.Н. Плевако довольно солидную сумму гонорара. Но адвокат вежливо отказался, предложив их израсходовать на нужды буддистов.

Так, благодаря вмешательству адвоката Федора Плевако благополучно закончилось еще одно судебное дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкий Н.А. Федор Никифорович Плевако // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 33–38.
2. Борманжинов А. Ламы калмыцкого народа: Ламы донских калмыков. Элиста, 1997. С. 21–22.
3. Богшрахинский аймак и богшрахинцы / сост. П.Э. Алексеева. Элиста, 2002. С. 38–39.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ Н.П. БАРБОТ ДЕ МАРНИ (1830 – 1876)

Николай Павлович Барбот де Марни – известный русский геолог. Образование он получил в Горном корпусе. В студенческие годы печатался на страницах Горного журнала.

В 1852 г. Н.П. Барбот де Марни, с отличием закончив учебу и получив звание инженера-поручика, был направлен в Тульскую губернию для исследований месторождений каменного угля.

Вплоть до 1874 г. Н.П. Барбот де Марни ежегодно принимал участие в геологических экспедициях по России и за ее пределами, обстоятельно изучал геологическое строение земли в Европейской части России. Бывая за рубежом, непременно старался узнать о последних достижениях геологической науки в европейских странах.

Н.П. Барбот де Марни побывал с экспедициями на Урале, в Карпатах, на линии прокладки железной дороги на юге России, а также в Средней Азии в районе Амударьи, Кызылкума, Мангышлака. По заданию горного ведомства он выезжал в Германию, Францию, Бельгию, Испанию.

В 1860 году инженера-полковника Н.П. Барбота де Марни пригласили принять участие в Кумо-Маньчской экспедиции по исследованию Калмыцкой степи. Результатом двухлетней геологоразведочной работы стала публикация его «Геолого-орографического очерка Калмыцкой степи и прилегающих к ней земель» в «Записках Императорского Русского географического общества» (СПб., 1862. Кн. 3.). Как лучшее геологическое исследование этот труд Н.П. Барбота де Марни в 1863 г. был отмечен малой золотой медалью Императорского Русского географического общества (ИРГО).

Научно-исследовательскую деятельность профессор Н.П. Барбот де Марни совмещал с преподавательской работой в Горном институте. Но долгие годы, проведенные в полевых условиях, сказались на его здоровье. В 1876 году он выехал на лечение за границу, однако, доехав до Вены, умер, так и не успев подлечиться.

Материалы Кумо-Маньчской экспедиции по исследованию Калмыцкой степи вышли из печати в 1868 г. В первую часть издания вошли «Перечень работ, произведенных экспедицией», составленный начальником экспедиции полковником К.И. Костенковым, и «Астрономические работы в Калмыцкой степи и топографическая нивелировка на Маньче» члена экспедиции инженера-поручика Крыжина.

Вторую часть издания составила работа инженера-полковника Н.П. Барбота де Марни «Геологическое описание Калмыцкой степи и прилегающих к ней земель», содержащая топографические сведения, орографические и геологические описания территорий Калмыцкой степи.

В третью часть была включена работа К.И. Костенкова «Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи», в которой обозначены места и пути перекочевков, данные о народонаселении. В приложении приводились статистические данные калмыцкого населения по переписи 1795 г., численность владельцев и количество кибиток. Всего в Калмыцкой степи на тот период насчитывалось 180 зайсангов и 13155 кибиток. Эти материалы по исследованию Калмыцкой степи до сих пор не утратили научной ценности.

Среди других научных трудов Н.П. Барбота де Марни можно отметить статью «О каменной соли озера Чапчачи».

ЕФИМ ЧОНОВ – ЮРИСТ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Ефим Чонович Чонов родился в 1887 году в Багабурульском аймаке Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Азы грамоты мальчик получил в аймачной школе. Затем на средства общественного калмыцкого капитала он учился в Ставропольской гимназии, которую окончил в 1907 г. В начале XX в. в России давалась возможность поступления в высшие учебные заведения представителям из народа и инородцам.

В числе первых «счастливиц», поступивших тогда в столичные вузы были калмыки С.Б. Баянов, Н.О. Очиров, Б.Н. Уланов, Э.Д. Даваев (Хара-Даван), Е.Ч. Чонов и др. В фондах Центрального государственного военно-исторического архива (далее – ЦГВИА) сохранилось «Дело о предоставлении окончившему Ставропольскую гимназию калмыку Ефиму Чонову возможности поступления в военно-медицинскую академию». Но документальные сведения об учебе Е. Чонова в этой академии отсутствуют, зато имеются свидетельства об окончании им юридического факультета Санкт-

Петербургского университета. В 1914 г. калмыцкие студенты стремились получить второе высшее образование. Примером тому служат Н.О. Очиров, Д. Манджиев, Е.Ч. Чонов, который и продолжил учебу в политехническом институте.

Любознательный и способный, он занялся изучением истории калмыцкого народа, военной истории России, участием калмыков в войнах по защите Отечества. Итогом его исследований стало издание на средства общественного калмыцкого капитала книги «Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г.» (Пятигорск, 1912), приуроченное к 100-летию победы русской армии над французами.

Выход в свет труда Е.Ч. Чонова по военной истории России стало знаменательным событием в Калмыкии. Это было первое серьезное исследование военной истории калмыков, начиная с XVII в. и до 1812 г. Автор использовал архивные данные многих военных ведомств: Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба, Общего архива Главного штаба, Московского отделения общего архива Главного штаба, Архива Управления калмыцким народом (УКН), Архива Инородческого управления в г. Ставрополе. Также он воспользовался сведениями о калмыках из известных на то время исторических источников, статистических отчетов и сообщений Пятигорского общества исследователей Астраханского края. В книгу автором был включен текст боевого гимна калмыцких полков 1812 г. с приложением нот («Сөм хамрта парнцс»).

Е.Ч. Чонов в своей работе указывает на серьезную ошибку Г.Н. Прозрителева – автора книги «Военное прошлое наших калмыков. 1812–1912 гг». (Ставрополь, 1912 г.), состоящее в том, что 1-й Калмыцкий полк под командованием Джамбы тайши Тундутова он ошибочно назвал «Ставропольским», тогда как название «Ставропольский калмыцкий полк» носил 3-й Калмыцкий полк, собранный из крещеных калмыков Ставропольского уезда Самарской губернии.

После завершения учебы Е.Ч. Чонов вернулся в родной Большедербетовский улус и занялся активной политической деятельностью. Молодой юрист часто выезжал в губернский центр г. Ставрополь с целью добиться изменений в правовом положении кочевого народа, уравнения его в правах с русским народом, введения управления кочевыми народами по образцу местного земского самоуправления. В 1909–1914 гг. Е.Ч. Чонов активно выступал на страницах губернских газет по вопросам введения местного самоуправления у кочевых народов Ставропольской губернии. В 1909 г. в газете «Северо-Кавказский край» за подписью «Инородец» появилась статья «Подготовлены ли калмыки и кочевые инородцы к земскому самоуправлению», затем были опубликованы и другие: «Докладная записка о калмыках Большедербетовского улуса», «План земель калмыков Большедербетовского улуса», «Из области землеустройства», «Калмыцкие школы: доклад на съезде учителей», «О калмыцких школах».

Когда началась первая мировая война, будучи деятельным человеком, Е.Ч. Чонов не мог оставаться в стороне от общественных дел. В Большедербетовском улусе был объявлен сбор средств для нужд армии. По решению общественного схода жителей Большедербетовского улуса Е.Ч. Чонов привез к месту назначения – в ставку Главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича 27 годных к армейской службе лошадей.

В том же 1914 г. Е.Ч. Чонов был избран уполномоченным Калмыцкого передового санитарного отряда. Как член Ставропольского губернского комитета по оказанию помощи раненым воинам он участвовал в сборе пожертвований на нужды войны.

Е.Ч. Чонов был одним из инициаторов открытия в улусной ставке, в Башанте, кумысолечебницы. В 1916 г. он срочно выехал в Башанту для практического осуществления задуманного дела, и здесь в больнице было открыто отделение кумысолечения. Состояло оно из трех калмыцких кибиток. В одной из них готовили кумыс, в двух других больные принимали этот лечебный напиток. Больные размещались в помещениях двухклассного училища, а также на частных квартирах. Сюда с фронта поступали раненые и больные с фронта для лечения и поправки здоровья.

Е.Ч. Чонову принадлежит инициатива увековечения памяти князя М.М. Гахаева (3 янв. 1858 – март 1907), памятник которому был открыт в августе 1911 г.

Еще в годы учебы в университете Е.Ч. Чонов проявлял интерес к земству, был членом Российской земской партии, распространял «Положение о земских учреждениях» в Ставропольской губернии. К 35-летию отмены зависимости калмыков от своих владельцев и получения ими личной свободы он написал «Доклад о калмыках Большедербетовского улуса со времени принятия калмыков подданства России с 1636 года, об общественном и административном устройстве, управлении, экономике и быте, образовании, здравоохранении...». Рукопись сообщения хранится в ЦГВИА. После Февральской революции 1917 г. в Ставропольской губернии вместо губернаторства был создан Комитет общественной безопасности и уездные комиссариаты, в Большедербетовском улусе – улусный

комитет общественной безопасности. Активное участие в этом приняли представители калмыцкой интеллигенции Лидже Карвенов, зайсанг А. Бадмаев, Андрэ Михайлов, К. Кирсанов, Лиджи Опгоинов и Ефим Чонов.

В июле 1917 г. в газете «Северо-Кавказский край» появилась статья Е.Ч. Чонова «Земство у наших кочевых инородцев». Этой же проблеме была посвящена еще одна его работа «Земство во Внутренней Киргизской орде и Калмыцкой степи Астраханской губернии и у инородцев Ставропольской губернии» (Пг., 1917. 17 с.).

На органы местного самоуправления по образцу земства Е.Ч. Чонов возлагал большие надежды, связывая их с улучшением благосостояния кочевых народов, повышением культурного уровня, развитием образования, здравоохранения. Чтобы провести столь масштабные преобразования, требовались немалые средства.

В 1918 г. в Ставропольской губернии был создан Инородческий совет под председательством Е.Ч. Чонова, который и занимался вопросами преобразований в управлении кочевыми народами губернии. Инородческий совет имел свой печатный орган «Ставропольский инородец», с которыми сотрудничали Е.Ч. Чонов и его односельчанин Е.М. Сайков. Во время гражданской войны территория Большедербетовского улуса была занята частями Добровольческой армии. Ее главнокомандующий А.И. Деникин (14 дек. 1872 – 8 авг. 1947 г.) своим указом от 10 августа 1918 г. распустил Инородческий совет, и издание газеты прекратилось.

В конце 1918 г. началось наступление частей Красной Армии. В марте 1920 г. Добровольческая армия с боями отходила к Черному морю, остатки армии бежали в Турцию. Так, Е.Ч. Чонов оказался в эмиграции.

В 1921 г. при содействии Общества Красного Креста в Константинополе были созданы Калмыцкий культурно-просветительный комитет и Союз помощи буддистам России, впоследствии Буддийский союз. Программа действия последнего, членами которого были Бадма Уланов, Санджи Баянов, Абуша Алексеев, Лиджи Шембенев, Ефим Чонов, Дорджи Онкоров и др., предусматривала оказание помощи сородичам, попавшим в тяжелое положение, и поиск путей для возвращения в Советскую Россию или переселения в одну из буддийских стран Востока.

Калмыцкое представительство при Народном комиссариате национальностей (далее «Наркомнац» – П. А) вело большую переписку с лидерами калмыцкой эмиграции по вопросу возвращения их на родину.

В 1921 г. в Константинополь, в клуб «Империал», поступила телеграмма на имя Е.Ч. Чонова следующего содержания: «...21 апреля 1921 г. Президиум ВЦИК амнистировал 28 человек: Баянов, Хара-Даван, Босхомджиев, Хундаев, Уланов Бадма, Уланова Данара, Уланов Санжариг, Васькиев, Теменников, Манджиев Цаган, Эрендженев Бадма, Такиев, Шембенев, Алексеев Абуша, Пунцуков и др. Приехавшие уже работают среди своих. Остальные могут вернуться на родину в силу общего декрета. Широко оповестите всех. Исполнение телеграфируйте по адресу: Москва, Народный комиссариат по национальным делам, Уполномоченному Калмыцкого представительства Амур Санану. Насунов».

Е.Ч. Чонов по амнистии вернулся из Болгарии в 1922 г., работал во Всероссийском совете народного хозяйства. В это время в Москве в Калмыцком представительстве Наркомнаца работали А.М. Амур-Санан, О.Ш. Насунов, Е.М. Сайков, уроженцы Большедербетовского улуса, сверстники Е.Ч. Чонова. Они, по всей вероятности, помогли Е.Ч. Чонову трудоустроиться в Москве, возвращения которого так долго они добивались. Образованный юрист с инженерным образованием, Е.Ч. Чонов работал в ВСНХ РСФСР.

Умер Е.Ч. Чонов в 1927 г. в родном аймаке Багабурул Большедербетовского улуса в возрасте сорока лет.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ И КАЛМЫКИ

Калмыки-кочевники, выходцы из Центральной Азии, в поисках свободных земель и пастбищ двинулись из Джунгарии на север и в начале XVII века через Сибирь дошли до Волги. Калмыки постепенно перешли на правый берег Волги и в район Дона и Предкавказья.

С расширением территории России на восток образовался новый край – Оренбургский, включавший нынешние территории Урала, Башкирии, Поволжья.

В целях изучения экономического состояния и природных ресурсов различных районов страны в 1768–1774 гг. Академией наук России была организована комплексная экспедиция «Академическая», состоявшая из двух основных групп: Оренбургской и Астраханской, в составе которых работали пять отрядов. Ими руководили известные ученые и путешественники П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.И. Лепехин, И.А. Гильденштедт и С.Г. Гмелин. Район научных исследований охватывал огромную территорию и не соответствовал их названию.

Программа была единой для всех ее участников. Результаты их отражались в отчетах, публиковались, а сведения, полученные из верных источников, служили материалом для дальнейшего изучения. Основным направлением экспедиции был юго-восток Европейской части России и Сибири. Маршруты экспедиций иногда совпадали. Они посещали одно и то же место, но в разное время года.

В Астраханском крае, на Северном Кавказе побывали отряды И.П. Фалька, И.А. Гильденштедта по маршруту Волга – Астрахань – Моздок – Терекские теплицы. И.А. Гильденштедт опубликовал статью «Географическое, химическое и врачебное описание теплиц (горячих целительных ключей), в Астраханской губернии при реке Терек находящихся».

Маршрут И.П. Фалька из Петербурга через Москву шел на Пензу – Сызрань – Саратов – Царицын – Астрахань – Сибирь. Обратный путь пролегал по Волге в Астрахань – Терекские теплицы. Между реками Малкой и Кубанью И.П. Фальк обнаружил горячие ключи. Калмыки их называли «халун усун аршан», («горячий водяной эликсир»). Больные горцы и калмыки купались в них, излечивались от болезней. Сам И.П. Фальк два раза выезжал на горячие ключи, после которых его здоровье значительно улучшалось.

Помощник И.П. Фалька, лекарь Христофор Барданес в дополнении к его исследовательским материалам описал «теплицы или воды теплые» так: «Горячие ключи в горах при речке Кума, которые калмыки называют «халун усун аршан», очень схожи с Петровским и Екатерининским, ... они полезны от всех болезней».

После ухода части калмыков в Джунгарию в 1771 году небольшая группа кочевников Яндыковского улуса Астраханской губернии отделилась от своего владельца и с берегов Волги и Каспийского моря переселились в малолюдный район, расположенный между устьями рек Кумы и Терека. В 1776 году с созданием укрепленной Кавказской линии – от крепости Азова до крепости Моздок – сюда же были переселены казаки с Дона и Волги. По распоряжению генерал-губернатора, наместника Новороссийского края Г.А. Потемкина на новую линию по реке Терек поселили и калмыков, кочевавших по побережью Каспийского моря, и причислили их к Моздокскому казачьему полку.

Терские, или моздокские калмыки в поисках пастбищ разбрелись на свободных землях за рекой Кумой, по земельному размежеванию 1860 года отошедшей к Ставропольской губернии. По Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Терской области на тот период проживало 5129 калмыков-буддистов, в Кизлярском округе – 2354 человека, в Пятигорском округе – 1859 человек.

Главным занятием терских калмыков было скотоводство. Разводили крупный рогатый скот калмыцких пород, курдючных овец, верблюдов. Некоторые обедневшие калмыки, не имевшие собственного хозяйства, занимались отхожим промыслом по добыче соли, извозу, нанимались к казакам. На калмыков, как и на казаков, были возложены обязанности – поочередно конвоировать почту, сопровождать проезжающих путников на Кавказ и обратно, выставлять вооруженные караулы к соляным заставам Можарских и Гайдукских озер.

Терская область богата минеральными водами. Важнейшие и разнообразные по своему составу источники сосредоточены в окрестностях рек Кума и Подкумок, получивших название Кавказские Минеральные Воды, у подножия Бештау в Пятигорске, Ессентуках, Кисловодске.

Калмыки, кочевавшие в этих местах, издавна пользовались лечебными свойствами минеральных источников, но примитивными методами. В местах выхода вод они делали небольшие углубления – ямки, в которые ложились для принятия водных процедур. Грязями же обмазывали тело, а после обсыхания, смывали. В медицине такой метод лечения известен под термином «калмыцкий метод грязелечения».

Со временем слава о лечебных свойствах минеральных источников Кавказа распространилась повсюду. С наплывом посетителей стали сооружать ванны. В первое время оборудовали и использовали калмыцкие кибитки. В одних устанавливали кабины с ваннами, в других – приспособления для подогрева воды, в третьих – располагалась прислуга, нанимаемая для обслуживания приезжих. Калмыкам предписывалось обеспечить на этот сезон необходимое количество кибиток, кошму, которую стелил на пол обслуживающий персонал, занимавшийся подготовкой ванн, воды и т.д., а также транспортом – повозками и лошадьми.

До постройки Владикавказской железной дороги состоятельные люди приезжали сюда на своих

экипажах со всеми домочадцами, прислугой, домашними врачами, с запасами провизии. Другие же пользовались услугами почтовых перевозок или частных извозчиков.

В 1875 году, когда была введена в эксплуатацию ветка железной дороги до станции Минеральные Воды, поток людей, прибывающих на лечение и отдых, значительно увеличился.

Кавказские Минеральные Воды и их окрестности калмыкам были известны издавна. Об этом свидетельствуют и калмыцкие географические названия: Кавказские горы – Черкш уул (Черкесские горы), Бештау – Тавн уул (Пять гор), Пятигорск – Тавн уулын балгасун (Город пяти гор), Горячеводск – Халун усн балгасун (Город горячих вод), Кисловодск – Ишкль усн балгасун (Город кислых вод), Эссентуки – Йисн туг (Девять знамен), г. Святой крест (Прикумск) – Улан балгасун (Красный город), Военно-Грузинская дорога – Шин хаалh (Новая дорога) и т.д.

О происхождении названия г. Эссентуки существуют калмыцкие предания. По одному из них была битва между калмыками и черкесами. Калмыки все горские народы называли черкесами («шеркш»). Калмыки выставили 9 полков и одержали победу. На кургане, в окрестностях которого проходило сражение, они водрузили 9 полковых знамен. Место это получило название «Йисн туг» (Девять знамен).

Девять калмыцких знамен

Собрались тогда предводители девяти крупных калмыцких родов: ульдючины, бага-чоносы, ики-чоносы, найнтахины, ики-цохуры, оргакины, кевюды, бурулы, манджикины, а также представители 31 мелких и средних родов – безаймачных и прочих. Подсчитали свои силы и поняли, что почти не вооружены. И тогда от калмыков отправилась делегация к императрице Екатерине II.

Предки Балзановых стояли на том, что нельзя продавать веру. Калмыцких нойонов и зайсангов, ставших князьями, они считали предателями. Мои предки всегда были в опале у Петербурга. И когда они в составе делегации прибыли в Санкт-Петербург, Екатерина Великая снова стала уговаривать их принять княжеский титул (о вере речь уже не шла). Они ей ответили:

– Вы умная царица, но здесь вы не правы. Мы уйдем, и вам придется воевать на юге. И вы терпите поражение. Мы же управляем воинственным народом.

– Оставайтесь буддистами, но станьте князьями, – сказала царица.

– Нет, – ответил ей мой предок. – Князей утверждают в Синоде. Какой же я буддист, если дам присягу попу?

Вера меняет характер, так считали мои предки.

Делегация доложила Екатерине об опасности, исходящей с Кавказа. Она сказала:

– Я подозревала, что это произойдет. Но войсками помочь не могу.

– Нам нужно только оружие.

– Но как вы доставите его в степи?

– Дайте приказ Воронежу, Туле. Пусть отпустят с нами оружейников, скорняков, шорников; а мы дадим им лошадей. Царица ответила согласием.

И никто в Калмыкии сегодня не знает, почему в Тульской области есть деревня Большие Калмыки. А мне об этом отец рассказывал. Из Санкт-Петербурга калмыки вернулись через Тулу. Там была перевалочная база калмыков, отсюда и название деревни. Привезли с собой оружейников, обустроили их в Элисте, возле оврага с родниками, и началось изготовление оружия. Каждый род вооружался по списку. Соблюдались строгая очередность. Сроки были жесткие. После того, как отчитался последний зайсанг, был назначен недельный срок для общего сбора. И двинулось калмыцкое войско на Кавказ.

Разведка работала хорошо: постоянно передавались сообщения о передвижениях черкесов, кбардинцев, карачаевцев и других народов. Россия в то время воевала с Турцией, и потому пять полков калмыцкого войска пошли к горам, два – в Крым, два – к турецким янычарам. Последние четыре, справившись с врагами, присоединились к основным пяти полкам. Таким образом, к месту сражения с кавказцами подошли все девять калмыцких частей.

Кавказ пришел в смятение: началась страшная резня. У калмыков было девять родов, девять знамен, девять шатров. Над центральным шатром развевалось родовое боевое знамя предков Балзановых, на котором была изображена Окон-Тенгри, покровительница дербетов. Когда муллы, наконец, запросили мира, наши ответили согласием. Именно тогда между калмыками и кавказскими народами был заключен договор о ненападении на все времена. Степняки потребовали, чтобы месту, где проходила битва, было дано калмыцкое название Йисен туг (Эссентуки), то есть Девять знамен.

С тех пор у некоторых кавказских народов каждое утро в домах слышится слово «калмык», так как они пьют калмыцкий чай и называют его «калмык-чай».

По другой версии, встретились 9 полков двух враждующих сторон: 4 калмыцких полка во главе с Мазан-батыром Ользятиевым и 5 горских. Противники долго не могли одолеть друг друга. И тогда неприятели пошли на мировую. В знак этого перемирия Мазан-батыр водрузил над безымянной речкой 9 знамен. И с тех пор место получило название «Йисен туг» – «Ессентуки».

Д.Э. Басаев. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания.

(По пересказу Ц. Балзанова). Изд. 2-е. Элиста, 2007. С. 158–160.

Речка Йисен туг

(Вариант 1)

Во время военного похода калмыков из степей к горным вершинам Кавказа на берегу небольшой речки разыгралась битва с черкесами. Горцы потеряли в этом сражении пять знамен, калмыки – четыре. Силы были почти равны, и противники, чтобы не проливать кровь понапрасну, решили примириться.

«Пусть горцы уйдут в свои ущелья, а калмыки – в ковильные родные степи», – сказал Мазан Ользятиев. Так и сделали.

Оставшись на поле боя один, Мазан собрал павшие знамена обеих сторон и в знак заключенного мира водрузил их у безымянной речки, которая у калмыков стала называться Йисен туг, то есть Девять знамен.

По публикации Н. Илишкина

Ессентуки, Лола

(Вариант 2)

В XVII веке на Кавказе сошлись в битве калмыки и горцы. Обе стороны несли страшные потери. Калмыцкие гелюнги и кавказские муллы, дабы остановить кровопролитие, пошли на переговоры и добились перемирия. Месту, где произошло сражение, дали калмыцкое название Йисен туг (ныне город Ессентуки), что означает «Девять знамен» (по числу знамен, поверженных с обеих сторон в битве).

В том сражении участвовал и один из предков Балзановых. Он привез с Кавказа молодую жену, красавицу-горянку...

Родилась дочь, ей дали имя Лола. Но недолго радовала она родителей, скончавшись от болезни легких. В память о ней урочище назвали Лолой.

Моздокские или терские, кумские калмыки, проживавшие на территории Терской области с 1776 г. в составе Кавказского наместничества Кавказской губернии, после 1917 г. по новым административно-территориальным делениям вошли в состав Северо-Кавказского края до 1937 г., после разукрупнения отошли к Орджоникидзевскому (с янв. 1943 г. – Ставропольскому) краю. В 1923–1924 годах часть из них переселилась в Калмыцкую автономную область. Оставшиеся терские, моздокские, кумские калмыки вместе со всем калмыцким народом были депортированы в Сибирь из Левокумского района Ставропольского края и других населенных пунктов. После реабилитации калмыцкого народа они вернулись в Калмыкию. Калмыцких поселений на Северном Кавказе не осталось.

Таковы некоторые исторические сведения и предания о взаимоотношениях калмыков с народами Северного Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историко-культурное наследие Кавказских Минеральных Вод и преемственность поколений: материалы Всерос. науч.-практич. конф. (21–22 мая 2003 г., г. Кисловодск). Ставрополь, 2003. С. 13–17.

О КОНЕВОДАХ И КОННОЗАВОДСТВЕ В САЛЬСКИХ СТЕПЯХ*

На юге России, на Дону, было широко развито частное и государственное коннозаводство, находившееся под надзором военного ведомства. Отдельным войсковым единицам были просто необходимы и лошади, и кавалерия, и артиллерия, и части обозной службы. Основными их поставщиками были степные юго-восточные районы России. Владельцы частных конных заводов того времени в основном – представители привилегированного сословия: князья и графы, высшие военные чины, а также зажиточные казаки. На Дону заводы держали великие князья дома Романовых. Среди

* Журнал «Теегин герл». 2004. № 3. С. 98–107.

собственников известны имена Жеребцовых, Пишвановых, Супруновых, Подкопаевых, Могутовых, Поповых, Савиновых, Яновых, Корольковых и других.

Войсковые земли для частных коннозаводств отводились в Задонских степях Сальского округа и были разделены на два участка: восточный, который располагался ближе к Калмыцкой степи, к границам Ставропольской губернии, и западный, находившийся западнее от окружного центра – станицы Великокняжеской.

Яков Андреевич Корольков – один из первых рядовых казаков, выбившихся в частные коннозаводчики. Дело его продолжил сын Иван Яковлевич, и со временем появилась династия коннозаводчиков. Их заводы размещались в окрестностях совхоза «Гигант» Зерноградского (бывш. Мечетинского) района Ростовской области, вплоть до территории земель совхоза «40 лет ВЛКСМ» Приютненского района Калмыкии. До недавнего времени здесь еще оставались следы построек конюшен тех лет.

Фамилия Корольковых широко известна и среди калмыков. Доктор филологических наук Ц.-Д. Номинханов в автобиографии писал, что его отец Учур Юнзуков работал до 1908 года табунщиком и конюхом ремонтных лошадей у коннозаводчика Королькова.

По рассказам американского калмыка Н.Б. Нембрикова (1907–1996), в середине 1920 г. в русской гимназии в Праге вместе с ним учился Корольков, продолживший образование на сельскохозяйственном факультете в Пражском университете. По окончании в конце 1920 г. он выехал в США. Обосновавшись в штате Нью-Джерси, занимался фермерским хозяйством, имел собственную птицефабрику. Привлекал к работе своих земляков – казаков, которых приглашал из Германии, Югославии, Болгарии. В начале 1950 гг. Корольков трудоустроил на птицефабрику группу калмыков-эмигрантов, поселившихся в Америке. Помог он и своему однокласснику Н.Б. Нембрикову.

Уроженец Цевднякинського аймака Николай Муджилович Кавинов (1905–1944), бывший работник Уполминзага Калмыкии, в автобиографии указывал на то, что свою трудовую деятельность начал табунщиком у Пишванова Макара Семеновича. У Супрунова работал Басан Балыков (1860–1919), отец писателя Санджи Балыкова. Прежний владелец Янов при оформлении сделки купли-продажи отдельным пунктом оговорил с Супруновым свое условие: «... при любых обстоятельствах членов семьи Балыкова Басана не увольнять без их на то согласия...».

Одним из известных коннозаводчиков был Иван Иванович Попов, интересовавшийся культурой народа и свободно владевший калмыцким разговорным и письменным языком, собиратель образцов устного народного творчества. Его информантами были наемные работники: Санджи Дертынович Асанов (ур. Гелнгякинського аймака), Бятуд (Бадма) Гендинович Нембриков (ур. Ики-Бурульского аймака), Улан Бальдинова, Кегульта Цеденов, джангарчи Бадма Лиджинович Обушинов (Абушинов) и др. Работа при табунах в те годы – одна из форм отхожего промысла калмыков. Отходники свои аймачные надель земли сдавали в аренду, или же хозяйство вели другие члены семьи.

Конный завод И.И. Попова располагался по берегам реки Малый Егорлык, который впадал в Маныч с юга. Между ними протекали три притока Малого Егорлыка, три Юлы (Аюла): Большая, Средняя, Малая. И здесь находились зимники заводов Поповых и Корольковых. И.И. Попов местом записи материалов устного народного творчества калмыков указывает «Дунда Аюла», «собственный завод на балке Дунд Аюла».

В разговорах старшего поколения калмыков до выселения можно было слышать фразы «... Супруна адунд йовхд», «Пишвана адунд...», «Корольковын адунд...» и т.д. В зависимости от места рождения дети получали имена и фамилии, которые встречаются у калмыков: «Супрун», «Пишван», «Король» (Кароль), «Куприян», «Куприянов», «Балабин» и др.

Коннозаводчикам разрешалось нанимать на работу калмыков по их согласию, с условием уплаты взносов в войсковую казну за освобождение от службы в размере 75 рублей за взрослого казака-калмыка и по 50 рублей – за молодого. За пользование же зимовыми участками платили по 3 копейки за десятину. Вносили еще плату земских сборов. Таким образом, войсковое казначейство получало внушительную сумму.

Исследователь Дона С.Ф. Номикосов приводит сведения о Калмыцком кочевье за 1859 и 1873 гг.:

Годы	Число жителей	Площадь земли	Число лошадей	На 1 семью	На 1 чел.
1859	21252	1855951	82762	23	4,5
1873	20670	1855951	45550	13	–

Резкое уменьшение поголовья лошадей в калмыцких кочевьях объясняется тем, что они содержались круглый год на пастбищах без зимних помещений и запасов кормов. В зиму 1875 и 1876 гг. во время гололедицы погибло немалое количество лошадей.

До 1877 года частное коннозаводство калмыкам запрещалось. Но с 30 апреля 1877 года были введены высочайше утвержденные «Правила о Донском частном коннозаводстве на войсковой Задонской земле», которые распространялись и на калмыков. Лишь после введения этих новых правил и среди зажиточных калмыков появились владельцы конных заводов.

Коневодством калмыки-кочевники исконно занимались. Конь кормил, поил, одевал, служил средством передвижения. Табуны содержались на подножном корму до тех пор, пока лошади способны были доставать его из-под снежного покрова. На зиму же делали некоторые запасы сена, покупали у соседних крестьян, также заготавливали сами. Крытых же зимних помещений по-прежнему не было. Вместо них устраивали загороженные участки, «базы».

Разводили особую калмыцкую породу лошадей, пригнанных из Джунгарии. Но за длительный период пребывания в иной среде эта порода в чистом виде почти не сохранилась. Лошади калмыцкой породы – отличные скакуны. Главные их достоинства – небольшой рост, выносливость, неприхотливость в уходе. Эти качества привлекали ремонтеров, закупавших лошадей для военных нужд. Калмыкам было выгодно заниматься их разведением. Коневоды старались приобретать хороших производителей.

Получаемая прибыль толкала на то, чтобы перенимать полезный опыт соседей: строить конюшни, запасать корм, налаживать уход, вести селекционную работу. При хорошем содержании калмыцкие полукровки давали неплохие результаты, стали цениться, пользовались огромным спросом. Калмыцкие коннозаводчики выгодно сбывали полукровок-трехлеток на ярмарках.

По отчетам за 1-е полугодие 1871 года в 13 калмыцких сотнях (аймаках) трех калмыцких улусов числилось 488 коннозаводчиков. Это число явно преувеличено. В имущественном отношении не все они были равными владельцами. Иногда коннозаводчиком называли хозяина, который имел всего один косяк табуна (косяк – 1 жеребец, 8–10 маток).

В статье С.Ф. Номикосова «Очерк коневодства в Области Войска Донского» обрисовано состояние коневодства у донских калмыков по результатам обследования комиссии, которая выявила его неравномерное распространение в калмыцких аймаках, т.к. оно во многом зависело от естественно-природных условий. Наиболее развитое коневодство отмечалось в Бемдякинском аймаке Среднего улуса, а также в Богшрахинском, Ики-Бурульском и Багутовском аймаках Нижнего улуса. Слабо – в Цевднякинском и Эркетеневском аймаках Верхнего улуса. Здесь земля была глинистая, солончаконная, бедная травостоем.

Донское частное коннозаводство в то время было монополистом по доставке лошадей в военное ведомство. По данным 1884 года, только в Сальском округе на двух участках войсковой Задонской земли было зафиксировано 84 частных конных завода, в которых насчитывалось 1867 жеребцов, 22376 маток, разного возраста молодняка общей численностью 58275 голов.

В 1894 году приобрели зимовники и получили свободные участки 5 крупных калмыцких коннозаводчиков: Давид (Дава) Борманжинов из Богшрахинского аймака, у которого числилось 1437 лошадей; сотник станицы Иловайской из Зюнгарского аймака Матвей Шургучов (813 лошадей); гелюнг Доржа Аршинов (713 лошадей); Церен (Степан) Ушанов из Бемдякинского аймака (570 лошадей); вдова казака Кичик Чульчинова, владелица 390 лошадей. Всего же в калмыцких кочевьях Сальского округа насчитывалось 77 коннозаводчиков.

В Цевднякинском аймаке Верхнего улуса – 8 небольших заводов, в которых содержались 489 лошадей. В Ики-Бурульском аймаке Нижнего улуса – 17 заводов и 98 жеребцов, 1592 матки, 1279 голов приплода. Самый крупный коннозаводчик этого аймака – Батыр Манжиков.

В Богшрахинском аймаке Нижнего улуса на 13 заводов приходилось 63 жеребца, 823 матки и до 1000 голов приплода. Всего – 1878 голов. В этом аймаке славились лошади коннозаводчиков Давида Борманжинова, Болода Бульдинова.

В Зюнгарском аймаке Нижнего улуса находились два завода, в которых содержались 19 жеребцов, 268 маток и 371 голова приплода, всего – 658 лошадей. Отличались здесь лошади коннозаводчика Матвея Шургучова. На ежегодных выставках они всегда получали призы. Приобретая маток у владельцев из этих заводов, многие коневоды таким образом улучшали породность своих табунов. Также ценились лошади Давида Татнинова из Багутовского аймака, Буюнтука Басанова, Манжика Сарникова из Богшрахинского аймака Нижнего улуса. Лучшими считались заводы представителей Верхнего улуса Санжинова, Поляка Эренценова, Аршинова из станицы Потаповской.

Чтобы поощрить ценные начинания коневодов, в Сальском округе организовывались выстав-

ки лошадей в окружном центре, в станице Великокняжеской (ныне г. Пролетарск Ростовской области). Одна из таких выставок состоялась 1–2 сентября 1889 года. На ней были представлены 21 жеребец и 20 кобыл из конных заводов А.Д. Супрунова, М.С. Пишванова, М.И. Полякова, князя П.Н. Трубецкого, графа М.М. Платова, казака Филиппа Королькова. Участвовали в выставке и калмыцкие коневоды. Лошадь Санжи Калтыканова из Бемдякинского аймака удостоилась бронзовой медали. Кобыла Матвея Шургучова из Зюнгарского аймака получила серебряную медаль, лошади С. Манжикова и Батыра Манжикова – похвальные листы. В выставке также принял участие коннозаводчик Б. Сельдинов из Бемдякинского аймака.

По архивным данным 1885 года, среди крупных коннозаводчиков Сальского округа были также известны имена калмыцких владельцев Дорджи Бадминова, который имел 15 жеребцов и 152 матки, Санджи Бакбушова из Бемдякинского аймака – 9 и 121, Лавги Сангинова из Багутовского аймака – 12 и 150.

На 1 января 1891 года только в Задонской степи Сальского округа было зафиксировано 85 частных заводов, из которых 18 принадлежали калмыцким коннозаводчикам.

В начале XX столетия наряду с именами таких известных коннозаводчиков Дона, как Филипп, Яков и Иван Корольковы, Б.Н. Балабин, А.Д. Супрунов, А.Г. Жеребцов, М.С. Пишванов, Т.Г. Пишванов, И.Н. Подкопаев, И.И. Попов и др., встречаются фамилии и калмыцких коннозаводчиков: из станицы Платовской (Ики-Бурульский аймак) Б. Сарсинов, С. Борманджинов, Батыр Манжиков; из станицы Денисовской (Богшрахинский аймак) – Эрдне (Эрдюш) Дондокович Тепкин, Каплюк Дондокович Тепкин, Гаврил Эрднеевич Тепкин, Тимофей (Тимош) Эрднеевич Тепкин, Дава Борманжинов, Буюнтук Басанов, Шуургч Буюнтукович Басанов, Т. Басанов.

В станице Батлаевской (Багутовский аймак) коневодством занимались Н. Сангинов, Ц. Сангинов, Лавга Сангинов, Андрей Шавелькин, Бадма Шавелькин, Давид Татнинов, Эрдне Татнинов, Немгир Иванович Игнатов, Учур Иванович Игнатов, Дорджа Бадминович Давыдкин.

Видные в аймаке коннозаводчики избирались на должность станичного атамана. Так, Н.И. Игнатов находился на этом посту в 1907–1908 гг. С 1910 по 1915 годы бессменным станичным атаманом был У.И. Игнатов. В 1915 году на эту должность был избран Бадма Шавелькин.

В станице Граббевской (Цевднякинский аймак) коннозаводчиками были Александр (Шаши) Шогудлович Муманжинов, Митик Муманжинов, Хеече Бембинович Цутлинов, Мамон Намрович Бурулдушов, Эрдне, Бакар и Саран Тюльтиновы. В 1901–1903 гг. станичным атаманом был избран Александр (Шаши) Шогудлович Муманжинов, в 1904–1906 гг. – Х.Б. Цутлинов. Некоторые коннозаводчики в годы гражданской войны эмигрировали из России. Игнатовы и Татниновы жили в Сербии, Бадма Шавелькин – во Франции. Потомки Давида Татнинова сейчас живут в Америке. Один из них – Дава Татнинов – неоднократно посещал родину своих предков, хутор Татнинов, расположенный на границе земель Мартыновского и Пролетарского районов Ростовской области. После 1921 г. по амнистии рядовых казаков они вернулись на родину. А в 1930 годах они подверглись репрессиям как бывшие эмигранты.

Сын М.Н. Бурулдушова Эренцен учился в Праге в русской гимназии, окончил политехнический факультет Пражского университета. Активно сотрудничал с Калмыцкой комиссией культурных работников в Праге под руководством Б.Н. Уланова. В 1930 г. Эренцен Бурулдушов выехал в Аргентину и работал агрономом при Министерстве земледелия.

Конные заводы в станице Власовской (Бемдякинский аймак) имели братья Санжа и Бадма Калтыкановы (Калтакановы), подьесаул Бадма Санжинович Бакбушов и его брат Учур Бакбушов, братья Сельдиновы, Ушановы. Родоначальником коннозаводчиков Ушановых был Церен (Степан). Его дело продолжили сын Николай Церенович (Степанович) Ушанов, внук Лиджи Николаевич и Адьян Ушанов. Ушановы, Бакбушовы и, возможно, Калтыкановы, были поставщиками лошадей для царской конюшни, имели приличные доходы.

По станице Потаповской (Балдра аймак) известно имя коннозаводчика Дамбо Пальткановича Ремилева. Д.П. Ремилев был довольно образованным человеком в то время. По окончании училища в ст. Великокняжеской калмыки проходили аттестацию на звание народного учителя. Д.П. Ремилев продолжил образование в г. Ростове-на-Дону. Он имел чин губернского секретаря, служил в ведомстве мировых судей. В начале XX столетия станичники оказали ему доверие, избрав станичным атаманом дважды – в 1900–1902 и 1905 гг.

В годы гражданской войны, во время беженских походов донских калмыков на юг, семья Д.П. Ремилева вернулась домой из Крыма в 1920 году. Старшие дети, сын Саран и дочь Зина, эмигрировали. С.Д. Ремилев умер в 1943 г. в г. Белграде. З. Ремилева (по мужу Кусинова) жила и умерла во Франции.

Другой сын, вернувшийся с отцом, репрессирован как сын атамана и коннозаводчика в 1930 году. Сам Д.П. Ремилев умер в станице Потаповской до 1930 г.

В числе калмыцких коннозаводчиков Сальского округа встречаются фамилии И. Кубраков, В. Кубраков, Б. Коврунов, М. Шаджанов, К. Манжиков и другие.

Некоторые из калмыцких коннозаводчиков были довольно состоятельными людьми. Содержали экипажи для выездов, бывали в столице. Их лошади участвовали на скачках и бегах, устраиваемых на ипподромах Ростова-на-Дону, Пятигорска, Сальска, даже Санкт-Петербурга. На выставках их лошади получали призы.

Многие коннозаводчики породнились между собой. Две дочери Санджи Калтыканова были выданы замуж в семьи коннозаводчиков. Самсона Калтыканова стала женой подъесаула Бадмы Бакбушова, который погиб в 1919 году. После его гибели С. Калтыканова вновь вышла замуж за учителя Д.И. Ремилева, жила в эмиграции, умерла в США. Ее сестра Ули Калтыканова была женой полковника Гавриила Эрдниевича Тепкина, командира Джунгарского полка, умерла от тифа в Крыму в 1919 году. Адыкуш Дондоковна Тепкина была выдана замуж в семью Сельдиновых в станицу Власовскую. Последние годы доживала в семье внука Пюрвя Муманжинова на Манычском конном заводе Целинного района. В момент депортации ей было 83 года. Умерла в Новосибирске. Сестра полковника Г.Э. Тепкина Лукьяна (Очирка) Тепкина была выдана замуж в семью коннозаводчиков Манжиковых из Зюнгарского аймака. После смерти мужа вторично вышла замуж за состоятельного казака из станицы Граббевской Алексея Еленова. В 1929 г. семья Еленовых подверглась раскулачиванию. Л.Э. Еленова последние годы доживала в семье дочери Е.А. Абушиновой в станице Денисовской (Новониколаевской).

Героиня песни «Джиджмя», сестра коннозаводчика Бадмы Шавелькина, станичного атамана Багutowского аймака, в 1916 году была выдана замуж за Лиджи Мангатова в станицу Денисовскую.

Коннозаводчики Сальского округа во время гражданской войны разорились, лишились табунов. Многие из них эмигрировали. Оставшиеся и вернувшиеся из эмиграции в 1929–1930 гг. подверглись выселению, были сосланы в лагеря ГУЛАГа.

Традиция отходничества калмыков на заработки на конные заводы сохранилась до депортации калмыцкого народа в 1943–1944 гг. Особенно сильный приток на конзаводы был после возвращения их из беженских походов во время гражданской войны. Усилился уход на конные заводы и во время коллективизации. На военных конных заводах (ВКЗ) табунщики имели статус рабочих, гарантированную ежемесячную оплату труда, рабочее снабжение. На ВКЗ существовала система ОРСа (отделы рабочего снабжения). Табунщики получали хлебное довольствие мукой, также имели возможность содержать личный скот, разводить птиц. Жизненный уровень калмыков на ВКЗ был гораздо выше, чем у колхозников.

После гражданской войны коннозаводчики потеряли свои табуны. Конные заводы были национализированы. На месте частных конных заводов появились государственные военизированные конные заводы (ВКЗ) под патронажем военного ведомства – кавалерии. Задачей ВКЗ была подготовка лошадей для нужд Красной Армии. Такие ВКЗ появились в Сальском, Пролетарском, Целинном, Мечетинском, Веселовском, Мартыновском, Дубовском, Зимовниковском и других районах, т. е. в пределах распространения конных заводов бывшего Сальского округа Донской области. ВКЗ для различия носили нумерацию «ВКЗ № 1», «ВКЗ № 2», «ВКЗ № 3» или же назывались «имени С.М. Буденного», «1-й Конной Армии», «имени Кирова» и т.д.

Летом 1942 г. при приближении фронта к Дону табуны ВКЗ были угнаны в тыл на юг, за Волгу. Так, летом часть табунов ВКЗ им. Буденного Сальского района через Сальск – Сандату – Башанту – Тахту была перегнана в Ставропольский край. Руководил этим перегоном бывший партизан, участник гражданской войны Король Михайлович Меньков, заместитель начальника конной части ВКЗ им. Буденного Сальского района. С приближением фронта к Северному Кавказу табуны перегнали через горы в Грузию, а вернули обратно весной 1943 года, после освобождения Ростовской области. Многие табунщики были представлены к правительственным наградам за сохранность табуна. В числе представленных к награде был и ветфельдшер Абрам Яковлевич Шалхаков, но в связи с депортацией награду не получил.

Во время оккупации Ростовской области немцы угнали в Германию часть табунов вместе с табунщиками, которые оказались недалеко от Берлина.

По рассказам одного из табунщиков удалось выяснить обстоятельства возвращения табуна («адун»). Немцам было не до лошадей. Табунщики терпели лишения, лошадей кормить было нечем. Уже и война закончилась. Однажды к ним случайно забрели военные. Вскоре представители военного командования организовали их отправку на родину железной дорогой. Летом 1945 года

на станции Сальск состав торжественно встречало руководство ВКЗ им. Буденного. Табунщиков поблагодарили за сохранность табуна, выдали справки о том, что они находились при исполнении служебного долга по спасению табуна и направили по месту поселения семей в г. Новосибирск.

После реабилитации калмыцкого народа некоторые выходцы из ВКЗ вернулись в Ростовскую область. За годы ссылки условия жизни на ВКЗ изменились. Коневодство утратило прежнее значение. Большинство бывших жителей ВКЗ постепенно переселилось в Калмыкию.

В песенном фольклоре калмыков сохранилась песня, связанная с зимовкой на участках табунщиков частных коннозаводчиков, где они находились по несколько месяцев вдали от родного дома, в полевых условиях без надлежащих условий. Песня называется «Участг гидг Һазрнь». Текст песни сохранился в «Материалах фольклорной экспедиции» 1936 г., в составе которой был профессор Б.К. Пашков (1905–1971) и аспирант Илишкин И.К. (1908–1983). Песня записана И.К. Илишкиным от информанта Манцынова Данила, 35 лет. в г. Элиста, с примечанием «Ут дун» («Протяжная песня»).

Участг гидг Һазрнь уужмта бәәжлә.
Улсынән нәэрнь сангдгинь яахв?
Хотьяга өвлзңгд цервдгнь яахв?
Хоюрн, һурвулн суудган яахв?
Донскинан ламинь зокалынь яахв?
Дурн-седкл тусдгинь яахв?
Әрк-махна яласнь әжәхшв,
Әср, маңгс аһрасчн әжәнәв.
Мөрн жилтә Янтка көөрк,
Моһа жилтә һалдвр хоокчн.

Перевод

Земли участка просторны.
Что делать мне с воспоминаниями
Народных празднеств?
Что делать мне со службой
На зимовьях Хотяга?
Что делать с нами,
Когда сидели мы по двое-трое?
Что делать со строгим запретом донского ламы?
Не боюсь я за выкуп невесты,
Боюсь я твоих братьев,
Удалых храбрецов.
Бедный Янтка, рожденный
В год лошади.
Белолицая красавица,
Рожденная в год змеи.

Эта песня о несчастной любви двух молодых людей, табунщика и девушки-красавицы, которые не могут быть вместе в силу разных препятствий. Табунщик, находясь на зимовьях с табуном, на долгое время разлучен с любимой. По канонам калмыцкой астрологии их года не благоприятны: парень рожден в год лошади, а девушка – в год змеи. Они не могут переступить запрет, боясь сурового приговора ламы, и воспользоваться обычаем «умыкания невесты» жених тоже не может, боится мести ее братьев, грозных смельчаков. Вот такая несчастная доля у бедного табунщика и его любимой девушки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информант Нембриков Николай Бадминович, 1907–1995 г.р., житель г. Хауэл, штат Нью Джерси, США. г. Элиста, 1991 г.
2. Из личного дела Кавинова Николая Муджиковича (1905–1944) (Копия).
3. Информант Асархинова (ур. Балыкова) Клара Бадминовна. г. Элиста, 2002 г.
4. Теегин герл, 1991. № 7. С. 115.
5. Номикосов С.Ф. Очерк коневодства в Области войска Донского.
6. Вестник КИГИ РАН. 2001. Вып. 16. С. 319–320.

О КОНЕВОДСТВЕ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ

(Обзор материалов по результатам «Военно-конской переписи» конца XIX века)

К концу XIX столетия в связи с интенсивным развитием земледелия и распахом свободных земель в центральной части России сократилось массовое разведение лошадей. Военное ведомство России стало испытывать некоторые трудности: не могло обеспечить необходимым количеством лошадей кавалерию, артиллерию и часть обозной службы. Центр коневодства переместился на юг, в Область Войска Донского, где еще сохранились целинные степи.

Коневодством на Дону занимались бывшие высшие военные чиновники, получившие за беспрекословную службу звание графов, князей, а также богатые казаки, которым нужны были свободные пастбища для табунов. В результате введения новых правил землепользования и для калмыков-кочевников Области Войска Донского освободили земли за Доном, на которых образовали два участка для зимовников государственных и частных конных заводов, располагавшихся в южной части Малодербетовского улуса Калмыцкой степи, в районе реки Маныч. Это соседство благотворно влияло на успешное развитие коневодства среди местных жителей.

Начало же калмыцкого коневодства положено еще в Центральной Азии, откуда калмыки прибыли к берегам Волги. Они пригнали с собой многочисленные стада калмыцкой красной породы крупного рогатого скота, курдючных овец, лошадей. Эти лошади, называемые в Азии «монголка», были низкорослые, горбоносые, с короткой шеей, имели короткие ноги с твердыми копытами, которыми могли добывать корм из-под снега. (Пальцев В. Корни калмыцкого коневодства. Хальмг тег, 1930. №№ 9–10. С. 36).

За время пребывания калмыков в России калмыцкая порода лошадей претерпела большие изменения, смешавшись с другими породами лошадей народов Северного Кавказа, Донских степей, туркмен Мангышлака. Участвуя в войнах России с Турцией, Крымским ханством и французами, калмыки приволили производителей арабской крови из конюшен европейских стран. Эти смешения лучших пород лошадей с калмыцкой улучшали качества полукровок. Калмыцкая лошадь стала более рослой.

Масть калмыцких лошадей большей частью была гнедая и рыжая (sharh morn). Но встречались и серые, разных оттенков, особенно светлые. Вороные почти не попадались.

Калмыцкое коневодство, по сравнению с киргизским (имеется в виду казахское), представлялось более перспективным для получения ремонтной лошади для кавалерии.

Военное ведомство, заинтересованное в развитии степного коневодства, в 1834 году организовало экспедицию по исследованию его состояния в Оренбургской, Астраханской, Ставропольской губерниях, Тургайской и Уральской областях. В ее состав вошли главный ветеринар-консультант Главного управления государственного коннозаводства, магистр ветеринарии, действительный статский советник¹ П. Медведский, старший чиновник особых поручений этого же управления, полковник А.А. Фейхтнер и магистр агрономии, почвовед, коллежский асессор² П.А. Костычев.

По окончании работы был представлен «Отчет», составленный П. Медведским и опубликованный в журнале «Коннозаводство» за 1885 год, №№ 3–4. Данные по состоянию коневодства в Калмыцкой степи приводятся отдельно по каждому улусу, отмечаются наиболее благоприятные условия его развития в южной части Малодербетовского улуса, в районе реки Маныч.

В 1885 году в манычской части число плодовых табунов составляло 16, в среднем в каждом по 157 лошадей. Самым крупным коневладельцем считался Батыр Корнеев, у которого было 36 заводских жеребцов и 470 маток.

У Эмген Абуши Дондукова и его брата Цедена имелся общий табун в 1000 голов, у Мурзы Кармыкова-Шарапова – 200 голов, в т.ч. 13 косячных жеребцов и 150 маток. Ежегодно коневоды продавали от 20 до 23 трехлеток по 85 рублей за голову.

Известны были зайсанг Оче Батыров-Корнеев с табуном до 700 голов и Лиджи Цембелев, который имел свыше 1000 лошадей.

В 1891 году была организована военно-конская перепись Калмыцкой степи. Выбрали летнее время, когда табуны находились вблизи кочевий. Отчет по его результатам с грифом «секретно» составлен полковником Лункевичем на 112 листах и назван «Калмыцкая степь Астраханской губернии. Военно-конская перепись 1891 года». Выводы полковника Лункевича в отчете весьма интересны. Он

¹ 4-й ранг по Табелю о рангах званий России в военном ведомстве соответствовал званию «генерал-майора».

² 8-й ранг по Табелю о рангах соответствовал званию «капитан-ротмистр».

отмечает хорошее качество полукровок и предполагает успешное развитие коневодства в Калмыцкой степи.

Лункевич считает, что Калмыцкую степь необходимо признать регионом с широкоразвитым плодовым коневодством. И дает не менее интересную характеристику коневодам. Он пишет, что коневодческий промысел сгруппировался вокруг немногочисленной, исключительно состоятельной группы людей, ибо, помимо невозможности вести это дело без средств, коневодство издавна по традиции составляло принадлежность хозяйств лиц влиятельных, богатых, состоятельных и честолюбивых. Эти лица при каждом удобном случае разводили многочисленные табуны, которые и теперь еще во многих азиатских странах составляют предмет гордости их владельцев. По числу лошадей оценивалось богатство, которое придавало силу и вес.

Далее полковник Лункевич дает характеристику ведения хозяйств центральной и южной частей Калмыцкой степи, где разводят крупный рогатый скот, овец, лошадей и верблюдов. Из-за недостатка сенокосов животных держали на подножном корме круглый год. Кочевники не задерживаются долго на одном месте, чтобы вконец не истребить пастбища из-за свойств почвы, бедной растительности. Они непрерывно перемещаются в новые районы, совершая постоянные перекочевки. Очень ревностно они относятся к сохранению своих пастбищ, строго соблюдая установленные обычаями правила бережного отношения к состоянию пастбищ и земляного покрова. Уклонившиеся от традиционных путей перекочевки на другие участки лишались прав пользования пастбищами.

Полковник Лункевич подчеркивает также различие содержания сосунков у калмыков и казахов. Последние держат кобылиц на привязи у мест стоянок. Калмыки же отделяют сосунков от матери, держат их вместе в табунах. Кобылицы у калмыков не томятся на привязи в жару на одном месте, их не доят, молоко оставляют сосункам. У калмыков было развито плодовое коневодство. В Калмыцкой степи оно сосредоточено у 443 владельцев табунов, а всего по степи числятся 7355 коневладельцев.

В южной части Малодербетовского улуса разводили лошадей и ежегодно реализовывали трехлеток следующие коневоды: Умке Очиров Цембелев – 20 голов, Мука Лиджиев Цембелев – 40, Берек Очиров Цембелев – 40, Кармыков (Шарапов) – 20, Очир Батыров – 25, Обхон (возможно, Отхон) Денкеев – 15, Конра Эблеев – 20, гелюнг Бембе Балзанов Мукукенов – 20.

Калмыцкие коневоды имели дело с задонскими коннозаводчиками. Барышники Подкопаева, Савинкова и других закупают у них лошадей-трехлеток.

Коневоды северной части Малодербетовского улуса сбывали в следующем количестве: Митричи Цебеков – 60 голов, Бембик Деликов – 100, Лиджи Базыров – 30, Мантык Деликов – 35, Кеке Леджиев – 35, Бадма Цебеков – 15, нойон Церен-Давид Тундутов – 100 голов.

Среди коневодов центральной части Малодербетовского улуса выделялись зайсанг Бага-Чоносова рода Эмген-Убуши Занджинович Дондуков и его брат Цеден. Коневодство Дондуковых было начато отцом Э.У. Дондукова Занджином Дондуковым.

Главное управление государственного коннозаводства назначило Эмген-Убуши Дондукова своим корреспондентом по Калмыцкой степи и предложило ему в своем имении Эмне Нур организовать рассадник из кобылиц своего табуна, предоставив ему производителей чистокровных пород для улучшения породности калмыцкой лошади. По договору Эмген-Убуши обязывался поставлять ежегодно двухлеток и трехлеток на выбор по цене 110–170 рублей.

Коневоды Икицохуровского, Харахусовского и Эркетеновского улусов сбывали молодняк торговцу-ремонтёру штаб-ротмистру Ильяшенко и торговцу Фурману. Они закупают на месте у коневодов от 30 до 100 голов малолеток 2 и 2,5 лет по цене от 75 до 105 рублей, оставляя их у хозяев до трехлетнего возраста. Коневладельцы, не вступившие в торговые отношения с ремонтёрами, выводили лошадей для продажи на ближайшие ярмарки.

В Багацохуровском улусе имел дело с ремонтёрами самый богатый владелец табунов – зайсанг Цебек-Джал Онкоров. Его табун насчитывал до 6000 голов. Ремонтёры у Ц.-Д. Онгорова выбирали трехлеток по цене от 60 до 100 рублей и выше. Местные коневоды не были знакомы с их требованиями к покупаемой лошади. Они только начали перенимать опыт задонских коневодов.

В Александровском улусе вел торговые дела с ремонтёрами отставной штаб-ротмистр Батыка-Норбо Тюмень, владеющий 40000 десятинами хороших земель на левой стороне Волги. Он только начинал первые шаги по производству ремонтных лошадей. Для улучшения качеств табуна он закупил хороших жеребцов из конюшен государственных конных заводов. После чего Б.-Н. Тюмень и стал продавать трехлеток.

Остальные коневоды улуса сбывали лошадей от 4 до 10 лет по цене 30–50 рублей на ярмарках.

Одним из богатых коневодов Яндыко-Мочажного улуса был безаймачный зайсанг Менко-Убуши-

Габун Джамбаев. Часть трехлеток он сбывал ремонтерам в ставке улуса по цене от 60 до 100 рублей. У остальных коневладельцев лошади были помельче, их продавали на ближайших ярмарках.

В Калмыцкой степи, по переписи 1890 года, числилось 77635 лошадей. Несмотря на потери, в следующем году, лошадей было почти вдвое больше, чем указано в сведениях УКН.

По заключению полковника Лункевича, калмыцкое коневодство развивалось самостоятельно. Улучшению качества лошадей и выходу на рынок сбыта способствовало соседство с Задонскими участками государственного и частного конных заводов Области Войска Донского. По утвержденным правилам от 30 апреля 1877 года они должны были разводить лошадей донских, азиатских и других пород, исключительно верховых, для комплектования казачьих войск лошадьми под седло.

Установлению контактов коневодов южной, т.е. манычской, части Малодербетовского улуса с задонскими конезаводчиками способствовало то обстоятельство, что на этой территории проживали соплеменники, так называемые базовые, донские калмыки, причисленные к казачеству. Они-то и стали посредниками проникновения донских пород лошадей к манычским калмыкам-коневодам, перенимавшим опыт у известных донских коннозаводчиков Платова, Подкопаева, Иловайского, Чернозубова, Янова, Корольковых и других.

Метисы донских и калмыцких лошадей превосходили по качеству донских скакунов, они сохранили большую широкую кость, богатую мускулатуру, прямую спину, пропорционально крепкие ноги. От таких производителей калмыцкие коневоды старались получить потомство в своих табунах.

По данным на 1 января 1891 года, в Задонской степи войскового коннозаводства числилось 85 конных заводов и 18 калмыцких владельцев конных заводов Тепкиных, Ушановых, Бакбушевых, Татниновых, Шавелькиных, Калтыкановых, Сангиновых, Шургучовых, Сельдиновых и др. В 103 хозяйствах числилось 1689 жеребцов, 22382 матки, 39620 голов приплода разных возрастов от 1 до 3 лет, 2755 голов четырехлеток и рабочих лошадей. Всего 66446 голов.

Правительство всячески поддерживало и старалось расширить зону разведения ремонтных лошадей улучшенного качества для кавалерии. С этой целью были созданы конные заводы в Уральской и Тургайской областях, государственные конюшни с 1500 производителями полукровок, улучшенных донской и калмыцкой породой лошадей.

В заключительной части «Военно-конской переписи Калмыцкой степи 1891 года» полковник Лункевич делает выводы по дальнейшему успешному развитию коневодства в Калмыцкой степи, несмотря на скудную степную растительность и природные климатические условия, и отмечает богатый опыт разведения коней у калмыков, который накапливался веками.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК, ВРАЧ МИХАИЛ БАДМАЕВ

Михаил Васильевич Бадмаев (Дик Бадмаев) – один из представителей калмыцкой интеллигенции конца XIX – начала XX в.

В 1884 г., после окончания калмыцкого училища в Астрахани, безаймачный зайсанг Багацохуровского улуса Дик Бадмаев поступает в Казанский ветеринарный институт и становится стипендиатом Управления калмыцким народом. В этом же году Дик Бадмаев начинает вести практические занятия по калмыцкому языку в Казанской духовной академии, в которой он проработал до 1894 года (1).

В фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) сохранились сведения о калмыцких студентах, обучавшихся в Казани и преподававших калмыцкий язык в Казахской духовной академии в конце XIX – начале XX в., которая готовила миссионеров для распространения православного учения среди народов России.

Период пребывания Дика Бадмаева в Казани оказался очень плодотворным и насыщенным. Одновременно с преподавательской деятельностью в Калмыцкой духовной академии и работой переводчика православной миссии Д. Бадмаев окончил два высших учебных заведения и Казанскую инородческую учительскую семинарию (2).

В фондах Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) имеются документы за 1884–1889 гг., свидетельствующие об учебе Дика Бадмаева в ветеринарном институте (3), по окончании которого он поступил на медицинский факультет Казанского университета, завершив обучение в нем в 1892 г. В течение еще одного года он проходил ординатуру по практической медицине под руководством опытных профессоров.

Дик Бадмаев настойчиво желал получить медицинское образование с тем, чтобы вернуться в Калмыцкую степь и, занимаясь врачебной практикой, принести пользу своему народу. Об этом он сам пишет: «... По окончании курса наук в ветеринарном институте, я в 1889 году поступил на медицинский факультет Казанского университета и в декабре 1893 года выдержал испытания Медицинской испытательной комиссии на звание лекаря» (4).

В 1888 г. он при крещении был наречен новым именем – Михаилом Васильевичем Бадмаевым. Новокрещеный зайсанг М.В. Бадмаев вместе с преподавателем монголо-калмыцкого языка И.И. Ястребовым активно сотрудничал с переводческим комитетом христианского братства св. Гурия при издании книг на калмыцком языке. Переводы же в новой транскрипции на другие языки осуществлялись с учетом особенностей того или иного языка. С целью определения возможно более точной передачи устной речи при письме в 1887 г. в Калмыцкую степь были командированы преподаватели монгольского и калмыцкого языков Казанской духовной академии В.М. Миротворцев, М.В. Бадмаев и студент 2 курса этого учебного заведения К. Данилов. После поездки ими было издано 5 книг на калмыцком языке: букварь, учебники, сборник молитв (5).

М.В. Бадмаев занимался вопросами изучения и преподавания родного и русского языков в калмыцких школах. Он составил два учебных пособия для учащихся, которые были опубликованы в изданиях переводческого комитета православного миссионерского общества. Среди документов за 1885 г. имеется сообщение об увеличении жалованья преподавателю калмыцкого языка Дику Бадмаеву.

Главный попечитель калмыцкого народа И.С. Картель (6) сообщал, что в 1892 г. стипендиат Управления Калмыцким Народом студент Бадмаев передал 8 экземпляров «Первоначального учебника русского языка» и 25 экземпляров «Букваря для калмыцких улусных школ» в подарок библиотеке Астраханского Калмыцкого училища (7). Оба учебника были составлены на калмыцком языке с применением русского алфавита и разосланы в улусные школы с предложением испытать их на практике, в учебном процессе (8). После того, как были получены положительные отзывы об учебниках М.В. Бадмаева, главный попечитель сделал заказ почти на весь тираж «Букваря» и на 300 экземпляров «Первоначального учебника русского языка» (9).

Директор клиники профессор Казанского университета писал в своем отзыве 17 декабря 1894 года: «... Врач Михаил Васильевич Бадмаев занимается с 11 декабря 1893 года по настоящее время внутренними болезнями в качестве сверхштатного ординатора при заведомой мною факультетской терапевтической клинике крайне прилежно и добросовестно, без всякого вознаграждения, единственно пополнить свои знания для подготовки к самостоятельной врачебной деятельности» (10).

В период сотрудничества с переводческим комитетом православной миссии студент-медик

М.В. Бадмаев написал на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» медицинское сочинение «Общепонятное наставление калмыкам, и о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача», сам же выполнил перевод на русский язык и издал в Казани в 1893 году. Главный попечитель калмыцкого народа считал полезным приобрести весь тираж «Наставления» (1000 экз.) для распространения среди калмыцкого населения (11).

В 1894 г. были переизданы эти два учебных пособия для калмыцких школ, и автор намеревался составить «Русско-калмыцкий словарь» (12). Работы по составлению учебных пособий для калмыцких школ, составление словаря М.В. Бадмаев вел в интересах просвещения калмыцкого народа, выполняя свой гражданский долг: получил образование, надо помочь другим, учащимся калмыцких школ для обучения грамоте.

Истинным призванием М.В. Бадмаева, главной целью его стремлений была все-таки медицина, которую он так усердно изучал в стенах Казанского университета и практиковал в терапевтической клинике, готовясь к самостоятельной врачебной деятельности.

На этом поприще М.В. Бадмаев хотел с наибольшей пользой отдать все свои силы и знания на благо калмыцкого народа. Но врачебная деятельность врача М.В. Бадмаева сложилась для него крайне неудачно.

Вместо Калмыцкой степи Астраханской губернии, куда он так стремился, М.В. Бадмаев вынужден был устроиться врачом при Управлении кочующим народом Ставропольской губернии. С присущей ему энергией, чувством ответственности и желания принести пользу кочевому народу М.В. Бадмаев готов был сразу выехать в степь, приняться за работу. «Употребить все свои усилия, – как писал он, – для того, чтобы, помогая соотечественникам, отблагодарить Россию за все то, что она для меня сделала...» (14). Вместо врачебной деятельности среди кочующих народов ставропольский губернатор направил М.В. Бадмаева на должность врача, обязанностью которого было проверять качество привозимых продуктов на городской базар и санитарное состояние торговых складов (15).

Безвестный «инородец», врач М.В. Бадмаев не вписался в чиновничью систему Ставропольского губернатора. Борьба с волей губернатора у М.В. Бадмаева не хватило сил и желания. Был один выход из создавшегося положения: уйти в отставку.

В докладной записке на имя Министра государственных имуществ и земледелия, в ведении которого находились кочующие народы, так называемые «инородцы», М.В. Бадмаев писал: ...Я полагаю, что дальнейшее мое пребывание на настоящей службе будет совершенно бесполезно при всем моем желании принести посильную пользу кочующим инородцам Ставропольской губернии. А посему принять мою отставку об увольнении» (16).

М.В. Бадмаев, получив отставку, поселился в Ростове-на-Дону.

В 1911 году М.В. Бадмаев все же вернулся в Калмыцкую степь. Это произошло благодаря содействию С.Р. Залкинда, старшего врача Управления калмыцким народом. К этому времени обстановка в УКН изменилась для М.В. Бадмаева в лучшую сторону. Заведующим калмыцким народом работал С.А. Козин, государственный чиновник новых взглядов. Старшим врачом УКН с 1911 года стал однокашник С.Р. Залкинд. По материалам о врачебной деятельности доктора С.Р. Залкинда в Калмыцкой степи выяснилось, что С.Р. Залкинд (1869–1941) закончил курс медицинских наук Казанского университета вместе с М.В. Бадмаевым в 1893 году. После окончания одновременно оба проходили годичную ординатуру по практической медицине при факультетской терапевтической клинике в 1893–1894 гг.

К моменту возвращения М.В. Бадмаева в Калмыцкой степи работала экспедиция микробиологов во главе с И.И. Мечниковым, изучавшая проблему распространения туберкулеза среди калмыцкого населения. М.В. Бадмаев сразу же подключился к работе группы. Момент встречи экспедиции запечатлен на фотографиях, которые экспонируются в музее И.И. Мечникова в Москве. В первом ряду сидят руководитель экспедиции И.И. Мечников, сотрудники Э. Бюрне, Л.А. Тарасевич и другие. Среди них – врач М.В. Бадмаев.

Экспедиция эпидемиологов прибыла в Астрахань в мае 1911 года, работала в Калмыцкой степи до конца июня.

Обследование начали с Астрахани, с учащихся калмыцкого пансиона, а затем провели его в Калмыцком Базаре, Тюменевке, Яндыках, в Харахусовском, Икицохуровском, Манычском улусах и в северной части Малодербетовского улуса.

Результатом исследований эпидемиологической экспедиции И.И. Мечникова была статья «Изыскания по эпидемиологии туберкулеза в Калмыцких степях», напечатанная в «Трудах института Пастера» в

Париже в 1911 году на французском языке под авторством И.И. Мечникова, Э. Бюрне, Л.А. Тарасевича. В переводе на русский язык эта работа включена в издание: Мечников И.И. Академическое собрание сочинений», Т. X. М.: Госуд. изд-во медицинск. лит., 1959.

В 1913–1914 гг. Михаил Васильевич Бадмаев работал в ставке Большедербетовского улуса, в Башанте врачом-терапевтом. Единственный врач улусной больницы занимался широкой лечебной практикой. В самом начале первой мировой войны в 1914 г. доктор М.В. Бадмаев был мобилизован на военную службу. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Дик Бадмаев, безаймачный зайсанг Багацохуровского улуса, врач по профессии, переводчик, автор учебных пособий для калмыцких народных школ, был одним из первых представителей калмыцкой интеллигенции конца XIX – начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mongolica-III. СПб., 1994. С. 13.
2. Там же. С. 15.
3. Шорковиц Д. Этнографические документы о калмыках, бурятах и монголах ЦГИА и Архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин, 1988. Док. № 1713.
4. НА РК. Ф. Р – 560. Оп. 1. Д. 42. С. 1.
5. Mongolica-III. СПб., 1994. С. 13.
6. Картель Иван Степанович, дейст. стат. советник, главный попечитель калм. народа (1890–1893).
7. НА РК. Ф. Р – 560. Оп. 1. Д. 42. С. 2.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же. С. 2.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Сусеев П.Н. Наш эмчи. Биографический очерк о С. Р. Залкинде. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. С. 4.

НАЙМИН БАДМАЕВ – КАВАЛЕР ОРДЕНА СВЯТОГО СТАНИСЛАВА

Наймин (Найман) Бадмаев, выходец из рода шебенеров Багацохуровского улуса, один из талантливых представителей калмыцкого народа, родился в 1849 году (1).

В 1875 г. Н. Бадмаев учился в Астрахани, в прогимназии, а затем в классической гимназии, по окончании которой в 1882 г. работал переводчиком в Управлении калмыцким народом (УКН). Одновременно он преподавал родной язык в Астраханском калмыцком училище, открытом в 1849 г.

В 1881 году после смерти Кичика Эрдниева, преподавателя калмыцкого языка Астраханской духовной семинарии, Н.Б. Бадмаева пригласили по совместительству вести уроки калмыцкого языка в духовной семинарии, готовившей православных миссионеров для работы среди калмыцкого населения (2). Но для более продуктивного труда не хватало необходимого методического материала. Н. Бадмаев, человек деятельный и имеющий незаурядные способности, начал работать над составлением новых учебных пособий, различных словарей и букварей.

В 1892 г. в Казани выходит в свет «Букварь для калмыцких улусных школ» Н. Бадмаева, в 1902 г. в Санкт-Петербурге его же «Калмыцко-русский букварь», переизданный с исправлениями в 1910 году. В это же время было издано методическое пособие Н. Бадмаева «Руководство к «Калмыцко-русскому букварю». В качестве учебного словаря был использован «Краткий русско-калмыцкий словарь» Ш. Санжирхаева. Исправленный Н.Б. Бадмаевым словарь был издан дважды – в 1899 и в 1908 гг.

Хорошо знакомый с фольклором своего народа, Н. Бадмаев занимался поиском, переводом и публикацией калмыцких сказок. В 1899 году к 50-летию Астраханского калмыцкого училища Н. Бадмаев выпустил сборник «Калмыцкие сказки». Для популяризации калмыцкого фольклора он публиковал на страницах астраханских газет сказки и легенды, статьи этнографического характера, раскрывающие

особенности быта и нравов калмыков (об обрядах, способствующих исцелению, о скачках, охоте, борьбе), а также статьи «Отголоски губернской выставки животноводства», «К истреблению саранчи в Калмыцкой степи», «К введению метрических записей у калмыков», «О коневодстве астраханских калмыков».

Так, в «Астраханском вестнике» за подписью «Ламаит» были опубликованы калмыцкие сказки «Старуха Чокондан», «О происхождении горы Богдо, озер Эльтон, Баскунчак».

Наймин Бадмаев был членом Петровского общества исследователей Астраханского края. В одном из выпусков сборника этого общества он опубликовал свои заметки о калмыцкой исторической песне «Маштак боро» («Низкорослый серко»), посвященной Отечественной войне 1812 г., в которой участвовали и калмыки.

Впервые эта песня была опубликована в Санкт-Петербурге в 1834 г. в книге Н. Нефедьева «Подробные сведения о приволжских калмыках», а также в сборнике «Азиатский музыкальный журнал» (Астрахань, 1816–1818) и в «Астраханском справочном листке» (1869). К сожалению, все переводы были неточными, не соответствовали калмыцкому тексту песни. Н. Бадмаев составил свой перевод и опубликовал его в «Отчете Петровского общества исследователей Астраханского края» за 1896 год.

К открытию 1-й международной выставки исторических и современных костюмов в 1902 г. в Санкт-Петербурге Управлением калмыцким народом была представлена коллекция калмыцких костюмов. Н.Б. Бадмаев составил и издал «Каталог костюмов астраханских калмыков» с сопроводительной статьей «Одежда и ремесла астраханских калмыков» (3).

За долгую и плодотворную деятельность на ниве просвещения Н.Б. Бадмаеву были присвоены гражданские чины губернского секретаря и чин коллежского секретаря, соответствующие согласно Табели о рангах военным чином подпоручика и поручика.

Он был награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте в 1904 г. (4) и орденом св. Станислава 3-й степени в 1908 г. (5).

Эта награда за долгий честный труд была, очевидно, приурочена к празднованию 300-летия Дома Романовых. К этому времени Н.Б. Бадмаеву исполнилось 60 лет.

Дальнейшая его судьба неизвестна. Умер Наймин Бадмаевич Бадмаев 25 сентября 1912 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Церенов В.З. Найман Бадмаев. Поборник калмыцко-русского двуязычия // Церенов В.З. Нить созвучий. Литературные этюды. Элиста, 2006 г. С. 23–25.

2. Астраханские епархиальные ведомости. 1888. № 23; Из истории движения за национальную школу в Калмыкии: сб. док. и материалов. Элиста, 1967. Док. 52.

3. Каталог костюмов астраханских калмыков... 1-й Международной выставки исторических и современных костюмов 1902 г. в Петербурге / сост. Н.Б. Бадмаев. Петербург; Астрахань: Изд. УКН, 1902.

4. Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 16.

5. Циркуляры по Казанскому учебному округу. 1909. № 2. С. 69.

УЧИТЕЛЬ ЛИДЖИ НОРМАЕВ И ЕГО ВКЛАД В КАЛМЫКОВЕДЕНИЕ*

Лиджи Нормаев родился примерно в 1880 г. в хотоне Цаган-Нур Талтанкиновского аймака Малодербетовского улуса. Он был одним из первых калмыков-выпускников Казанской инородческой учительской семинарии, основанной в 1872 году известным востоковедом Н.И. Ильминским, бывшим бессменным ее директором до 1891 г. Это было учебное заведение демократического направления, призванное готовить учительские кадры.

В семинарию принимались дети крестьян. Успешно окончившие курс шли «сеять разумное, доброе, вечное». По национальному составу, кроме русских, образование получали коми, мордва, якуты, калмыки, чуваша, татары, башкиры и представители других народов (1). Здесь получили образование первые калмыцкие учителя-просветители: Л.Н. Нормаев, Л.Ч. Чапчаев, А.Г. Маслов, К.Д. Никитин и другие. Курс обучения был рассчитан на четыре года. По штату в семинарии учились 150 воспитан-

* Журнал «Теегин герл». 2004. № 6.

ников. В год принимали около сорока учеников, выдержавших конкурсные экзамены, но желающих учиться было гораздо больше.

В семинарии первоначальное обучение велось на родном языке. Летом ученики занимались поиском и сбором фольклорного материала. Казанская учительская семинария в то время была центром переводческой деятельности народов Поволжья. Существовала даже комиссия, занимавшаяся переводами с русского языка на языки народов России, большей частью книг религиозного характера, а также первых национальных букварей. Книги печатали тут же, в Казани, и распространяли бесплатно. Так, с 1892 по 1899 г. было выпущено 5 книг на калмыцком языке: «Огласительное поучение готовящимся к святому крещению...» (1892); «Букварь для калмыцких улусных школ» (1892); «Общепонятное наставление калмыкам, и о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача» (1893); «Учение перед святым крещением, соч. архимандрита Макария» (1894); «Первоначальный учебник русского языка» (Казань, 1895).

К работе над переводами привлекались воспитанники учительской семинарии и духовной академии.

С 1892 г., после смерти Н.И. Ильминского, директором Казанской учительской семинарии был назначен Николай Алексеевич Бобровников, сын известного ученого А.А. Бобровникова, автора «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», изданной в Казани в 1849 г.

Н.А. Бобровников много лет служил на ниве просвещения России, был инспектором народных училищ. Он автор статей «Современное положение учебного дела у инородческих племен Восточной Сибири», «Калмыцкие издания православного миссионерского общества» и многих других, опубликованных в разное время в «Журнале Министерства народного просвещения» («ЖМНП»).

До 1894 г. в Казанской учительской семинарии учились только представители народов, исповедующих православие. Разрешение принимать учеников-ламаистов было «высочайше» дано лишь в 1894 г. В том же году в семинарию были зачислены четыре калмыка-стипендиата Управления калмыцким народом, в их числе и Лиджи Нормаев.

В архивных материалах Центрального государственного исторического архива (далее – ЦГИА) за 1894 г. встречается документ такого содержания: «Об определении калмыков Нармаева, Пянякова, Сангаджиева в Казанскую инородческую семинарию» (2).

За 32 года существования семинарии (с 1872 года по 1904 год) курс обучения в ней прошли шесть калмыков. В 1888 г. эту же семинарию окончил Леонид Лопатин – крещеный калмык, выпускник Астраханского духовного училища, посланный на учебу в Казань на средства миссионерского комитета. (Астр. епарх. ведомости, 1890).

Вот как описывают приезд Лиджи Нормаева из Казани в родной хотон на каникулы в книге «Первый председатель КалмЦИКа» историки А.И. Наберухин и В.Б. Убушаев: «...когда Араши было только пять лет, в один из летних дней в хотоне появился молодой человек, одетый необычно для калмыка. На нем был костюм европейского покроя, на голове картуз, в руке держал странное и невиданное сооружение, обтянутое парусиной, называвшееся чемоданом. Это был Лиджи Нормаев, находившийся в каком-то отдаленном родстве с Арадиновыми (Чапчаевыми)... дядя приехал издалека... учиться в семинарии... окончит ее, станет учителем. А пока приехал па летние каникулы».

В этой же книге говорится, что Л. Нормаев после окончания учебы работал переводчиком в улусной ставке Малодербетовского улуса. В период его службы в улусную школу-интернат был определен на учебу Араши Чапчаев, на которого еще в детстве произвел неизгладимое впечатление студент Лиджи Нормаев.

Калмыки Астраханской губернии находились в ведении Министерства государственных имуществ. Учреждение же, которое непосредственно ведало делами калмыков, называлось «Управление калмыцким народом». Находилось оно в Астрахани. Каждый улус управлялся улусным попечителем, в штате которого имелись переводчик-толмач и писарь-письмоводитель.

В 1903 г. Лиджи Нормаев преподавал калмыцкий язык в Казанской духовной семинарии. Об этом сообщает финский ученый-востоковед Густав Иоганн Рамстедт в «Отчете о поездке в Калмыцкую степь в 1903 г.» («Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» за 1904 г. № 2) и в книге «Путешествия 1898–1912 гг.» (Блумингтон, 1978, на англ. языке). Г.И. Рамстедт пишет, что он приехал через Сарепту в Дунду-хурул к Баазе-бакши, с которым познакомился в Петербурге по возвращении последнего из Тибета. Г.И. Рамстедт успешно работал рядом с Бааза, поселившись в кибитке вместе с гелюнгом Босхомджи, у которого записал несколько сказок и другие материалы. Из-за ухудшения состояния здоровья Бааза-бакши в середине июня 1903 года он выехал в село Червленное, поселение крещеных калмыков, где встретил Л. Нормаева. Г.И. Рамстедт пишет об этом так: «...Так как

Бааза-бакши, который уже был болен, когда я приехал, слег, я вернулся в Сарепту, и немного погодя, отправился в калмыцкую деревню Червленное, которая находилась на границе между Саратовской и Астраханской губерниями. Летом здесь останавливался Лиджи Нормаев, лектор калмыцкого языка Казанской духовной семинарии. Этот молодой человек был большим энтузиастом буддизма и любил все монгольское, тибетское. Он мечтал когда-нибудь увидеть собственными глазами Лхасу. Меня удивило, что он пошел преподавать калмыцкий язык в Казанскую духовную семинарию, выпускники которой распространяли миссионерами ортодоксальные взгляды русской церкви среди калмыков. Лиджи Нормаев живо интересовался калмыцким фольклором, и я записал у него для своего сборника... Село Червленное было построено в русском стиле. Большинство населения занималось земледелием, но, несмотря на это, село почти пустовало... я провел в Червленном июль, но когда жара стала невыносимой, мне пришлось уехать в Сарепту, где Лиджи Нормаев часто навещал меня...» (3).

О своей плодотворной работе с Л. Нормаевым и другими калмыками-информантами Г.И. Рамстедт пишет в предисловии к своему «Калмыцко-немецкому словарю», изданному в 1935 г. в Хельсинки. Он был очень доволен результатами поездки в Калмыцкую степь в 1903 г. Вышли из печати его «Словарь», два сборника сказок и песен. Он собрал около 20 сказок, 100 загадок, 200 пословиц, 40 текстов народных песен, записал 20 фонограмм калмыцких песенных и танцевальных мелодий, сделал много фотоснимков, среди которых прекрасное изображение Дунду-хурула и фотография Бааза-бакши. Успех его работы над записями калмыцкого фольклора во многом зависел от компетентности информантов, среди которых он упоминает учителя Лиджи Нормаева, студентов Номто Очирова, Санджи Баянова, Эрэнджена Даваева, княгиню Э.Б. Тундутову – представителей тогдашней калмыцкой интеллигенции.

В начале XX в. в Калмыцкой степи началось общественное движение за создание национальных школ. Некоторые состоятельные калмыки на свои средства строили их в местах постоянного обитания. В отличие от улусных, они назывались родовыми или аймачными.

Попечителем Малодербетовского улуса в то время был С.А. Козин, выпускник Санкт-Петербургского университета. После окончания восточного факультета Козин был приглашен в земский отдел Министерства государственных имуществ. Благодаря его заботам и усилиям в 1905–1908 гг. в Малодербетовском улусе было открыто 10 аймачных школ. «Три из них были открыты в 1905 г.: в селе Червленном – на средства аймачного общества, в урочище Цаган-Нур Талтанкинского рода – на средства зайсанга Лиджи Талтаева и в урочище Серкиш Нетебгекин-Тукчинеровского рода – на средства зайсанга Леджина Арлуева» (4).

Цаган-Нурская школа открылась 3 января 1905 г., но просуществовала недолго. Учителем в родном хотоне стал работать Лиджи Нормаев. Когда в 1908 году открылась школа в Бага-Чоносовском аймаке, он учительствовал здесь, а в 1912–1914 гг. – в Ики-Чоносовской школе Манычского улуса.

Великолепный знаток родного языка и фольклора Л. Нормаев и востоковед С.А. Козин не могли не быть знакомы. Возможно, они начинали службу вместе: один – попечителем, другой – переводчиком в улусной ставке. Взаимным благотворным влиянием друг на друга можно объяснить научный интерес С.А. Козина к калмыцкому народному эпосу «Джангар», а также то, что Л. Нормаев занялся его переводами и публикациями. Были у Л. Нормаева деловые контакты и с другими востоковедами – А.Д. Рудневым, В.Л. Котвичем, которые в составе научных экспедиций посещали Калмыцкую степь.

В начале XX в. здесь активизировалась общественная деятельность калмыцкого учительства, искавшего пути по улучшению работы национальных школ, повышению качества преподавания и обучения калмыцких детей на русском и родном языках, условий содержания детей в интернатах. Оно требовало проведения съезда калмыцких учителей, на который были бы вынесены насущные вопросы развития народного образования.

В 1906 г. началась подготовительная работа. Калмыцкие учителя, в том числе Шуургчи Болдырев, Лиджи Нормаев и другие, свои просьбы о созыве съезда высказали заведующему Управлением калмыцким народом Иодковскому (5). Среди выдвинутых семидесяти пунктов были следующие: об увеличении средств на учебные пособия, об учреждении библиотек, о снабжении школ медицинскими аптечками, о необходимости преподавания основ буддизма, об улучшении преподавания русского и калмыцкого языков, о введении обучения в улусных школах различным ремеслам, о содержании учеников при школах на время сильных морозов и буранов на средства общественного калмыцкого капитала, о женском образовании, о подготовке учителей и учительниц из калмыков, крайне желательных культурных деятелей в своей среде (6).

Л. Нормаев, работая учителем в калмыцких школах, особое внимание уделял методике преподавания и усвоению русского и родного языков детьми, всячески поддерживал новаторское отношение к труду, сам занимался составлением учебных пособий.

На снимке семья учителя Л.Н. Нормаева. В центре – Лиджи Нормаев.

В начале XX в. востоковед В.Л. Котвич, по просьбе представителей калмыцкой интеллигенции Большедербетовского улуса, совместно с А.Д. Рудневым при Петроградском университете организовал частные курсы по подготовке учителей калмыцкого языка. На них съехалось 12–14 человек. На занятиях преподаватели столкнулись с такой проблемой, как отсутствие учебных пособий.

В 1915 г. в Петербурге В.Л. Котвич издал букварь и «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка», в 1929 г. переизданный в Чехословакии Калмыцкой комиссией культурных работников, в предисловии к которому он отмечал: «При составлении учебников пришлось придерживаться более совершенного письма Зая Пандиты..., принимались меры, чтобы приобщить письмо к живой разговорной речи калмыков, с применением новых букв калмыцкой орфографии...» («Из истории движения за национальную школу»..., док. 49). В предисловии ко второму изданию В.Л. Котвич пишет: «Благотворное отношение (к «Грамматике» – П. А.) обнаружилось в Астраханской губернии. Один из учителей Манычского улуса Л.Н. Нормаев принял со вниманием новое правописание в своих учебниках для начальных школ Калмыцкой степи, которые были изданы Управлением калмыцким народом в 1916 г. Влияние этой орфографии сказалось на первом периодическом калмыцком издании «Өөрдин зэнг» («Ойратские известия») (7).

В архиве В.Л. Котвича сохранилась рукопись «Хрестоматии для калмыцких школ», составленная учителем Шуургчи Болдыревым в 1906 г. и изданная в 1927 г. в Чехословакии в одном из номеров журнала «Хонхо». В 1915 г. в Петрограде вышел в свет «Калмыцкий букварь» Л. Нормаева и Н. Очирова.

Калмыцкие учителя стремились получить углубленные научные знания по родному языку. В архивных документах за 1916 г. имеется «Дело по вопросу о командировке учителей калмыцких начальных школ Лиджи Нармаева, Араши Чапчаева в Петроград на курсы по подготовке учителей восточных языков» (8). Но поездка не состоялась: земский отдел Министерства государственных имуществ отказался выделить средства.

После установления Советской власти в Калмыцкой степи трудовая деятельность Л.Н. Нормаева проходила в Астрахани. Он работал переводчиком в издательстве, был лектором на первых Калмыцких учительских курсах, занимался составлением учебников, переводами «Джангара». В 1921 г. им подготовлен к печати «Букварь с книгой для чтения на калмыцком языке» объемом в 3 печ. л. (9), но был ли он издан – неизвестно.

В 1922 г. Калмыцкое издательство предложило издание научного двуязычного журнала «Ойратские известия». На одном из заседаний редакционной коллегии был поставлен вопрос о целесообразности

публикации песен «Джангара» на русском языке, чтобы познакомить массового читателя с литературным памятником калмыцкого народа. Перевод эпоса поручили сотрудникам издательства Л.Н. Нормаеву и Б.К. Рындой-Алексееву. Работа предстояла трудоемкая: текст «Джангара» со старописьменного калмыцкого необходимо было переложить вначале на русский алфавит, придать эпосу стихотворную форму; лишь после этого готовить подстрочный перевод. В качестве пробной публикации Л.Н. Нормаевым были подготовлены три песенных отрывка и 80 строк Б.К. Рындой-Алексеевым. Предисловие к ней написал преподаватель Астраханского педагогического института Д.С. Усов.

Редактор журнала Н.Н. Пальмов торопил переводчиков с представлением полного текста «Джангара». Однако журнал вышел в свет дважды и больше не издавался.

Но Л.Н. Нормаев работу над «Джангаром» продолжал. Он переложил на современный калмыцкий алфавит две его песни – «Догшн Шар Гүргүһин бөлг» и «Догшн Хар Кинэсин бөлг», которые были опубликованы в 1928 г. в Астрахани.

Когда областной центр Калмыцкой автономной области переместился в Элисту, Л.Н. Нормаев остался в Астрахани. В 1930 г. в Элисте в Калмыцком издательстве вышло «Краткое пособие по изучению русского языка в калмыцких сельских школах 1-й ступени и ликпунктах», подготовленное Лиджи Нормаевым. В этом простом и удобном для пользования пособии был дан тематический реестр слов на русском языке с калмыцкими переводами, который представляет собой прообраз «Русско-калмыцкого словаря». Умер Л.Н. Нормаев в 1933 г. в Астрахани.

Трагически сложились судьбы детей Л. Н. Нормаева. В годы культа личности все они подверглись репрессиям. Старшая дочь Раиса Нормаева (1903 г. р.) училась в Астрахани в Мариинской гимназии. В 1920 г. она была зачислена на первые калмыцкие учительские курсы в Астрахани, преобразованные позже в Калмыцкий педагогический техникум. Первыми его выпускниками и сокурсниками Раисы Нормаевой были Бата Бадмаев, Эрдни Болдырев, Борис Болдырев и другие. В 1929–1930 гг. она училась в Саратовском университете, но окончила только два курса. Учебу прервала по семейным обстоятельствам. Долгое время учительствовала в начальных школах Калмыкии, Ставрополя и Сибири. В начале 30-х годов Р. Л. Нормаева вместе с У.К. Илишкиным и К.Э. Эрендженковым посетила калмыков Киргизии. Р. Л. Нормаева разделила с мужем М.Б. Дедеевым суровые годы репрессий. Позже она была реабилитирована.

Сын Л.Н. Нормаева Николай (1904 г. р.) учился в Тимирязевской академии.

О литературной деятельности Николая Нормаева в 20–30-е годы упоминает литературовед М.Э. Джимгиров во вступительной статье к книге «Писатели Советской Калмыкии» (Элиста, 1966 г.). В те годы Н.Л. Нормаев активно сотрудничал с редакциями республиканских газет, печатался на страницах журнала «Мана келн», увлекался живописью, скульптурой. Предположительно, он является автором статьи «Музыка и калмыки», опубликованной в журнале «Калмыцкая степь» (1929, № 1–3) под именем Норман Уленчи.

Другой сын, Очир Нормаев (1906 г. р.), в свое время окончил Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. Он – участник Великой Отечественной войны, был в числе воинов-узников на Урале, на строительстве Широковской ГЭС. Десять лет провел в лагерях Колымы. Вернулся в Калмыкию с подорванным здоровьем. Умер в 1976 г.

Третий сын учителя Нормаева, Дорджи (1906 г. р.), окончив Ростовский государственный университет, тоже пошел по стопам отца. Вместе со своим сокурсником, учителем Эрдни Болдыревым, репрессирован в 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чичерина С.У. Приволжских инородцев: путевые записки. СПб., 1905.
2. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 144.
3. Рамстедт Г.И. Мои путешествия 1898–1912 гг. / пер. с англ. К.У. Манджиевой.
4. «Из истории движения за национальную школу...». Элиста, 1967.
5. «Из истории движения за национальную школу...». Док. 21.
6. Там же. Док. 36.
7. Котвич В.Л. «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка». 1929, изд. 2-е.
8. ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 161.
9. ЦГА КАССР. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 120. Л. 40.

НАРОДНЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ КУТУЗОВЫ

Кутузовы – выходцы из Абганер Кетченеровского аймака Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии.

У зайсанга Джапа Кутузова было двое сыновей: Бадма-Джап, к которому после смерти отца перешло правление родом, и Доржи-Джап.

Безаймачный зайсанг Доржи-Джап Кутузов учился в калмыцком училище в Астрахани, по окончании которого служил в Калмыцком управлении, где представлял интересы своего аймака. Д.-Д. Кутузов был приглашен на преподавательскую работу в Санкт-Петербургский университет, где на восточном отделении была открыта кафедра монгольско-калмыцкого языка. Сейчас можно лишь предполагать, что к этому приглашению был причастен К.Ф. Голстунский, собиратель и ценитель калмыцкого фольклора, составитель калмыцких словарей. В 1856 г. известный монголист К.Ф. Голстунский приехал к калмыкам Астраханской и Ставропольской губерний для практического изучения калмыцкого языка. Он собрал множество письменных памятников, которые систематизировал в отдельную коллекцию. В процессе общения с калмыками он обнаружил значительные различия между калмыцким письменным языком и разговорной речью. К.Ф. Голстунский собрал значительный материал для изучения разговорной речи калмыков и издал «Русско-калмыцкий словарь», «Калмыцко-русский словарь». Среди грамотных калмыков-информантов был зайсанг Кетченеровского аймака Доржи-Джап Кутузов, знаток и ценитель устного народного творчества. К.Ф. Голстунский по возвращении из Калмыцкой степи рекомендовал Санкт-Петербургскому университету пригласить Д.Д. Кутузова на кафедру калмыцко-монгольского языка преподавателем калмыцкого разговорного языка.

В 1863 году Д.-Д. Кутузов приступил к работе на правах вольнонаемного преподавателя и проработал до 1866 года. Затем его вторично приглашали на эту же должность, но по состоянию здоровья Д.-Д. Кутузову пришлось вернуться в родные края. Сырой климат северной столицы не подошел степняку.

Тридцать лет спустя в Малодербетовский улус Калмыцкой степи для сбора фольклорных материалов приехал студент кафедры монгольского языка В.Л. Котвич. Он познакомился с местными знатоками калмыцкого устного народного творчества. Одним из них был учитель калмыцкого языка улусной школы Шуургчи Болдырев, который представил записи калмыцких пословиц и поговорок, сделанные в свое время зайсангом Д.-Д. Кутузовым. После смерти Д.-Д. Кутузова они хранились у Ш. Болдырева (202 единицы пословиц и поговорок (1) вошли в сборник «Калмыцких пословиц» В.Л. Котвича) (2).

Д.-Д. Кутузов был одним из лучших представителей калмыцкой интеллигенции. Он придавал огромное значение уровню развития образования, особенно среди бедняков, старался сохранить письменные памятники своего народа.

В народе Доржи-Джапа Кутузова уважительно называли «Джаава нойон», «Жаава зээсн». По калмыцкому обычаю мужчины знатного рода не могли жениться на девушках своего рода, аймака, а также на девушках простого происхождения («хар яста», черной кости). Поэтому представителям торгутского княжеского рода разрешалось выбирать невест из дербетского, хошутского княжеских родов и наоборот.

Придерживаясь этих правил, Д.-Д. Кутузов вынужден был искать спутницу в другом аймаке. Народная молва гласит, что Д.-Д. Кутузов заметил двух сестер, крещеных калмычек хошутского происхождения, грамотных, образованных, живущих в Астрахани. Д.-Д. Кутузов сделал предложение старшей сестре: младшая не могла выйти замуж раньше старшей. Но старшая сама предложила Д.-Д. Кутузову жениться на ее младшей сестре. Так, в Абганер - Кетченеровском аймаке появилась молодая учительница Ован, Ольга Александровна Кутузова. К сожалению, муж ее Д.-Д. Кутузов умер рано, оставив жену с двумя малолетними сыновьями, о которых упоминается в источниках и в песне, посвященной его памяти. Полный текст песни сохранился в записях Г.И. Рамстедта (1903 г.), опубликованных в Хельсинки в 1962 году, который приводится ниже (3).

ПЕСНЯ О ДОРЖИ-ДЖАПЕ КУТУЗОВЕ

Тергени хурван зeerдeнь
Тeндээсин хэлэхин тeмдeгтэй.
Тeмдeгтэй зээсн Жоова Доржинь
Тeңгeрин оронду очи.

Эрвэкэй делтэ хурван зеерде
Элстин довар цевцинэй.
Эке тусетай Цэнкр берген
Элнерин Дорж, яадава.

Хойор давхар гернь
Хойор боодогтан дүнгәһэд,
Хоохан чирэтэй Ован бааваһай
Хойор көвүһән герэслэд.

Альмтин адуна хурвн боро
Ах багшднь бэргдэд,
Алти гегэтэ шүтән бурхнь
Аңһлжур Петкен герэслэд.

Шар харһа гернь
Садын арднь дүнгәһэд,
Сән залу Жоова Дорж,
Сэени оронду төртөхэй.

Кутузова О.А. родилась 11 июня 1865 г. (по другим данным – 4 июля 1864 г.). Окончила Астраханскую Мариинскую гимназию. Выпускницы гимназии могли преподавать в народных школах.

Педагогическая деятельность О.А. Кутузовой в Калмыцких степях началась в конце XIX века. В 1885 году в Абганеровском аймаке Малодербетовского улуса открылась первая народная школа. Вдова зайсанга Д.-Д. Кутузова безвозмездно предоставила свой дом.

Деревянный дом из 4-х комнат располагался в самом центре Абганеровского аймака. В школе обучались 10 мальчиков – дети состоятельных калмыков. Они изучали русский язык, чтение, калмыцкий язык и чтение, арифметику. Учитель получал по 1 рублю в месяц за каждого ученика (4).

Из-за отсутствия средств народные школы часто закрывались. Они содержались в основном за счет самих жителей, заинтересованных в обучении детей грамоте. Абганеровская народная школа, по-видимому, просуществовала недолго. Спустя десять лет, в 1896 г. (по другим источникам – в 1898 г.), О.А. Кутузова безвозмездно предоставила свой дом православному миссионерскому комитету сроком на 9 лет для открытия школы-приюта в Амтя-Бургуста для детей крещеных калмыков. Законоучителем Амтя-Бургустинской школы был назначен священник из с. Обильное, учителями – Бровкин, Болдырев, окончившие к тому времени Астраханскую миссионерскую школу (5).

Позднее в этой школе, видимо, работала и сама владелица дома О.А. Кутузова. В 1905 году миссионерский комитет упразднил школу в Амтя-Бургуста и перевел ее в русское село Кегульта (6). Кутузова О.А. осталась без работы и без средств существования. Тогда ее сын Петр Кутузов обратился к заведующему калмыцким народом И.А. Иодковскому с просьбой о трудоустройстве матери. Свое письмо П. Кутузов заканчивает следующими словами: «... Рекомендации излишни. Она как учительница незаменима, ее положение, симпатии, которыми она пользуется, дают много надежды на поднятие уровня образования среди калмыков...» (7).

Обращение было удовлетворено, т.к. в 1905 году О.А. Кутузова уже работала учительницей Нетебгекин - Тукчинеровской родовой школы в урочище Серкиш, которая была открыта в марте того же года. Следует отметить, что в 1905 году в Малодербетовском улусе были открыты три родовые школы на частные пожертвования: в селе Червленое – на средства аймачного общества, в урочищах Цаган-Нур – зайсанга Талтанхиновского рода Лиджи Талтаева и Серкиш – зайсанга Нетебгекин - Тукчинеровского рода Леджина Арлуева.

По архивным документам в Нетебгекин-Тукчинеровской родовой школе в 1905 г. обучалось 18 мальчиков (калмыков – 16, русских – 2) и 3 девочки (1 калмычка и 2 русские).

В калмыцких родовых школах применяли общие программы начальных народных училищ Министерства народного просвещения, за исключением таких предметов как закон Божий, церковнославянский язык и пение. Дополнительно к общим предметам велись уроки калмыцкого языка – письмо, чтение на «тодо бичиг».

По сведениям отчетов о состоянии школ Калмыцкой степи за 1906–1908 годы, О.А. Кутузова с 1906 г. работала в Малодербетовской улусной школе. Это был период активизации творческой ини-

циативы учительства Калмыкии. Т.Д. Юркова, Ц.П. Петкиев, Ш.Б. Болдырев, О.А. Кутузова добивались проведения своего съезда для решения наболевших вопросов по улучшению школьного обучения, распространению образования среди народа. Для этих целей необходимо было увеличить число школ, улучшить материальную базу, подготовить учителей для работы в национальных школах (8).

Всего же учителями калмыцких школ было вынесено для обсуждения более 70 вопросов. Церен Петкиев поднял вопросы о снабжении школьных библиотек учебниками и учебными пособиями, об улучшении состояния школьных помещений и условий труда учителей. Шуургчи Болдырев предложил целый ряд вопросов, в т.ч. о предоставлении выпускникам народных школ возможности продолжения учебы в двухклассных училищах, об улучшении служебного положения учителей калмыцких народных школ. Ольга Кутузова внесла предложения об улучшении условий учебной работы, о повышении квалификации учителей по дидактике (9).

На обсуждение предполагаемого съезда вносились также вопросы о необходимости преподавания в родовых школах буддийского вероучения, об улучшении преподавания калмыцкого языка, о наилучшей постановке обучения русскому языку, об обучении детей улусных школ ремеслам, применяемым в быту, о введении вечерних занятий, о женском образовании и пр. Из этих сообщений видно, что О.А. Кутузова была одной из активных участниц общественного движения передовой части учительства Калмыкии. О.А. Кутузова всегда стремилась пополнить знания и совершенствовать свое педагогическое мастерство. Когда в Астрахани открылись учительские курсы, она одной из первых поступила на эти курсы, которые окончила в 1915 г. (10). На базе этих учительских курсов в Астрахани в 1921 г. был открыт Калмыцкий педагогический техникум.

По отчетам за 1912–1914 гг. О.А. Кутузова была наставницей Малодербетовской 1-й улусной мужской школы.

Это назначение еще раз подтверждает ее профессиональную компетентность: в царской России заведующими калмыцкими школами назначались русские учителя. Вместе с ней в то время учителем калмыцкого языка работал Бадма Оконов. В этой школе О.А. Кутузова работала до конца 1920 годов.

По архивным спискам учительского персонала на 2-е полугодие 1918 г. в Малодербетовском улусе числились 2 улусные мужские школы и 1 женская. 2-й улусной мужской школой заведовала Арефьева Валентина Дмитриевна (позднее жена Х.К. Косиева), женской школой – Мучулаева Мария Степановна. Сохранилась ведомость учеников 1-й улусной мужской школы за 1919–1920 годы, составленная учительницей О.А. Кутузовой. Согласно этой ведомости в старшем отделении указан Ваня Мацаков из Бага хурула, в среднем – Бата Манджиев, Бембя Муняев, оба из Цаган Нура (11).

Многие ученики О.А. Кутузовой стали известными в республике людьми: Иван Мацаков – ученый, преподаватель Калмыцкого государственного университета, автор книг по истории калмыцкой литературы; Бата Манджиев – писатель; Бембя Муняев (Бембе Муниев) – ученый-филолог, автор многих учебников для калмыцких школ, составитель калмыцко-русского словаря. Таковы некоторые факты подвижничества О.А. Кутузовой, одной из старейших учительниц, работавшей на ниве просвещения калмыцкого народа в конце XIX – в начале XX столетия.

В ноябре 1929 г. О.А. Кутузова подверглась выселению из Калмыкии в Камышинский округ Нижне-Волжского края как чуждый Советской власти элемент (12).

В момент выселения ей было 64 года. Как ветеран педагогического труда, проработавшая более 40 лет на ниве просвещения, О.А. Кутузова обратилась с протестом в Наркомпрос РСФСР на имя самой Н.К. Крупской. О результатах ее обращения и о дальнейшей судьбе О.А. Кутузовой ничего неизвестно.

Дополнительные сведения о зайсангах Кутузовых даны в книге А.Г. Митирова «Истоки». У Бадмы-Джапа было три сына: Лиджи, Бюрча и Санжи-Церен. Деревянный дом Бадмы-Джапа Кутузова из 4 комнат и другие постройки располагались в урочище Сараха. У Доржи-Джапа тоже было три сына.

По материалам миссионерского комитета Кутузова О.А. после смерти мужа осталась с двумя малолетними детьми на руках, но не упоминается, какого они пола. И в песне о зайсанге Доржи-Джапе говорится о двух его сыновьях. В архивных документах называется имя одного из сыновей О.А. Кутузовой – Петр Кутузов, но отчество указано «Николаевич». В 1906 г. именно он обратился к заведующему калмыцким народом с вопросом о трудоустройстве матери после закрытия миссионерской школы в Амтя-Бургуста (13).

В материалах Центрального исторического архива г. Санкт-Петербург (ЦГВИА) за 1904–1910 гг. упоминается «Дело» об определении выпускников Астраханского калмыцкого училища Петра Кутузова, Убуши Цебекова и Санжи Тимошкаева в Казанский ветеринарный институт и о выделении им неко-

торой денежной суммы для выплаты стипендии из средств калмыцкого общественного капитала (14).

В тот период выпускники средних учебных заведений Астрахани направлялись для учебы в высшие учебные заведения на общественные средства калмыцкого народа. Таким образом, в Санкт-Петербурге обучались Н. Очиров, С. Баянов, Э. Даваев (Э. Хара-Даван), Д. Манджиев и др. Их сверстник Петр Кутузов был знаком с ними. Финский ученый Г.И. Рамстедт в предисловии к своему «Калмыцкому словарю» пишет, что по его приглашению целое лето гостили в Финляндии Н. Очиров, С. Баянов и Кутузов (15).

В 1909 г. Петр Кутузов из ветеринарного института перешел на частные медицинские курсы в г. Юрьев (г. Дерпт, ныне г. Тарту). Он обращался в Управление калмыцким народом о выделении ему стипендии. Такая возможность ему не была предоставлена. В следующем учебном году П. Кутузову пришлось оставить медицинские курсы (16).

В материалах за 1905–1906 гг. сохранилась информация о том, что ученик 6 класса Астраханской мужской гимназии Дмитрий Кутузов, крещеный калмык, сын зайсанга Абганер - Кетченеровского рода мечтал получить военное образование, которое давалось преимущественно казакам. Из Астраханского калмыцкого общественного капитала должны были выделить 600 рублей для внесения в кассу общества казаков станицы Михайловской... (17).

Позже имя Дмитрия Кутузова упоминается еще раз. Ему, слушателю сельскохозяйственных курсов, из калмыцкого общественного капитала была выделена стипендия (18). Надо полагать, что Дмитрий – второй сын О.А. Кутузовой. Оба ее сына получили образование за счет общественных средств.

По некоторым устным информациям выпускников Астраханского педтехникума довоенных лет (19), это учебное заведение в разное время закончили дочери Петра Кутузова: Галина Петровна и Кермен Петровна, рожденные примерно до 1920 г. Учительницы Г.П. Кутузова и К.П. Кутузова после возвращения из Сибири проживали в пос. Цаган-Аман Юстинского района.

Таковы некоторые данные об учительнице О.А. Кутузовой, ее муже Д.-Д. Кутузове, сыне П. Кутузове и внучках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурчинова Л.С. На рубеже веков // Теегин герл. 1990. С. 84–88.
2. Калмыцкие поговорки и пословицы / изд. В.Л. Котвич. СПб.: тип. имп. АН, 1905.
3. Kalmuckische Lieder / под ред. Ш. Балинова. П. Аалто. Труды Финно-Угорского общества. Т. 63, вып. I. № 46. Хельсинки, 1962.
4. Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения в Калмыцкой АССР. Элиста, 1967. С. 54.
5. Астраханские епархиальные ведомости, 1899. С. 308–309.
6. Ташнинов Н.Ш. Очерки.... С. 33.
7. Из истории движения за национальную школу.... Док. № 29.
8. Из истории движения за национальную школу... С. 7.
9. Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения... С. 8.
10. НА РК. Ф.Р-25. Оп. 2. Д. 279.
11. НА РК. Фонд Р-25. 1918–1920. Оп 1.
12. Статья И.В. Борисенко. Хальмг үнн. 1994. 17 марта.
13. Из истории движения за национальную школу... С. 51. Доп. 29.
14. ЦГВИА. Ф. 1261. Оп. 84. Д. 44 / данные привод. по кн. Шорковиц Д.
15. Калмыцкий словарь Г.И. Рамстедта. Хельсинки, 1935. С. V.
16. ЦГВИА. Ф. 1261. Оп. 84. Д. 44.
17. Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 11.
18. Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 141.
19. Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 11.

О ПЕРВЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ КИТАЙСКОГО И МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Общая граница России с Китаем, расширение торговых отношений с Азией стали главными причинами для изучения восточных языков – монгольского, китайского, маньчжурского – и появления острой необходимости в переводчиках.

Первые переводчики были подготовлены Пекинской духовной миссией, организованной в 1715 г. Синодом и Коллегией иностранных дел. Всего до 1864 г. 14 миссий исполняли дипломатические функции, а члены их занимались изучением языка и истории Китая. Каждая миссия отправлялась в страну сроком на десять лет, по истечении которых менялась последующей. При миссии же набирали учеников, из которых готовили переводчиков. Один из них был А.Г. Владыкин.

Антон Григорьевич Владыкин (1769–1811) – прекрасный знаток китайского и маньчжурского языков, калмык по происхождению, еще мальчиком крещеный в Астрахани. Чаще всего крещению в то время подвергались дети-сироты. Судьба мальчика так же трагична, как и судьбы известных русских художников калмыцкого происхождения Федора Калмыка, Алексея Егорова. В 1775 г. Антон Владыкин поступил на учебу в духовную семинарию Троице-Сергиевой лавры.

Способные ученики класса философии Антон Владыкин и Иван Филонов в 1780 г. были определены в состав 7-й Пекинской духовной миссии, где занимались изучением языка и истории Китая. Первые русские востоковеды А. Леонтьев, А. Владыкин, И. Бичурин и др. входили в разное время в состав той или иной дипломатической делегации.

Научное наследие А.Г. Владыкина так и не издано. Сам же автор, не располагая достаточными материальными средствами, не смог при жизни опубликовать свои труды. Умер А.Г. Владыкин в 1811 г. в Петербурге.

А.Г. Владыкин в Китае провел долгих четырнадцать лет. Вернувшись в Россию, работал переводчиком в Коллегии иностранных дел. В 1798 г. основал в Петербурге школу по подготовке переводчиков, занялся преподавательской деятельностью, тогда же составил ряд пособий по маньчжурскому языку, «Граматику маньчжурского языка», перевел на русский язык с китайского роман «Дзин-Юнь-Циоу» (1). В 1808 г. завершил работу над «Маньчжурско-китайско-русским словарем», начатую еще в Пекине.

В 1805–1806 гг. правительство Александра I отправило в Китай посольство во главе с графом Ю.А. Головкиным для вручения грамот новому правителю. В составе экспедиции из 240 человек были ученые, люди разных профессий – музыканты, мастера-каретники и т.д. Взяли с собой походную церковь, конские упряжки для выезда посла со свитой, переводчиком был А.Г. Владыкин. Несколькими эшелонами выехали из Петербурга весной 1806 г. Добрались до Байкала поздней осенью.

Правительственной инструкцией посольству предписывалось: «... устранить препятствия, постоянно чинимые китайцами в посылке при калмыках, ходящих на богомолье к Далай ламе, русского чиновника в виде пристава..., объяснив, что этим отказом они лишают калмыков права исполнять свой духовный долг, так как по канонам России, кочевые народы не могут посылать своих представителей в чужие страны без сопровождения от правительства». В том числе, наказывалось собрать сведения об ушедших в 1771 г. из России волжских калмыках и, по возможности, способствовать их возвращению.

В России переводчиков с восточных языков готовили еще до организации духовных миссий. Коллегия иностранных дел предложила тогда отобрать учеников, владеющих латинским языком. Первыми преподавателями в школах по подготовке переводчиков были китайцы, попавшие в Россию. Один из них – Джоу Га (Чжоу Гэ, Джога), получивший при крещении имя Федор Петров (Федор Джога).

В 1734 г. с большими предосторожностями Джоу Га из Тобольска перевезли в Москву, но долго держать побоялись и перевезли его в Петербург. Он несколько раз обращался к властям с письмами на калмыцком языке о желании принять крещение, которые хранятся в Архиве внешней политики России (2).

Федор Петров (Джоу Га) женился на дочери крещеного калмыка, придворного закройщика Наталье.

Джоу Га все время хотел возвратиться в Китай. Обращался в Коллегию иностранных дел с пред-

ложением послать его к китайской границе под видом калмыка, оттуда он обещал прислать мастеровых людей, вещи. Коллегия же решила использовать его знания языков по-другому. Вскоре, в 1738 г. Федора Джоу Га вернули в Москву для обучения Андрея Канаева и Алексея Леонтьева китайскому и маньчжурскому языкам. Джоу Га был поселен на канцелярском дворе Московской конторы Коллегии иностранных дел в избе, построенной для приезжающих калмыков.

Ученики Джоу Га оказались способными, хорошо изучили языки. А. Леонтьев и А. Канаев в 1734 г. поехали в Китай в составе 3-й Пекинской духовной миссии. После их отъезда Коллегия рекомендовала Джоу Га Академии наук в помощь И. Россохину, но из-за отсутствия средств от его услуг вынуждены были отказаться, а Федор Джоу Га в чине прапорщика и с жалованьем был определен в Архангелогородский гарнизон.

Умер Ф. Джоу Га в 1751 г. в Архангельске (3).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив востоковедов. Р. 1. Ф. 24. Оп.1. № 41.
2. АВПР. Ф. Сношения России с Китаем.
3. Алексеева А. Э. Джоу Га – пленник ойратов // ЭН. 2000. 20 октября. № 49. С. 3.

КОРНИ ДВУЯЗЫЧИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Первые сведения об изучении калмыцкого языка в дореволюционной России представителями других народов относятся к концу XVIII века. Знание и владение языком было вызвано, прежде всего, необходимостью ведения общих дел с калмыками, поселившимися на территории России, а также распространением христианства среди калмыков-буддистов. В духовных училищах, семинариях и академиях Астрахани, Казани, Ставрополя и Дона, готовивших миссионеров, ввели преподавание калмыцкого языка. Открывались классы и кафедры. Но не хватало учебных пособий, двуязычных словарей, поэтому учителя калмыцкого языка в большинстве случаев становились и авторами первых национальных букварей, словарей и грамматик.

20 января 1724 г. Петр I издал указ об обращении калмыцких влиятельных владельцев в православие и переводе на калмыцкий язык необходимых книг. В.М. Бакунин в том же году перевел «Символ веры» и «Десять заповедей». К 1726 г. синоду были представлены переводы молитв «Царю небесный», «Три святых», «Пресвятая троица», «Отче наш».

Согласно указу 1724 г. многие владетельные князья добровольно выезжали в Москву или Петербург для принятия православия. Так, в 1730 г. в Москве крестился переводчик князя Дондук-Омбо Генден Чонаев. Крещеный калмык Федор Ерофеев был принят переводчиком в Коллегию иностранных дел.

Один из первых знатоков калмыцкого языка Василий Михайлович Бакунин родом из Царицына, его отец – комендант Царицынской крепости при Петре I. Поскольку В.М. Бакунин хорошо знал калмыцкий язык, астраханский губернатор А.П. Волынский назначил его в 1720 г. переводчиком при ставке калмыцких правителей. А через два года Петр I отправил его к Аюке-хану за войском, которое должно было принять участие в персидском походе. Сам же Бакунин участвовал в Дербентских военных действиях в составе калмыцких войск.

В 1726 г. его назначили секретарем в Управление по калмыцким делам. Живя среди калмыков, хорошо зная их разговорный и письменный языки, дипломатичный В.М. Бакунин сыграл видную роль в сношениях России с калмыками. По поручению А.П. Волынского он бывал в улусах, посещал отдаленные кочевья, глубже знакомился с бытом, обычаями некогда кочевого народа. Свои мнения по разрешению некоторых калмыцких вопросов он отсылал в Коллегию иностранных дел, куда позже был приглашен переводчиком. В 1731 г. сопровождал китайское посольство в поездке к калмыкам на Волгу и обратно в Сибирь, вел путевой журнал. В 1757 г. был направлен в Калмыцкую степь к Дондук-Даши с известием о пожаловании ему ханского титула.

Работая в Коллегии и изучая первоисточники документов, составил «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Василием Бакуниным». Этот труд был опубликован лишь в 1939 г. в журнале «Красный архив».

В.М. Бакунин первым перевел на русский язык «Монголо-ойратские законы 1640 г.».

Умер В.М. Бакунин в 1766 г.

В 1734 г. была организована Оренбургская экспедиция по изучению и освоению нового административного края, куда входили территории Поволжья и Южного Урала. Одним из ее начальников был В.Н. Татищев. В 1740–1741 гг. в Самаре он организовал татаро-калмыцкую школу, куратором которой после его назначения руководителем Комиссии по Калмыцким делам и перевода в Астрахань стал П.И. Рычков, первый русский член-корреспондент Российской Академии наук. По поручению В.Н. Татищева он занимался разработкой «Татарско-калмыцкого словаря», совместно с М. Габдрамановым составил «Русско-татарско-калмыцкий лексикон». При поселении крещеных калмыков на Волге, в районе крепости Ставрополь, требовался миссионер со знанием калмыцкого языка. В качестве проповедника был приглашен монах Киево-Печерской лавры, поляк по происхождению, Никодим Ленкевич. В тот период крещеных калмыков расселяли не только по берегам Волги, жили они и в Киеве. От них-то Ленкевич и научился калмыцкому языку. В помощь ему определили учеников славяно-латинской школы Андрея Чубовского, Якова Бестужева, Ивана Ляхова.

В 1740 г. А. Чубовский основал в крепости Ставрополь школу для детей-калмыков, в которой обучалось 10 мальчиков. Вместе со своими учениками он продолжал переводы православных молитв на калмыцкий язык: проповеди среди новых прихожан читались на их родном языке.

В 1744 г. ставропольские калмыки были переведены в ведение Оренбургской губернии и приравнены к казачеству, а их воинские части стали называть «оренбургским казачьим войском». Губернатор И.И. Неплюев направил в сенат записку о необходимых мероприятиях по улучшению быта калмыков, предлагал увеличить число учеников в школах до тридцати и более, перевести на калмыцкий язык книги не только религиозного содержания.

В Астрахани тоже проявили интерес к калмыцкому языку. В 1730 г. здесь открылась славяно-латинская школа сначала для лиц привилегированного сословия. В 1777 г. школа была преобразована в семинарию, при которой в 1833 г. открывается класс калмыцкого языка, готовивший священников для работы среди калмыков, куда принимали и калмыцких детей.

Изучение калмыцкого языка для всех семинаристов было обязательным. В 1844 г. семинарию окончил Пармен Андреевич Смирнов. Хорошо владея калмыцким языком, он читал проповеди среди калмыков, знакомился с их бытом, составил и издал в 1857 г. «Калмыцко-русский словарь». Михаил Константинович Здравомыслов (до крещения Цеден), окончив семинарию, преподавал географию и калмыцкий язык в Астраханском духовном училище, затем был настоятелем Знаменской церкви в Астрахани. В «Астраханских епархиальных ведомостях» (1857, №№ 40–41) помещена его статья «Церковно-приходская летопись Знаменской церкви». В 1879 г. М.К. Здравомыслов в составе переводческой комиссии миссионерского общества подготовил ряд книг религиозного содержания на калмыцком языке, которые были изданы синодом и Библейским обществом и распространялись среди калмыков.

Одни выпускники-калмыки духовной семинарии служили священниками, другие преподавали калмыцкий язык в Кавказской епархии в г. Ставрополе.

В 1887–1888 гг. калмыцкий язык в семинарии преподавал Кичиг Эрденев, выпускник медицинского и юридического факультетов Казанского университета, а после его смерти – Наймин Бадмаев, переводчик Главного управления калмыцким народом и учитель калмыцкого училища в Астрахани. Он опубликовал «Калмыцко-русский букварь», «Краткий русско-калмыцкий словарь». Его статьи «Цаган-сара», «Калмыцкие праздники», «Из калмыцкой жизни» печатались в «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1891–1901 гг.

В 1764 г. в Астрахани открылась школа для детей солдат-разночинцев. Здесь изучали четыре восточных языка: татарский, армянский, персидский и калмыцкий. Позже школа реорганизовалась в народное училище, где, кроме названных языков, преподавали турецкий и арабский. В 1806 г. училище было преобразовано в гимназию. Из восточных языков по программе учебного заведения остался только татарский. В этой гимназии начинал обучение Александр Попов, ставший позже известным ученым.

В 1827 г. в Астраханскую губернию прибыл с ревизией сенатор Энгель. Он указал на отсутствие здесь хороших переводчиков с калмыцкого. По его донесению в Сенат при петербургской школе медицинского ведомства был открыт класс по изучению калмыцкого языка численностью 10 человек. Калмыцкий язык в течение восьми лет преподавал житель Сарепты, немецкой колонии на Волге, Яков Шмидт, несколько лет проведенный среди калмыков по заданию Евангелического общества. Учеников набирали среди детей-сирот, после окончания учебы они должны были не менее шести лет отработать переводчиками.

В 1838 г. по указу синода в Царицыне открылась школа для обучения детей крещеных калмыков. В 1845 г. в ней обучалось 10 мальчиков. Преподавал калмыцкий язык дьячок царицынского собора Василий Дилигенский. Он составил и издал в 1851 г. в Астрахани первый краткий букварь калмыцкого языка, получивший высокую оценку Я.И. Шмидта.

Почти десять лет В. Дилигенский находился с походной улусной церковью среди калмыков Малодербетовского улуса. Кафедре калмыцкого языка Казанской духовной академии им были подарены рукописи «Йиртимжин толи», «Ойун зала», отрывок из «Дорджи джодбо» и «Калмыцко-русский словарь» (очевидно, словарь П. Смирнова). Казанская духовная академия всячески поддерживала Дилигенского, проявлявшего интерес к изучению калмыцкого языка. А.В. Попов прислал ему свою «Граматику калмыцкого языка».

В 1846 г. открылась Кавказская Духовная семинария в г. Ставрополе с преподаванием калмыцкого и татарского языков.

В 1847 г. при Главном управлении калмыцким народом в Астрахани создано национальное калмыцкое училище, которое готовило переводчиков и преподавателей русского языка для калмыков.

В 1848 г. класс калмыцкого языка открывается в Саратовской семинарии. Калмыцкий язык преподавался также в Донской семинарии.

В высших учебных заведениях России калмыцкий язык впервые стали изучать в Казанском университете. Здесь в 1683 г. была открыта кафедра монгольского языка, где преподавал Осип Михайлович Ковалевский, ссыльный поляк из Вильно.

В 1854 г. создается восточный факультет в Санкт-Петербургском университете с девятью кафедрами, в том числе и монголо-калмыцкой. Один из первых преподавателей – Константин Федорович Голстунский, воспитанник 1-й Казанской гимназии, выпускник Казанского университета восточного факультета.

В 1856 г. К.Ф. Голстунский посетил кочевья калмыков Астраханской и Ставропольской губерний для совершенствования знаний калмыцкого языка и в последующие годы составил небольшой «Русско-калмыцкий словарь». В 1864 г. литографским способом издал на калмыцком языке «Убаши хун-тайджин туужи», калмыцкие сказки «Джангар» и «Сиддиту кюрыйин туули», перевел на русский язык «Монголо-ойратские законы 1640 г.», выпустил «Монголо-русский словарь» в трех томах.

В том же университете в шестидесятых годах XIX века на правах вольнонаемного преподавателя вел калмыцкий язык Дорджи-Джап Кутузов.

Совместное проживание в России калмыков с русским населением продиктовало необходимость знания как русского, так и калмыцкого языков. Таким образом, русско-калмыцкое двуязычие имеет давние корни.

Истории создания некоторых словарей непросты и интересны. Один из самых ранних – «Русско-татарско-калмыцкий лексикон» П.И. Рычкова и М. Габдрахманова (1738 г.) представляет собой рукопись объемом в 94 листа, содержащую 1520 русских слов и фраз.

В 1769–1771 гг. участник академической экспедиции отряда Гмелина Адриан Соколов составил калмыцкий словарь, включающий свыше 2000 слов на немецком, русском, калмыцком языках.

Одним из первых составителей калмыцко-русского словаря был Федор Егорович Крылов, уроженец Астрахани, выпускник Казанской духовной академии. Он работал учителем калмыцкого языка в Астраханской духовной семинарии. Здесь же занялся глубоким изучением монгольского и калмыцкого языков, истории, быта и религии калмыков. В числе его учеников был калмык М.К. Здравомыслов. Крылов составил «Калмыцко-русский словарь» (сокращенный вариант словаря О.М. Ковалевского), дополнив его словами из разговорного калмыцкого языка и буддийскими терминами.

В 1888 г. А.И. Воронцов представил в миссионерский комитет рукопись «Подробного калмыцко-русского словаря» (сокращенный вариант «Калмыцко-русского словаря» К.Ф. Голстунского, из которого были исключены технические термины). Миссионерский же комитет отдал словарь на рецензию известному монголисту А.М. Поздневу, в результате полученной отрицательной оценки словарь не был издан.

Смотритель Астраханского духовного училища Я.В. Лебединский в статье «О введении преподавания татарского и калмыцкого языков в Астраханской духовной семинарии» приводит сведения о двух словарях И. Горшкова «Калмыцко-русском словаре» и «Русско-калмыцком словаре», содержащих каждый по 15000 слов.

В литературных источниках упоминается также труд «Опыт составления калмыцкого словаря». Предполагается, что его автор – Александр Лукич Крылов, учитель калмыцкого языка Донской духов-

ной семинарии, который с целью обращения в христианство кочевых народов ездил несколько раз к донским калмыкам и написал ряд статей об их быте, религии, занятиях.

В фонде И.И. Попова, хранящемся в Ростовском областном архиве, в числе других книг, которыми он пользовался, упоминается «Русско-калмыцкий словарь», составленный учителем калмыцкого языка Саджирхаевым.

На калмыцкий язык переводилась литература не только религиозного содержания, но и познавательного характера с двумя параллельными текстами, например: «О том, что называется миром, и что такое земля, и о том, как велико славное русское государство, и что в нем есть», «Краткое письменное наставление о разведении картофеля, составленное титулярным советником 3-го департамента Коллегии иностранных дел Ник. Лебедевым», «О воспитании ягнят, отчего во многих местах крупный рогатый скот находится в худом состоянии и содержание его приносит мало выгод и о подстилке», «Что такое животное, как оно живет, что ему здорово, что ему нездорово», «Правила которые следует соблюдать при откармливании животных, и как должен поступать хозяин во время рождения животных», «Общепринятое наставление калмыкам о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача», «Наставление, как предотвратить натуральную оспу прививанием» и другие.

Николай Алексеевич Лебедев, титулярный советник 3-го департамента Коллегии иностранных дел, в ведении которой находились калмыки, занимался переводами некоторых сочинений на калмыцкий язык, издававшихся в начале XIX столетия в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук на заяпандитской письменности «тодо бичиг».

Переводная литература предназначалась для распространения среди калмыков с целью просвещения, и имела огромное познавательное значение.

Из переводов Н.А. Лебедева (1) широко известно «Краткое наставление о лечении болезней простыми средствами, составленное по Высочайшему повелению придворным медиком Осипом Каменецким» (2). («Ахрхн сурьуль. Өвчтэ күүг арьар эмин зүү Деед ик эзн гегэнэ ишэр ньарьсн 1-ч дегтр эмин зүүин коллег даальсар эмин зүүд бээгч эмч Осип Каменецкий эн бийнь ньарьва. Түүнэс хальмг келнд титулярн советник бакалавр Николай Лебедев бууль») (3).

Эта работа была востребована и выдержала 9 изданий, 1-е издание датировано 1803 г., последнее – 1864 г. Подготовка и выпуск инструкции осуществлены по заказу медицинского департамента (4).

Имеются сведения и о других переведенных трудах О.К. Каменецкого Так, например, в 1806 и 1822 гг. в Москве вышла в свет его инструкция «О лечении простыми средствами болезней от различных ядов и случаев», а в 1813 г. в Санкт-Петербурге – «Наставление, каким образом поступить должно с больным там, где нет лекарей».

Н.А. Лебедев составил и перевел на калмыцкий язык брошюру « О прививке оспы».

В типографии Академии наук также были отпечатаны: «Правила, которые следует соблюдать при откармливании животных, и как должен поступить хозяин при родах животных», «Краткое наставление о разведении картофеля».

Н.А. Лебедев, работая над переводами медицинских и других текстов на калмыцкий язык, по долгу службы бывал в Сарепте, в Калмыцкой степи, был лично знаком с Я.И. Шмидтом, а также с княгиней Цебек Тундутовой (5). Возможно даже обращался к ней за консультацией. Косвенным тому доказательством служит ее письмо Я.И. Шмидту, датированное 1811 г. из Сарепты, где она интересуется ответом Н.А. Лебедева на два своих письма (6).

Выпуск книг на старокалмыцкой письменности особенно активизировался с переездом в Петербург Я.И. Шмидта и с появлением типографских шрифтов на «тодо бичиг» в 1815 г.

Вот перечень некоторых изданных книг на «тодо бичиг», но чаще они печатались на калмыцком и русском языках: «О воспитании ягнят, отчего во многих местах крупный рогатый скот находится в худом состоянии и содержание его мало приносит выгод, и о подстилках», «О том, что такое животное, как оно живет, что ему здорово, что нездорово», «О том, какой хлеб какую землю любит», «Как помогать в начальных случаях, от которого может приключиться смерть».

В 1846 г. отделением Вольного экономического общества на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» литографским способом издано «Наставление как предотвратить натуральную оспу прививанием коровьей, как предохранительной оспы» (7).

В 1893 г. в Казани вышло в свет «Общепонятное наставление калмыкам и о том, как должно жить, чтобы не заболеть холерой, и как подать первоначальную помощь заболевшим холерой до прибытия врача», составленное на калмыцком языке и переведенное на русский студентом медиком Михаилом Бадмаевым. Издание было отпечатано при содействии Православного миссионерского общества.

Из переводов художественных произведений известна «Сказка о рыбаке и о рыбке» А.С. Пушкина, вышедшая к 100-летию со дня рождения поэта. Книга издана на старокалмыцком письме в типографии Академии наук под редакцией А.М. Позднеева.

Таким образом, с момента прихода и расселения калмыков на территории России возник неподдельный интерес к народу, его языку, самобытной культуре, делались первые попытки по изучению калмыцкого языка, составлению учебников, словарей, переводам различных текстов и произведений на калмыцкий язык и с калмыцкого на русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лебедев Николай Алексеевич, переводчик калмыцкого языка 3-го департамента Коллегии иностранных дел в чине титулярного советника – 9-й класс по табелю ранга Российской империи. Соответствовало званию штабс-капитана, штабс-ротмистра в сухопутных войсках, лейтенанта – в морских, подъяесаула – в казачьих.

2. Каменецкий Осип Кириллович (1754–1823), лейб-медик, член и проф. хирургии медико-хирургической акад. в Санкт-Петербурге.

3. Описание дано по изданию 1811 г., имеющемуся в фонде б-ки КИГИ РАН.

4. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон, 1891. Т. 27. С. 125.

5. Тундутова Цебек, жена владельца Дербетовского улуса Эрдени тайши Тундутова.

6. Kalmyk Old Script Documents of Isaac Jacob Schmidt 1800–1810. Edited by John R. Krucles and Robert S. Service / Wiesbaden; 2002. С. 202 .

7. Сведения о переводных изд-х на «тодо бичиг» приводятся по каталогу книг на калм. языке Нац. б-ки Рос. Федерации (Публичная б-ка им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

ЛИТЕРАТУРА. ФОЛЬКЛОР

ПРЕДАНИЯ И ПЕСНИ О МАЗАН-БАТЫРЕ

В преданиях, песнях и сказках калмыцкого народа сохранилось имя легендарного героя, воина, талантливого военачальника Мазан-батыра. Однако каких-либо документальных сведений, подтверждающих его существование, обнаружено не было. Поэтому считали Мазан-батыра вымышленным героем произведений устного народного творчества.

В 1960-е годы поиском и изучением исторических фактов, причастных к имени народного героя Мазан-батыра, вплотную занялся историк Мерген Кичиков, работавший в то время над темой «История Калмыцкого ханства в составе России». В 1965 г. он опубликовал статью «О калмыцком герое Мазан Батыре»*, подготовленную на основании материалов по «Калмыцким делам», хранящимся в Центральном архиве древних актов, а также за основу были взяты такие научные источники, как «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (М., 1957. Т. 1), «Собрания исторических сведений о монгольских народах» П.С. Палласа (СПб., 1776. В 2-х т., на нем. яз.) «Участие калмыков в войнах России» Т.И. Беликова (Элиста, 1960) и др. События, связанные с именем Мазан-батыра и бережно сохранные народной памятью, подтвердились документально: Мазан-батыр – реальное лицо, современник Петра I и Аюки-хана. Он один из выдающихся личностей своего времени, видный военачальник, участвовавший в войнах России против Турции в Крыму и на Кавказе.

В статье «Мазан Баатр» другой известный историк М. Батмаев указывает на то, что Мазан Батыр – реальная историческая личность, появившаяся в калмыцком обществе со времени прихода калмыков на Волгу в XVII столетии. В 1661 г. молодой Мазан-батыр участвовал в переговорах астраханского воеводы Г.С. Черкасского с калмыцкими тайшами, ногайскими мурзами по подготовке военного похода на Крым против турок.

Его ставка находилась недалеко от Царицына на левой стороне Волги в местности Мантохай. М.М. Батмаев приводит цитату из «Летописи очевидца», характеризующую калмыцких воинов, прибывших под Белую церковь по призыву украинского гетмана М. Брюховецкого им на помощь в борьбе против поляков: «... люд военный, с копьями восседают на коне, у некоторых сагайдаки с расширенными на конце стрелами, справно умеют быть копьями, имеют панцирь, иные идут в бой нагие...».

Калмыцкие летописцы XVIII–XIX вв. род Мазан-батыра ведут с кереитского Ван-хана. Родоначальником же считался торгутский Цецен нойон – его сын Аралха-Ахуту – его внук Очир Дебе – его сын Мазан-батыр – его сын Яман.

В 1673 г. по распоряжению Аюки хана Мазан-батыр с 700-тысячным отрядом участвовал в военном походе в Крым на Перекоп.

В 1683 г. на улус Мазан-батыра напали яицкие (уральские) казаки, тяжело раненного его захватили в плен, где он скончался от ран. Тело Мазан-батыра выдали сыновьям. После обряда «чиндрлһн» (кремация) сын его Яман отправил прах отца в Тибет для захоронения в одном из буддийских монастырей. Так трагически закончилась жизнь храброго воина, но память о нем жива и поныне в народных преданиях и песнях.

Одну легенду о Мазан Батыре приводит У.Д. Душан в очерке «Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе» (Церенов В.З. Эркетени. Элиста, 1997. С. 31–32.)

В отчете Н.О. Очирова «О поездке к Астраханским калмыкам летом 1909 г.» среди собранных произведений устного народного творчества доминируют исторические предания, в том числе и о Мазан-батыре:

1. Мазн болн Овлиин көвүн Цаһан хойрин бээр бэрлдсн домг.
2. Мазна көвүн Ямниги серкшмүдиин олзлһн.
3. Мазн Баатр.

В отчетах же о поездке в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков 1911 г. указан один материал под названием «Мазна көвүн Ямн».

Среди фольклорных записей Н.О. Очирова имеется и песня о Мазан-батыре.

МАЗН БААТРИН ТУСК ЧАСТР

Ман тоха нутгта,
Марлын чикн адута,

* Записки КНИИЯЛИ. Вып. 4. С. 74–78.

Мана нойн Мазн баатр
Дүркрэд аашдг.

Бухин шил күзүтэ,
Буурин зогдр сахлта,
Бодцгин соя шүдтэ,
Мана нойн Мазн баатр
Дүркрэд аашдг.

Эрвлзгсн күрцгтэ,
Эркн Яман көвүтэ
Эрктнэ нойн Мазн баатр
Дүркрэд аашдг.

Торһн төөлг ногтта,
Торм темэн ханзта
Торһуда нойн Мазн Баатр
Дүркрэд аашдг.

Хээкрэд орксн хээкрлһнднь
Хар маңһд хавтадг.
Ишкрэд орксн ишкрлһнднь
Иштг маңһд хавтадг.
Мана нойн Мазн баатр
Дүркрэд аашдг.

В июле 1993 г. пенсионерка Сани Джевзинова (работала библиотекарем в Принстонском университете) в архиве мужа, Петра Джевзинова, обнаружила текст песни «Мазн Баатр». К сожалению, не были указаны дата записи и имя информанта.

МАЗН БААТР

Мана нойн Мазн Баатр, Заани айду, Марлын чиктэ адутала – че Заани айду.	2 раза
Улан торһн бишмүдтэл – че Заани айду, Уулын цааһур укултэл – че Заани айду.	2 раза
Хар торһн бишмүдтэл – че Заани айду, Хадын цааһур харултил – че Заани айду.	2 раза
Буурин зогдр сахлтал – че Заани айду, Ботхна чимгн ханзтал – че Заани айду.	2 раза
Ишкрэд оксн ишкрлһндчнь Заани айду, Иштг маңһд ханхлзнал – Заани айду.	2 раза
Хээкрэд оксн хээкрлһндчнь Заани айду, Хасг маңһд ханхлзнал – Заани айду	2 раза

С одним из знатоков калмыцкого фольклора Санджи Цагадиновым попытались разобраться с припевом «Заани айду» или же «За найду», но так и не смогли выяснить значение этих слов.

По смыслу тексты двух песен идентичны: восхваляют Мазан-батыра, но имеются некоторые различия.

В легендах, песнях о Мазан-батыре упоминаются этнические названия соседних с калмыками народов: черкесы (шеркш), башкиры (иштг маңһд), ногайцы (хар маңһд), татары (маңһд), казахи (хасгуд).

Таковы некоторые заметки о Мазан-батыре, легендарной личности, жившем в XVII столетии, благодаря сохранившимся народным преданиям и песням.

А.С. ПУШКИН И КАЛМЫКИ*

После гибели А.С. Пушкина попечительский совет по опеке над его детьми принял решение выпустить собрание сочинений в 11 томах, в которое вошли бы и ранее неиздававшиеся произведения. Посмертное издание планировалось отпечатать на средства друзей и поклонников поэта и распространить по всей России.

В июле 1837 г. на одном из заседаний совета Астраханский военный губернатор сделал сообщение об открытии подписки на «Собрание сочинений А.С. Пушкина» и мерах распространения его в Калмыцкой степи (1). Все желающие приглашались принять участие в подписной кампании, тем самым, отдав дань памяти великому русскому поэту. Подписной лист каждого экземпляра стоил 35 руб. ассигнациями.

Одними из первых на этот призыв откликнулись совет Калмыцкого управления, ламайское духовное управление, улусные владельцы Хошеутовского улуса Церен-Джап Тюмень, Большедербетовского улуса Очир Хапчуков, зайсанг Икицохуровского улуса Церен-Араши (2).

Появление знаменитого стихотворения «Калмычке» связано с эпизодом, случившимся с поэтом по пути в Арзрум. Дорога на Кавказ пролежала через кочевья калмыков. Вот как об этом пишет сам А.С. Пушкин: «... На днях покамест запрягли мне лошадей, пошел я к калмыцкой кибитке... Молодая калмычка..., собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темнорумяное, багровые губки, зубки жемчужные. Я сел подле нее..., но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове. ... Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое, вероятно никогда не дойдет...» (3).

Это заключение великого поэта было ошибочным. Его послание дошло. Оно известно теперь каждой калмычке, которая горда вниманием А.С. Пушкина к ее далекой соплеменнице.

История стихотворения «Калмычке» имеет продолжение. А.С. Пушкин, прибыв на Кавказ, стремился побывать в районе военных действий. Друзья его оберегали, старались не пускать в опасную зону. Однако поэт был настойчив. Когда часовые попросили предъявить пропуск, он долго рылся в своем кармане, и, достав листок бумаги, предъявил солдатам. Его пропустили. Это был листок с текстом стихотворения «Калмычке» с его автографом.

Стихотворение «Калмычке», датированное автором «22 мая 1829 г. Кап-Кой», впервые было напечатано в «Литературной газете» за 1880 г., № 38.

К 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина в 1899 г. была издана на русском языке и на «тодо бичиг» «Сказка о рыбаке и рыбке» под редакцией известного востоковеда А.Л. Позднеева (4). Переводчиками сказки, очевидно, были калмыцкие учителя Шамбай Саджирхаев и Ш. Тутаяв. Издание было осуществлено по поручению Министерства земледелия и государственных имуществ, в ведении которого находились кочевые народы России.

Текст на русском и калмыцком языках размещен параллельно. Для правильного произношения в русском тексте в словах обозначены ударения.

Факсимильное издание «Сказки о рыбаке и рыбке» как литературного памятника калмыцкой письменности «тодо бичиг» конца XIX столетия с приложением калмыцкого текста на современной графике вышло в 2002 году. В издание включена статья об истории перевода сказки А.С. Пушкина «Желай мне здравия, калмык!» В.З. Церенова.

«Сказка о рыбаке и рыбке» на калмыцком языке известна также в Синьцзяне. В журнале «Ойратские исследования» текст сказки напечатан на «тодо бичиг».

Рукопись калмыцкого текста «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина в переводе Ш. Саджирхаева, датированную 1871 г., обнаружил в Архиве Русского географического общества В.З. Церенов.

Издание «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина 1899 г. на русском и калмыцком языках имеет такое длинное титульное название:

МГ и ГИ Департамент государственных земельных имуществ

В память столетней годовщины рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина
(род. 26 мая 1799 г.)

Сказка о рыбаке и рыбке (с портретом поэта)

По поручению Министерства земледелия и государственных имуществ для калмыцких народных школ редактировал в калмыцком переводе А. Позднеев, ординарный профессор С.-Петербургского университета.

* Газета «Элистинские новости». № 19. № 20, № 22.

С.-Петербург: Тип. имп. АН, 1899.

Под портретом набран эпитафия – четверостишие из стихотворения «Памятник»:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

В годы гражданской войны в числе беженцев из России в эмиграции оказались и калмыки, которые рассеялись по странам Западной Европы. Небольшая группа калмыцкой интеллигенции нашла приют в Чехословакии.

Оказавшись на чужбине, представители калмыцкой интеллигенции предприняли все меры для сохранения самобытной культуры, истории своего народа, родного языка. Добились права обучения детей-калмыков в русских учебных заведениях Праги. Из калмыцких колоний Болгарии, Франции, Югославии были доставлены свыше 40 мальчиков, для которых в Чехословакии, в пригороде Праги, открыли пансионат. Финансирование на его содержание осуществлялось правительством Чехословакии.

Для ведения культурно-просветительной работы среди калмыцкого населения в эмиграции была создана «Калмыцкая комиссия культурных работников» (далее – «КККР»), которую возглавил Б.Н. Уланов, юрист по образованию, выпускник Казанского университета. КККР организовала свой печатный орган – журнал «Хонхо» («Колокольчик»), в котором печатались различные материалы на калмыцкой письменности «тодо бичиг», в том числе и переводная с других языков. За 1925–1929 гг. было издано 5 выпусков журнала, которые сыграли большую роль в жизни калмыцкой эмиграции.

В четвертом выпуске «Хонхо» в 1927 г. опубликована повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на калмыцком языке.

Переводчицей выступила Д.Н. Баянова, (урожденная Уланова), единственная калмычка, окончившая высшие Бестужевские медицинские курсы, организованные в России специально для получения высшего образования женщинами, которых не принимали в университеты. Д.Н. Баянова-Уланова выбрала профессию акушерки. На Дону занималась практической работой по оказанию помощи роженицам. В 1919 г. Д.Н. Баянова-Уланова окончила естественное отделение физико-математического факультета Донского университета, бывшего Варшавского университета, эвакуированного во время первой империалистической войны (5).

В предисловии к изданию автор вступительной статьи Б.Н. Уланов отмечает «застой светской калмыцкой литературы в XVII–XVIII вв., который имеет последствия, ослабление родного языка... Живой язык любого народа настоящее развитие находит только через литературу, которая имеет величайшее значение и влияние на все духовное и моральное развитие народа, отстаивать его национальную самостоятельную самобытность, поэтому мы обязаны принять все меры для возрождения, развития нашей национальной литературы на родном языке...», писатели на родном языке появятся медленно, не скоро, поэтому придется пользоваться литературой других народов, переводя ее на калмыцкий язык. Писатели – это особый дар природы. А.С. Пушкин является тем гением, «билгин билиг төгясен орос бичгин сякюсен», который проложил яркую и глубокую борозду в русской литературе...» (6).

В 1937 г., в связи со 100-летием со дня гибели А.С. Пушкина, по всей стране проходили мероприятия, посвященные его памяти, активизировался интерес к творчеству великого поэта. Такие мероприятия не обошли стороной и калмыцких писателей.

В журнале «Улан туг» за 1938 г. напечатана на калмыцком языке повесть «Капитанская дочка» в переводе Гаря Шалбурова (7).

В 1963 г. в Калмыцком книжном издательстве вышла из печати «Капитанская дочка» в переводе М. Харцхаева. Таким образом, имеются три варианта переводов этой повести А.С. Пушкина на калмыцком языке.

В 1937 г. Калмыцким книжным издательством выпущены сказки А.С. Пушкина на калмыцком языке (Хальмг туульс) / орчулснь Х. Сян-Белгин; нүр үгнь Манжин К. Элст: Хальмг гос. изд., 1937. 103 х.)

В издание вошло 5 сказок: «О царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне» («Салтан туск тууль»); «О попе и его работнике Балде» («Орс гелнгин болн түүнэ зарц Балдан туск тууль»); «О рыбаке и рыбке» («Заһсна болн заһсчин туск тууль»); «Сказка о мертвой царевне и о ее семи богатырях» («Өндгсн күүкн болн өнр долан баатрын туск тууль»); «О золотом петушке» («Алтн петухин туск тууль»).

В примечании к названию перевода последней сказки дано объяснение, почему слово «петух»

указано без перевода. Если слово «петух» перевести как «такан ажрһ», то искажается смысл, ибо «курица» – така, но не петух, перевод получается не совсем правильный.

К. Манджиев в вступительном слове к изданию «Сказок» отмечает авторские подтексты, направленные в адрес всемогущих правителей. Например, сказка «О попе и его работнике Балде» при жизни А.С. Пушкина не публиковалась. При подготовке «Собраний сочинений А.С. Пушкина» в 1837 г. В.А. Жуковский слово «поп» заменил другим – «купец-остолоп».

«Сказка о рыбаке и рыбке» у калмыков была широко известна под названием «Алтн захсн» («Золотая рыбка»).

«Сказки А.С. Пушкина» 1937 г. выпуска в переводе Х. Сян-Белгина были переизданы в 1941 г. под редакцией Л.О. Инджиева без указания имен переводчика Х. Сян-Белгина и автора вступительного слова К. Манджиева. Они оба были к тому времени репрессированы.

В издании же «Сказок А.С. Пушкина» на калмыцком языке в 1958 году после восстановления автономии калмыцкого народа имя переводчика Х. Сян-Белгина восстановлено.

В 1940 г. в серии переводов произведений А.С. Пушкина на калмыцком языке были изданы «Повести Белкина», к сожалению, без указания имени переводчика под ред. П. Джидлеева.

В 1971 г. в Калмыцком книжном издательстве вышел в свет роман в стихах «Евгений Онегин» на калмыцком языке в прекрасном переводе Басанга Дорджиева. В этом же году изданы «Стихи и поэмы А.С. Пушкина» в переводе Х. Сян-Белгина. Были и другие переводы на калмыцкий язык отдельных произведений А.С. Пушкина: «Калмычке», «Цыгане» (в пер. К. Эрендженова, 1983), «Дон-река. Пробуждение» (в пер. Л. Инджиева, 1987.).

Исследователь литературы монголоязычных народов ученый С.Ю. Неклюдов через аспиранта Б. Шантаева попытался уточнить источники сюжета калмыцкой сказки, который использовал А.С. Пушкин в своей повести «Капитанская дочка».

Однако среди опубликованных калмыцких текстов так и не удалось установить название сказки.

А.С. Пушкин, работая над темой бунта крестьян под предводительством Е.И. Пугачева, посетил Оренбургскую губернию. Возможно, сюжет сказки поэт мог услышать у оренбургских калмыков. По сообщению Намжавын С. сказка с таким сюжетом бытует у синьцзянских калмыков.

У калмыков сохранилась пословица «Арвн жил атн йовхар, нег жил ажрһ болх» (Чем десять лет быть кастратом, лучше один год быть производителем), которая очень схожа с выражением из повести «Чем всю жизнь питаться мертвечиной, лучше один раз выпить живой крови».

У калмыцких писателей всегда был особый интерес к произведениям великого русского поэта А.С. Пушкина, и они с удовольствием занимались переводами на калмыцкий язык его бессмертных творений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурчинова Л.С. Далекое и близкое / Сов. Калмыкия, 1987, 6 фев. № 27. С. 4.
2. Там же.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. / под ред. М.А. Цявловского. В 6 т. М.-Л.: Академия, 1936. Т. 1. С. 768, примеч.
4. Пушкин А. С. «Сказка о рыбаке и рыбке» / под ред. А. Позднеева (на рус. и калм. яз.). СПб.: Тип. АН, 1899. 16 с.
5. Информант Бурхинова Намжл, дочь Д.Н. Баяновой. 1993 г., США.
6. Уланов Б.Н. К читателю-калмыку // Хонхо. Прага, 1927. № 4.
7. Улан туг. Элиста, 1938. № 4.

ВОСТОЧНАЯ САГА КОЗИНА*

Ученый-востоковед, исследователь калмыцкого героического эпоса «Джангар» Сергей Козин родился 19 октября 1879 г. в городе Туапсе. Со школьных лет у мальчика появилась тяга к знаниям, что чрезвычайно радовало его отца. Благодаря ему, сын продолжил учебу на Восточном факультете университета в Санкт-Петербурге.

Знание восточных языков предопределило всю дальнейшую судьбу Сергея Козина. Свыше де-

* Известия Калмыкии. 2004. 16 октября. № 207. С. 3.

сяти лет он был связан с Калмыцкой степью: сначала как государственный чиновник в должности попечителя улусов, затем как заведующий калмыцким народом Астраханской губернии. После ухода с государственной службы Сергей Андреевич занимался научным изучением эпосов монгольских народов «Гесера» и «Джангара».

В 1903 г. студент Козин представил к защите работу «Обзор бурят-монгольских путешествий в Тибет», которая получила высокую оценку преподавателей. Выпускника Восточного факультета приняли на службу в земский отдел Министерства внутренних дел, ведавшего вопросами землепользования инородцев, т.е. кочевых народов России. Через год коллежского секретаря ведомства МВД России Сергея Козина направили в Калмыцкую степь Астраханской губернии на должность попечителя сначала Яндыко-Мочажного, а затем Малодербетовского улусов.

В начале XX столетия в период новых веяний в обществе молодой чиновник ратовал за изменение существующей системы управления калмыцким народом (УКН). В декабре 1904 г. в Астрахани состоялся съезд попечителей по вопросам улучшения работы УКН. Участники съезда выступили с докладами по насущным вопросам: «Об административно-общественном управлении» (Н.М. Рысин); «О судоустройстве и судопроизводстве» (В.В. Кардаев); «О народном образовании» (С.А. Козин).

В дальнейшей своей деятельности Сергей Андреевич неоднократно возвращался к вопросу о преобразовании системы управления. В материалах съездов улусных попечителей, состоявшихся в 1907–1908 гг. в поселке Яшкуль Икицохуровского улуса, имеется докладная записка попечителя Козина о необходимости коренной реорганизации УКН Астраханской губернии. Для решения этого вопроса необходимо было подготовить калмыцких чиновников, знающих проблемы и нужды своего народа. Сергей Козин позаботился о том, чтобы способные выпускники Малодербетовской улусной школы Санджи Баянов, Ноха Очиров, Эренджен Даваев, Дорджи Манджиев и другие поступили в астраханские средние учебные заведения, где имелся пансионат для калмыцких детей, приезжающих на учебу из улусов. Пансионат содержался за счет общественного капитала.

Вскоре Козин стал заведующим калмыцким народом. Получив полномочия, он ходатайствует о зачислении одаренных выпускников гимназии, реального училища, уроженцев Малодербетовского улуса в высшие учебные заведения Петербурга. Баянов, Очиров, Манджиев стали студентами юридического факультета университета. Даваев поступил в Военно-медицинскую академию. Дорджи Манджиев, окончивший в Астрахани и музыкальное училище, одновременно учился в Петербургской консерватории по классу виолончели.

В XIX – начале XX в. в калмыцкой степи шло самовольное заселение и распашка земель пришлым населением, из-за чего сокращались пастбища кочевников. Беспорядочная распашка земель нарушала слабый растительный покров земли, что привело к наступлению песков. Для изменения состояния степи необходимо было провести детальное исследование. Была организована комплексная экспедиция с целью изучения социально-экономического и естественно-исторического состояния степи под научным руководством Козина. До начала ее работы попечителям и владельцам улусов разослали задания по подготовке данных по улусам, аймакам, родам, принятым границам землепользования, количеству семей и т.д. Результаты этого исследования в 1910 г. опубликовали в Астрахани в двух томах. Эти материалы не потеряли научной ценности и в настоящее время.

В 1911 г. в степи работала экспедиция И.И. Мечникова. Известный ученый выяснял причины распространения туберкулеза среди калмыков. Сергей Козин и врач УКН С.Р. Залкинд оказали ему неоценимую помощь, о чем Мечников с большой теплотой вспоминал впоследствии. В том же году в Астрахани устроили торжественные проводы заведующего калмыцким народом, официально срок его пребывания на ответственной должности завершился. Однако Сергей Андреевич связи с Калмыцкой степью не порывал, находился здесь до 1914 г., вплоть до отъезда на работу в Монголию. В 1913 г., путешествуя по Волге, в Астраханской губернии побывали высокие гости, члены царствующей семьи. Они посетили Калмыцкий Базар, буддийский храм. Гостей сопровождал недавний заведующий калмыцким народом.

В 1911 г. Монголия, свергнув китайский режим, объявила себя независимым государством. Год спустя Россия заключила с правительством новой страны дружественное соглашение и для установления более тесных контактов решила ознакомиться с экономическим состоянием Монголии. А еще через год финансовым советником в правительстве Монголии был назначен Сергей Козин, имевший опыт подобной работы в Астраханской губернии.

С 1913 по 1917 гг. он неоднократно организовывал научно-исследовательские экспедиции; создал Управление государственных имуществ для регистрации и эксплуатации оброчных статей; для надзора на местах образовал пять районных пунктов в Урге, Улясутае, Кяхте и др. Под его руководством были выработаны правила аренды земель, лесов, угольных копей и других угодий. В 1918 г. по ини-

циативе советника по финансовым вопросам в Монголии произведена перепись населения и скота, что позволило определить статьи доходов: таможенные сборы, налог с транспорта (телег), вьючных животных, оброчные подати за природные ресурсы, доходы с казенных предприятий. Можно сказать, что финансовая служба в Монголии была организована при участии советника Козина.

После возвращения из Монголии С.А. Козин полностью отошел от государственной службы и переключился на научную и преподавательскую деятельность. Он принимал активное участие в организации Восточного института в Петрограде. Преподавал языки, успешно занимался наукой. В «Известиях АН СССР» был опубликован ряд работ Сергея Андреевича: «О неизданных работах Иакинфа Бичурина», «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П. Васильева по данным Азиатского музея АН СССР».

Востоковед Козина интересовали монгольские исторические письменные памятники. Вот перечень его публикаций по этой теме: «К вопросу о дешифровке дипломатических документов монгольских ильханов», «Ойратская историческая песнь о поражении халхасского Шолом-Убаши хун-тайджи в 1387 году с войсками ойратского четырехцарствия». Занимался он исследованием, переводом монгольских литературных памятников. Им подготовлены и изданы «Гесериада», «Джангариада».

В 1930-е г. по договору с Монгольским кабинетом Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Сергей Андреевич трудился над переводом «Сокровенного сказания» («Секретной истории монголов», или «Юань Чао Би Ши»).

Работа была завершена в 1936 г. В процессе обсуждения возникла острая дискуссия. Некоторые коллеги-востоковеды считали труд ученого вольным художественным переводом. Высоко оценили исследование В.М. Алексеев, Н.Н. Поппе, В.Л. Котвич. Алексеев, в частности, считал, что Козин «крупный историк, литературовед, лингвист, сделавший двойной перевод текста, дословный и политический, составитель научной транскрипции, подробного словаря. Его исследование – большая наука».

Сложилось так, что независимо друг от друга одновременно работали над памятником три востоковеда: монголист Козин, китаист Панкратов и немецкий востоковед Хэниш. Пока шли дебаты, Хэниш успел издать свою версию. После долгих споров перевод Козина все же был рекомендован к изданию. Ученый продолжил работу над 2 томом «Сокровенного сказания». Поппе и Панкратов должны были составить к нему историко-лингвистический комментарий. Планировался и 3 том, но война помешала выполнению этих работ. Из печати вышел только 1-й том «Сокровенного сказания», который стал теперь библиографической редкостью.

В 1941 г. Сергею Андреевичу Козину присвоили звание профессора, а через два года он стал действительным членом АН СССР. После окончания войны членкор Козин принял деятельное участие в восстановлении Восточного факультета ЛГУ и Института востоковедения. Умер талантливый ученый 16 октября 1956 г.

ИВАН ПОПОВ – СОБИРАТЕЛЬ КАЛМЫЦКОГО ФОЛЬКЛОРА

В Ростовском областном государственном архиве в девяти рукописных книгах хранится богатейший материал – калмыцкий фольклор, собранный Иваном Ивановичем Поповым. О самом составителе сообщают лишь скромные авторские пометки: «кандидат права Санкт-Петербургского университета»..., «коннозаводчик Донского частного коннозаводства»..., «собственный зимовник на балке Средняя Аюла» (1). Одним из первых архивом И.И. Попова заинтересовался писатель В.А. Закруткин. В 1940 г. он подготовил к изданию «Джангар», записанный и переведенный собирателем уникальных образцов устного народного творчества калмыцкого народа.

В примечаниях к книге «Калмыцкий эпос «Джангар» В.А. Закруткин пишет: «Имя И.И. Попова ни о чем не говорит ученым-калмыковедам и фольклористам. И не знают о нем, прежде всего, потому, что имя Попова почти никогда не появлялось в печати. А между тем, этот человек заслуживает к себе внимания и оценки. Правда, мы вынуждены сообщать о нем то, что, к сожалению, известно большей частью по слухам».

Иван Иванович Попов всю свою жизнь провел на Дону. Еще в девяностых годах прошлого столетия он, выпускник Лейпцигского университета (2), уехал в донские степи. Что заставило Попова поселиться в глуши – неизвестно. Вряд ли конский завод, который достался Попову по наследству, мог послужить причиной отшельнической жизни молодого человека. Поселившись в степной балке

Аюла, И.И. Попов почти безвыездно прожил там более двадцати лет. Единственными товарищами в его разъездах по степи были табунщики-калмыки. Калмыков вокруг Аюлы было много. И Попов все свое свободное время посвящает изучению этнографии донских калмыков.

Интерес к калмыкам перерастает у Попова в страсть. Он ездит от зимовника к зимовнику в поисках все новых материалов. Очевидно, время от времени напоминая о себе своим лейпцигским коллегам, он получает по почте все, что появляется в печати о калмыках не только в России, но и в Европе. Так постепенно пополняется фонд личной библиотеки Попова, которому, судя по сохранившимся книгам, позавидовал бы любой ученый-монголист.

Трудно сказать, что больше всего привлекало внимание Попова. Он записывает исторические сведения о калмыках, делает многочисленные переводы специальных исследований, ведет путевые записки, просит калмыков делать для него различные рисунки, фиксирует обряды, но охотнее все же изучает фольклор. Можно, пожалуй, сказать, что И.И. Попов был фанатиком в собирании калмыцкого фольклора. Он собрал множество сказок, пословиц, загадок. Лет пятнадцать тому назад Попов умер» (3).

По замечанию же самого Попова, интерес к калмыцкому фольклору пробудился у него после прочтения калмыцких сказок в публикации А.М. Позднеева. Это произошло, по всей вероятности, в 1886–1889 гг., после выхода сборника в свет. Поселившись на Дону, Попов получил уникальную возможность знакомиться и изучать калмыцкий фольклор непосредственно от самих калмыков.

Недостатка в информантах у него не было. На Дону в то время у частных владельцев конных заводов табунщиками охотно работали калмыки: они освобождались от несения военной службы, получали за работу плату деньгами и мукой. Лихие наездники, любители коней, честные труженики, они вполне устраивали и владельцев конных заводов.

По записям И.И. Попова видно, что он в совершенстве владел калмыцким разговорным и письменным языком: они сделаны на ойратском письме, переложены на калмыцкий язык русской графикой, затем переведены на русский. Каждая запись сопровождается подробными примечаниями, толкованием слов, приложен и словарь.

Иван Иванович Попов обладал обширными познаниями в области востоковедения. Европейское образование, знание языков, связи с Санкт-Петербургским университетом позволяли ему следить за книжными новинками, выходившими в России и Европе на интересующую его тему. В одном из его примечаний к калмыцким народным сказкам приведен список использованной литературы, в котором указаны книги по калмыцкой грамматике, словари калмыцкого языка, в частности «Русско-калмыцкий словарь», составленный в 1868 г. учителем Санджирхаевым.

Одним из первых о фонде И.И. Попова сообщил Ц.-Д. Номинханов в статье «Наследие калмыковедения И.И. Попова» в 1967 г. (4). Оказалось, что этот фонд содержит материалы нескольких Поповых, оставивших свой яркий след в истории Дона: Харитона Ивановича Попова, директора Донского музея и Ивана Ивановича Попова, владельца частного конного завода. Известен еще один И. Попов – историк Донского края, редактор и издатель журнала «Дон», который начал выходить с 1887 г.

В фонде Поповых имеются материалы об устройстве калмыцкого населения Сальского округа, в том числе царские грамоты о вступлении в русское подданство калмыцкого владельца Сетера в 1690 г., письма православного миссионера Ф. Траилина со сведениями о религии, быте калмыков, о его полемике с бакшой донских калмыков Дамбо Ульяновым, знатоком тибетской медицины, и другие источники.

Но самым ценным из них являются фольклорные записи калмыковеда И.И. Попова. Его фонд богат, но мало изучен. Часть хранящихся в нем записей калмыцких сказок была издана в 1938 г. в литературной обработке Б.В. Лунина (5). Большая же часть, которую составляют пословицы и поговорки, загадки, сказки, до сих пор так и не вышла в печати (6).

Записи фольклорных материалов на калмыцком языке с переводами И.И. Попова даны на русском языке, с примечаниями и пояснениями, с указанием имен информантов. В двух тетрадях содержатся различные сказания: «Повесть о сыне Дондук Омбо Галдан Норбо», «О мудром еже», «О Замбар-Алдаре», два сказания о происхождении водки, «Сказание о Галдаме», «Сказание об уходе калмыков в Джунгарию», «Объяснение Дорджи Джодбо», «Урусин бичиг», «Гридцать пять кипарисных поклонов», «Книга повелений Джибцун Дамбо», 8-я глава «Улигерин дала» («Занлун»), 8-я глава «Алтан Эрик» и др.

Записи «Джангара» изданы на русском языке в 1940 г. В предисловии к изданию В.А. Закруткин отмечает: «... Публикуемые в настоящей книге отрывки «Бумба – земля Джангара», «Богатыри поздравляют Джангара», «Голубой конь Улан Хонгора», а также законченная «Песня об Улан Хонгоре» напечатаны по рукописи Попова. Рукопись эта представляет собой большую книгу типа конторской. Тетрадь содержит записи и частично русский перевод «Джангара», сделанные И.И. Поповым в декабре 1901 г. у молодого джангарчи Бадмы Обушинова (7). Заголовки у Попова отсутствуют и принадлежат нам» (8).

Запись И.И. Попова предварена предисловием: «...Национальная калмыцкая поэма «Джангар» – перл народной устной литературы. Это своего рода наядя некогда славного ойратского племени. Она так велика, говорят калмыки, что если бы записать ее, то она могла сделаться вьюком двадцати девяти белых верблюдов – дромедаров. И это потому, что простые двугорбые верблюды не подняли бы «Джангара»; только белые сильные, чем они – дромедары могут сделать это. Белыми-де они должны быть потому, что эта поэма так чиста, белоснежна, что везти ее могут только белые животные...» (9).

В тетради также имеется заметка «Кое-что по поводу моего сообщения в Донской музей «О следах военно-исторической песни в народной устной литературе донских калмыков». Статья писалась по просьбе директора музея Х.И. Попова для выступления на предстоящем Археологическом съезде в 1902 г. в городе Харькове. Однако по каким-то признакам или требованиям в программу съезда она не вошла. Содержание же ее приведено в примечаниях В.А. Закруткина (10). Они представляют особую ценность, потому что в них И.И. Поповым дана оценка состояния устного народного творчества монгольских племен, малоизученного, неизвестного в тот период ориенталистам России.

Некоторые материалы И.И. Попова находятся в других архивах. Так, по «Каталогу монгольских рукописей и ксилографов ...» А.Г. Сазыкина в архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН указана рукопись «Аршани номин тууль», сборник 63 буддийских легенд (11).

Среди фольклорных записей И.И. Попова имеется и «Яс кемэлын» (рассказ-пояснение), один из жанров калмыцкого устного народного творчества (12).

Глубоко увлеченный историей калмыков, проживавших на Дону, в Сальском округе, И.И. Попов написал исторический очерк «Донские калмыки», который был опубликован в 1919 г. в «Очерках географии Всевеликого Войска Донского» В.В. Богачева в г. Новочеркасск. В нем рассказывается о приходе калмыков на Волгу из пределов Джунгарии в начале XVII столетия, об их быте, религии, даны народные предания, описаны некоторые религиозные обряды и т.д. (13).

Научное наследие И.И. Попова, содержащее богатый этнографический материал, представляет и сегодня большую ценность для всех тех, кто занимается вопросами изучения истории и культуры калмыцкого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Средняя Аюла («Дунд Аюл») – местное название одного из трех притоков реки Средний Егорлык.
2. И.И. Попов в своих записях делает пометку «Кандидат права Санкт-Петербургского университета». Отсюда можно сделать вывод, что он закончил юридический факультет указанного учебного заведения.
3. Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примеч. В.А. Закруткина. Ростов-на-Дону, 1940. 272 с; ил.
4. УЗ Калм. НИИЯЛИ. Элиста, 1967. Вып. 5, сер. филол. С. 151–154.
5. Сказки донских калмыков / зап. и пер. И.И. Попов; лит. перераб. Б. Лунина. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1938. 84 с.
6. Государственный архив Ростовской области. Фонд 55.
7. Подробные сведения о Бадме Обушинове не приведены.
8. Калмыцкий эпос «Джангар».... С. 225–226.
9. Там же. С. 225–226.
10. Там же. С. 229–230.
11. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Наука. 2001. Т. 6. № 354.
12. Кемэлын (калм.), дословно «сказывать, говорить, изрекать». Одна из форм состязания в красноречии мастеров, знатоков фольклора.
13. Богачев В.В. Очерки географии Всевеликого войска Донского Новочеркасск, 1919. С. 284–329.; Попов И.И. Донские калмыки. Новочеркасск: Часовой, 1919. 50 с.

АНДРЕЙ РУДНЕВ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАЛМЫКОВ*

Русский ученый, известный востоковед Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958), автор многих исследовательских работ по монгольскому языку, преподавал монгольский язык на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета и занимался записями музыкального фольклора монголов, бурят, калмыков.

* Теегин герл. 1998. № 6. С. 76–82.

В первый раз А.Д. Руднев побывал в Калмыцких степях в 1897 г. Посетив Малодербетовский улус, в имении князя Тундутова, в Солянке, от княгини Эльзьяты Тундутовой он записал калмыцкие песни и получил разрешение использовать их в своей работе.

Во второй раз А.Д. Руднев посетил Калмыцкую степь в 1904 г. вместе с финским ученым Г.И. Рамстедтом, который побывал здесь годом раньше. Экспедиция была организована Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Местом пребывания была выбрана поллюбившаяся Г.И. Рамстедту немецкая колония-поселение Сарепта, расположенная у северной границы калмыцких кочевий. Вместе с А.Д. Рудневым приехали на лето его мать и сестра. Из Сарепты ученые совершали поездки в калмыцкие улусы, иногда сами калмыки приезжали к ним. В качестве информантов и переводчиков им помогали ученики Астраханской гимназии и реального училища Санджи Баянов, Ноха Очиров, Эренджен Даваев, Дорджи Манджиев, находившиеся в это время в родных улусах на каникулах.

Сохранился короткий отчет А.Д. Руднева о той поездке в 1904 г.: «...прибыл в колонию Сарепта, где жил и занимался с доктором Г.И. Рамстедтом, ...занимался над особенностями речи местных калмыков, записывая тексты и отдельные выражения, возможно точнее отмечал фонетические особенности, ... спорные вопросы и новые наблюдения Рамстедт и я проверяли, выясняли, обращаясь к самим аборигенам, выбирая из них по возможности неграмотных. В качестве образцов местного диалекта им было записано 4 сказки, десяток песен, отчасти с напевами, а также танцевальные мелодии... С помощью учеников Санджи Баянова, перевел на русский язык описание двух путешествий в Тибет бакши Пурдаш Джунгруева. При содействии сарептского аптекаря приобрел употребляемые калмыками тибетские лекарства, составил полный перечень медицинских терминов и названий европейских лекарств на латыни с переводом на калмыцкий...»

Из Сарепты А.Д. Руднев съездил в ставку Малодербетовского улуса, побывал в Ханате и Астрахани. Собирался посетить Манычский улус и добраться до донских калмыков, но неожиданно для себя получил предложение выехать на работу на Дальний Восток. Позднее он очень сожалел, что не собрал сведений о языке и этнографии донских калмыков.

Деятельность А.Д. Руднева в области монголистики связана с Петербургским университетом. Он, в совершенстве владея письменным и разговорным монгольским языком, имел немало талантливых учеников. Среди них был Н.К. Рерих, который во время экспедиций по Азии обходился без переводчика.

Весной 1918 г., А.Д. Руднев с семьей выехал в Финляндию, на родину жены, и оказался в числе русских эмигрантов. За рубежом А.Д. Руднев преподавал русский язык в университете и музыку в консерватории. По мнению востоковеда Н.Н. Поппе, А.Д. Руднев был выдающимся музыкантом. Он собрал большое количество монгольских, в том числе и калмыцких народных песен. Его статья «Мелодии монгольских племен» была одной из первых работ в изучении музыкального фольклора монгольских народов.

Обработкой калмыцких песен и танцевальных мелодий А.Д. Руднев занялся в 1909 г., к этому времени сарептские помощники С. Баянов, Н. Очиров, Э. Даваев, Д. Манджиев стали питерскими студентами. А.Д. Руднев вновь обратился к ним за помощью, и они с удовольствием напевали и наигрывали мелодии, которые были переложены на ноты и опубликованы в статье «Мелодии монгольских племен», вошедшей в сборник «Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии».

А.Д. Руднев с тщательностью, присущей только настоящим исследователям, отмечает, какие песни (мелодии и слова) и когда были записаны у того или иного информанта. Примечания его также уточняют некоторые биографические данные калмыцких студентов С. Баянова, Н. Очирова, Д. Манджиева, Э. Даваева.

Санджи Баянович Баянов (1884–1946) в 1906 г. окончил Астраханскую гимназию, поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. О том, как проходила запись мелодий, А.Д. Руднев пишет: «...Он (т.е. С. Баянов) нередко наигрывал сам на рояле. Многое припоминал совместно с Н. Очировым. Часть мелодий записана мною от него в Сарепте в июле 1904 г., где он пел вместе с Эрендженом Даваевым».

У С. Баянова А.Д. Руднев записал следующие песни:

1. № 58 (ноты) «Сөм хамрта-парнцусла
Сөрглдн бээж чавчлдад...»
2. № 59 «Бичкн кер мөрнь
Биилсн дуулсн йовднта-ла
Бийин баһ наснд
Дегд бичкә деегүрд...»

3. № 61 «Песня о Мазан батыре». (Записана в ноябре 1908 г. в Санкт-Петербурге у С. Баянова, Н. Очирова).

Зан нойдут мана нойн
Мазн баатр
Зан нойдут марлин чикн
адута гинэлэ
Зан нойдут

4. № 63 Песня «Бор мөрнь тохата». (Записана у С. Баянова, Э. Даваева, Н. Очирова).

Бор мөрнь тохата,
Бортхта эркнь һанзһлата,
Боочин Манжин Мууша зээсн
Бодг уга эркнч...

5. № 66 Песня «Бембин Шар». (С дополнением текста по сборнику «Калмыцкие песни» Г.И. Рамстедта) (С. 28, № 9):

Саадг-саадг үкриг
Салһад юңгад хулдсмби?
Сээхн күүкн Кермин төләд
Кен ял өгсмби?..

6. № 73 Песня «Зурһан арслнга орс һосн» записана в июне 1908 г. у С. Баянова, Н. Очирова, Д. Манджиева:

Зурһан арслнга орс һоснь
Зууза дотран шухтнна, шухтнна.
Зург болсн Моонтгин, Моонтгин
Зурһан яла наснь харш-ла, харш-ла...

7. № 78 Песня «Көк теңгсин дольганднь, дольганднь
Көөркиннь тамша алдлав, алдлав..».

Записана летом 1904 г. в Сарепте у С. Баянова, Э. Даваева, обработана в 1908 г. в Санкт-Петербурге. В лирической песне поется о влюбленном парне, уронившем в волны Каспийского моря шапочку своей возлюбленной...

8. № 79 У С. Баянова и Н. Очирова записана новая песня, сочиненная в 1903 г. молодым табунщиком из с. Червленного о красавице Кооку.

Асрад-яла хадһлсн алтн дөннчн гинэ-лә,
Арьмж яла күцм хурдн-ла гинэ-лә, гинэ-лә.
Альмн яла чирэтэ Коокучнь гинэ-лә,
Ардк яла хотнднь һаңхн, һаңхн гинэ-лә...

9. № 80 Песня «Хорн келтэ Оңкран эмгн
Хортан донам болхмч...»

Это песня о недоброжелательной, язвительной старушке-сплетнице.

10. № 91 Песня донских калмыков «Полтавин адунд».

Полтавин адуна маатксинь ундг
Павлоһа хотнд патърлдг болва...
Павлоһа хотнд патърлдг болвчн
Бакулина күүкн таньлта болва...

11. Молитва «Дэрк» записана у С. Баянова.

В 1906 г. *Дорджи Манджиевич Манджиев* (1883) окончил Астраханскую гимназию. Получил аттестат первой степени об успешном окончании музыкального училища по классу виолончели. По сообщениям М. Тритуза, Д. Манджиев играл в оркестре Астраханского музыкального училища. В составе вокального квартета Аренского вел сольную партию виолончели.

В архиве сохранился документ за 1906–1909 гг. «О предоставлении возможности ученику Астраханской гимназии Дорджи Манджиеву получить высшее образование в Санкт-Петербургском университете».

В Петербурге Д. Манджиев учился одновременно на юридическом факультете университета и в консерватории – по классу виолончели.

Его сверстница, слушательница высших Бесстужевских медицинских курсов Данара Уланова (по мужу Баянова), часто вспоминала одаренного музыканта и сожалела о его ранней смерти. Она рассказывала, что Д. Манджиева часто приглашал к себе композитор Н. А. Римский-Корсаков, который любил слушать благозвучные степные мелодии в исполнении талантливого ученика (По инф. Намджи Бурхиновой-Баяновой, 1993 г.).

В 1910 г. за неуплату взносов за учебу Д. Манджиева отчислили из университета. О дальнейшей его судьбе, к сожалению, ничего неизвестно.

У Дорджи Манджиева записаны:

1. № 58а Мелодия песни «Сөм хамрта парнц...»
2. № 61 Мелодия песни о Мазан-батыре
3. № 69 Песня «Таб болгсн халзн мини»
4. № 78 Песня «Тавр-тувр хулснднь, зегснднь
Тавн-ла туһлиһән хэрүлэд, тарулад...»
5. № 81 Песня «Хату хар арһмж
Хээкрн бээж татычи...»

В 1908 г. проверена С. Баяновым, который пояснил, что эта русская песня волжских рыбаков переработана калмыками.

6. № 82 Песня «Хойр шарһ мөрн»

7. № 83 Песня «Төөлг ногтнь шаргна» записана в Талтанкиновом роде. Другой вариант – в Сарепте. В записях же А.Д. Руднева имеются только ноты.

8. № 84 У Д. Манджиева записана мелодия «Приветствия», сочиненного по поводу приезда в Астрахань Александра II. Текст у Н. Очирова и С. Баянова:

- Жилһр цаһан
Жилкэр һатлад ирсмб.
Жирһл иктэ эзн богд Александр второй...
9. № 85 Песня «Донкашк»
 10. № 86 Песня «Пөөдрэ Муузра»
 11. № 86а Песня «Арвн тавна сарулинь яахв»
 12. № 88 Песня «Цаһанк»:
Амтта Бурһстин холыг яахв,
Амрг-яла Цаһанкинчн седклиг яахв?...
 13. № 89 Песня донских калмыков «Ховха модн гертэ гижэлү».
 14. № 90 Песня донских калмыков «Черкесин мөргн деер».
 15. № 91а Песня донских калмыков, вариант песни «Полтавин адун».

По мнению Д. Манджиева, правильнее все же «Полдовин адун» (от слова «плодовый», т.е. общественный табун казачьей общины (станции) для разведения лошадей).

16. № 92 Песня донских калмыков. Слова неизвестны.

У Д. Манджиева записаны и буддийские молитвы.

17. № 109 «Арьябала» (санскр. название Авалокитешвара; калм. Нудвэр үзгч). Очищающая молитва.

18. № 109а Молитва «Ом ма-ни пад-ма хом» исполняется в конце каждого куплета молитвы «Арьябала».

Информант *Эренджен Даваевич Даваев* (1883–1942), известный больше под именем Эренджен Хара-Даван. В 1906 г. окончил Астраханскую гимназию, поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге.

А.Д. Руднев в записях о Э. Хара-Даване пишет: «...мелодии записаны отчасти им самим при И.Г. Рамстедте и при мне, а отчасти мною по его игре на скрипке в Сарепте летом 1904 г.»

1. № 72 Песня «Хаалһ».
2. № 78 Көк теңгсин дольган-йа дольганд
Көөркиннь тамшан алдлави, алдлави...

3. № 70 Хаврин уснас цегэжн билэ,
Хамтхаста бурһснас уйхн билэ...

Песня записана у Э. Даваева и С. Баянова в 1904 г. в Сарепте, проверена в 1908 г. Воспеваётся девушка-красавица по имени Кооку. «Кооку» широко известна в народе. Полный текст песни с нотами опубликован в сборнике «Сто калмыцких народных песен» Л.И. Цебикова.

Из танцевальных мелодий у Э. Хара-Давана записаны:

5. № 9 «Хар лаңк бүшмүд».

Полный же текст самой песни – шаваш приводится в сборнике Г.И. Рамстедта.

6. № 97 «Шарка, Барка»

Некоторые песни (слова и мелодии) А.Д. Руднев записал у княгини Эльзаты Тундутовой:

1. № 64 Лирическая песня «Баазр зурхач» о молодом влюбленном зурхачи.

Натран күүкн Коокунд
Нэр-жирһл эклвэ.
Номта бээсн зурхачиг
Нааһан шулм хатхви.
Эрг деерк гермүдтнь
Эрдмтэ сэн зурхач
Эндэн суусн зурхачиг
Эвлүн күүкн хатхсмби.

Песня о другой девушке по имени Кооку записана в 1904 г. в Сарепте у С. Баянова и Э. Хара-Давана, приведена в записях А.Д. Руднева под № 70.

2. № 71 Песня «Кизляр гидг балһсн». По мнению С. Баянова, это песня ставропольских, но, скорее всего, терских калмыков, живших в районе Кизляра.

Еще несколько слов необходимо добавить о другом информанте А.Д. Руднева – *Номто Очировиче Очирове* (1886–1960). В 1906 г. он окончил Астраханское реальное училище и поступил на восточный и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета. Способный от природы, в числе первых из калмыков получивший среднее и высшее образование, хорошо владеющий родным и русским языками, знакомый с устным народным творчеством своего народа, Номто Очиров был ценным информантом и помощником ученых-монголистов Г.И. Рамстедта, А.Д. Руднева, В.Л. Котвича.

А.Д. Руднев отмечает, что Н. Очиров помогал ему в 1908 г., когда он записывал мелодии у С. Баянова, Д. Манджиева, Э. Хара-Давана. Все они дополняли друг друга, совместно выполняли работу по подготовке к публикации текстов и мелодий калмыцких песен.

К ИСТОРИИ ГЕОГРАФИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕСНИ «БУМБРЖАН»

До недавнего времени считалось, что песня «Бумбржан» привезена в Калмыкию от каракольских калмыков Константином Эрендженовым во время его поездки к ним в составе калмыцкой делегации в 1934 г.

Два варианта текста песни «Бумбржан» вошли в сборники «Дуулич, теегм, дуул», «Хальмг дуд» («Калмыцкие песни»). В третьем же сборнике – «Төрскн һазрин дуд» («Песни родной земли») – тексты двух вариантов песни объединены в одну. В примечании указано: «Старинная калмыцкая песня, записанная К. Эрендженовым у каракольского калмыка Пурван Мандлха».

В конце 1980-х годов в фонд научной библиотеки КИГИ РАН из библиотеки Академии наук Чехословакии поступили 5 выпусков журнала «Хонхо» за 1925–1929 гг., изданных в Праге Калмыцкой комиссией культурных работников на «тодо бичиг».

В первом выпуске вышли записанные у калмыков-эмигрантов сотрудниками редакции журнала Д.Н. Баяновой-Улановой, Ш.Н. Балиновым, С.Б. Баяновым и группой калмыцких гимназистов народные песни, сказки и другие материалы в переводе с русского.

Среди народных песен зафиксирована и песня «Бумбржан»:

Мана ноха хуач, Бумбржан,
Банкр-банкр дуудита, Бумбржан,
Хуцад гүүһэд ирхлэрнь, Бумбржан,

Хурсан хаяд өгитэ, Бумбржан,
Хадм ээж хальшг, Бумбржан,
Хасвч үүдн жаагач, Бумбржан.

Исходя из данных этой публикации можно утверждать, что и среди калмыков Дона песня «Бумбржан» была популярна. Это еще раз подтверждается в другом источнике. В повести «Девичья честь» С. Балыкова, написанной в 1930-х годах в Праге и изданной в 1979 г., главный герой Бадня Цагаков любил напевать эту песню. Вот как об этом пишет автор повести: «Бадня Цагаков ехал радостный и счастливый..., после сватовства, встречи с любимой красавицей-невестой, преисполненное большим счастьем сердце пело. Бадня ехал и распевал свою любимую песню:

«Ноһан деегүр йовитэ, Бумбржан,
Ноһад бичэ хуцулита, Бумбржан...»

По словам профессора А. Борманджинова, его мать Коти Борманджинова (ур. станицы Платовской, 1903 г.р.) рассказывала, что в детстве во время игр использовали ее как песню-дразнилку. В качестве дополнительной информации о песне А. Борманджинов прислал сборник «Монгольские народные песни» с нотами, изданный в Тайбее в 1972 г. на монгольском языке, куда включены две ойратские песни: «Нутган сансн дун», «Бумбржана туск дун».

БУМБРЖАНА ТУСК ДУН

1. Хэнкр - жингр дуута-ла, Бумбржан,
Мана ноха зууһач, Бумбржан.
2. Мацад ирсн ноһад, Бумбржан,
Мах хаяд өглэв, Бумбржан.
3. Махан идхин хоорнд, Бумбржан,
Мартлго гүүһэд ирлэв, Бумбржан.
4. Бор торһн бээнэ-лэ, Бумбржан,
Болдг уга болад хэрлэви, Бумбржан.
5. Бүдрж ирсн ноһад, Бумбржан,
Бобоһан хаяд өглэв, Бумбржан.
6. Бобоһан идхин хоорнд, Бумбржан,
Боомад гүүһэд ирлэв, Бумбржан.
7. Яншад ирсн ноһад, Бумбржан,
Ясан хаяд өглэв, Бумбржан.
8. Ясан идхин хоорнд, Бумбржан,
Яарн гүүһэд ирлэв, Бумбржан.
9. Хуцад ирсн ноһад, Бумбржан,
Хурсан хаяд өглэв, Бумбржан.
10. Хурсан идхин хоорнд, Бумбржан,
Хурдлад орад ирлэв, Бумбржан.

С целью уточнить факт бытования песни «Бумбржан» в калмыцких степях мною были просмотрены записи калмыцких песен Г.И. Рамстедта, собранные им в 1903 г. и изданные в 1962 г. в Хельсинки, а также записи А.Д. Руднева, которые он вел совместно с Г.И. Рамстедтом и опубликовал с нотами в статье «Мелодии монгольских племен» в Записках Русского географического общества по отделению этнографии» в 1909 г. в Санкт-Петербурге. Однако ни у Рамстедта, ни у Руднева песня «Бумбржан» не указана. В сборнике же «Мелодии западных монголов» под № 26 вышла песня:

«Мана ноха зуудг биший, Бонбор минь,
Ванкыр, Ванкыр, дууда, Бонбор минь...»

А под № 26а:

«Мана нохой зуутала, Бонбор минь,
Докур, Докур дуудала,
Бонбор минь».

Исследователи Центральной Азии братья Г.Е. Грумм-Гржимайло и М.Е. Грумм-Гржимайло посетили кочевья торгутов в Западном Китае. В местности Боро Хоро в долине реки Цаган усн их пригласил к себе в гости торгутский ван (князь). Буддийские монахи исполнили духовные гимны и музыку, но народные песни путешественники не услышали. Позже М.Е. Грумм-Гржимайло записал у алтайских монголов один из вариантов песни «Бумбржан», который приведен в материалах экспедиции с нотами и в переводе на русский язык:

Мана нохой зуутей биший,
 Бонбор мини,
 Ванкыр, Ванкыр, дууда, Бонбор минь.
 Мини халга дуутей биший, Бонбор мини,
 Маджик тосу түрклә, Бонбор мини.
 Мини дүүнр керсү биший, Бонбор мини,
 Шикир Бобоһар..., Бонбор мини.
 Мини аха кеңү биший, Бонбор мини,
 Хөөнин заха көвәһәр иритә, Бонбор мини.

Перевод песни:

Собака моя злая, Бонбор мой,
 Ванкыр, Ванкыр, позови, Бонбор мой.
 Дверь моя скрипучая, Бонбор мой,
 Подлей в ней масла, Бонбор мой.
 Братья мои, юные еще, Бонбор мой,
 Подмани их сладким хлебом, Бонбор мой.
 Старший брат мой строг, Бонбор мой.
 Пробирайся стороной овечьего загона, Бонбор мой.

Путешественник М.Е. Грумм-Гржимайло считает, что песня созвучна русской песне: «Научить ли тебя, Ванюша, Как ко мне ходить?...»

Этот вариант песни созвучен и с двумя песнями, указанными в материалах А.Д. Руднева.

Музыковед Л.И. Цебигов считает, что «Бумбржан» по своей тональности не присуща для калмыцких песен, больше характерна для песен тюркских народов.

Тесное общение западных монголов с тюркскими народами, возможно, наложило свой отпечаток. Монгольское (калмыцкое) обращение «Бомбр мини» («Бумбр мини») в значении «милый мой, дорогой мой» трансформировалось в тюркское «джан» («жан») в том же значении «милый», «дорогой», «любимый», в результате чего возникло новое слово «Бумбржан».

Песня «Бумбржан» широко известна в Калмыкии, корни ее исходят из Центральной Азии, прародины калмыков-ойратов. Она вошла в репертуар государственного ансамбля «Тюльпан» и великолепно исполняется трио ятхистов.

Нотное приложение к текстам песни «Бумбржан» подготовлено преподавателем Элистинского училища искусств К.Ф. Ивановой в 1999 г.

БУМБРЖАН

Угьн болн хөгжмь улсин
Умеренно *Дууг бэлдэнь Аж. Манджиев*

1. Ма-на но-хан на-рен-ла, Бум-бэ-рз-жан,
 хон-ке-ре-рэн-ге-ре-дуу та, Бум-бэ-рз-жан,

ЦЕВДНЯКИНСКИЕ ПЕСНИ

В каждом калмыцком аймаке, улусе были свои исполнители и авторы песен. Слагались больше лирические песни, посвященные любимым. Иногда молодые люди, не встречая взаимности, сочиняли и печальные песни. У калмыков бытовало такое поверье, что человек, о котором сложили песню, бывает несчастлив – «дуунд орсн күүнэ жирһл тату болдг».

С раннего детства я слышала в Цевднякинском аймаке много песен. Их пели всегда: и в минуты радости, и в горькие трудные времена. Часто собирались у одностаничницы Андреевой Екатерины Савельевны, виртуозной гармонистки, от природы наделенной абсолютным слухом. Они пели песни «Хо цаһан Шовһр», «Шовһр», «Эрдяша күүкн Бальжрма», «Тавшж биилдг Яапа, Яапа», «Баһуда күүкн Жижмэ», «Коонга күүкн Энгэ».

В начале 1960-х годов об истории создания песни «Жижмэ» и ее авторе – Эрдя Климове, трагически погибшем в годы гражданской войны, мне рассказал односельчанин Балабин Буля Павлович. Два молодых человека из хутора Пандя станицы Граббевской (Цевднякинский аймак) нанялись работниками в более зажиточные калмыцкие станицы Денисовскую и Батлаевскую, расположенные на землях Сальского округа.

Б. Балабин работал в то время кучером у конезаводчиков Тепкиных в станице Денисовской, а Эрдя Климов – у Бадмы Шавелькина в Багутовском аймаке (отца Дорджмы Балыковой, жены писателя Санджи Балыкова). У Б. Шавелькина была сестра, красавица Жижмэ. Молодые люди полюбили друг друга, но хозяин выдал свою сестру за состоятельного Лиджи Мангатова из станицы Денисовской (Богшрахинский аймак). Эрдя Климов свою боль и тоску о любимой выразил в песне «Жижмэ». Создана она примерно в 1910–1914 гг. Это красивый и душевный романс.

И вторая песня Эрдя Климова – «Коонга күүкн Энгэ» – о неразделенной любви. Судя по названиям местностей, упоминающимся в тексте, она сложена в годы гражданской войны.

Эрдя Климов влюбился в молодую вдову, муж которой погиб на фронте. Теперь она жила в семье старшего брата. В то время калмыцкие женщины, а тем более, молодые калмычки, не вольны были сами решать свою судьбу. Следуя старинным обычаям, брат выдал ее замуж за состоятельного калмыка из хутора Худжурта станицы Граббевской. Эта песня мало известна за пределами аймака. Однако в ходе сбора материала для книги «Станица Граббевская» текст песни был восстановлен с помощью старших сестер.

В народных калмыцких песнях мелодии мало изменяются, часто на одну и ту же музыку напева поют другие слова, и рождается новая песня.

В 1993 г. во время инаугурации первого Президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова яшкулянка Светлана Болдырева исполнила «Песню о Президенте» на мелодию песни «Тавшж биилдг Яапа». Возможно, что мелодия и этой песни тоже заимствована.

Песня «Коонга күүкн Энгэ» изначально исполнялась как протяжная (ут дун). Несколько лет тому назад я услышала ее в исполнении народного фольклорного ансамбля «Эрдм», но это была песня-синтез двух песен, указанной и «Участг гидг һазр», текст которой приводится в материалах фольклорной экспедиции 1936 г. профессора Б.К. Пашкова. Песня была записана аспирантом Иваном Кузнецовичем Илишкиным в г. Элиста.

БАҺУДА КҮҮКН ЖИЖМЭ

Баһуда күүкн Жижмэ,
Батист альчуран белгллә.
Батист альчуран белглхнь,
Байрта зэңгнь соңсгдна.

Цеврхн чирэтэ Жижмэ,
Цевднәкнүрн хэләж гейүрнә.
Цевднәкнүрн хэләж гейүрхнь,
Цеврхн нульмсьн дүркрнә.

Миңһн һурвн зун адунь,
Мирьярин боодгас услврта.
Мин дүңгһр Жижмәһинь,
Минин гиж, санлалв.

КООНГА КҮҮКН ЭНГЭ

Тег өөдлэд хэлэхлэ,
Тэрэн темсн-ла сээхн-лэ;
Терүн дунднь хэлэхлэ,
Коонга күүкн ончта-ла.
Ке чиктэ кеегчнь-лэ,
Клима Эрдэднь зокаста-ла.
Келсн күүкн бээв чигн,
Кенэ-лэ яна-лань медгдхш-ла.

Ховц гидг холднь-ла
Хорха-ла, меклэнь шуугна-ла.
Хо цаһан Энгэнь
Хоома болад бээв-лэ.

Кубань гидг холднь-ла,
Коонга күүкнь сангдна-ла.
Коонга күүкн Энгэн төлэднь
Кубань-ла һазртнь бээж-лэ болхш-ла.

Хурдн борихән унлав,
Хужртын экнднь күрлөв.
Хужртын экнднь күрв чигн,
Хоома болад генүлнэ-лэ.

УЧАСТК-ҺАЗРИНЬ

Участк-һазринь уужмта бээж-лэ.
Улсинән нэрнь сангддгинь яахв?
Хотъага үвлзнд цервдгнь яахв?
Хоюрн, һурвулн суудган яахв?
Донскинән ламин зокалынь яахв?
Дурн-седкл тустгинь яахв?
Өрк маһна яласнь ээжэхшив.
Әср маңһс аһрасчн ээжәнөв,
Мөрн жилтэ Янтка, көөрк,
Моһа жилтэ һалвр хоогчн.

Эта песня записана у задонских калмыков, находившихся продолжительное время на зимних пастбищах, вдали от семьи, своих любимых. Они, видимо, и сочинили эту песню.

ЦАГАН САР – ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК*

У народов всего мира сложилась традиция праздновать смену времен года, завершение цикла хозяйственных работ. Еще в древности возникли календарные праздники зимы, весны, лета, осени. У разных народов они почти всегда совпадают, но называются и отмечаются по-разному. Например, у славянских народов праздник проводов зимы, от которого сохранился обычай печь блины, называется Масленица. Традиционные блины олицетворяют Солнце, несущее свет, тепло, весну. У калмыков – Цаган Сар (Белый, светлый месяц).

Праздник Цаган Сар отмечают все монголоязычные народы (монголы, буряты, калмыки) 1-го числа Лу сар (Месяц дракона) по лунному календарю, который приходится на февраль месяц, причем он может выпасть на начало или середину месяца, в зависимости от движения Луны вокруг Земли.

О празднике Цаган Сар писали ученые-востоковеды Д. Банзаров, Г. Цыбыков, И. Житецкий, П. Небольсин, Н. Бадмаев, известны более поздние исследования Х.Б. Канукова, У.Д. Душана, из современных – работы У.Э. Эрдниева, Э.Ч. Бардаева, Н.Н. Убушаева, Э.П. Бакаевой и других.

Если на востоке Азии Цаган Сар – начало нового года, то калмыки празднуют начало весны.

Древний народный праздник Цаган Сар с распространением буддизма получил религиозный оттенок.

Х.Б. Кануков в книге «Будда-ламаизм и его последствия» отмечает, что празднование Цаган Сар связано с несколькими знаменательными событиями: 1. Наступление 1-го числа первого весеннего месяца; 2. В этот день Будда вступил в диспут с шестью учителями веры, который длился с 1-го по 15 число Лу сар и одержал над ними победу; 3. В этот день грозная богиня войны Окон-тенгри возвратилась из страны мангасов.

По буддийской мифологии, Окон-тенгри добровольно отправилась для умирения чудовища, грозившего уничтожением человечеству, стала его женой, одержала над ним победу и глубокой ночью бежала на буланой лошади. В пути разрешилась младенцем, зачатый от чудовища, которого, спасаясь от погони, она держала в зубах. Ребенок мог превзойти по жестокости своего отца, поэтому во имя благополучия людей, его необходимо было умертвить. Окон-тенгри вернулась на землю на рассвете. Люди же в ожидании ее возвращения молились Будде. С тех пор во время торжественного богослужения из хурула стали выносить изображение богини Окон-тенгри, монахи и музыканты рассаживались напротив и совершали молебен. После окончания службы возвращали его в хурул, а все участники расходились для празднования Цаган Сар.

К Цаган Сар готовились заранее. Предшествующий празднику месяц назывался Тоолдг сар (месяц счета). Зима шла к концу, приближалась весна, несущая надежды на благополучный выход из зимы. Скот, основное богатство кочевников, переживший долгую зимовку, давал приплод. Коровы начинали доиться и люди употребляли молоко, молочный калмыцкий чай, т.е. белую пищу «цаһан идэн», делились молоком с родными, с соседями. Первым молоком после отела, молозивом, отпаивали телят.

Накануне Цаган Сар дом приводили в порядок, все чистилось, убиралось. К празднику старались сшить новую одежду, в особенности – детям, готовили угощения, подарки для родственников (Цаһана белг).

30-го числа перед Цаганом жарили борцоки «Цаһана боорцг» разных форм, которые несли в себе особую смысловую нагрузку: «хуц, хуцин толһа» (изображение головы барана), «цацгта боорцг» (в виде цветка, напоминающего женский головной убор «хажлһ»), «жола» (виток повода), «тоһш» (баранки), «целвг» (лепешки с защипами вокруг и без) «хорха» (в виде маленьких шариков) и др. Символика, значение каждого вида борцоков отражены в работе Э.Ч. Бардаева «Борцоки праздника Цаган».

В цаһана белг кроме борцоков, добавляли конфеты «шикр», грецкие орехи «яһг», фундук «шитлг», для пожилых женщин – мускатный орех «зать».

Для первинки пищи («дееж»), кроме борцоков и чая, готовили мясо, малую берцовую кость (шаһа чимгн), смоленую баранью голову «хуухлсн толһа» и чашу с подношением пополняли понемногу всеми видами приготовленного праздничного угощения.

Празднование Цаган Сар – семейное торжество. Ранним утром, после ритуала поклонения богам, хозяин дома поздравлял («цаһаллһн») своих домочадцев. В каждом районе Калмыкии обряд «цаһаллһн» совершали по-разному. Поздравляли друг друга со словами «Увлэс мэнд һарвт». В ответ обычно про-

* Журнал «Мандала». 1993. № 2. С. 16.

износили: «һарв, һарв», подавали обе руки и, обхватив локоть другого, раскланивались. Калмыки Дона обнимали друг друга «крест-накрест», как при встрече после долгой разлуки. Существует даже обряд «бер (невестки) цаһаллһн с хадм (старшим родственником мужа)»: она опускается перед сидящим гостем на одно колено, обнимает колени родственника и подносит ему «хуц». В праздник Цаган обязательно преподносили друг другу подарки (цаһана белг). Старшие чаще одаривали деньгами.

После внутрисемейных праздничных церемоний старшие отправлялись «цаһалх» к родителям, старшим родственникам, а детвора могла заходить в каждый дом и получать свои подарки: сладости, борцоки, мелкие монеты. Пожилые мужчины и женщины группами обходили дома, где их угощали тем, что было приготовлено к празднику.

С особой торжественностью отмечали Цаган в первые дни, продолжался он в течение всего месяца. Молодежь вечерами собиралась у кого-нибудь на «наадн» (вечеринки), где звучали музыка и песни. Под звуки домбры, гармошки плясали, играли в разные игры. «Наадн» проходил без распития спиртных напитков. Хозяйка дома угощала всех чаем с борцоками. Из ритуальной пищи, которая готовилась на Цаган, кроме описанных выше, у донских калмыков готовился будан (мучной суп), постный, легкий, который обычно давали роженице.

Народный праздник Цаган Сар у калмыков – самый радостный, почитаемый праздник, вселяющий надежду на лучшее в новом году. Богатый приплод, увеличение поголовья скота – основа хозяйственного уклада кочевников. На Цаган произносили «йөрэл» (благопожелание):

О, хээрхн, Окн теңгр, оln Деедс,
 Окн теңгрин сәкүс евәж,
 Оньдин иигж Цаһаһан кеж,
 Окн теңгрән дурдж, күншү һарһж,
 Уурта хотан кеж,
 Ур-деежинь Окн теңгртән нерәдж,
 Уух-идх элвг-делвг болж,
 Кезә чигн иигж байрта-бахтаһар бәәж,
 Зуд-хурхн угаһар, зовх-түрх угаһар,
 Мал-әмн уга үвләс у сәәхн һарч,
 Толһа бүрн, то күшц бәәж,
 Цуһар мендән медлшж,
 Үргән-чочан уга,
 «Йов» гих зарһ уга бәәж,
 Кезән кергт аав-ээжиннь бәрц бәрж,
 Оln кү орулж, оln кү һарһж,
 Ю санна, санснь, номин йосар бүтж,
 Сәксн бурхнь евәж,
 Өргсн зулын герл мет цуһар
 Өңгә сәәхн болж,
 Өр жөөлн болж йовхитн
 Оln Деедс евәтхә.

О КАЛМЫЦКОМ КАЛЕНДАРЕ*

У калмыков, как и у народов Восточной и Центральной Азии, бытует лунно-солнечный календарь 12-летнего цикла.

Календарь построен на основе трех показателей: месячного обращения Луны вокруг Земли, годичного обращения Земли вокруг Солнца, 12-летнего периода обращения Юпитера вокруг Солнца, где месяц – величина постоянная, и состоит из 29–30 дней, время обращения Луны вокруг Земли составляет 29, 5 суток (1).

По лунно-солнечному календарю круг Юпитера разделен на 12 равных частей, каждая из которых имеет собственное название:

* Теегин герл. 1989. № 6.

1. Барс – барс
2. Туула – заяц
3. Лу – дракон
4. Моһа – змея
5. Мөрн – лошадь
6. Хөн – овца
7. Мөчн – обезьяна
8. Така – курица
9. Ноха – собака
10. һаха – свинья
11. Хулһн – мышь
12. Үкр – корова.

В названиях годов нет только верблюда. У калмыков существует легенда о том, как мышь попала в название года.

Как мышь попала в название года калмыцкого календаря

Летоисчисление по калмыцкому календарю носит циклический характер, и годы в каждом 12-летнем цикле имеют названия определенных животных.

При распределении названий среди животных в их число должен был попасть и верблюд, так как он входит в число пяти видов скота, разводимых монгольскими народами. Мыши же в этом ряду не было, и она во что бы то ни стало, решила войти в календарь. Названия годов распределили между барсом, зайцем, драконом, змеей, лошадью, овцой, обезьяной, курицей, собакой, свиньей и коровой. Оставалось назвать еще один год, и за него поспорили мышь и верблюд. Чтобы разрешить этот долгий спор, они условились посостязаться: кто раньше увидит восход солнца, его название и получит оставшийся двенадцатый год калмыцкого календаря.

И вот однажды верблюд, вытянув длинную шею, стал смотреть в сторону восхода солнца, а хитрая мышь, незаметно прошмыгнув между ног верблюда, залезла на его горб. Так как она находилась выше, то первой заметила солнечный луч, мелькнувший между гор. Так, обманув верблюда, мышь вошла в название одного из годов калмыцкого календаря. А обманутый верблюд с тех пор голову свою держит очень высоко и все время осматривается вокруг, словно чего-то ищет. А во внешнем облике верблюда имеются признаки всех животных, вошедших в календарь: уши – как у мыши, глаза – как у змеи, губы – как у зайца, грудь – как у барса, горб – как у обезьяны, шея – как у дракона, помет – как у овцы, копыта – как у коровы, хвост – как у свиньи, колени – как у собаки, макушка – как у курицы, грива – как у лошади.

У монголов бытует аналогичный миф, но мышь и верблюд спорят о том, кому из них начинать 12-летний цикл. Поскольку мышь победила, то новый год и новый 12-летний цикл у монголов начинается с года мыши (2).

Каждый год имеет свою стихию и цвет:

	Стихия	Цвет
1	модн – дерево	көк – синий
2	һазр – шора – земля	шар – желтый
3	төмр – железо	цаһан – белый
4	усн – вода	хар – черный
5	һал – огонь	улан – красный

Каждый животный год, повторяясь 5 раз по пяти элементам стихии, образует 60 лет – век. Человек, достигший 60 лет, считается прожившим свой век, отпущенный ему природой. А свыше 60 лет – это «всевышний дар», эти годы надо посвятить духовному очищению, отречьшись от мирских дел, готовиться к переходу в потусторонний мир вечного блаженства, избежав ада.

Поэтому, когда говорят об умершем, употребляют такие выражения «хәрж одв» – ушел домой, «йовж одв» – уехал, ушел, «сәәһән хәәж одв» – ищет лучшую долю и т.д.

Калмыцкий календарь называется «лит». Год состоит из 12 месяцев, которые носят те же названия 12-летнего животного цикла:

1. Январь – туула (заяц)
2. Февраль – лу (дракон)
3. Март – моһа (змея)
4. Апрель – мөрн (лошадь)

5. Май – хөн (овца)
6. Июнь – мөчн (обезьяна)
7. Июль – така (курица)
8. Август – ноха (собака)
9. Сентябрь – хаха (свинья)
10. Октябрь – хулһн (мышь)
11. Ноябрь – үкр (корова)
12. Декабрь – бар, барс (барс)

В быту обычно употребляли порядковые числа времен года. Например, «үвлин сүл сар» (последний месяц весны), «хаврин түрүн сар» (первый месяц весны), или же по названиям калмыцких праздников, «Цаһан сар», «Үрс сар», «Зул сар».

Каждый месяц делится на 4 недели, неделя – на 7 дней, носящих названия планет:

Понедельник – Сарц өдр – Луна

Вторник – Мигмр – Марс

Среда – Үлмж – Меркурий

Четверг – Пүрвэ – Юпитер

Пятница – Басц – Венера

Суббота – Бембя – Сатурн

Воскресенье – Нарн – Солнце.

Так как лунно-солнечный месяц калмыцкого календаря состоит из 29,5 суток, то раз в три года образуется лишний месяц, который называют «давхр сар» (двойной месяц). Всякий раз он перемещается и может выпасть на любое время года: весну, зиму, лето, осень, при этом не обозначается каким-либо знаком зодиака. Так, 1989 г. состоял из 13 месяцев. За «хаха сар» (сентябрь) следовал «давхр сар» и «хулһн сар» (октябрь). Такими «високосными» годами были 1992, 1995, 1997, 2000, 2003, 2005 гг.

Каждая стихия года имела определенное цветовое название. Дерево – синий цвет, огонь – красный, земля – желтый, железо – белый, вода – черный. Стихия и цвет повторяются два года подряд, имеют мужское и женское начала, которые отличаются оттенками. Так, 1988 г. «эр шар шора лу жил» (мужской год дракона желтой земли), следующий – «эм шаргч шора моһа жил» (женский год змеи желтоватой земли). 2004 год – «эр көк модн мөчн жил» (мужской год обезьяны синего цвета), следующий за ним год – «эм көквцр модн така жил» (женский год курицы синеватого дерева) (3).

По схеме калмыцкого летоисчисления, предложенной Н.Ш. Ташниновым, 34-й шестидесятилетний цикл калмыцкого календаря начинается 1986 г., продолжается до 2045 г. (4).

34-й шестидесятилетний цикл (схема)

Название годов	Элементы стихий, цвет									
	һал – огонь улан – красный		шора – земля шар – желтый		төмр – железо цаһан – белый		усн – вода хар – черный		модн – дерево көк – синий	
бар, барс – барс	1986		1998		2010		2022		2034	
туула – заяц		1987		1999		2011		2023		2035
лу – дракон	2036		1988		2000		2012		2024	
моһа – змея		2037		1989		2001		2013		2025
мөрн – лошадь	2026		2038		1990		2002		2014	
хөн – овца		2027		2039		1991		2003		2015
мөчн – обезьяна	2016		2028		2040		1992		2004	
така – курица		2017		2029		2041		1993		2005
ноха – собака	2006		2018		2030		2042		1994	
хаха – свинья		2007		2019		2031		2043		1995
хулһн – мышь	1996		2008		2020		2032		2044	
үкр – корова		1997		2009		2021		2033		2045

Шестидесятилетние циклы		Родовое начало	Цвет	Стихия	Название года
1926–1985	1986–2045				
1926	1986	эр	улан	һал	барс

О ЛЮДЯХ И ВРЕМЕНИ

1927	1987	эм	улагчн	һал	туула
1928	1988	эр	шар	шора	лу
1929	1989	эм	шаргчн	шора	моһа
1930	1990	эр	цаһан	төмр	мөрн
1931	1991	эм	цаһавтр	төмр	хөн
1932	1992	эр	хар	усн	мөчн
1933	1993	эм	харгчн	усн	така
1934	1994	эр	көк	модн	ноха
1935	1995	эм	көквцр	модн	һаха
1936	1996	эр	улан	һал	хулһн
1937	1997	эм	улагчн	һал	үкр
1938	1998	эр	шар	шора	барс
1939	1999	эм	шаргчн	шора	туула
1940	2000	эр	цаһан	төмр	лу
1941	2001	эм	цаһавтр	төмр	моһа
1942	2002	эр	хар	усн	мөрн
1943	2003	эм	харгчн	усн	хөн
1944	2004	эр	көк	модн	мөчн
1945	2005	эм	көквцр	модн	така
1946	2006	эр	улан	һал	ноха
1947	2007	эм	улагчн	һал	һаха
1948	2008	эр	шар	шора	хулһн
1949	2009	эм	шаргчн	шора	үкр
1950	2010	эр	цаһан	төмр	барс
1951	2011	эм	цаһавтр	төмр	туула
1952	2012	эр	хар	усн	лу
1953	2013	эм	харгчн	усн	моһа
1954	2014	эр	көк	модн	мөрн
1955	2015	эм	көквцр	модн	хөн
1956	2016	эр	улан	һал	мөчн
1957	2017	эм	улагчн	һал	така
1958	2018	эр	шар	шора	ноха
1959	2019	эм	шаргчн	шора	һаха
1960	2020	эр	цаһан	төмр	хулһн
1961	2021	эм	цаһавтр	төмр	үкр
1962	2022	эр	хар	усн	барс
1963	2023	эм	харгчн	усн	туула
1964	2024	эр	көк	модн	лу
1965	2025	эм	көквцр	модн	моһа
1966	2026	эр	улан	һал	мөрн
1967	2027	эм	улагчн	һал	хөн
1968	2028	эр	шар	шора	мөчн
1969	2029	эм	шаргчн	шора	така
1970	2030	эр	цаһан	төмр	ноха
1971	2031	эм	цаһавтр	төмр	һаха
1972	2032	эр	хар	усн	хулһн
1973	2033	эм	харгчн	усн	үкр
1974	2034	эр	көк	модн	барс
1975	2035	эм	көквцр	модн	туула
1976	2036	эр	улан	һал	лу
1977	2037	эм	улагчн	һал	моһа
1978	2038	эр	шар	шора	мөрн
1979	2039	эм	шаргчн	шора	хөн
1980	2040	эр	цаһан	төмр	мөчн

1981	2041	эм	цаһавтр	төмр	така
1982	2042	эр	хар	усн	ноха
1983	2043	эм	харгчн	усн	һаха
1984	2044	эр	көк	модн	хулһн
1985	2045	эм	көквцр	модн	үкр

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цыбульский В.В. Лунно-солнечный календарь Восточной Азии. М.: Наука, 1988. С. 8.
2. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Т. IV. С. 143–144.
3. Календарный обычай и обряды Юго-Восточной Азии. Новый год. М., 1986. С. 174.
4. Ташнинов Н.Ш. Калмыцкий календарь // Из истории культуры дореволюционной Калмыкии. Волгоград, 1967. С. 16–19.

ЖЕНЩИНА-МАТЬ И ЕЕ РОЛЬ В КАЛМЫЦКОЙ СЕМЬЕ*

Социально-экономические условия кочевой жизни калмыков накладывали определенный отпечаток на домашний быт, положение женщины в семье, отношение к детям и т.д. Кочевой уклад, ограниченные размеры жилища не позволяли калмыкам иметь много детей. В закопченной кибитке, где не было печки для постоянного обогрева, огонь разводился под таганом для приготовления пищи. В таких жилищных условиях выживал далеко не каждый младенец. Смертность новорожденных была высокой, врачебная помощь не оказывалась. При заболевании детей (да и взрослых), в лучшем случае, обращались к знахарю или в хурул к гелюнгам; все лечение состояло в произношении заговоров и чтении молитв.

Калмыки всегда очень бережно относились к детям. Маленьких детей не наказывали. Они считались безгрешными, еще не совершившими греховных земных поступков. О них говорили «нүл уга», «килнц уга» (безгрешный). «Уңгчн тасрг» («Чтобы прервался твой род») – самое тяжкое проклятие. Невестка, родившая первенца-сына, продолжателя рода («унг» – корень, «тохм» – род), пользовалась особым уважением у родственников мужа. В меньшей степени почиталось рождение девочки. Она считалась чужой, потому что в будущем уйдет в семью мужа. Предпочтение же мальчикам отдавалось еще и потому, что участки земли у оседлых калмыков выделялись членам семьи только по мужской линии. Таким образом, от размера земельного надела во многом зависело материальное благосостояние семьи.

Рожали калмыцкие женщины обычно. При родах обязательно присутствовали несколько старших женщин и повитуха, специально приглашенная к роженице. Ее называли «эк болсн күн» («ставшая матерью»), «принявшая младенца»). Опытных повитух уважали и одаривали подарками.

В семье зажигали «зул» (лампадку), читали молитву богине Таре («Дэрк давтулх»).

Пока в кибитке находилась роженица, дверь ее не запиралась и не закрывалась. Чтобы во время родов в нее не вошел посторонний, у входа ставился белый посох – знак того, что внутри происходит знаменательное событие – появление на свет нового человека, «цаһан төр» («благословенное дело»). Существовали даже особые термины, обозначающие процесс родов: «көлән татх», «гиигрх», «хойр эмн йилһрх» («подтянуть ноги», «облегчиться», «разделиться надвое»).

Новорожденных кормили сами матери. Каких-либо условий для особого содержания матери и ребенка не было. Однако в первые дни после родов избегали приемов в доме посторонних, приезжих, особенно после захода солнца. Зная о том, что в доме новорожденный, люди и сами соблюдали обряд запретов «му болх», «нүдн күрх», «көл болх» («случится нехорошее», «сглазить», «случится плохое, неприятное») и не входили туда. Когда ребенок заболел, при его купании бросали в воду девять зажженных лучин, освящая таким образом воду (обряд очищения огнем). Обряд «хорһлж путхх» (изгонять злых духов у детей) заключался в том, что плавил свинец, выливали его над головой заболевшего в холодную воду и по форме застывшего металла старались определить, что или кто стал причиной сглаза («нүдн күрх»).

Калмыки издавна о беременности женщины говорили иносказаниями – «саата» (беременная), «күнд» (тяжелая), «олзта» (с прибылью), «көлстә» (натруженная), «давхр» (двойная).

Сохранились до наших дней и некоторые обряды, связанные с уважительным отношением к беременной и кормящей матери. Считалось большим грехом, если женщина перерезала дорогу мужчине. Привилегией пользовалась беременная женщина. Любой путник – пеший или всадник, независимо от

* Сб. «Altaica VI». 2002. С. 7–13.

возраста и чина, останавливался, пропуская ее вперед, так как она не одна, в ней бьются два сердца. Так женщину почитали, потому что она могла носить в себе будущего перерожденца. Зашедшую в дом беременную женщину или кормящую мать обязательно угощали. Увидев в чужом доме что-нибудь из съестного, у нее могло появиться желание отведать («өңгэх»). Однако неудовлетворенное желание могло привести к маститу («көкн хавдх»). Даже если самой женщины не было в гостях, то для нее передавали что-нибудь вкусное через присутствовавших на мероприятии родственников.

В течение некоторого времени после родов, во избежание послеродовых осложнений («халурхх»), женщина должна была соблюдать диету: не есть мясо и жирную пищу. При повышении температуры ей давали отвар из овса («арван усн»). Для роженицы готовили постную мучную похлебку (зутн), якобы укрепляющую внутренние органы, сдвинувшиеся с места в процессе родов.

На второй-третий день после родов женщина обычно приступала к своим повседневным обязанностям по дому. Некоторое снисхождение по отношению к роженице-невестке наблюдалось в тех семьях, где были доброжелательные свекровь и золовки, младшие сестры мужа.

Если рождался мальчик, одна из женщин, принимавших роды, выйдя из кибитки на улицу, громко возвещала о том, что у такого-то (называлось имя отца), родился сын. Все, кто это слышал, произносили йорел: «Ут наста, бат кишгтэ болг» («Пусть доживет до старости в благополучии»).

Через несколько дней в семье новорожденного закалывали барана и приглашали старших родственников, соседей и «зурхач» (астролог). Он читал молитвы и по дате и времени рождения согласно астрологическому календарю подбирал имя. Чаще всего внутри семьи ребенок получал второе, домашнее имя. Возможно, это было связано с существовавшим у калмыков обычаем «хадмнлһн» (табу) – не произносить имя старших родственников мужа¹. Участники торжества приносили подарки («бэрнг»), одаривали деньгами, произносили йорелы новорожденному, матери и отцу, желали долголетия и благополучия.

Женщина, родившая детей, пользовалась большим почетом и уважением в семье и обществе. Однако в бездетном браке вся вина ложилась на женщину, независимо от степени ее вины. Таковую женщину называли «хусрн» (яловая, бесплодная).

Женщина играла важную роль в жизни калмыцкой семьи. Она готовила пищу, делала запасы на зиму, шила одежду и обувь для всех членов семьи, занималась изготовлением кошмы (ишкэ) для жилища, войлочных матрасов (ширдг) для дома, выделывала овчины для шуб, кожи для обуви, пряла шерсть, ухаживала за скотиной, растила и воспитывала детей. Таким образом, благополучие калмыцкой семьи держалось на женщине. Это отмечали многие исследователи калмыцкого быта. Один из них, П.С. Паллас, писал: «... Калмыцкие женщины не ведают усталости во всякой домашней работе, так по этой причине... киргизы (т.е. казахи – П. А.) похищают их, как только представляется удобный случай...»².

При кочевом образе жизни условия содержания младенца у калмыков были не такими, как у оседлых народов. Для новорожденного мать шила рубашку без завязки или застежки, т. е. распашонку. Мать три раза ударяла готовой рубашкой о притолоку двери (тотх), два раза – снаружи вовнутрь кибитки, один раз – изнутри наружу со словами «Хойр орута, нег һарута бол» («Будь с двумя прибылями, с одной убылью»). Для пеленок использовались подола старых платьев (бүшмүд) и спинки мужских рубашек (киилг). Иногда их приносили родственницы или соседки. Такая пеленка называлась «хучлһ» (покрывало).

Запеленатого ребенка укладывали в «өлгэ» (люлька), дно которой было выстлано мягкой овчиной. Укутывали его также овчиной, концы которой завязывали в трех местах – на груди, на животе и у ног. Голова ребенка оставалась при этом непокрытой. До тех пор пока ребенок находился в люльке, его называли «өлгэтэ күүкд». Младенец всегда был в поле зрения матери, и она могла одновременно заниматься хозяйственными делами и присматривать за малышом.

В фольклорной традиции у синьзянских калмыков сохранился йорел-благопожелание калмыцкой люльке:³

КӨВҮДИН ӨЛГЭН ЙӨРӨЛ

Урдын йөрөлэр
Үрн болж төрсн,

¹ В последнее время детям стали давать имена дедушек и бабушек, что противоречит обычаю калмыков

² П.С. Паллас. Собрание исторических сведений о монгольских народах. Т. 1. СПб., 1776. С. 98.

³ Цацлын дееж. (Зүнһарин хальмгудын йөрөл, магталмуд болн хүрмин йосн). Элст, 1997. С. 54–55.

Хөөгин кишг
Хүв-заяһар төрсн,
Хо агтын эзн –
Хоңһр Улан көвүн мини.
Улан зандн модыг шилһж,
Урн модч кевлин кегсн
Өнр сээхн дембрлтә,
Уужм сээхн өлгэдән кевтәд,
Төрг сээхн өвртә,
Тевш сээхн сүүлтә,
Түмн хөөнә маңна болсн
Төл цаһан хөөнә сүүлиг шимәд,
Барклж ууляд күн бол!
Баргдш уга ик буйта бол!
Ааван байрлулж,
Ээжән инәлһж,
Орчлңгин улан тооснд багтж,
Үүч алдр хаана төриг мандлул!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ КОЛЫБЕЛИ

Родившийся по желанию
Ранее сказанных йорелей,
Родившись по благословию
Небесных покровителей-зая,
Хозяин быстроногого скакуна,
Мой сын, нареченный Улан Хонгором,
Лежишь ты в широкой колыбели,
Смастеренной из красного сандала,
Посасывая белый овечий хвост.
Вырасти хорошим человеком,
Несмотря на льющиеся сейчас слезы,
Будь добродетельным!
Пусть отец радуется, глядя на тебя,
Пусть мать радуется, глядя на тебя!
Счастливо живи среди людей,
Прославь свой нутук!
(Пер. Т.Г. Басанговой)

Как видим, люлька имела немаловажное значение для содержания младенца у калмыков-кочевников.

Во время перекочевков или поездок верхом мать могла взять люльку с ребенком в седло, пристегнув ее к себе спереди поясом и закрыв полой верхней одежды. Одной рукой она придерживала ребенка, другой – управляла поводьями.

Ребенок, находясь в люльке и днем и ночью, был в тепле. Пеленали его до того момента, пока он не начинал ходить. С этого времени малыш переходил на попечение бабушек, старших детей, хотя мать и продолжала кормить его грудью вплоть до рождения следующего ребенка. Подростке уже ребенку шили одежду – длинную рубашку, штаны и шубку на вырост, обувь. Нередко младшие дети донашивали одежду старших.

В трех-четырёхлетнем возрасте ребенка приобщали к ведению домашнего хозяйства. Он рано взрослел и становился полноправным членом семьи.

РАССКАЗЫ О КАЛМЫЦКОМ ЧАЕ*

Поэт Серятр Бадмаев в стихотворении «Калмыцкий чай» хорошо описывает достоинства нашего национального напитка, и мне вспомнились разные истории и случаи, связанные с ним. Есть и другие стихотворения о калмыцком чае. Поэтесса Бося Сангаджиева один из своих сборников так и назвала «Калмыцкий чай» (Сангаджиева Б. Калмыцкий чай: Стихи и поэмы. Пер. с калм. М.: Сов. Россия, 1978).

Чай – жизненно необходимый продукт кочевника. Возделывался чай в южных провинциях Китая. Надо сказать, что он был предметом меновой торговли не столько для экономических, сколько для военно-стратегических целей. В средние века в Китае регулировали торговлю чаем с Тибетом и Монголией, обменивали чай на лошадей, в которых нуждались. В официальной истории династии Мин сообщается: «Тибетцы любят кумыс, но, не имея чая, они страдают, что могут от этого заболеть. Поэтому со времен династии Тан и Сун обмен чая на лошадей используется для обуздания цянов и жунов (тибетцев – П. А.). В эпоху Мин контроль над ним стал еще более строгим», (см.: Мартынов А.С. «О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин», «Китай и соседи». М., 1970, с. 238).

Через Тибет чай доходил и до других кочевников – монголов и ойратов. Со временем торговля чаем расширилась, появились купцы-чаоторговцы, которые стали ввозить чай в Россию.

Для перевозки чайного груза на дальние расстояния использовались вьючные животные: лошади, мулы, верблюды. Для груза применялись специальные вьючные седла с емкостью в виде короба. В один вьюк вмещалось определенное количество упаковок кирпичного чая. Одна упаковка чая у калмыков называлась «бакц». Во избежание сырости, предохранения от различных запахов каждый кирпич чая обертывался в фольгу, затем укладывался в ящики. Мера весов у китайцев называлась «цзинь» (600 гр.) В России чай продавался фунтами (400 гр.), 8 штук кирпичного чая составлял 1 пуд (16 кг).

Оформление чайного продукта в виде прессованного кирпича удобно для кочевников: чай не рассыпется, сильно не промокнет. Хранился он в специальной кожаной торбе (даальнг). А по мере надобности острым ножом стругали необходимое количество чая для разового употребления. Соль также хранилась в мешочке, а молоко для чая всегда было в хозяйстве: скот кочевал вместе с хозяевами. Сливочное масло, подсоленное, заготавливалось впрок в летнее время и хранилось в обработанных кишках в виде колбас. Соль и чай у кочевников очень ценились, служили предметом монопольной меновой торговли государства.

Калмыцкий чай – любимый напиток нашего народа. Значение калмыцкого чая в жизни калмыков высказано пословицей:

Цэ шицгн болв чигн
Бурхна дееж,
Цаасн нимгн болв чигн
Номин кэлгн.
Чай, хоть и жидкий,
Подношение всевышнему.
Бумага, хоть и тонкая
Проводник учения (Будды)

Упоминание о калмыцком чае встречается в классической литературе. Всем известно, что во время путешествия великого русского поэта А.С. Пушкина на Кавказ в 1828 году, на одной из остановок на Дону вблизи кочевья калмыков, гостя по национальной традиции угостили чаем. Однако великому поэту чай не понравился. Что ж, европейца, впервые пробующего необычный напиток, понять можно. Но для тех, кто привык употреблять калмыцкий чай постоянно, нет лучшего напитка. Горячий калмыцкий чай зимой согревает, летом утоляет жажду. Чай питательный, поддерживает здоровье, настроение. Когда меня спрашивают, какая ваша любимая еда, я отвечаю: «Калмыцкий чай».

Каждая хозяйка в калмыцкой семье день начинает с приготовления любимого чая. Казалось бы, дело нехитрое: налить воды в кастрюлю, довести до кипения, положить заварку, заправить молоком, добавить соли, масла и чай готов. Но у каждой хозяйки есть свои секреты приготовления чая, у всех он получается разный: крепкий или жидкий, ароматный, вкусный или не очень...

Как готовили чай в нашей семье, я не помню. Моя мать умерла рано, мне не было и десяти лет. Настоящий калмыцкий чай в то время был в большом дефиците. Немногие имели возможность упо-

* Журнал «Теегин герл», 1999 г. № 1.

треблять натуральный чай. Люди ухитрялись находить его заменители, жарили муку до коричневого цвета. В магазинах покупали кофейные напитки, фруктовые чаи в брикетах (был тогда такой продукт, который мы, дети, ели вместо сладостей). Если удавалось купить кирпичный чай, относились к нему очень бережно, выварки чая (шар) собирали для повторного употребления.

Во время войны для чая использовали травы. Ботаническое название растения не знаю, калмыки называли его «Бужин авһа» или же «Аһан гуй». Это растение, с мелкими листьями, фиолетовыми цветками и древовидным стеблем, росло в низине. В Западном районе (ныне Городовиковский) оно росло недалеко от села Бага Буурл (к/з им. Чкалова, ныне к/з им. XXII партсъезда). Там была большая ровная низина, куда съезжались за «чаем» со всех окрестностей. Траву собирали мешками, затем мелко рубили, закладывали в кадки под гнет, отчего травяная масса приобретала коричневый цвет, пригодный для варки чая. Конечно, это был заменитель чая, не настоящий напиток. Таким же образом пользовались травами в условиях депортации в Сибири. У калмыков есть поговорка: «Бужин авһа цээтэ, болсн һуйр боорцгта». («Вместо чая – трава, вместо борщиков – лепешка»).

В условиях Сибири чай стал предметом спекуляции для некоторых предприимчивых дельцов, по современной терминологии – предметом мелкого бизнеса. Доставали чай, занимались перепродажей. Так как целый кирпич чая не каждому был доступен, его пилили на 2, 4, 8, 16 частей (өрэл, дөрвнэ, нээмнэ...).

Само слово «калмык» в то время было запретным, исчезло из литературы, а название чая сохранилось в народной памяти. Мой брат У.А. Алексеев, будучи в Москве в 1948 году для защиты кандидатской диссертации, зашел в магазин и спросил, есть ли в продаже кирпичный чай. Продащица на весь магазин крикнула в другой отдел: «У тебя есть в продаже «калмыцкий чай»? Сам народ был в забвении, а калмыцкий чай производился, продавался. В 60-е годы потребительская кооперация нашла дорогу в Сибирь, в места поселения калмыков, к основным потребителям кирпичного чая.

Оставшись в Сибири одна, к концу войны я без разрешения комендатуры уехала к брату в Башкирию. Училась в Уфе в педагогическом институте. Все время боялась попасть на учет спецкомендатуры. Однажды, когда я проходила мимо торговых рядов рынка, меня остановил один мужчина со словами «Вам не нужен калмыцкий чай?», показав из-под полы целый кирпич. Я очень испугалась, подумала, что он из комендатуры и со словами «нет» бежала с рынка. Зашла к семье калмыков Абушиновых, проживавших в Уфе, рассказала о своем бегстве. Тетя Наранку пожурила, что я упустила возможность купить настоящий чай и предложила пойти с ней на рынок. Мы с ней вернулись, искали продавца чая, но так и не нашли.

...По утрам бабушка готовила чай, долго совершала обряд «цэ самрлһн», что-то шептала про себя и говорила: «Прежде я должна вас напоить чаем Бога». Нам приходилось терпеливо ждать, когда она завершит подношение чаем всевышнему.

В 50-х годах в магазинах появился кирпичный чай китайского производства, хорошего качества, с традиционным тисненным иероглифом в виде трезубца (1). Как попал он в Уфу, мы не знали, но были довольны возможностью пить настоящий чай.

Прошел XX съезд партии КПСС. Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о положении депортированных народов: калмыков, чеченцев, ингушей, балкар, карачаевцев. По Указу от 17 марта 1956 г. спецпереселенцы были сняты с учета, но право на возвращение в прежние места проживания не получили. Имея право свободного передвижения, калмыки потянулись в Москву в поисках правды, восстановления территориальной автономии Калмыкии. В Москве они шли к калмыкам, у которых находили приют. Таких семей в Москве было несколько, это семьи В.А. Хомутникова, А.М. Джимбинова, С.М. Алексеевой. Одним из таких ходяков в Москву был Андрей Бочаев. Он останавливался в Алексеевском студгородке, где в общежитии проживала семья моего брата У.А. Алексеева.

Однажды за вечерним чаем в Москве моя племянница Лариса вспомнила дядю Андрея, любителя калмыцкого чая, который один мог выпить целую кастрюлю. Я ей говорю: «Смотря, какая кастрюля. Если такая (показываю на литровую), я тоже могу выпить одна».

Как-то возвращаясь из командировки, застряла на сутки в аэропорту Волгограда. Встретилась землячка, с которой вместе устроилась в гостиницу. Так я познакомилась с А.В. Мукуловой, обаятельной женщиной, одним из старейших педиатров Калмыкии с довоенным стажем. Моя новая знакомая предложила: «Не хотите поехать в город, попить калмыцкого чаю?». Она повезла меня к давним своим друзьям Сергеевым, которые жили в центре Волгограда. До самого вечера коротали время в беседах, рассказах, расспросах, выпили не одну кастрюлю чая. Это было время, когда после долгого расставания с родным краем люди съезжались в Калмыкию, находили старых друзей, родственников, тянулись

друг к другу. Хозяева, супруги Сергеевы, и А.В. Мукулова (2) оказались друзьями молодости, вели бесконечные разговоры о своих родственниках, общих знакомых.

Летом 1977 г. позвонил один приезжий гость из Риги. Это был Улюмджи Уланов, житель Риги. До декабря 1943 г. он жил в нашем селе Ики Буурл Западного района (ныне – 1-е отделение совхоза «Южный»). Депортация разбросала нас по всей Сибири, Средней Азии и Сахалину. У.К. Уланов рассказал о себе: «Не по своей воле всю жизнь прожил вне Калмыкии. До войны семья проживала на конных заводах Дона, учился в русской школе, жил в интернатах. Затем несколько лет со старшим братом, выпускником Московского гидрологического института, Хурмче Улановым находился в Иране. Во время депортации проживал в Казахстане, институт закончил в Баку. После окончания учебы по распределению поехал на работу в Ригу, где и ныне проживаю, пенсионер. В Латвии я – эмигрант, имею российское гражданство. В Элисту приехал специально: показать внучке землю предков, пока у него до конца года имеется право свободного въезда в Россию. Кто я теперь? По национальности – калмык, языка родного не знаю, по воспитанию – русский, женат на русской...».

Человек забыл родной язык, не знает обычаев, а привычка к калмыцкому чаю, приобретенная в семье, осталась. С радостью сообщил, что в Элисте купил кирпичный чай, который он увезет с собой...

У нашего народа существуют некоторые правила угощения гостей чаем. Любую трапезу – праздничную, поминальную – начинают с чая. По калмыцкому этикету гостей угощали только свежеваренным чаем, и никогда не спрашивали, будут ли они пить, а сразу готовили свежий и приглашали их отведать.

«Калмыцкий чай.

Я привык к нему,

Ароматному, розовому, как рассвет,

Только вкус его истинный я не пойму,

Если соли, соли в нем нет».

С. Байдыев

Во время войны был дефицит не только чая, но и соли. Какая же еда без соли, тем более, калмыцкой чай? За солью ездили на соляные озера Яшалтинского района. Собирались группами, запрягали коров и отправлялись на добычу соли. На поверхности озера образовывалась тонкая солевая корка толщиной не больше сантиметра. С берега вилами осторожно снимали корку, складывали горкой на берегу, чтобы стекала арпа (насыщенный солью раствор). Когда же с берега невозможно было доставать соль, на поверхность ила стелили доски, по ним бегом добивались до солевой корки и, не теряя равновесия, быстро выбегали с солью. В противном случае попадали в трясину. Обсушенная соль в виде крупных кристалликов была пригодной для употребления в пищу. Крупную соль измельчали в ступе или бутылкой на столе.

Соль стала предметом меновой торговли. Некоторые женщины кооперировались, находили телегу, запрягали коров и отправлялись в Краснодарский край для обмена соли на кукурузу, картофель, муку, растительное масло...

Много разных эпизодов, воспоминаний связано с калмыцким чаем. Хвала нашим предкам, которые оставили нам в наследство такой замечательный и целебный напиток.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иероглиф на чае означал слово Чу, название реки в Китае. Объяснение В.П. Санчинова.

2. Мукулова Александра Васильевна – врач-педиатр, Заслуженный врач республики. Супруги Сергеевы – Иван Васильевич Сергеев и его жена Анна Абрамовна (русская по национальности).

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК КАЛМЫК МИХАИЛ ЗДРАВОМЫСЛОВ*

В 1724 г. Петр I издал Указ о принятии калмыками христианства. Однако особенно активно политика христианизации в Калмыцкой степи стала проводиться во второй половине XIX столетия с появлением «Астраханского миссионерского комитета православного общества».

* Хальмг үнн. 2006. 23 авг. № 70. С. 6 / ст. подгот. с использов. свед. И.В. Семененко-Басина о членах семьи М.К. Здравомыслова, с внес. доп. его замеч. после публ. в газете «Хальмг үнн». Автор благодарит И.В. Семененко-Басина за помощь в подготовке заметки о М.К. Здравомыслове.

Работа с населением велась на калмыцком языке. Для подготовки миссионеров со знанием языка в духовных учебных заведениях ввели преподавание восточных языков, а в Астраханском духовном училище и семинарии – татарского и калмыцкого. В статье «О введении преподавания татарского и калмыцкого языков в Астраханской духовной семинарии» Я. Лебединский называет имена священников-калмыков, которые несли службу в Ставропольской епархии. Это настоятель Знаменской церкви в Астрахани Михаил Здравомыслов, в селе Промысловка – Петр Авдеев, в Черном Яре – Василий Обновленский, Афанасий Алексеев, Федор Башкин, Иван Шигидинов.

Православный священник Михаил Константинович Здравомыслов (Здравосмыслов), в миру Цеден, в 1862 г. окончил Астраханскую духовную семинарию и был назначен учителем калмыцкого языка и географии в духовное училище, в котором он раньше учился.

В 1863 г. М. Здравомыслов женился на дочери священника Терентия Добронравова Надежде и был рукоположен в дьяконы, поступил в притч Смоленской церкви. В 1864 г. протоирей Михаил Здравомыслов определен на службу Знаменской церкви, и за сорокалетнюю деятельность, до 1903 г., снискал уважение прихожан и епархиального руководства, неоднократно отмечавшего его наградами и благодарностями.

Настоятель Знаменской церкви М. Здравомыслов состоял членом «Астраханского комитета православного миссионерского общества» и переводческой комиссии, которая занималась переводом на калмыцкий язык религиозных сочинений, издаваемых Синодом и Библейским обществом, учебников для миссионерских школ. М. Здравомыслов – составитель «Калмыцко-русского букваря с молитвами из священной истории для крещеных калмыков», изданного в 1873 г. в Казани.

Букварь М.К. Здравомыслова соответствовал целям и задачам просветительской деятельности православного миссионерского общества.

Еще в 1872 г. положительный отзыв на издание букваря с рекомендацией представил экстраординарный профессор Казанской духовной академии В. Миротворцев, где указывалось «как соответствующей своей цели..., может быть напечатан, если составитель внесет некоторые исправления по указанным замечаниям» (Орлова К.В. Очерки по истории христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. М.: Вост. лит. РАН, 2006. С. 126).

В 1876 г. М. Здравомыслов опубликовал в Астраханских епархиальных ведомостях «Церковно-приходскую летопись Знаменской церкви» (АЕВ, 1876, № 40, 41).

В начале 1900 г. дьякон М. Здравомыслов занялся строительством нового здания Знаменской церкви на месте старого. Новый храм был освящен 30 сентября 1903 г. Но самому М. Здравомыслову не пришлось служить в нем: в это время он работал уже вне штата. Преемником его стал протоирей Д. Фаворский.

Священник М. Здравомыслов умер в 1912 г. Похоронен с большими почестями в склепе Афонского кладбища.

У М. Здравомыслова было пятеро детей (трое сыновей и две дочери), которые получили хорошее образование. Сыновья окончили в Астрахани духовную семинарию, а дочери – гимназию.

Старший сын Владимир – врач, Николай – агроном, дочь Мелитина – зубной врач. Неизвестно имя третьего сына. Предположительно, его звали Александр. По семейным преданиям он был врачом-гинекологом, жил и работал в Москве.

В 2005 г. удалось наладить деловые отношения с родственником М. Здравомыслова – И.В. Семененко-Басиным.

Преподаватель Российского государственного гуманитарного университета И. Семененко-Басин является потомком М. Здравомыслова в пятом поколении: праправнук по линии дочери Мелитины Михайловны Здравомысловой. В 1912 г. Мелитина Михайловна была замужем за адвокатом Семеном Семененко и проживала в Самаре.

И. Семененко-Басин поисками сведений о своих предках занялся недавно, но уже кое-что установил о них. Сын священника Владимир Михайлович Здравомыслов, 1869 г. рождения, окончил медицинский факультет Казанского университета, в 1895 г. прошел специализацию по профилактике и лечению инфекционных болезней при университетской клинике.

В 1898 г. в Перми решением губернского земства была открыта Пастеровская станция – первое медицинское бактериологическое учреждение на Урале, организатором и руководителем которого был доктор В. Здравомыслов. В 1912 г. она преобразована в Пермский бактериологический институт под руководством В. Здравомыслова, а с 1922 г. носит его имя.

В 1916 г. при Пермском университете был открыт медицинский факультет. Кафедра же микробиологии была создана на базе бактериологического института. До 1931 г., до ареста по делу микробиологов,

заведовал кафедрой профессор В. Здравомыслов. Тогда по этому делу проходило 10 человек, обвиненных в «антисоветской агитации» (ст. 58 п. 10 УК РСФСР). Решением ОГПУ от 15 января 1932 г. В. Здравомыслов был осужден по ст. 58 п. 7 (экономическая контрреволюция, участие в нелегальной организации) и приговорен к ссылке на Урал сроком на 3 года.

27 марта 1992 г. В. Здравомыслов прокуратурой Свердловской области реабилитирован.

По истечении срока административной ссылки профессор В. Здравомыслов жил в Свердловске, занимался редактированием научных изданий Свердловского института микробиологии и эпидемиологии.

В январе 2007 г. И.В. Семененко-Басину удалось ознакомиться со следственными материалами по делу доктора В.М. Здравомыслова, а также узнать более подробные сведения о его брате Николае Михайловиче, ученом агрономе-лесоводе и его потомках. И.В. Семененко-Басин продолжает исследовательскую работу.

По некоторым данным, доктор медицины В. Здравомыслов до начала Великой Отечественной войны проживал в Ростове-на-Дону.

О ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКАХ-КАЛМЫКАХ И КРЕЩЕНИИ КАЛМЫКОВ

В Калмыцкой степи с начала XVIII в. правительством велась работа по христианизации калмыков. Еще Петр I в 1724 г. издал Указ о привлечении калмыцких владельцев к принятию православия и о переводе для них на калмыцкий язык религиозных книг. Самый первый перевод выполнил В.М. Бакунин, уроженец г. Царицын, знавший калмыцкий язык. В 1724 г. им переведены «Символ веры», «10 заповедей». К 1726 г. – «Царю небесному», «Три святых», «Пресвятая троица». Архимандритом Невской Лавры Синоду был представлен перевод «Отче наш», выполненный крещеным калмыком Иваном Кондаковым.

Первыми в православие переходили большей частью представители знатного сословия: тайши, зайсанги. Так, в 1724 г. в Санкт-Петербурге принял святое крещение Баксадай Дорджи, внук Аюки хана, крестным отцом его был сам Петр I. После принятия православия Баксадай Дорджи стал князем Тайшиным Петром Алексеевичем. Фамилия «Тайшин» произошла от калмыцкого слова «тээж» «тайши», в значении названия представителя высшего сословия у калмыков. П.А. Тайшин получил правление над крещеными ставропольскими калмыками на Волге. После его смерти правительницей стала его жена Анна Тайшина.

В 1744 г. в Петербурге приняла православие и семья хана Дондук-Омбо: жена, 4 сына, 2 дочери, которые получили фамилию Дондуковы, положившие начало знатному роду князей Дондуковых, Дондуковых-Корсаковых, Дондуковых-Черкасских.

Некоторые калмыки-бедняки проходили обряд крещения, придерживаясь, однако, правил своей религии – буддизма.

Крещеных калмыков от основной массы правительство решило поселить отдельно. Так, в 1738 г. появилось поселение крещеных калмыков в крепости Ставрополь-на-Волге, которых стали называть «ставропольскими калмыками». Позднее, переселив их на Оренбургскую военную линию и включив в состав Оренбургского казачьего войска, – «оренбургскими калмыками».

В ходе массовой христианизации степняков проповеди велись на калмыцком языке. Специально подбирались служители миссии со знанием языка, направлялись на учебу в духовные училища мальчишки-калмыки. Так, архимандрит Гурий в «Очерках по христианизации» упоминает священников калмыцкого происхождения, один из них – Матвей Васильев. В 1743 г. все крещеные калмыки, не отправленные вовремя в Ставрополь-на-Волге, поселились на взморье и островах около Чуркиной крепости и стали заниматься рыболовством.

Во второй половине XIX в. особенно активизировалась деятельность православного общества среди калмыков Астраханской губернии. Был организован Астраханский миссионерский комитет, открывший в 1876 г. школу-приют для детей крещеных калмыков в Мочагах.

В урочище Ноин-Ширия, или Бислюрта (ныне – с. Воробьевка), жили калмыки-земледельцы, перенявшие этот род занятий от своих соседей, русских крестьян. Знали они и русский язык.

В начале 1877 г. здесь окрестили еще свыше 200 человек. В этом же году открыли миссионерский стан. Из калмыцкого капитала было отпущено 3000 рублей на строительство церкви. В

июне их посетил иеромонах Гавриил и окрестил около 100 человек, хотя желающих принять православие с условием обеспечения наделом земли и причисления их к государственным крестьянам было гораздо больше. В 1879 г. построили миссионерский дом и школу, амбулаторный пункт, судовспомогательную кассу. Население урочища росло. В православие стали переходить и калмыки соседнего аймака Ульдючины. При крещении они получали русские имена и фамилии. Так, в 1885 г. Кеке-Килян Тапкаева стала называться Александра Кондратьевна Дубинова, Бокале Эресенов – Иван Манцов, Бадма Узутов – Карп Васильевич Волостников, Босхомджи Шаринава – Прасковья Дорофеева, Немко Энкелев – Яков Соляной, Харкюкен Гильджирова – Анна Ивановна Пустовойтова и т.д.

Поскольку в Калмыцкой степи были калмыки-христиане, то из их среды готовили и служителей православной церкви. В духовных училищах, семинариях и академиях ввели преподавание восточных языков, в частности, в Астраханском духовном училище – татарского и калмыцкого языков. Еще в 1862 г. попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков просил у Синода разрешения использовать для переводов религиозных книг на калмыцкий язык Дионисия Алексеева.

Отец Дионисий служил в Ставропольской епархии, затем был переведен в Кавказскую епархию преподавателем калмыцкого языка в духовной семинарии. Миссионерскую деятельность в с. Большая Джалга Ставропольской губернии он совмещал с преподаванием калмыцкого языка в школе, затем – в Ставропольской духовной семинарии.

Были священники и среди донских калмыков. Архимандрит Гурий называет имена некоторых из них, проводивших религиозные службы в церкви хутора Гремучий колодец станицы Платовской.

Лучшие представители калмыцкой молодежи того времени, не имея доступа в другие учебные заведения, поступали в духовные образовательные учреждения. По окончании учебы преподавали калмыцкий язык в духовных училищах, семинариях, академиях.

Дионисий Алексеев и Петр Романов обучались в духовной семинарии по рекомендации Царицынского священника Василия Дилигенского, работавшего среди крещеных калмыков. В 1852 г. В. Дилигенский составил и издал в Астрахани первый калмыцкий букварь под названием «Калмыцкая азбука».

В «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1891 г. в статье «О введении преподавания татарского и калмыцкого языков в «Астраханской духовной семинарии» Я. Лебединский приводит имена священников-калмыков Михаила Здравомыслова, Петра Авдеева, Василия Обновленского, Федора Башкина, Дионисия Алексеева, Ивана Шигиденова.

Одним из первых образованных калмыков стал Антон Владыкин и М. Здравомыслов, о которых я подробно писал в отдельных статьях.

Следует рассказать еще об одном священнике-калмыке.

Леонид Иванович Лопатин, калмык, воспитанник Черноярского головы Ивана Васильевича Лопатина. Калмыцкое имя Лиджи Нохашкин (или же Лиджин Нохашк). Родом он был из Ики-Цохуровского улуса, сын зайсанга, окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию, которая была открыта в 1872 г. известным востоковедом Н.И. Ильминским. По законам Российской империи в семинарию принимали детей, исповедующих православие, ламаистов стали принимать лишь с 1894 г.

В 1884 г. Астраханский миссионерский комитет на собственные средства направил на учебу в учительскую семинарию в Казань четырех мальчиков, выпускников Астраханского духовного училища со знанием калмыцкого языка. В их числе был и Л. Лопатин, окончивший Черноярское двухклассное городское училище. Через четыре года Л. Лопатин был зачислен в старший класс Астраханской духовной семинарии для изучения богословских предметов.

В 1889 г. для обслуживания крещеных калмыков был организован Чилгирский миссионерский стан, где начал службу миссионер Леонид Лопатин. В 1903 г. Л. Лопатина переводят в урочище Ноин-Ширя.

Здесь Л.И. Лопатин, кроме миссионерской деятельности, занялся строительством школы на средства из калмыцкого капитала. Под его руководством и по его же чертежу была построена школа-приют для детей-сирот. В 1904 г. в «Астраханских епархиальных ведомостях» Л.И. Лопатин опубликовал статью «Чилгирский миссионерский стан Ики-Цохуровского улуса Калмыцкой степи» (1904. № 13. С. 558–562).

Леонид Лопатин служил в церквях Чилгира, Бислюрты, Элисты, Улан-Эрге. Семья отца Леонида была большой: одних детей – семь душ. Старшие, сын Сергей и дочь Юлия, окончившие с отличием Астраханскую гимназию, умерли в ранней молодости от туберкулеза. В декабре 1919 г. в Улан-Эрге от тифа умер Л.И. Лопатин. Заразился же он во время совершения обряда соборования больных красно-

армейцев. Жена его пережила супруга всего на четыре месяца. Сиротами остались дочери Валентина, Анна, Анастасия, Галина и сын Михаил.

Валентина приглянулась командиру Красной Армии по фамилии Бугаец, уроженцу с. Преградное Ставропольской губернии (ныне с. Красногвардейское Ставропольского края), вышла замуж и увезла с собой брата и сестер. Однако в браке прожила недолго: вскоре умерла от болезни. Брат и сестра воспитывались в Медвежинском детском доме. Позже повзрослевшую Анну встретил Константин Долгин, крещеный калмык, знавший их отца. Он помог Анне вернуться в Элисту, устроиться на работу в типографию.

Младшие сестры А.Л. Лопатиной со временем тоже перебрались в Элисту. Галина училась в Башантинском сельхозтехникуме, вышла замуж за своего сокурсника. Анастасия долгое время работала журналистом в редакции газеты «Советская Калмыкия».

Михаил Лопатин до начала войны жил в с. Преградное, погиб на фронте в 1942 г.

Анна Леонидовна Лопатина (по мужу Килганова) после депортации и восстановления автономии Калмыкии жила в Элисте, затем переехала в Москву. Последние годы жизни она провела в семье сына, военного переводчика, знатока японского языка.

Предположительно, что Герой Советского Союза майор Лопатин Анатолий Алексеевич (1920–22 апреля 1945 г.), уроженец села Чилгир, является потомком Леонида Лопатина.

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. ПАЛОМНИКИ

ЛАВР КОРНИЛОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЗИИ*

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 г. в г. Усть-Каменогорске Семипалатинской области в семье казачьего офицера. Мать его – уроженка станицы Кокпектинской Семипалатинской области.

Детство Л.Г. Корнилова прошло в Казахстане, где он изучил многие восточные языки. Привязанность к Востоку, возможно, и предопределила будущие его успехи в исследовательской работе.

Восток всегда привлекал к себе внимание ученых, путешественников, описавших в своих подробных отчетах страны Центральной Азии, Монголию, Китай, Японию, Индию и другие.

Изучение Азии в России в основном проводилось военным ведомством, которое издавало «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», где печатали отчеты и исследования его сотрудников.

Военное образование Л.Г. Корнилов получил в кадетском корпусе г. Омск. Здесь учились представители азиатских тюркоязычных народов.

В 1889 г. Л.Г. Корнилов учился в Михайловском артиллерийском училище, а в 1892 г. в чине подпоручика прибыл на службу в Туркестанский военный округ. Служил в артиллерийской бригаде. В 1895–1898 гг. Л.Г. Корнилов находился на учебе в Академии Генштаба.

Однокурсник и соратник Л.Г. Корнилова генерал А.П. Богаевский (1872–1934) характеризовал его с положительной стороны: «...скромный, застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом. В Академии выделялся блестящими успехами по всем наукам». После Академии Л.Г. Корнилов 6 лет служил в штабе Туркестанского военного округа, совершил ряд поездок по странам Азии. Кроме исполнения основных задач военного ведомства, изучал географию, историю, этнографию. Его научные исследования представляют интерес и для современных востоковедов.

Многие авторы, ранее писавшие о Л.Г. Корнилове, отмечают его свободное владение несколькими восточными языками: писал стихи на таджикском, изучал персидский, китайский, индийский языки. А сослуживцы говорили: «...Он не любил Европу и лучше чувствовал себя с азиатами». Один из них, генерал Е.И. Мартынов, в книге «Корнилов: опыт военного переворота» писал: «...в Корнилове, несомненно, текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята».

Н.А. Самойлов в статье «Азия (конец XIX – начало XX века) глазами русских военных исследователей», ссылаясь на зарубежное издание Г.М. Каткова «Дело Корнилова: исследование новейшей русской истории», подчеркивает: «В войсках под командованием Корнилова было много выходцев из Азии, и его популярность в их среде была огромна... Корнилов был маленький и ловкий, держал себя просто, но был по-восточному вежлив, ... личная охрана состояла из представителей среднеазиатских народов, которые были ему глубоко преданы...».

За годы многолетней службы на Востоке Л.Г. Корнилов научился разбираться в тонкостях общения с местным населением, в особенностях его национальной психологии и характере. Он побывал почти во всех сопредельных со Средней Азией странах.

В 1898 г. молодой офицер был командирован в Термез, на границу с Афганистаном. На противоположном берегу Аму-Дарьи афганцы возводили крепость, куда не было открытого доступа. Л.Г. Корнилов, обладавший восточным внешним видом и прекрасным знанием языка: «голова выбрита, усы подстрижены, на нем полосатый халат, гортанный говор, что спутники-туркмены не могли поверить, что перед ними офицер русских войск», блестяще выполнил задание штаба и доставил необходимые сведения о строящемся военном объекте (Страны и народы Востока, Вып. XXVIII. 1994. С. 296.).

После Афганистана интерес к Востоку возрос, Л.Г. Корнилов изучал литературу, местные языки, геологию. В 1899 г. занимался исследованиями на Кушке, изучал западные районы Китая, граничащие с Россией.

В конце 90-х годов штаб Туркестанского военного округа направил в Кашгарию двух опытных военных разведчиков – капитана Л.Г. Корнилова и подполковника Федорова. Позже оба офицера представили свои отчетные работы. Рецензия В.В. Бартольда была опубликована в «Записках Восточного отдела Русского археологического общества» (сокращенно ЗВОРАО, Т. 15. Вып. 1, 1903). Работы

* Теегин герл. 2000. № 1. С. 80–84

Федорова «Опыт военного описания Кашгарии» и Л.Г. Корнилова «Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания», получили высокую оценку востоковеда. Академик В.В. Бартольд был уверен в полезности труда Л.Г. Корнилова. Вскоре им были опубликованы две статьи по современному положению Синьцзяня: «Очерк административного устройства Синьцзяня», «Вооруженные силы Китая в Кашгарии» в сборнике «Сведения, касающиеся стран сопредельных с Туркестанским военным округом» (Ташкент, 1901. Вып. 26. Вып. 32 – 33. 1902).

Выход же книги «Кашгария, или Восточный Туркестан» затянулся до 1903 г. Работал Л.Г. Корнилов над книгой серьезно, используя многочисленные источники и материалы по истории, этнографии, сельскому хозяйству. Изучил отчеты путешествий Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, статистические сборники по Азии, издания на западноевропейских языках.

Книга Л.Г. Корнилова написана на высоком профессиональном уровне, в ней затронута не только заданная тема военного ведомства, но и изложена история народов Кашгарии с древнейших времен, дается географическое описание, этнический состав населения, его расселение в Кашгарии. Не обойдено автором и восстание против цинских властей.

В выводах по военным вопросам Л.Г. Корнилов, отметив слабость военной организации китайцев в Кашгарии, высказал собственное мнение: «...Нам нет никакого расчета стремиться к расширению наших границ присоединением Кашгарии. Нам выгоднее оставить ее во власти уживчивого, миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечив за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране, на что мы имеем исключительное право в силу близкого соседства с Восточным Туркестаном и в силу близких родственных связей его населения с населением Русского Туркестана» (Корнилов Л.Г. Кашгария, или Восточный Туркестан..., Ташкент, 1903. Цит. по ст. Самойлова Н.А., 1994. С. 303.).

Работая над книгой по Кашгарии, Л.Г. Корнилов совершил поездку в Персию в сопровождении двух туркмен и двух казаков. Результатом 8-месячной экспедиции, проходившей в исключительно трудных условиях, была «Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана», опубликованная в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» (1905. Вып. 78.).

В 1903 г. полковник Л.Г. Корнилов был направлен в Индию, где побывал во многих городах. Известный среди военных кругов прежними своими поездками в страны Востока, Л.Г. Корнилов не скрывал своего имени и воинского звания, выехал из Одессы через Константинополь и везде находился под неусыпным надзором полиции. Во время этой поездки у него «украли» чемодан, который вскоре нашелся, деньги и ценные вещи сохранились, но исчезли карты, бинокль, фотоаппарат и снимки...

В подробном отчете Л.Г. Корнилов характеризовал состояние «волонтерских войск» англо-индийской армии, описал тяжелое положение «туземных войск». Отчет, а также «Маршрутное описание Нушки-Сепсанской дороги», содержавшие ценные сведения об Индии, об англичанах, укрепивших свои позиции на востоке Персии и в районе Персидского залива, опубликовали в «Сборнике географических топографических, статистических материалов по Азии» (1905. Вып. 78.).

В Индии Л.Г. Корнилов узнал о начале русско-японской войны и стал настоятельно проситься в действующую армию. Получив назначение на должность начальника штаба 1-й стрелковой бригады, участвовал в боях под Мукденом. За решительные действия во время прорыва из окружения полковник Л.Г. Корнилов был отмечен золотым оружием, орденом св. Георгия 4-й степени.

После 1905 г. Л.Г. Корнилов служил в Главном управлении Генштаба, принимал участие в издании «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии», выпускаемых Генштабом. По долгу службы побывал в Туркестане, на Кавказе, в Западной Европе.

В 1907–1911 гг. он был назначен военным атташе в Китае. Донесения и отчеты Л.Г. Корнилова в военное ведомство России содержали ценные сведения о политической обстановке в Китае.

Позже Л.Г. Корнилов был назначен командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, дислоцированного вблизи Варшавы, но вскоре в чине генерал-майора переведен на Дальний Восток начальником 2-го отряда Заамурской пограничной стражи, находившейся на территории Китая. Здесь Л.Г. Корнилов раскрыл злоупотребления в вопросах снабжения военнослужащих, началось следствие, которое было прикрыто начальством пограничной стражи. Л.Г. Корнилов подал прошение о переводе обратно в военное ведомство и получил назначение в 1-ю бригаду 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

В войну 1914 г. Л.Г. Корнилов вступил командиром 49-й пехотной дивизии, затем командовал 48-й пехотной дивизией. В апреле 1915 г. в боях был ранен и попал в плен к австрийцам, где находился около полутора лет. После нескольких неудачных попыток Л.Г. Корнилову удалось бежать в Румынию.

После возвращения в русскую армию Л.Г. Корнилов был назначен командиром 25-го армейского корпуса в чине генерала от инфантерии и награжден орденом св. Георгия 3-й степени.

После февральской революции Л.Г. Корнилов возглавил Петроградский военный округ, был верховным главнокомандующим русских вооруженных сил. Он занимался созданием особых ударных частей из солдат и офицеров на добровольных началах для противодействия захвату власти большевиками (Казачий словарь-справочник, 1968. С. 71.).

Погиб генерал Л.Г. Корнилов 31 марта (13 апреля) 1918 г. в боях за Екатеринодар (Краснодар) от разрыва гранаты, попавшей в командный пункт.

Научное наследие Л.Г. Корнилова и его биография заслуживают углубленного изучения.

В «Казачьем словаре-справочнике» даны некоторые сведения о родственниках генерала Л.Г. Корнилова. Сын его Корнилов Георгий Лаврович, 1901 г. рождения, после 1917 г. находился на Дону. После гибели отца состоял при штабе генерала Деникина, вместе с его семьей в 1920 г. эвакуировался в Константинополь, проживал в Англии, Бельгии. Получил специальность инженера-механика. С 1929 г. проживал в США, работал на руководящих должностях в фирме «Дженерал моторс». У него были две дочери Елена и Наталья, родившиеся в США.

Младший брат Л.Г. Корнилова – Петр Георгиевич – расстрелян в 1918 г. в Ташкенте. Младшая сестра Анна долго скрывала свое родство с опальным генералом, учительствовала в г. Луге, в 1929 г. расстреляна как сестра генерала Корнилова. Такова печальная судьба талантливого военного, ученого-востоковеда Л.Г. Корнилова и его родственников.

А вот что утверждает А.М. Дельдинов (1920–2004), родившийся и выросший в ст. Семикаракорской Области Войска Донского: «Л.Г. Корнилов – тоже уроженец ст. Семикаракорской. Отец его калмык, по фамилии Дельдинов, мать Корнилова, казачка Семикаракорской станицы. Мальчик при рождении назван Лари, усыновлен братом матери Георгием Корниловым, увезен в крепость Верный. Из-за соблюдения тайны усыновления в церковной книге не сохранилась запись о рождении мальчика».

В 2000 г. А.М. Дельдинов ездил с «Поездом памяти» в Сибирь, посетил в Омске кадетский корпус, который окончил Л.Г. Корнилов, отвез в подарок его портрет. Он был приглашен также в г. Краснодар на открытие памятника Л.Г. Корнилову .

ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛМЫКОВ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ (Конец XIX – нач. XX в.)

Первые калмыцкие паломники на Восток ходили на поклонение Далай-ламе. Каждый из них, достигнув Тибета, ставил лампаду (зул). От слова «зул» образовалось новое слово «зуульч», которым и стали называть всех путешественников, паломников.

Русское правительство благосклонно относилось к поездкам буддистов России в Тибет, который был запретной страной для европейцев. Через паломников-буддистов европейцы имели возможность получать исторические, географические и другие сведения о странах Востока. Так, в одном из пунктов инструкции русского посольства в Китай 1803 г. предписывалось «устранить препятствия, чинимые китайцами при поездке калмыков в Тибет...».

Калмыки, расселившись в России, старались не прерывать связи с Тибетом. Периодически отправляли к Далай-ламе своих посланцев, попутно закупавших восточные товары, чай и ксилографы различного содержания, большей частью по буддизму.

Подробных описаний ранних путешествий калмыков не сохранилось, хотя отдельные упоминания встречаются в исторической литературе того периода.

Калмыцкие бакши и правители считали своим долгом совершить паломничество в резиденцию главы буддистов.

Так, тайша Шукур Дайчин находился в Тибете в течение пяти лет. В 1640 г. он вместе с сыном Хо-Урлюком принял участие в работе съезда монгольских и ойратских феодалов, на котором было принято «Великое уложение» (Цаажин бичиг), и вновь уехал в Тибет. Вернулся он лишь к лету 1645 г. (1).

Весной 1646 г. Шукур Дайчин снова отправился в Тибет. И через десять лет (2) привез на Волгу находившегося в Джунгарии своего двенадцатилетнего внука Аюку, который воспитывался у деда по матери Бошокту-хун-тайджи.

В 1690 г. Аюка получил от Далай-ламы ханскую печать.

Из Джунгарии в Тибет пролегали две дороги. Одна – из Синьцзяна через Куку Нор, которая занимала несколько месяцев пути. Однако джунгарцы искали и нашли-таки более короткий и безопасный путь через безлюдные степи и пустыни.

По преданию эта дорога проложена джунгарским князем Галданом Бошокту. Он выбрал 500 самых сильных верблюдов-самцов. Велел их нагрузить каменным углем. Продвигаясь вперед, весь путь посыпали углем. Через 50 дней, вместо трех месяцев, они достигли Тибета. Той же дорогой, которая стала называться «Нүүрстэ хаалһ» («Угольный путь») или «Зүнһарин хаалһ» («Джунгарская дорога»), они вернулись (3).

В Калмыцкой степи Астраханской губернии каждый, кто вступал на должность правителя Калмыцкого ханства, стремился отправить свое посольство к Далай-ламе для получения ханской печати.

В 1737 г. Дондук Омбо подал прошение в правительство об отправке посольства к Далай-ламе. Посланцы Дондук Омбо вернулись в 1741 г.

После Дондук Омбо наместником Калмыцкого ханства в 1741 г. стал Дондук Даши. В июле 1742 г. Дондук Даши тоже обратился в правительство, но разрешения не получил.

В апреле 1752 г. Дондук Даши обратился к канцлеру Бестужеву-Рюмину разрешить поездку калмыкам в Тибет через Сибирь и отправить с посольством 2 посольных для закупки необходимых восточных лекарств в Кяхте.

Наместник добивался отправить посольство к Далай-ламе в течение десяти лет и за свой счет, уверяя, что государство при этом никаких расходов не понесет, а польза от поездки в Тибет будет. Коллегия иностранных дел на этот раз выдала разрешение с печатью и определила провоз беспошлинного багажа до трех тысяч рублей, а свыше этой суммы взимать пошлины, велела дать им в сопровождение солдат до Тобольска, а также разработала маршрут: Казань – Верхнетуринск – Тобольск, далее по Сибири до Кяхты, через Монголию до Лхасы.

По мнению А.М. Позднева, Дондук Даши упорно добивался разрешения с надеждой получить грамоту на ханский титул и ханскую печать.

Осенью 1755 г. посланцы Дондук Даши в составе 61 человека во главе с Хошучи-Цойджи достигли Тибета и вернулись весной 1758 г. Далай-лама к этому времени отошел в мир иной.

ПАЛОМНИК БААЗА-БАГШИ ИЗ ДУНД-ХУРУЛА

В XIX в. русские ученые стали вплотную заниматься изучением Китая и Тибета. Императорским Русским географическим обществом (ИРГО) организовывались экспедиции путешественников Г.Н. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.М. Пржевальского, М.И. Певцова, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, которые побывали в Центральной Азии, в северных окраинах Китая, Монголии.

Тибет по-прежнему оставался запретной для европейцев, в том числе и для русских, страной. «Описание Тибета» – единственная книга, переведенная с китайского языка Н.Я. Бичуриным. Только паломники-буддисты могли попасть в Лхасу для поклонения Далай-ламе. Одним из таких паломников и был багша Дунд-хурула Малодербетовского улуса.

Бааза-багши, в миру Менкеджув Бадма, родился в 1842 году в местечке Орон Булук, в северной части Малодербетовского улуса, недалеко от станицы Гниловской.

В 1891–1893 гг. Бааза со своими спутниками вел дневник описания путешествия в Тибет, пребывания в Лхасе и обратного пути. Добирались туда через Сибирь и Монголию, перенесли много трудностей, связанных с наймом транспорта, вьючных животных, проводников, с покупкой провианта. Преодолевая горные перевалы, страдали от болезней, нехватки воды и пищи. В Тибете им помогла грамота Далай-ламы, пожалованная ранее калмыцкому нойону (Церен-Давиду Тундутову – прим. авт.), без которой им, выходцам из России, трудно было бы получить разрешение на въезд в страну.

Из Лхасы Бааза-багши и его спутники совершили поездку в монастырь Галдан, посетили Нартан, приобрели Ганджур – собрание сочинений в 108 томах по различным отраслям знаний.

Подготовка в обратную дорогу была также трудной. Книги надо было упаковать в шерстяное сукно для защиты от сырости, вьюки увязать, зашить, обмазать швы специальным составом, чтобы не просочилась вода. Возвращались они через Северный Китай по маршруту: Пекин – Одесса – Ростов-на-Дону – Калач – Царицын, где их ожидали встречающие.

Через год ученый-востоковед А. Позднеев перевел путевые записки Бааза-багши на русский язык и издал в 1897 г. в Санкт-Петербурге под названием «Сказание о хождении в Тибетскую страну багш-дербетовского База-бакши», которое содержало ценнейшие материалы для исследователей Тибета.

В 1900 г. благодаря своему труду Бааза-багши стал членом-сотрудником Императорского Русского географического общества.

В ходе работы над изданием и переводом «Сказания...» Бааза-багши бывал в Санкт-Петербурге, где и познакомился с преподавателем монгольского языка университета А.Д. Рудневым, финским ученым Г.И. Рамстедтом, которых пригласил посетить Дунд-хурул.

Летом 1903 г. А.Д. Руднев и Г.И. Рамстедт приехали к Бааза-багши в Дунд-хурул. Он в это время болел. Ученые работали с другими информантами, знатоками калмыцкого языка, фольклора, в частности гелюнами Дунд-хурула, княгиней Э. Тундутовой, учителем Л. Нормаевым и другими. С их слов А. Руднев и Г. Рамстедт записали калмыцкие песни, сказки, пословицы и поговорки.

8 августа 1903 г. Бааза-багши умер. Похоронен он недалеко от села Уманцево, на его могиле воздвигнут субурган.

Финский востоковед Густав-Иоганн Рамстедт в своей книге опубликовал фотопортрет Бааза-багши и снимок субургана на его могиле.

Свое описание путешествия в Тибет Бааза-багши завершил словами: «... писал ... я с намерением доставить людям пользу... Да появится много путешественников в Цзу (т.е. Тибет – П. А.). Если эти люди (т.е. путешественники) будут ходить туда и сюда, и создадут взаимное движение, то это будет полезно для человечества» (4).

Слова Бааза-багши оказались пророческими. В настоящее время связи между Тибетом и Калмыкией укрепляются, обмены делегациями стали регулярными.

Труд Бааза-багши востребован новым поколением ученых как письменный литературный памятник калмыцкого народа конца XIX столетия.

ПУРДАШ-ОЧИР ДЖУНОГРУЕВ, ПАЛОМНИК В ТИБЕТ

Пурдаш-Очир Джуногруев дважды совершал путешествие в Тибет: в 1899 г. вместе с Овше Норзуновым и во второй раз он отправился в паломничество в самом начале XX века. В пути следования он вел записи на «тодо бичиг».

В 1904 г. А.Д. Руднев во время своего посещения Калмыцкой степи ознакомился с авторским текстом и перевел «Описание путешествия П.-О. Джуногруева» на русский язык. Помогал ему в этом Санджи Баянов, студент Астраханской гимназии и реального училища. Публикация вышла в газете «Восточные известия» под названием «Новое описание двух поездок в запретную страну на калмыцком языке», подписанное «Андра».

В 1918 г. преподаватель восточного факультета Петербургского университета А.Д. Руднев выехал с семьей на лето в Финляндию и не смог вернуться. Так он оказался в эмиграции. Долгое время местонахождение его трудов, и в частности перевода работ Джуногруева, не было известно.

Переводы А.Д. Руднева обнаружил исследователь ойратских рукописей А.Г. Сазыкин в фондах Ленинградского отделения Института востоковедения в «Архиве востоковедов».

«Описание путешествий П.-О. Джуногруева в Тибет» опубликован А.Г. Сазыкиным с его предисловием, примечаниями в трудах Калмыцкого НИИ «Филологические исследования старописьменных памятников» (Элиста, 1987. С. 125–144); «Проблемы монгольской филологии» (1989. С. 135–155).

Оригинал описаний путешествия П.-О. Джуногруева не обнаружен.

ПУТЕШЕСТВЕННИК ОВШЕ НОРЗУНОВ

В конце XIX – начале XX в. уроженец Большедербетовского улуса Овше Мучкинович Норзунов (1877–1934) трижды посещал Тибет. Ездил он по поручению Агвана Лобсан Тубден Джамцо (1870–1933) – Агвана Доржиева, представителя Далай-ламы XIII в России.

Агван Доржиев, бурят по происхождению, находился в Тибете с 1873 г. Он окончил высшую богословскую школу. Заслужил уважение и доверие Далай-ламы, стал его ближайшим советником. Неоднократно приезжал с поручением Далай-ламы в Россию. Отправив в 1898 г. О. Норзунова в Тибет, сам А. Доржиев выехал к калмыкам и бурятам.

Для поездки О. Норзунову необходим был только предлог. Он выехал под видом паломника вместе с монахом Богдын хурула Манычского улуса Пурдаш-Очир Джуногруевым (5). В марте 1898 г. они добрались до Лхасы, дождались встречи с Далай-ламой, и уже в апреле О. Норзунов выехал с ответными поручениями к Агвану Доржиеву. Далай-лама просил Агвана Доржиева срочно вернуться в Тибет для решения важных политических вопросов. Просил также из России привезти русской парчи.

С 1899 г. О.М. Норзунов – член-сотрудник Русского географического общества (далее – РГО) (6). В 1900 г. О. Норзунов отправился в Тибет с поручением Агвана Доржиева морским путем через Индию. Вез товары для Далай-ламы, закупленные во Франции. В Индии английские власти, приняв его за

советника Далай-ламы, арестовали. Позже ему разрешили выехать в Россию, а товары передали пограничным тибетским властям (7).

Следующую поездку в Тибет О.М. Норзунов совершил в 1901 г. вместе с А. Доржиевым. О.М. Норзунов получил задание от РГО выполнить фотоснимки резиденции Далай-ламы дворца Поталы. Для этой цели Русское географическое общество снабдило его фотоаппаратом. Об этом сообщает в своих дневниковых записях бурятский путешественник Г.Ц. Цыбиков: «... 26 февраля 1901 г. из нашего отечества прибыл Агван Доржиев со своими спутниками – бурятами и ставропольским калмыком Овше Норзуновым, который взялся сделать снимки для Русского географического общества. Он снабжен таким же аппаратом, каким я уже с осени делаю снимки. Чтобы не возбуждать разные толки, я скрываю от него, как вообще от всех местных жителей» (8).

Овше Норзунов блестяще выполнил задание. Он был одним из первых европейцев, кому удалось сделать серию снимков в запретной стране.

Восемь снимков О. Норзунова впервые появились в «Известиях РГО» за 1903 г., в приложении к статье Г.Ц. Цыбикова «Лхасы и главнейшие монастыри Тибета в фотографиях» (9).

Некоторые из них были перепечатаны рядом иностранных изданий.

Со слов самого О. Норзунова французский журналист Деникер опубликовал в журнале интересную статью «Три поездки в Лхасу (1898–1900) калмыцкого паломника О. Норзунова».

Описание поездок О. Норзунова в Тибет опубликованы также на английском языке в журнале «Центральный магазин» за август 1903 г.

Известный востоковед, буддолог С.Ф. Ольденбург отметил: «Для нас, русских, любопытно отметить, что первые фотографии Лхасы, когда-либо снятые, были сделаны русским калмыком Норзуновым, русским бурятом Цыбиковым...».

Будучи человеком грамотным, О.М. Норзунов вел записи о своих поездках в Тибет на русском языке. Как человека-гражданина его интересовали особенности быта, нравов, культуры местного населения. Материал, собранный О.М. Норзуновым, хранится в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге.

В то время калмыки-паломники в основном посещали Тибет для поклонения буддийским святыням, О.М. Норзунов же – с целью изучения страны.

В 1901 г. решением Совета ИРГО Овше Норзунов за успешное выполнение заданий награжден большой серебряной медалью по отделению этнографии (10).

В 2003 г. вышла из печати книга «Тибет. Политическая история», на титульной обложке которого воспроизведен снимок Поталы, сделанный О. Норзуновым. Это же изображение иллюстрирует и книгу «Храм Будды в Северной столице» А.И. Андреева (11).

Буддист О.М. Норзунов не остался в стороне, когда решился вопрос о возведении буддийского храма в Петербурге.

В результате многолетней плодотворной совместной работы у А. Доржиева и О. Норзунова сложились взаимные доверительные отношения.

В 1911 г. по приглашению А. Доржиева О.М. Норзунов с семьей поселился в Петербурге в каменном доме, построенном рядом с буддийским храмом (12).

В архивных материалах за 1914–1917 гг. встречается «Дело о назначении сыну зайсанга Большедербетовского улуса Дорджи Норзунову стипендии для обучения в одной из столичных гимназий Петербурга». Получив гимназическое образование, Дорджи Норзунов намеревался поступить в один из кадетских корпусов Петербурга (13).

В годы революционных событий и гражданской войны 1917–1920 гг. О.М. Норзунов вернулся в Калмыкию.

В 1920–1929 гг. О. Норзунов работал в системе Калмавтотранспорта и налоговой инспекции.

О. Норзунов активно включился в работу по реорганизации буддийского духовенства в Калмыкии.

В январе 1927 г. О. Норзунов как сторонник обновленческого движения буддистов участвовал в работе 1-го Всероссийского собора буддийского духовенства, проходившего в Москве, и выступил с докладом.

К 1929 г. в стране начались массовые репрессии по отношению к духовенству, представителям зажиточных слоев населения: нойонам, зайсангам, кулакам... За свое зайсангское происхождение О.М. Норзунов был сослан из Калмыкии в Нижневолжский край, в Саратовскую область. Ему в то время было 52 года. О дальнейшей его судьбе никаких сведений нет.

БООВАН БАДМА

Боован (Боваев) Бадма родился в 1880 г. в Манычском улусе. В раннем детстве он был отдан в хурул в ученики.

В один из своих приездов в Калмыкию представитель Далай-ламы в России Агван Доржиев обратил внимание на прилежного послушника и увез его в Тибет, определив на учебу в монастырь.

В Тибете Боован Бадма провел восемнадцать лет. Он изучал не только основы буддизма, буддийскую философию, но увлекался математикой, интересовался астрономией, получил хорошие познания (14). Удостоился докторской степени лхарамбы.

В 1911 г. Боован Бадма вернулся в Калмыкию, служил в хуруле, в высшей буддийской школе Чёёря.

Боован Бадма, ознакомившись с состоянием хурулов и качеством проводимых в них служб, был намерен провести некоторые реформы, внести новую струю в создавшемся положении калмыцкого духовенства. Однако он не встретил поддержки со стороны самих служителей.

Желая углубить свои знания и получить светское образование, Боован Б. уехал в Петербург, где подружился с востоковедами С.Ф. Ольденбургем, Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем. Знатока тибетского, калмыцкого языков привлекали к чтению лекций студентам восточного факультета университета.

В этот период Боован Бадма написал поэму на калмыцком языке «Чикнэ хужр» («Услаждение слуха»), которую назвал «дун» («песня»). Она написана в форме поучения, наставления ученикам, с характеристикой отрицательных черт высшего духовенства, вместо истинной проповеди буддизма увлекшиеся погоней за богатством, роскошью и т.д. Она издана под названием «Чикнэ хужр гидг ном оршв» (15). В 1916 г. «Услаждение слуха» в переводе Г.Я. Ярославцева вошло в сборник «Поэмы народов СССР XIX – начала XX века» в серии «Библиотека всемирной литературы» (16).

В 1917 г. в Петербурге жизнь Боован Бадмы трагически оборвалась.

ПУТЕШЕСТВЕННИК ЛЕДЖИН АРЛУЕВ

Весной 1898 г. зайсанг Малодербетовского улуса Леджин Бадмаев-Арлуев обратился к министру земледелия и государственных имуществ за разрешением выехать в Западную Монголию к соплеменникам, выходцам из Нижней Волги.

Целью поездки Л. Арлуев указал: «Для установления связи с кочующими соплеменниками – торгутами, и заключения возможного долгосрочного договора аренды свободных земель» (17).

В министерстве его поддержал князь Э.Э. Ухтомский, интересовавшийся Востоком, в частности, вопросами буддизма.

Необходимое разрешение было получено. В 1899 г. Арлуев Л.Б. и его спутники Исеев и Оджанаев выехали поездом из Царицына в Омск. Оттуда через Семипалатинск добрались до г. Зайсан. Дальнейший путь продолжили на лошадях и верблюдах.

Путешественников интересовали условия и уклад жизни торгутов и дербетов Западной Монголии, способы ведения хозяйства, в особенности, животноводства. Местные жители с радушием встретили сородичей, оказывали всяческую поддержку.

Результаты наблюдений были описаны в изданной брошюре «Поездка в пределы Западной Монголии в 1899 г. зайсанга Малодербетовского улуса Леджина Арлуева с двумя спутниками» (18).

ПАЛОМНИЦА В ТИБЕТ ДАРИ ЭЭДЖИ

В истории о путешественниках в Тибет наряду с мужскими именами, упоминаются и женские.

Среди желающих поклониться самому главному Учителю Учения Будды была Дарма Бала, джунгарка, жена хана Аюки. После смерти мужа она намеревалась совершить обряд поминовения мужу в 1746 г. в Тибете, лично посетить резиденцию Далай-ламы в Потале. Российские власти отказали тогда Дарма Бале, остерегаясь, что она может увести калмыков в Джунгарию.

Среди более поздних калмыцких паломниц известно имя Цаган-Хаалга (Дари Ээджи) (19).

Дари Ээджи родилась в 1875 г. в селе Коровья Лука Серебджап-Тюменевского аймака Хошеутовского улуса (ныне с. Джакуевка Наримановского района Астраханской области).

Она была выдана замуж за жителя села Калмыцкий Базар Эрдени Кичикова. По старинному калмыцкому обычаю ее стали называть по имени мужа Эрдниевой Цаган.

В 1913 г. Цаган-Хаалга овдовела. К этому времени у нее были уже взрослые дети. Человек небожрый и глубоко верующий, она решила оставшуюся жизнь полностью посвятить Будде: в один из приездов в Калмыкию Хамбо ламы Агвана Доржиева выразила желание совершить паломничество

в Тибет, которое было одобрено и поддержано. И Цаган-Хаалга стала готовиться в дальнейшем путешествие.

Вскоре нашлись и попутчики, с которыми она отправилась в далекую страну-мечту всех буддистов.

Паломники добрались сначала до Бурятии, отсюда – в Монголию. Из Монголии до Лхасы шли пешком и, выдержав все трудности дальней дороги, в 1923 г. достигли Тибета, именуемого калмыками Зу.

В Тибете паломница из Калмыкии, обладавшая сильным характером и крепким духом, посетила все монастыри, добралась до знаменитого Утайши, что вблизи Пекина. За время пребывания в стране освоила тибетский язык, свободно общалась с местным населением. У нее даже возникло желание остаться. Однако тибетские монахи убедили ее в том, что она принесет больше пользы людям на родине, проповедуя учение Будды. С напутствием на подвижнические дела подарили ей шүтэн Ноһан дэрк (Зеленая Тара).

В 1932 г. Цаган-Хаалга собралась с попутчиками в обратный путь: через Калькутту до Пекина, отсюда до Монголии. Лишь спустя год из Монголии через Иркутск Цаган-Хаалга добралась до Калмыкии.

К этому времени в России, в т.ч. и в Калмыкии, изменилось отношение власти к религии, начались репрессии.

Не избежала гонений и Цаган-Хаалга. Как опасный для общества элемент решением особого совещания НКВД ее сослали на 3 года на север в Архангельскую область. Было ей почти шестьдесят лет. Вернувшись на родину по истечении срока ссылки, в 1943 г. Цаган-Хаалга разделила горькую участь своего народа.

Твердая вера и сильный характер помогли Цаган-Хаалга Эрдниева вынести все трудности и жизненные невзгоды тринадцатилетней ссылки в г. Аральск, в Казахстан, и вернуться в родные приволжские степи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. С. 202.
2. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А.В. Бадмаев. Элиста, 1969. С. 57.
3. Сборник этнографических, географических и статистических сведений по Азии. СПб., 1913. Вып. 85. С. 32.
4. Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза бакши / пер. с калм. А.М. Позднева. СПб.: Тип. АН, 1897. С. 256–257. Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1975. С. 141–142.
5. Джуногруев П.-О. Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Ч. 1. Путь в Тибет / пер. с калм. А.Д. Руднева; ред. перев., предисл. и примеч. А.Г. Сазыкина // Филологические исследования старописьменных памятников / ред. П.Ц. Биткеев / Элиста: КИОН РАН, 1987. С. 125–144; Джуногруев П.-О. Хождение в Тибет. Ч. 2. У святынь Тибета / пер. с калм. А.Д. Руднева; публ. А.Г. Сазыкина // Проблемы монгольской филологии / Элиста: КИОН, 1988. С. 135–155.
6. Состав членов РГО на 1-е окт. 1899 г. СПб., 1903. С. 86.
7. Новый Восток. 1927, № 3 С. 142–143.
8. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. М., 1961. Т. 1. С. 117. № 118.
9. Известия русского географического общества за 1903 г. СПб., 1903. Т. XXXIX. Вып. 3. С. 219–227.
10. Отчет ИРГО за 1905 год. СПб., 1907. С. 95.
11. Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 9.
12. Там же. С. 59–60.
13. Шорковиц Д. Этнографические документы по калмыкам, бурятам и монголам ЦГИА и Архива Института этнографии АН СССР. Берлин, 1998. Док. № 108.
14. Боован Б. Чикня хужр гидг ном оршв. СПб., 1916.
15. Ойратские известия, 1917. 15 нояб., № 1. Некролог.
16. Пoesия народов СССР XIX – начала XX века. М.: Изд-во Художествен. лит., 1977. Т. 102. С. 579–588. Сер. «Всемирная литература».
17. Шорковиц Д. Этнографические документы. ... Док. № ???!
18. Арлуев Л. Поездка в пределы Западной Монголии в 1899 г. зайсанга Малодербетовского улуса Леджина Арлуева с двумя спутниками. СПб., 1901.
19. Церенов В.З. Дари Ээджи // Церенов В.З. Свет женщины. Статьи. Эссе. Элиста, 2004. С. 9–14.

О ЛАМЕ ДАМБО УЛЬЯНОВЕ И ЕГО МИССИИ В ТИБЕТ

Вопрос о применении калмыками методов тибетской медицины вызывал большой интерес у исследователей. Востоковед А.Д. Руднев, побывавший в Калмыцких степях в 1903 году, в своем отчете пишет, что у аптекаря Кристофа, жителя Сарепты (немецкой колонии на Волге), приобрел коллекцию тибетских лекарств, употребляемых калмыками, и составил список медицинских терминов с переводами на калмыцком языке.

Одним из знатоков тибетской медицины был Дамбо Ульянов, бакша-эмчи Эркетеневского хурула Донской области (ныне Ростовская область). В книге Н. Уланова «Буддийско-ламайское духовенство калмыков» (Пг., 1902) говорится: «Считаем приятным долгом упомянуть о выдающейся деятельности на медицинском поприще гелюнга Д. Ульянова. Народ ценит их услуги в деле избавления от страданий».

Дамбо Ульянов родился в 1844 году в семье табунщика Ульяна Модонакова в Черкасском округе Донской области, работавшего за Доном, вне зоны основного поселения донских калмыков (Базаров Э.Г. Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ, 1937. С. 27–28).

Донские калмыки, причисленные к казачьему сословию, проживали в основном в Сальском (Калмыцком) округе, работая по найму табунщиками у владельцев частных конных заводов. По данным Всероссийской переписи 1897 г., на Дону проживало свыше 32000 человек, а в Черкасском округе – около 300 человек.

После смерти родителей десятилетний Дамбо Ульянов с младшим братом вернулся в родной Эркетеневский аймак. Здесь он впервые увидел богослужение в буддийском храме. Торжественный молебен, стройный звонкий хор мальчиков, чтение гелюंगाи наизусть молитв на непонятном для всех тибетском языке произвели на Дамбо, родившегося и выросшего в русской среде, очень сильное неизгладимое впечатление. Только через три года, рассказав о своем заветном желании младшему брату, он поступил манджиком в хурул Эркетеневского аймака. Тогда при каждом из аймаков имелся хурул, в штате которого состояло 12 служителей: 4 гелюнга, 4 гецела, 4 манджика (ученика). Однако старший бакша донских калмыков имел свой хурул, всего их было 14. Гелюнги, находившиеся в хуруле сверх штата, назывались заштатными.

Дамбо Ульянов провел в хуруле свыше двадцати лет, пройдя все ступени от манджика до бакши. В двадцать лет Д. Ульянов выдержал экзамен на звание гелюнга. В хуруле ученики осваивали старокалмыцкую письменность, уроки по буддийской религии, заключавшиеся в заучивании текстов молитв, изучали тибетский язык, без знания которого невозможно было ознакомиться с основами буддийской философии.

Для совершенствования своих познаний Д. Ульянов перешел в хурул станицы Власовской (Бембднэһнэ ээмг), где в то время была школа при хуруле, слушатели которой читали лекции, изучали калмыцкие переводы тибетских текстов, выполненные гелюнгаи-калмыками. Здесь Д. Ульянов провел еще 14 лет. Он мечтал посетить Азию, заняться углубленным изучением буддизма, буддийской философии.

Бакша П. Цеденов обратился к правительству с прошением разрешить поездку в Тибет. Ходатайство было отклонено, но разрешалось путешествовать в пределах России. В декабре 1877 г. П. Цеденов, Д. Ульянов и Шарап Лузанг прибыли в Кяхту для проезда в Ургу (ныне – г. Улан-Батор). Получив отказ, вернулись домой. На следующий год Д. Ульянов, взяв шестимесячный отпуск, попытался снова выехать в Азию. Из Кяхты ему удалось тайно проехать в Ургу, посетить Ургинского хутухту.

В 1879 г., получив восьмимесячный отпуск, Д. Ульянов вновь выехал в Азию. На этот раз ему удалось доехать до Китая, посетить Пекин. Он побывал в ряде буддийских храмов, приобрел статую Будды, книги и через год вернулся домой.

Но желание увидеть Тибет не оставляло Дамбо Ульянова. В 1882 г. было получено разрешение посетить любые государства, кроме Китая. В июле он отправился в путешествие в восточные страны. Из Одессы на пароходе «Нижний Новгород» через Черное, Мраморное, Средиземное моря и Суэцкий канал добрался до Цейлона. Во время шестичасовой остановки посетил буддийский храм, увидел огромную статую Будды, вырезанную из белого камня (Ульянов Д. Предсказание Будды...). Дальше через Сингапур доплыл до Японии, где Д. Ульянов провел неделю, осмотрел буддийские храмы, а затем отправился в Шанхай.

Д. Ульянов был не просто созерцателем диких городов, буддийских храмов. Он был прекрасным наблюдателем. Об увиденном в Китае он напишет: «...Китайская империя в отношении на-

родного быта, состояния городов, резко отличается от своей недалекой соседки – Японии. Крайняя беднота населения поражает человека с первого взгляда. Особенно жалко смотреть на китайских извозчиков, этих человекоподобных животных, переносящих нечеловеческую нужду и страдание. Странно видеть китайских чиновников и помещиков, спокойно сидящих в колясках, которых везут столь непрезентабельные лошади – как китайские кули или извозчики...» (Ульянов Д. Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб., 1913).

Дамбо Ульянов снова посетил Пекин и на этот раз отправился на север страны, доехал до Урги, чтобы завершить учебу у знатока буддизма ламы Дамрина. В основном, изучал тибетскую медицину и астрологию. В это время в Ургу приехал знаменитый исследователь Азии Н.М. Пржевальский (1839–1888), который в 1883–1885 гг. совершал 4-е путешествие в Азию (2-я Тибетская экспедиция). Д. Ульянов решил примкнуть к экспедиции Пржевальского, чтобы с ними доехать до Тибета. Он обратился за советом к одному из своих учителей – хутухте Юнзин-хамбо, но тот отговорил его, заявив, что Н.М. Пржевальскому не удастся добраться до Лхасы. На вопрос же Д. Ульянова, когда, наконец, он сможет посетить Лхасу, хутухта ответил, что его время не настало, что он попадет в Тибет позже кратчайшим путем из России.

После двух лет пребывания в Монголии в 1884 г. Д. Ульянов вернулся на родину, где безвыездно прожил десять лет. В этом же году он был назначен старшим бакшой хурула Потаповской станицы, открыл школу и небольшую больницу, где занимался лечебной практикой по тибетской медицине (инф. Учуров Василий Бадеевич, 1914 г.р., уроженец Эркетеневской станицы).

В 1888 г. поступило распоряжение Донского областного правления о закрытии 4 калмыцких хурулов: Батлаевского, Бурульского, Беляевского, Эркетеневского. Сообщение о закрытии Эркетеневского хурула Д. Ульянов воспринял очень болезненно. Разорение хурула, где его стараниями были собраны бесценные духовные реликвии, на приобретение которых он не жалел ни сил, ни средств, было равносильно крушению всей жизни. Штат Эркетеневского хурула перевели в Потаповский хурул.

Общественным управлением донских калмыков-казаков созывались станичные сборы в составе станичного атамана, его помощника и хуторских атаманов, судей, казначея и казаков-домохозяев, большинством голосов которых избирали трех кандидатов в бакши хурулов. Один из них назначался бакшой войсковым наказным атаманом. В 1901 г. на станичных выборах были представлены три кандидатуры: Джимбья Зунгру-бакша (Д. Ульянов), Нимья Бакбушев из Бембдякинского хурула, Мёнкя Бакурович Борманжинов из хурула Богшрахинского аймака. Бакшой хурулов донских калмыков стал М.Б. Борманжинов.

Д. Ульянов не оставлял мысли о восстановлении Эркетеневского хурула, обращался в различные инстанции, в том числе к знаменитому адвокату Ф.Н. Плевако. В 1901 г. он выехал в Петербург.

В 1901–1903 гг. в Петербурге им переведены на русский язык и изданы следующие сочинения по тибетской медицине: «Подстрочный перевод 1-й части тибетской медицины «Зави-джюд» (Философотеолого-медицинская энциклопедия. СПб., 1901. 75 с.); «Перевод из медицинских сочинений «Джеду-нин-нор», гл. 91 и «Хлан-таб», гл. 30. «Лечение чумы, холеры, проказы». СПб., 1902. 25 с.; «Тибетская медицина. Ч. 1. «Зави-джюд» или Мал-лига (четки из голубой лазури, четыре рассуждения, украшенные мнением Ман-лы (Будды)). СПб., 1903. 84 с.).

В Петербурге Д. Ульянов не оставляет свою мечту посетить Тибет, центр буддизма. Его манит запретная страна. Все истинные буддисты мечтали хоть раз посетить Лхасу, резиденцию Далай-ламы. В 1895 г. Д. Ульянов снова обратился к предсказателю-хутухте с вопросом о поездке в Тибет. На этот раз хутухта ответил ему, что поездка состоится в 1905 г., в год лошади: «...ты должен молиться и терпеливо ждать назначенного времени» (Ульянов Д. Предсказание Будды...). Д. Ульянов не принял всерьез предсказание хутухты. Ему уже исполнился 61 год, он достиг того возраста, когда у буддистов принято подумать о прожитой жизни и готовиться к переселению в иной мир.

В 1901 г. в Россию приехало посольство Далай-ламы во главе с его советником Агваном Доржиевым. А. Доржиев был не только религиозным деятелем, но и наставником Далай-ламы XIII. Ему принадлежит инициатива создания буддийского храма в Петербурге. Эту идею поддержали известные востоковеды Ф. Щербатский, В.Л. Котвич, С.Ф. Ольденбург, А.Д. Руднев, Н. Рерих.

Проект архитектурного сооружения был разработан А. Доржиевым совместно с Вампиловым и петербургскими специалистами. Строительство же производилось на пожертвования буддистов России, проживавших в Бурятии и Калмыцкой степи.

Рядом с храмом был построен монастырский корпус с 40 кельями (Минерт А. Азия на берегах Невы // Азия и Африка сегодня. 1990. № 4. С. 64).

Открытие храма состоялось 10 августа 1915 г. В штат зачислено было 20 лам. Службы прово-

дильсь до середины 30-х годов, до начала повальных гонений представителей духовенства. Этой печальной участи не избежал и Агван Доржиев, которому в 1938 г. было около 90 лет. На торжество съехались буддисты России, в том числе представители Бурятии, Калмыцкой степи.

Далай-лама искал поддержки у русского правительства: Тибет стал объектом экспансии Великобритании. Англичане вторглись в Тибет, Далай-лама бежал в Монголию.

В качестве переводчика пригласили Н.Э. Уланова, офицера одного из казачьих полков в Москве, которому затем было разрешено поступить в Генеральный штаб вольнослушателем.

Россия давно вела активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Однако из-за вторжения англичан в Тибет возникла опасность конфликта с Англией. Необходимо было направить в Тибет специальную разведывательную группу.

В 1902 г. подбесаул казачьего полка Войска Донского Н.Э. Уланов, прикомандированный в Главное управление казачьих войск, представил в Генштаб план путешествия в Тибет через Среднюю Азию в Синьцзян, западную область Китая, где проживали потомки волжских калмыков, ушедших в Джунгарию в 1771 г. Н.Э. Уланов надеялся на помощь и поддержку соотечественников и изъявил желание лично выехать с Дамбо Ульяновым, ламой Эркетеневского хурула и его спутником Лиджи Шараповым.

14 января группа паломников была представлена императору, одобтившему план поездки.

Из Петербурга путешественники выехали на родину, договорившись встретиться на станции Великокняжеская Тихорецкой железной дороги (ныне ст. Пролетарская). К ним присоединились четыре добровольца: ветфельдшер Санжа Дертынович Асанов из Ново-Алексеевской станицы (Гелнгахнэ аэмг), гелюнги Пюрвя Шонтанов, Джальцан Кудыров из Платовской (Ик-Буурл) и Бадма Ушанов из Потаповской станицы.

По лунному календарю выбрали благоприятный для отъезда день – 6 февраля 1904 г. Путешественников провожали торжественно. В Эркетеневский аймак приехал из Власовской станицы Дава Калтыканов, из Граббевской – Андрей Батырев и др. От станции Великокняжеская путешественники на поезде выехали в Ташкент. Через таможенный пункт Хоргос добрались до китайского города Кульджа, где сделали остановку. Купили 20 лошадей и, перевалив через горный хребет Хаш, на второй день пути, увидели группу кибиток калмыков-элетов (торгутов). (Ульянов Д. Предсказание Будды... С. 26).

Сан буддийских священников помогал группе беспрепятственно проезжать через территории, населенные буддистами. (Очерк истории российской внешней разведки. В 6 т. М., 1995. Т. 1. С. 184–186).

Местные калмыки очень радушно встретили путешественников. Даржа, один из местных священников, рассказал им, что в 1890 г. через их земли проезжал калмык из России по имени Дамба Джальцан, который обещал освободить их от гнета китайцев.

Встречу с сородичами Д. Ульянов описывает так: «...Мне было глубоко жаль смотреть на этот народ, который действительно нуждается в спасителе, и оттого всех их ждет гнет своих владельцев, гнет китайских чиновников, гнет безжалостных торговцев... Россия им кажется какой-то благодатной страной и тем земным раем, где пребывает величавый «Баатр цаһан хан», куда временно уехали их недавние защитники Санан-Цецен и Амур-Санан. Теперь они, как чудную сказку, рассказывают о прошлой жизни, о свободе и богатстве... Они искренне веруют в скорое возвращение из России освободителей, в каждом путнике видят первых предвестников освобождения. На протяжении всего пути, пока мы проходили по их местностям, всюду встречали радужный прием и самое глубокое уважение... Грустно их видеть, и до боли жалки они душе..., по рукам и ногам связанные суеверной традицией прошлого, застывшие на примитивной форме общественной жизни, они лишены тех необходимых условий, в которых можно было видеть залог лучшего будущего. Терпели безжалостное грабительство китайских торговцев и чиновников. Долго и долго еще им придется ждать своих освободителей...».

Пробыв два дня среди калмыков, путники отправились к горному хребту «Даган Даван», где предстоял трудный переход через снежный перевал. Н.Э. Уланов уехал вперед, добрался до юлдусских калмыков, потомков калмыцкого наместника Убаши, выслал им проводников с лошадьми.

Во время тяжелых переходов заболели Л. Шарапов и Н.Э. Уланов, который вскоре скончался. Похоронив товарища на чужбине, П. Шонтанов и Д. Кудыров решили вернуться домой.

Д. Ульянов, Л. Шарапов, С. Асанов, Б. Ушанов продолжили путь. Они купили 19 верблюдов, 2 лошади, наняли работника.

Дальнейшее руководство над группой взял на себя Дамбо Ульянов. Оставив спутников, он выехал в Кульджу, где доложил о сложившихся обстоятельствах. Продолжение путешествия было отложено до августа 1904 г.

Потомок Убаши-хана, владелец Буйн-Менкя предложил хорошего проводника. Через две недели пути, в ноябре 1904 г. путники добрались до местности Лоб-Нор. Здесь они зимовали. В феврале 1905 г. выехали в сторону Тибета.

Отсюда в Тибет вели две дороги. Одна называлась «Нүүрстэ хаалһ» («Каменный путь», или «Угольный путь»), проложенная неким джунгарским ханом.

Однако эта короткая дорога была далеко небезопасной. В безлюдной местности, на трудно проходимых горных перевалах часто грабили. Д. Ульянов выбрал менее опасный путь через владения тангутов Цайдам. Наконец, путники достигли своей заветной цели – Лхасы, сказочного города с живыми богами. После отдыха, на третий день пребывания они представились наместнику Тибета, преподнесли подарки, побывали на богослужении во дворце Далай-ламы – Потала. Затем посетили монастырь, где сосредоточены буддийские учебные заведения по философии (Чори) и тантре (Джюд). Съездили также в монастырь Галдан (в 40 км от Лхасы), где находился книгопечатный центр. Приобрели «Ганджур», «Данджур» и другие сочинения по буддизму.

В Чори ученики поступали в 9-летнем возрасте, проходили курс буддийской философии в течение 17 лет. После успешно сданных экзаменов переходили в Джюд, где учились еще 15 лет. По окончании им присваивалось духовное звание «аграмба».

В Тибете Д. Ульянов и его спутники встретили калмыка, находившегося там на учебе.

В конце июля 1905 г. они наняли яков, работников из числа калмыков, взяли с собой тибетца и гелюнга из Власовской станицы Джалцана Балюгинова. Группа в составе 12 человек выехала из Лхасы в сторону Цайдама, где продали яков и купили верблюдов. В январе 1906 г. прибыли в Карашар, поехали на Урумчи-Джаркенд. В первых числах февраля в Ташкенте сели на поезд до ст. Ремонтное.

В апреле Д. Ульянов выехал в Петербург для сдачи отчета о поездке в Тибет. Все путевые записи он вел на «Тодо бичиг».

Информация Д. Ульянова о ситуации в Тибете вызвала большой интерес в МИДе и Военном министерстве. Россия пыталась остановить интенсивное вторжение англичан в Тибет и укрепить свои позиции в Тибете. Но для этого надо было организовать возвращение Далай-ламы из Монголии.

В результате долгих переговоров решили вопрос по обеспечению безопасности перемещения Далай-ламы к границам Тибета в Китае.

Россия прилагала большие усилия для урегулирования обстановки в Тибете, вела переговоры с Китаем и Англией для восстановления власти Далай-ламы в Китае.

В 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, по которому Англия признала Тибет частью Китая и должна была поддерживать отношения с Тибетом через Китай.

Таким образом, угроза английской агрессии в Тибете была снята. В этом дипломатическом успехе России немалую роль сыграла тайная миссия калмыцкой группы разведчиков, осуществлявших свою деятельность под видом паломников-буддистов. (Очерки истории русской дипломатии... М., 1995. Т. 1. С. 189–190).

В 1908 г. русский востоковед А.М. Позднеев издал перевод параллельно с монгольским текстом первых двух частей «Учебника тибетской медицины» (Т. I. Пер. с монг. и тиб. А. Позднеева. СПб., 1908. 425 с.). Предположительно подстрочный перевод первой части с тибетского принадлежит Д. Ульянову.

По опубликованным в 1910–1911 гг. заметкам на страницах «Донских областных ведомостей» видно, что Д. Ульянов вел полемику по вопросам буддийской религии, философии с А.Л. Крыловым, Ф. Траилиным, служителями православной церкви, которые пытались вести религиозную пропаганду среди буддистов Дона. Занимал ли Дамбо Ульянов должность при хурулах после поездки в Тибет? Сведений на этот счет нет. Известно лишь, что он вступил в почетную должность блюстителя школы в Эркетеневском аймаке.

Д. Ульянов был довольно эрудированным, образованным человеком. Как знаток буддийской религии, тибетской медицины Дамбо Ульянов занимался переводами медицинских трактатов с тибетского, издал книгу «Предсказание Будды о доме Романовых и краткий отчет о моих путешествиях в Тибет в 1904–1905 гг.» СПб., 1913.

В научном архиве КИГИ РАН в фонде Ц.-Д. Номинханова среди калмыцких песен, записанных у Санжи Ивановича Манжикова (1891–1905), уроженца станицы Денисовской, приведены стихотворные тексты, автором которых является Дамбо Ульянов:

Алта гидг һазраснь

Алг шарһарн мордлав.

Алтн шарһарн мордв чигн

Амулц һазртан ирлэв.
Зу гидг һазрнь
Зурһан жилэ һазр-ла.
Зурһан жилэ биш-лэ
Зурһан сара бөөж-лэ.
Көк нуурин көвөд
Күлг бийән амралав.
Күцэд ирсн дээсинь
Зер-зевин хурцар дарлав.

ДРУГОЙ ВАРИАНТ

Зу гидг һазрнь
Зурһан һазр-ла.
Зуур завсрин дээсиг
Зуңкван гегән әәлдит.
Шар шарлжна йозурт
Шаңгани агтан манлавидн.
Шалһал деед бурхд тандан
Шамдж күрәд мөргийә.
Көк нуурин көвөд
Күлг бийән амралавидн.
Күрән ик шүтәнд
Күрч мөргж биләвидн.

По сообщению С.И. Манжикова, текст песни написан Зунгру-бакши во время его путешествия в Тибет в 1904–1905 гг. (Науч. архив. Ф., Оп., Ед. хр. 8.). Однако «Песня о путешественниках в Тибет» у калмыков бытовала до путешествия Дамбо Ульянова.

Финский ученый Х. Халлен приводит текст «Песни пилигрима» из собрания калмыцких песен Г.И. Рамстедта, идентичных тексту из записей С.И. Манжикова:

Зу гидг һазрнь
Зурһан сара һазр-ла
Зуур завсрин дээсиг
Зуңкван гегән әәлдх.

По сообщению Илюмжи Дертыновича Асанова (предположительно брат С.Д. Асанова, спутника Д. Ульянова по путешествию в Тибет), путешественники привезли с собой песню «Бүтү, бүтү модн». Под таким названием текст песни опубликован в первом выпуске «Хонхо» (Прага, 1925) на старокалмыцкой письменности. Оказалось, что это известная калмыцкая народная песня «Төгрәш».

Лама Джимбя Зунгру бакши (Дамбо Ульянов), путешественник, умер в 1913 г. В «Санкт-петербургских ведомостях» в № 147 за 14–17 июля помещен некролог «Дамбо Ульянов». Похоронен он в родной станице Эркетеневской Сальского округа (ныне Дубовский район Ростовской области) рядом с хурулом, где он нес службу и лечил больных.

Имя Дамбо Ульянова не было предано забвению. Земляки бакши перезахоронили его прах в с. Троицкое Целинного района. На добровольные пожертвования на могиле установлено памятное надгробие. У одного из его земляков, Бадмы Цереновича Тактинова, жителя с. Троицкое, была приобретена копия с фотографии Дамбо Ульянова, изображенного в одежде буддийского священника.

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ ЛАМЫ ЛУВСАН-ШАРАПА ТЕПКИНА*

Лувсан-Шарап (Лубсан-Шараб) Тепкин родился в 1875 г., в станице Денисовская, в семье Дондока (Дондона) Тепкина (1), из рода хо меркит, Бултуковской сотни (станицы Денисовской с 1877 г.). У Д. Тепкина было 4 сына и одна дочь. Два старших сына, Каплюк и Эрдне (Эрдюш) (2), вели вместе с отцом большое хозяйство состоятельного казака. Единственная дочь – Адякуш (3), 1861 г. рождения. Младший сын Адьян умер рано (4). Средний сын Тепкиных, Лувсан-Шарап, по старинному калмыцкому обычаю, был определен в хурул манжиком. До поступления в хурул учеником бакши Лувсан-Шарап окончил станичное приходское училище (5).

Первоначальное духовное образование Лувсан-Шарап Тепкин получил в хуруле Богшрахинского аймака, где бакшой служил Менке Борманжинов (1855–1919). Высокообразованный бакша серьезно относился к обучению своих подопечных основам буддизма (6). Через несколько лет Л.-Ш. Тепкин получил звание гелюнга и был зачислен в штат (7) хурула станицы Денисовской.

В 1903 г. состоялись выборы Ламы донских калмыков. Из 3 почетных кандидатов: Нимя Бакбушев бакша Бембдякинского хурула, Шургчи Нимгиров, бакша Багутовского хурула, Менке Борманжинов, бакша Богшрахинского хурула. Большинством голосов был избран Менке Бакарович Борманжинов. Его место занял гелюнг Лувсан-Шарап Тепкин в возрасте 28 лет (8).

В 1908 г. в год празднования 300-летия дома Романовых от донских калмыков в Петербург выехала делегация во главе с Ламой донских калмыков Менке Борманжиновым в составе 3 станичных атаманов, 3 бакши станичных хурулов, среди которых был бакша Лувсан-Шарап Тепкин. В качестве переводчика к ним присоединился студент юридического факультета Петербургского университета Бадма Уланов, с которым у Лувсан-Шарапа сложились дружеские отношения.

После посещения Петербурга у молодого бакши расширились интересы к научному познанию учения Будды: появилось желание совершить паломничество в Тибет, продолжить духовное образование, углубленно изучить буддийское учение, буддийскую философию. Однако одобрения и поддержки от Ламы М. Борманжинова не получил. В 1909 г. Лувсан-Шарап в одиночку отправился в Лхасу, где пробыл до 1922 г. Не каждый в то время мог осмелиться на такую поездку, кроме того, нужны были немалые денежные средства, которые нашлись в семье Тепкиных. За более чем десятилетнее пребывание в Тибете Лувсан-Шарап прошел полный курс высшей богословской школы, цаниит, достиг высоких результатов в изучении буддийской философии, монгольского и тибетского языков, занял высокое положение при дворе Его Святейшества Далай-ламы, был назначен советником по делам управления Тибета (9).

За это время в мире произошли глобальные изменения. Мировая война, в России свершились две революции, жестокая гражданская война, установилась новая власть Советов. Многие его сподвижники, представители духовенства, вынуждены были эмигрировать. Умер его духовный наставник и учитель лама М. Борманжинов.

В 1921 г. в Турции, в лагере беженцев Тузла, был организован «Союз помощи буддистам России» (в дальн. «Буддийский союз»), куда вошли более 50 человек из среды калмыцкой интеллигенции, военных, духовенства, в т.ч. бакши Денисовского хурула Джамнин Умальдинов, Доржа Нимбушов – из станицы Ново-Алексеевской, Санжи Куберлинов – из станицы Граббевской, Франц Хохлов – из станицы Власовской (10).

Президиум Буддийского союза пытался установить контакты с Тибетом, Далай-ламой. Намеревались послать туда делегацию, чтобы рассказать о положении эмигрантов – буддистов. Было отправлено два письма, одно – Далай-ламе, другое – Лувсан-Шарапу Тепкину (11).

Почти в это же время, осенью 1921 г., по заданию правительства Советской России в Тибет отправилась миссия в составе 6 человек во главе с ламой Давой Ямпилковым из Бурятии. В их числе со специальным заданием под видом монаха-паломника был В.А. Хомутников. Задача миссии – добиться приема у Далай-ламы и лично передать письмо Наркомата иностранных дел за подписью заместителя наркома Л.М. Карахана. В апреле 1922 г. дипломатическая миссия добралась до места назначения. Большие надежды на благополучное выполнение задания возлагались на Лувсан-Шарапа Тепкина, выходца из России, одностаничника В.А. Хомутникова.

Встреча с Его Святейшеством, действительно состоялась, письма были переданы и получено устное согласие Далай-ламы на установление дружеских связей с новой властью России. Далай-

* Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 50–57.

лама отправил в Россию вместе с возвращавшейся делегацией своего советника Л.-Ш. Тепкина (12). В.А. Хомутников в обратную дорогу ехал под видом его слуги (13).

Для установления связи с Далай-ламой и получения от него поддержки калмыки-эмигранты и буддисты Советской России почти одновременно обратились за помощью к Л.-Ш. Тепкину. Он ознакомил с содержанием письма «Буддийского союза» В.А. Хомутникова, который обрисовал благополучную обстановку в России по отношению к буддистам (14). Это общение В.А. Хомутникова с Лувсан-Шарапом Тепкиным припомнили ему в годы культа личности.

В конце 1922 г. тайная дипломатическая миссия и Л.-Ш. Тепкин прибыли в Россию. Вскоре он встретился с Агваном Доржиевым (1852–1938) и передал ему письмо от Далай-ламы. А. Доржиеву поручалось быть представителем Тибета в новой России.

Л.-Ш. Тепкин побывал в Калмыкии, съездил в Сальскую степь, посетил станицу Власовскую, встретился с членом «Буддийского союза» гелюнгом Францем Хохловым, вернувшимся из эмиграции, поинтересовался задачами «Буддийского союза». Погостив у родных в станице Денисовской, выехал в Петроград. По предложению монголиста Б.Я. Владимирцова (1884–1931) Л.-Ш. Тепкин, в совершенстве владевший тибетским и монгольским языками, был приглашен на преподавательскую работу в Петроградский институт живых восточных языков*, основанный в 1919 г. Ведущий преподаватель восточных языков профессор В.Л. Котвич (1872–1944) к этому времени вернулся к себе на родину в Польшу.

Находясь в Петрограде, Л.-Ш. Тепкин совместно с Агваном Доржиевым провели большую подготовительную работу по созыву съезда буддистов Калмыцкой степи. Сначала прошел съезд буддийского духовенства донских калмыков, а в 1923 г. – Калмыцкой степи. Ламой калмыцкого народа был избран Г. Сеперов (1884 г. р.), выпускник высшей буддийской школы в Тибете. Через год, ввиду его болезни, обязанности Ламы были возложены на его заместителя Чемпиль Баслиева (1884 г. р.), который не поддерживал новаторских идей в буддийской религии (15).

В 1926 г. проводилась подготовка к созыву 1-го Всесоюзного Духовного собора буддистов под руководством А. Доржиева, который состоялся 20–28 мая 1927 г. Л.-Ш. Тепкин выступил на нем с докладом о положении буддийской церкви в Калмыцкой степи (16).

В 1928 г. на очередном региональном съезде буддистов, по настоянию Агвана Доржиева, Ламой калмыцкого народа был избран Лувсан-Шарап Тепкин, как человек грамотный, хорошо знакомый с декретами Советской власти, в том числе связанными с вопросами религии. Однако к этому времени «благоприятная обстановка для буддистов», о которой докладывали Далай-ламе, резко изменилась в сторону ужесточения.

В 1931 г. решением ЦИК КАО была закрыта высшая буддийская школа Чееря-хурул в Манычском улусе: священники облагались непомерными налогами. В защиту от этого произвола от имени Центрального Духовного собора буддистов были разосланы письма о проведении в хурулах молебна «Догшид», в котором власти усмотрели протест против политики советского государства (17).

В 1929 г. раскулачиванию подверглись самые близкие родственники шаджин-ламы Лувсан-Шарапа Тепкина: семьи сына и дочери брата Эрдне, Тимофея (Тимош Эрднеевича) Тепкина, Лукьяны (Очирка) Эрднеевны Еленовой (ур. Тепкиной) (18).

Л.-Ш. Тепкин внимательно следил за политикой правительства, после выхода статьи И. Сталина о перегибах надеялся на некоторое смягчение со стороны властей в отношении духовенства, но ожидания не оправдались. Образовался замкнутый круг. Лувсан-Шарапа Тепкина и группу зурхача-астрологов Икичносовского, Багачоносовского хурулов, обвинили в том, что они при составлении калмыцкого календаря на 1930 г. предсказали неблагоприятные моменты в жизни народа.

Представитель Далай-ламы в России Агван Доржиев пытался организовать поездку делегации или хотя бы одного человека к Его Святейшеству. Выбор А. Доржиева пал на его заместителя Л.-Ш. Тепкина, находящегося под покровительством Наркомата иностранных дел (19).

Вопрос о поездке в Тибет Л.-Ш. Тепкина долго не решался. В мае 1931 г. А. Доржиев и Л.-Ш. Тепкин выехали в Калмыкию, не дождавшись официальных распоряжений о продлении сроков исполнения им обязанностей заместителя представителя Далай-ламы в Советской России (20).

В Бурятии и Калмыкии продолжались преследования и аресты служителей религиозного культа, которые приговаривались к различным срокам заключения. Л.-Ш. Тепкин обвинялся в контрреволюционной деятельности и был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами пребывания в лагерях. Его осудили за связи с калмыками-эмигрантами, с представителями «Буддийского союза» и Калмыц-

* Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ) в 1926 г. преобразован в Институт востоковедения.

кой комиссии культурных работников в Праге, за переписку с ее руководителем Б.Н. Улановым и распространение калмыцких журналов «Хонхо».

Ссылку Л.-Ш. Тепкин отбывал в Казахстане, в г. Акмолинск. В сопроводительных документах арестанта указывалось: «... можно пойти на некоторые уступки..., разрешалось пользоваться священными книгами, предоставлять лекарства...» (21).

По информации его близкой родственницы Е.А. Самтоновой (22), шаджин-лама Л.-Ш. Тепкин отбывал срок ссылки в «Карлаге» («Карагандинский лагерь»), освободился накануне войны в 1941 г. Его приютили в Караганде земляки Мусовы, Чуповы, Цеденовы, которые почитали и опекали старого бакшу. Он, в свою очередь, совершал по их просьбе различные религиозные обряды, лечил от болезней.

После войны власти несколько ослабили свое отношение к церкви. В 1946 г. Л.-Ш. Тепкин участвовал в организации Центрального духовного управления (ЦДУ) буддистов. Этот факт подтверждает доктор исторических наук Л.Л. Абаева, участница Международной конференции «Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия», проходившей в г. Элисте в сентябре 2000 г. В интервью «Калмыкия и Бурятия» она сказала: «В архивных фондах сохранился документ, указывающий на то, что одним из организаторов «Буддийского духовного центра» был авторитетный лама Шарап Тепкин. В закрытых источниках приводится биография калмыцкого ламы» (23).

С 1929 г. находился в ссылке в г. Березники на Урале племянник ламы Тимофей (Тимош) Тепкин. Он стал приглашать своего дядю из Казахстана к себе. Точная дата прибытия на Урал Л.-Ш. Тепкина неизвестна. Предположительно, это было в 1948 г. По рассказам Т.Э. Тепкина, за месяц до приезда дяди он похоронил свою мать. Шаджин-лама совершил обряд по усопшей своей бергн (невестке). Из-за суровых климатических условий на Урале Л.-Ш. Тепкин прожил недолго. Он очень сожалел о своем переезде.

Лувсан-Шарап Тепкин умер на Урале в 1948 г. (не позднее 1949 г.), в г. Березники Пермской области.

Тимофей Тепкин (1885–1975) в 1950 гг. выехал в Киргизию, к своему родственнику З.Д. Тепкину, оттуда вместе с возвращающимися на родину калмыками вернулся в Элисту, жил в доме-интернате. В начале 1960-х г. его взяла к себе Е.А. Самтонова, дочь его сестры Лукьяны (Очирки) Эрдниежны Еленовой (ур. Тепкиной), вернувшаяся в Калмыкию из Казахстана. Умер Т.Э. Тепкин в 1975 г. (24).

Такова трагическая судьба последнего шаджин-ламы калмыцкого народа Лувсан-Шарапа Тепкина, достойно вынесшего все жизненные невзгоды и до конца оставшегося верным учению Будды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борманжинов А. Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков / пер. с англ. Э.-Б. Гучиновой. Калм. ин-т гуман. и прикл. исслед. Элиста, 1997. С. 28.
2. Эрдне Дондокович Тепкин, отец полковника Г.Э. Тепкина.
3. Адякуш Дондоковна Сельдинова (ур. Тепкина), старшая сестра Л.-Ш. Тепкина, в 1944 г. в возрасте 83 лет выселялась из Военного конного завода (ВКЗ) Целинского р-на Ростовской области с семьей внука П.С. Муманжинова. Умерла в Сибири // Информ. центр МВД РК. Картотека по Ростовской области.
4. Сведения о членах семьи Л.-Ш. Тепкина получены у его внучатой племянницы Самтоновой Екатерины Алексеевны (ур. Еленовой), 1921 г.р.; дочери брата Лукьяны Эрдниежны Еленовой (ур. Тепкиной). Элиста, 1999 г., повторно уточнены в октябре 2000 г.
5. Бакаева Э.П. Лувсан-Шарап Тепкин и его время // Шамбала. 1997. № 4–5. С. 9.
6. Там же. С. 9.
7. По штату калмыцкому хурулу полагалось 12 человек. Служители хурулов, принятые сверх штата, назывались заштатными.
8. Борманжинов А. Там же. С. 28.
9. Бакаева Э.П. Там же. С. 10.
10. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 58–59.
11. Там же. С. 60–61.
12. Бембеев В.Ш. Человек из легенды. М.; Элиста, 1991. С. 81.
13. Там же. С. 82.
14. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки... С. 61.
15. Бакаева Э.П. Лувсан-Шарап Тепкин и его время. С. 12.
16. Там же. С. 13.
17. Там же. С. 14.
18. Тепкин Тимофей Эрднеевич находился в ссылке в г. Березники на Урале. В 1939 г. он туда увез свою мать,

а его сестру Лукьяну Еленову взяла к себе ее дочь Колка Абушинова в ст. Денисовскую / Информ. Самтоновой Е.А. Элиста, 2000.

19. Бакаева Э.П. Лувсан-Шарап Тепкин и его время. С. 15.

20. Там же. С. 15.

21. Там же. С. 15.

22. Информация Самтоновой Е.А.

23. Известия Калмыкии. Элиста, 2000. 11 окт. № 206. С. 2.

24. Сообщение Самтоновой Е.А. Элиста, 2000. Окт.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ В. ХОМУТНИКОВА

Имя легендарного сына калмыцкого народа Василия Алексеевича Хомутникова (1891–1945), уроженца станицы Денисовской, широко известно.

В.А. Хомутников – участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Во время Великой Отечественной войны командовал 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизией, отважно сражавшейся в июле 1942 г. на Дону на одном из труднейших участков обороны Южного фронта. Позже служил в Действующей армии заместителем командующего стрелковой дивизии 2-го и 3-го Украинского фронтов. Погиб 4 февраля 1945 г. в боях за г. Будапешт.

Заслуги В.А. Хомутникова перед Отечеством отмечены высокими государственными наградами: двумя орденами Красной Звезды (1925, 1932), Богдана Хмельницкого, Суворова, Отечественной войны 1 степени и многочисленными боевыми медалями.

На фронтах Великой Отечественной войны воевали и два его сына: Петр (1916–1973) и Владимир (1924 – 1945), который погиб 5 августа на Восточном фронте в войне с Японией.

...Известны многие стороны его многогранной деятельности: он участник первой мировой войны, организатор и командир первых калмыцких воинских частей в годы гражданской войны, военный специалист в Монголии в 20-е годы, боевой командир во время Отечественной войны, государственный и общественный деятель Калмыкии в 30-е годы... Тайной оставалась лишь одна страница его биографии – работа в качестве дикпурьера и разведчика на Востоке. Об этой его службе дается некоторая информация в книге В.Ш. Бембеева «Человек из легенды» (М.; Элиста: Контекст, 1991).

Тибет – страна, закрытая для европейцев, принимала паломников-буддистов, отправлявшихся туда для поклонения Далай-ламе. У буддистов России были давние связи с Тибетом.

Тибет, расположенный в самом центре Азии, интересовал своих соседей. Китай стремился превратить его в одну из своих провинций. Англичане тоже старались установить над ним свое господство. Россия в интересах стратегической безопасности стремилась сохранить и укрепить дружественные отношения с Тибетом, его правителем Далай-ламой.

Проводниками же между правительствами двух стран были паломники-буддисты. В 20-е годы по поручению Наркомата иностранных дел из числа калмыков, находившихся в Монголии, была организована группа из 6 человек во главе с бурятским ламой Д. Ямпилковым, в которую входил и В.А. Хомутников (Кикеев). 13 сентября 1921 г. экспедиция на 12 верблюдах выехала из г. Урги (ныне – г. Улан-Батор).

Обстановка в Монголии была беспокойная. В целях безопасности группа пристала к каравану торговцев, возвращавшихся в Тибет. Спустя семь с половиной месяцев достигли они ворот Лхасы. В.А. Хомутникову предстояло добиться аудиенции у Далай-ламы. Надежды возлагались на соотечественника и его одностаничника Лувсан-Шарапа Тепкина, личного секретаря Далай-ламы, пользовавшегося его доверием. Встреча с главой буддистов состоялась. В.А. Хомутников, поприветствовав своего духовного лидера, передал ему от имени правительства Советской России ценные подарки и письма заместителя наркома иностранных дел А.М. Карахана и хамбо ламы Агвана Доржиева. Л.-Ш. Тепкин перевел содержание писем. На следующий день был устроен второй прием в резиденции Далай-ламы. Верховный жрец буддистов в ходе дружественной беседы живо интересовался политической и культурной жизнью России, расспрашивал об Агване Доржиеве, о Николае II и членах его семьи.

В.А. Хомутников рассказал о мирном отношении новой власти к буддистам, дал исчерпывающие ответы на поставленные вопросы.

Цель путешествия была достигнута. Дипломатическая миссия выполнена. Через восемнадцать

дней группа отправилась в обратный путь через Индию, Шанхай, Пекин, Ургу. Обратный путь занял около четырех месяцев.

Итогом международных переговоров было назначение Лувсан-Шарапа Тепкина представителем Далай-ламы в России, а В.А. Хомутников возвращался домой под видом его слуги. Знакомство В.А. Хомутникова с Л.-Ш. Тепкиным, помощь бакши в решении важных дипломатических задач по укреплению дружественных отношений между государствами позднее, в 1938 г., были представлены как преступная связь с представителями буддийской иерархии. В.А. Хомутников был исключен из рядов ВКП(б), отстранен от должности Председателя СНК Калмыцкой АССР. Однако ему удалось избежать репрессии.

В своем отчете Восточному отделу Наркомата иностранных дел В.А. Хомутников представил подробные экономические и политические характеристики стран Востока, соседей Тибета, описал их взаимоотношения с Англией, Китаем, Японией. За успешное выполнение дипломатической миссии Реввоенсоветом Республики В.А. Хомутников был награжден в 1925 г. орденом Красного Знамени.

В 1931 г. вышли из печати воспоминания В.А. Хомутникова под названием «Военные калмыцкие части в боях за Советы», переизданные Ц.-Д. Номинхановым в 1964 г.

ВОЙНА. ВОИНЫ. ДЕПОРТАЦИЯ

К ИСТОРИИ 110-й ОТДЕЛЬНОЙ КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ: ФОРМИРОВАНИЕ, БОЕВОЙ ПУТЬ*

Более 60 лет отделяет нас от начала Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., одной из самых трагических дат в истории Отечества, времени военного лихолетья, в котором слились воедино трагическое и героическое прошлое нашего народа.

Великая Отечественная война отличалась от предыдущих войн своим небывалым размахом, кровопролитием, ожесточенным сопротивлением всего народа, который не дрогнул, а свято верил в конечную победу.

Все силы страны были мобилизованы для фронта: армия, промышленность, людские ресурсы. Калмыкия в первые месяцы войны (с 23 июня до начала октября 1941 г.) направила на фронт 5 259 человек, 7 043 лошади, 548 автомашин, 98 гусеничных тракторов, поставила государству 58 974 ц мяса, 2 883 ц масла, 1 393 тыс шт. яиц, 70 290 ц хлеба.

С сентября 1941 г. по март 1942 г. были направлены еще 14 823 человека, 9 050 лошадей, 151 автомашина. Сдано в Фонд обороны свыше 20 тыс голов скота, 34 млн рублей. Населением собрано для нужд армии 23 159 пар валенок, 3 652 полушубка, 8 296 теплых шапок, 17 344 ватных фуфаяк с брюками (1).

В сентябре же в составе 70-й кавалерийской дивизии Северо-Кавказского военного округа (СКВО) был сформирован 189-й кавалерийский полк на территории Орджоникидзевогo (ныне Ставропольский) края, в котором из одного только Западного района Калмыкии служили свыше 200 воинов (2).

В ноябре этого же года 70-я кавалерийская дивизия участвовала в оборонительных сражениях за г. Ростов-на-Дону, в боях в районе Матвеева Кургана. Вместе с 189-м кавполком она вошла в состав 2-го кавалерийского корпуса (3).

Государственный комитет Обороны и Народный Комиссариат обороны СССР в ноябре 1941 г. приняли решение о создании национальных кавалерийских дивизий в республиках Башкирия, Калмыкия, Кабардино-Балкария, на основании которого был издан приказ командующего войсками Северо-Кавказского военного округа от 26 ноября того же года о формировании двух калмыцких кавалерийских дивизий – 110-й и 111-й, численностью до 3500 человек каждая (4).

Организационные работы начались в ноябре 1941 г. в селе Малые Дербеты, реальные условия позволяли полностью укомплектовать одну, 110-ю Отдельную калмыцкую кавалерийскую дивизию, а 111-я – подлежала расформированию (Далее «ОККД»). В марте 1942 г. два полка 274-й и 293-й были расформированы. Часть личного состава, а также лошади, вооружение были переданы в распоряжение 110-й ОККД. Остальная часть 111-й дивизии направлена в действующую армию и другие воинские подразделения (5).

В состав дивизии входили 3 кавалерийских полка: 273-й Сарпинский, 292-й Малодербетовский, 311-й Приволжский (6), а также Отдельный конно-артиллерийский дивизион (ОКАД), 99-й артиллерийский парк, Отдельный разведывательный кавалерийский эскадрон, 94-й медико-санитарный эскадрон, эскадрон химзащиты, 374-й ветеринарный лазарет, 82-й продовольственный транспорт, 1925-я полевая почтовая станция, полевая касса госбанка; органы военной прокуратуры, военного трибунала, особого отдела. Общая численность дивизии составляла 4, 5 тысяч сабель (7).

Каждый полк – самостоятельная боевая единица. Состоял он из 4 эскадронов: 3 сабельных и 1 пулеметного, полковой артиллерийской и минометной батареи, специальных подразделений разведки и артиллерийского дивизиона.

Каждому мобилизованному бойцу или добровольцу надлежало иметь при себе лошадь с седлом и необходимое вооружение, две пары белья, полушубок, ватную фуфайку с брюками, шинель, клинок, нагайку. Колхозы, совхозы, учреждения и предприятия, где они трудились, должны были оказать помощь в их снаряжении (8).

Такая установка была связана с тем, что первоначально 110-я ОККД находилась на территории Калмыкии и состояла на довольствии республики (с ноября 1941 г. по апрель 1942 г.). В апреле ее

* Статья опубл. в сб. «Археография Южного Урала»: материалы V-й Межрегион. науч.-практич. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2005 г. 29 апреля. Соавтор Бадмаева Е.Н., канд. ист. наук.

перевели на централизованное снабжение Министерством обороны СССР, в связи с чем значительно улучшились материальная база и обеспечение мобилизованных (9).

В мае 110-я ОККД получила приказ двигаться на запад. Был совершен марш-бросок через станицы Кутейниковскую, Батлаевскую, Мартыновскую, Орловскую Ростовской области, в сторону Дона. Некоторые части кавалерийской дивизии шли через Башанту (ныне г. Городовиковск) на Сальск и дальше.

В начале июля 110-я ОККД в составе 37-й армии Южного фронта заняла оборону по левому берегу Дона на территории протяженностью 58 км: от станицы Семикаракорской до станицы Раздорская.

Командованием армии была поставлена задача – удержать донские рубежи, обеспечить переправу через Дон отходившим войскам Южного фронта, эвакуированному населению, технике, скоту с Украины.

Дивизия, неся большие потери, в течение 12 суток сдерживала ожесточенный натиск противника: массированную бомбардировку, усиленное наступление механизированных частей.

26 июля на хуторе Карповка мужественно оборонялся 292-й кавалерийский полк, в станицах Раздорской, Мелиховской – 311-й и 273-й кавполки, а также отдельный конно-артиллерийский дивизион (ОКАД). 273-й и 311-й кавполки едва вышли из окружения в районе хуторов Карповка и Ажинов, а затем отошли за реку Маныч.

В боях за Дон 110-я ОККД понесла большие потери. В документальных источниках указываются разные, иногда противоречивые, сведения о дивизии: погибших около 600 чел., раненых приблизительно – 700 чел., а без вести пропавших – 200 чел. (10). В других – убитых до 1000 чел., попавших в плен – 300 чел., большая часть военных дезертировала (11).

В настоящее время установить истину достаточно сложно. Записи о погибших на территории Калмыкии в те годы не велись и не хранились. 27 декабря 1943 г. после освобождения Калмыкии вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, а 28 декабря – постановление СНК за подписью В.М. Молотова о ликвидации Калмыцкой АССР и о выселении калмыков в Алтайский и Красноярские края, Омскую и Новосибирскую области.

Лишь после реабилитации репрессированных народов, в том числе и калмыцкого, восстановления национальной государственности появилась возможность увековечить память воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

После упорных оборонительных боев на Дону и Маныче 110-я ОККД по приказу командования 37-й армии Южного фронта отошла на Северный Кавказ в направлении Сальск-Башанта-Ворошиловск (ныне г. Ставрополь) – Моздок (12).

По решению полковника В.А. Хомутникова, отходившие части разделились и двигались по двум направлениям: на ст. Улан-Хол в сторону Моздока и Кизляра.

В августе 1942 г. части кавалерийской дивизии в количестве 1800 сабель заняли оборону Моздока. К ним присоединились отдельные группы из г. Астрахани, ст. Улан-Хол. 273-й кавалерийский полк вел оборону за участок железной дороги Улан-Хол – Зензели (13).

Группа батальонного комиссара И.И. Белкина в составе 250 чел. вышла в направлении г. Астрахани. Эскадрон 292-го кавалерийского полка мл. лейтенанта Б.Ц. Арбакова вошел в состав 28-й армии и из него сформировали отдельный разведывательный эскадрон (14).

Группа 292-го кавалерийского полка 110-й ОККД во главе с С.И. Ориночко и военкомом П.А. Кругляковым в количестве 300 чел. отправилась в сторону Краснодара и Майкопа.

Распоряжением маршала С.М. Буденного от 10 сентября 1942 г. она вошла в состав 10-го гвардейского кавалерийского полка 4-го гвардейского КККК. Майора С.И. Ориночко назначили командиром 36-го кавалерийского полка 10-й гвардейской кавалерийской дивизии 4-го гвардейского КККК.

В сентябре же группа бойцов под командованием капитана А.К. Темирова вошла в состав 11-й кавалерийской дивизии 4-го гвардейского КККК, затем была включена в состав 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса (15).

По приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии И.В. Тюленева 110-я ОККД поступила в подчинение 44-й армии, дислоцировалась на ст. Улан-Хол для обороны железной дороги Кизляр-Астрахань и борьбы с отдельными группами противника на территории Калмыкии.

110-я ОККД с поставленной задачей справилась: перерезала путь немцам на Астрахань и на Кавказ.

Дивизия принимала участие в ликвидации группировок противника на Северном Кавказе, в том числе в боях в районе совхоза «Моздокский» («Моздокская операция»). Кроме того, освобождала в составе Северной группы Закавказского фронта совместно с 56-м гвардейским корпусом, 4-м гвардейским КККК оккупированные врагом территории.

В сентябре 1942 г. 110-я ОККД была реорганизована. Распоряжением командования Северной группы Закавказского фронта личный состав, вооружение и воинское снаряжение передавались на доукомплектование 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии, которая вошла в состав 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса (КККК) (16).

Личный состав 110-й ОККД состоял в основном из бойцов коренной национальности. Они были в дивизии со дня ее организации.

Военный Совет Северной группы Закавказского фронта от 18 августа внес предложение о создании нового состава калмыцкой кавалерийской дивизии. Этот призыв формировался из бойцов 1924–1925 гг. рождения, проживавших в восточных, не подвергшихся оккупации районах Калмыкии, рыбаков Каспия, имевших бронь, а также жителей Кизлярского округа Орджоникидзевского края (17). Общее руководство по организации и формированию нового состава Калмыцкой кавалерийской дивизии возлагалось на полковника В.А. Хомутникова, а для ее укрепления во всех частях 44-й армии предлагалось командиров-кавалеристов направить в ее распоряжение.

В.А. Хомутников выехал в Астрахань для встречи с руководством Республики, эвакуированным из Элисты. Вопрос о мобилизации бойцов был решен положительно.

Во второй половине октября в дивизию прибыла группа выпускников Новочеркасского кавалерийского училища: М.Х. Барванцыков, А.С. Шунгуров, Б.М. Морчуков, Б.М. Бамбаев и др.

Уже в ноябре во вновь сформированной Калмыцкой кавалерийской дивизии насчитывалось около 5160 человек. В составе дивизии кроме калмыков служили русские, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы и представители других народов (18).

Калмыцкая кавалерийская дивизия совместно с частями 4-го гвардейского КККК и других военных подразделений участвовала в наступательных боях по освобождению временно оккупированных территорий Северного Кавказа: Орджоникидзевского (ныне Ставропольского), Краснодарского краев, Калмыцкой АССР, Ростовской области.

В начале 1943 г. на территории Ростовской области в районе реки Средний Егорлык Калмыцкая кавалерийская дивизия была расформирована. Весь личный состав и вооружение полностью передавались 4-му гвардейскому КККК, полковые и дивизионные знамена, вся документация – в Управление Конной Армии (19).

К этому времени в Красной Армии шло перевооружение новыми, более современными средствами ведения войны. Сокращение кавалерийских воинских частей, в первую очередь национальных, было закономерно. 110-я ОККД, созданная в конце 1941 г., с честью выполнила свою боевую задачу по защите Отечества.

Бойцы и командиры Калмыцкой кавалерийской дивизии продолжали выполнять свой воинский долг в составе других войск: 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса, 1-го, 2-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Украинских, Прибалтийского и других фронтов. Кроме этого, воины-калмыки освобождали оккупированные врагом Донбасс, Украину, Молдавию, Белоруссию, воевали на территории Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии. Многие из бойцов и командиров дошли до Берлина.

В самый разгар наступательных действий советских войск по разгрому фашистской армии, в декабре 1943 г. была организована акция по ликвидации национальной государственности калмыцкого народа, а сам народ сослан в восточные районы Сибири. Вслед за калмыками были депортированы и другие народы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, балкарцы...

В 1944 г. в судьбе воинов-калмыков наступил трагический момент. С фронтов их стали отзывать по национальному признаку, как врагов народа. Офицерский состав фронтовиков-калмыков направляли в военные округа Урала, Сибири, Средней Азии, рядовой и сержантский – на Урал, в Молотовскую (ныне Пермскую) область на строительство Широковской ГЭС.

Первые группы начали прибывать в лагерь с начала марта 1944 г. по март 1945 г. (20).

«Особисты» проводили большую работу по выявлению и отбору из действующей армии воинов калмыцкой национальности. Однако многие командиры пытались спасти своих солдат, пряча их или заменяя в документах национальность.

Одним из таких «отозванных» был военный врач, майор медицинской службы Учур Алексеев, которого направили в Южно-Уральский военный округ. Он был назначен начальником эвакуационного госпиталя № 5920, где прослужил до 1947 г. Вся его дальнейшая трудовая деятельность прошла в Башкирии: работал в Уфе начальником госпиталя для участников и инвалидов войны, главным врачом республиканской клинической больницы. Доктор медицинских наук, профессор У.А. Алексеев долгое время был проректором Башкирского медицинского института. За многолетний и добросо-

вестный труд отмечен почетными званиями: «Заслуженный врач БАССР», «Заслуженный деятель науки БАССР».

Узниками Широкага стали и многие воины Калмыцкой кавалерийской дивизии. Например, Ш.М. Налаев служил в Калмыцкой кавалерийской дивизии с октября 1942 г. по февраль 1943 г., затем переведен в 127-й кавалерийский полк 30-й гвардейской Краснознаменной казачьей кавалерийской дивизии 4-го гвардейского КККК 3-го Украинского фронта...

Несмотря на то, что власти несправедливо обошлись со всем народом, калмыки самоотверженно трудились на благо России, вносили посильный вклад в восстановление и развитие народного хозяйства страны в послевоенные годы.

110-я Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия прошла героический путь. Ратный подвиг бойцов, живых и положивших во славу Родины свои жизни на алтарь победы, бессмертен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Максимов К.Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. С. 255.
2. Шишкин И.У., Оглаев Ю. О. Родина помнит. Элиста, 1988. С. 113–114.
3. Максимов К.Н. Трагедия народа... С. 281; Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док. и материалы. Элиста, 1966. Д. 21. Л. 34–35; Д. 36. Л. 71–72.
4. Там же. Д. 34. Л. 69.
5. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 211. Тет. 6.
6. В годы суровых испытаний. Боевой путь 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. 3-е изд. доп. и испр. Элиста, 2003. С. 42; Известия Калмыкии, 2005. 16 фев. № 28. С. 5.
7. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 211. Тет. 1. ф
8. Максимов К.Н. Трагедия народа... С. 259.
9. В годы суровых испытаний. 3-е изд. С. 51.
10. В годы суровых испытаний. 3-е изд. С. 81–130.
11. Гучинова Э.Б. Калмыцкая улица. СПб.: Алетей, 2004. С. 76–77.
12. Калмыкия в Великой Отечественной войне... Д. III. С. 172.
13. В годы суровых испытаний... С. 131, 137–138; В боях кавалерийской дивизии. Элиста, 1973. С. 31–32.
14. Там же. С. 31.
15. В годы суровых испытаний... С. 157–188.
16. Научный архив... Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 211. Тет. 1.
17. Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста, 2001. С. 59.
18. В годы суровых испытаний... С. 158–164.
19. Там же. С. 192.
20. Широкойстрой. Широкага. Поименный список воинов, участников строительства Широковской ГЭС. Элиста, 2000.

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ ДОКТОРА УЧУРА АЛЕКСЕЕВА

Детство

На самой окраине юго-восточной части Сальских степей на границе с Калмыцкой степью затерялась в степи станица Граббевская (1), одна из 13 калмыцких станиц Дона. По числу жителей она была довольно крупной среди других 13 станиц. Население было смешанное, калмыцко-русское.

Три брата Алексеевых – Абуша, Бадма, Эрдне – вели совместное хозяйство. Занимались земледелием, разводили скот. В семье был достаток, какой бывал у рачительных хозяев казаков. Братья Алексеевы были энергичными, трудолюбивыми, привереженцами новшеств в ведении хозяйства.

Старший брат Абуша и младший Эрдне окончили калмыцкое училище в станице Великокняжеская (ныне г. Пролетарск Ростовской области) в окружном центре Сальского округа. После окончания училища, сдав соответствующий экзамен, получили звание народного учителя, работали в станичных и хуторских калмыцких школах Сальского округа.

Земельные наделы выделялись только членам семьи мужского пола. Их в семье Алексеевых было пять душ. Таким образом, земельный надел был приличным. Общее хозяйство вел средний брат Бадма, братья-учителя помогали ему вести хозяйство

По осмотру лучших хозяйств калмыцких казаков Сальского округа в 1912 году хозяйство Алексеевых было призвано одним из лучших.

В этой станице в 1912 году в семье учителя станичной школы Абуши Алексеева родился второй сын. В хуруле его нарекли калмыцким именем Очир, которое в трансформации русского правописания вылилось в Учур. По калмыцкой традиции одного из сыновей, обычно младшего, отдавали в манжики, он был определен в хурул и получил второе имя «Манж». В детстве его называли «Шев», «Шевдя», а сверстники, русские казачата, звали «Саша».

Счастливое детство мальчика оборвалось в раннем возрасте. С началом войны 1914 г. отец был мобилизован на войну, которая переросла в гражданскую, круто изменившую всю жизнь калмыков и отдельно каждой семьи.

По первой мобилизации Абуша Алексеев уходит на войну рядовым 39-го Донского казачьего полка. За участие в войне против врагов Отечества А. Алексеев был награжден медалью «За усердие».

В годы гражданской войны отец Учур Абуша Алексеев в чине хорунжего был выдвинут в помощники атамана Сальского округа. По занимаемой служебной должности заместитель окружного атамана оказался в гуще военных событий на Дону. Абуша Алексеев выступил инициатором создания калмыцких военных частей и в их составе принимал участие в борьбе против красных. В 1920 г. с остатками войск отступил в Крым, затем эмигрировал в Турцию. Так навсегда разошлись дороги отца полковника Абуша Алексеева и сына Учур, будущего доктора медицинских наук.

В восьмилетнем возрасте Учур остался с матерью на попечении дяди, младшего брата отца, тоже учителя, Эрдне Алексеевича Алексеева. Детство Учур прошло в родной станице Граббевской Ремонтненского уезда, в которой он окончил начальную школу, помогал дяде вести крестьянское хозяйство: пас скот, пахал, сеял, убирал урожай, ведь в этой большой семье не было больше мужчин.

Начало самостоятельной жизни

Шел конец 20-х годов. На селе происходили изменения в укладе жизни. Настало время думать о дальнейшей судьбе умного, скромного сельского мальчика, на котором висел ярлык сына «белоземгранта», из-за чего его не приняли в школу крестьянской молодежи (ШКМ), так как туда принимали только детей крестьян. Дальнейшая дорога к знаниям для него была закрыта. У его дяди учителя Э.А. Алексеева в русском селе Ремонтное были близкие друзья, которые согласились взять на воспитание в свою семью на несколько лет его племянника. В этом селе у добрых друзей дяди Учур прожил несколько лет, окончил семилетнюю школу.

Во избежание неприятностей в дальнейшей жизни племянника, дядя посоветовал ему уехать из станицы на учебу в город. Вняв советам дяди, в 1929 г. Учур уехал в г. Ростов-на-Дону и поступил в химико-фармацевтический техникум. Так, с 17 лет началась взрослая самостоятельная жизнь Учур Алексеева. В Ростове он учился без материальной поддержки со стороны, самостоятельно обеспечивая себя подработками в порту, на железной дороге. Дядя не имел возможности помогать племяннику: к этому времени он был причислен к кулакам, хозяйство было раскулачено, а сам он отбывал ссылку на Урале.

В 1932 году Учур Алексеев окончил техникум, начал трудовую деятельность заведующим аптекой № 444 станицы Мешковской, недалеко от станицы Вешенской Верхне-Донского района Ростовской области.

Студент медицинского института

Молодой аптекарь У. Алексеев, отработав положенный срок после окончания техникума, в 1934 г. подался в Москву с мечтой поступить в экономический или технический вуз, но из-за биографических данных его туда не приняли. Возвращаться ему было некуда, дома не было... К этому времени его родная станица была переселена на новое место, старое подворье семьи Алексеевых было разорено. И он поступил в 1-й Московский медицинский институт, который с отличием закончил в 1939 году.

Учился в институте, жил в общежитии, на жизнь зарабатывал разными подработками. Надо было ухитриться выкроить немного денег для матери, которая жила в семье своего брата Бути Кусьминова, помогать большой и беспомощной семье дяди, которая состояла из старой бабушки, матери отца, больной тети (берген) и трех малолетних девочек.

На старших курсах способный студент-отличник Учур Алексеев занимался преподавательской работой в средних медицинских учебных заведениях. Во время летних каникул оставался в общежитии с комендантом, занимался ремонтом.

С членами эпидемиологических экспедиций по борьбе с малярией студент-медик Учур Алексеев побывал на Кавказе, объездил все Черноморское побережье, где была сильно распространена малярия. А также он выезжал с экспедицией по борьбе с чумой в районы Поволжья.

Участие в экспедиции давало возможность студенту заработать приличные деньги, а так же общаться с высокообразованными специалистами, эпидемиологами высшего разряда, людьми, увлеченными медициной, представителями старой когорты русской интеллигенции. Парень из сельской глубинки У. Алексеев набирался опыта, знаний, навыков общения, взаимодействия и взаимовыручки, самодисциплины в строгих условиях жизни экспедиции. Этот опыт пригодился ему позже в военное время на фронте, когда приходилось принимать самостоятельные решения.

В 1939 г. выпускника мединститута У. Алексеева оставили в аспирантуре на кафедре гистологии. Молодой аспирант вскоре женился, получил жилье в общежитии Алексеевского студенческого городка в районе ВДНХ. Он взял к себе мать, пригласил в Москву на учебу в медтехникум старшую дочь дяди Василису Алексееву, которая закончила учебу в 1941 году и была мобилизована в должности военного фельдшера на строительство оборонительных укреплений в Смоленскую область в район г. Вязьмы. Позднее они вспоминали район пребывания на фронте. Оказалось, что были рядом друг с другом, но не встретились.

В апреле 1941 г. у Учур Алексеева родилась дочь Лариса. Молодой аспирант увлеченно занимался наукой. Казалось, все трудности позади, впереди была надежда на спокойную научную деятельность, но страшное слово «война» перевернуло не только его личную жизнь, но и судьбу всего народа.

Трудные дороги войны

В июле грозного 1941 года в числе первых московских ополченцев Фрунзенского района Москвы У. Алексеев, ушел на фронт. Его фронтовая дорога началась на Западном фронте в должности врача 1291-го артполка 113-й стрелковой дивизии, затем на должности старшего врача 971-го артполка этой же дивизии.

Дальнейшая фронтовая служба Учур Алексеева проходила в должности командира 201-го медико-санитарного батальона 113-й стрелковой дивизии 33-й Армии Западного фронта.

По распоряжению Ставки в январе 1942 года Западный фронт вел наступательные бои по разгрому группы армии немцев «Центр» в районе Ржева, Вязьмы, Юхново, Гжатска. Ударную группу, пробившуюся в тыл врага, составляла 33-я армия, в составе которой находился 201-й медико-санитарный батальон военного врача Учур Алексеева.

В самые тяжелые моменты борьбы нашей армии против немецких захватчиков в 1941–1942 гг. комбату У.А. Алексееву приходилось бывать в разных экстремальных ситуациях фронтовой жизни: попадал в окружение, под бомбежки, был контужен, ранен. Фронтовой врач У.А. Алексеев несколько раз был представлен к награде. Первой его наградой на фронте была медаль «За отвагу».

В 1943 году Учур Алексеев со своим медико-санитарным батальоном в составе 57-й армии 3-го Украинского фронта принимал участие в боях за освобождение западных, центральных, южных областей Украины. В это время У.А. Алексеев получил вторую награду – орден «Красной Звезды» и был назначен начальником специализированного передвижного хирургического госпиталя № 2322.

Майор медицинской службы Учур Алексеев, участник боевых действий на Западном, Юго-Западном, Степном, 2-м и 3-м Украинском фронтах со своим передвижным госпиталем вслед за нашими войсками дошел до Молдавии. Не раз был представлен к награде, но самой ценной наградой была его жизнь. Судьба была милостива к нему, он остался жив, вернулся к мирной жизни.

Госпиталь в Ишимбае

В июле 1944 г. У.А. Алексеев, участник боев за освобождение городов Одессы, Кишинева, Яссы, был отозван из действующей армии в тыл по национальному признаку, направлен в распоряжение Южно-Уральского военного округа. В окружном центре в г. Чкалов (ныне г. Оренбург) встретились несколько офицеров-фронтовиков, притом уроженцев одной станицы, майор У.А. Алексеев, капитан Саран Шалхаков, лейтенанты Александр Баджугинов и Замбо Абушинов. Всех их для дальнейшего прохождения военной службы направили в Башкирию.

С 1944 года и до конца жизни трудовая деятельность У.А. Алексеева проходила в Башкирии. Его назначили начальником эвакогоспиталя № 5920, располагавшегося в городке нефтяников Ишимбае на юге республики, где он находился на военной службе до конца 1947 г.

В городе Ишимбае во время войны в двух зданиях средней школы были организованы госпитали. В госпитале № 5920, где предстояло работать У.А. Алексееву, находились на лечении раненые фронтовики. Специализация госпиталя мне неизвестна, но я видела раненых в гипсах, на костылях.

Там же в здании оборудовали две комнаты для семьи начальника госпиталя. В годы депортации он сумел вывезти меня и свою мать из Омской области. Вскоре я уехала на учебу в учительский институт в г. Уфа, изредка приезжала к брату.

После окончания войны в госпитале № 5920 лечили военнопленных немцев. Территория госпиталя была обнесена колючей проволокой. У входа появился контрольно-пропускной пункт. Изможденные, больные, обмороженные пленные были так не похожи на тех самодовольных, уверенных завоевателей. Среди них были немцы, румыны, итальянцы и представители других народов Европы, поработанные фашистами.

Эвакогоспиталь № 5920 действовал до конца 1947 года. Последние, кто там находился на лечении, были «власовцы».

Начальнику необычного госпиталя фронтовому врачу У.А. Алексееву, прошедшему все тяготы фронтовой службы с 1941 по 1944 годы, в морально-психологическом плане было нелегко выполнять свой врачебный долг, лечить вчерашнего противника, фашиста и «власовца».

Башкирия, благодатная земля

В 1948 г. подполковник медицинской службы У.А. Алексеев был назначен начальником и ведущим хирургом Уфимского госпиталя инвалидов Отечественной войны. Госпиталь был специализированным, противотуберкулезным. В это время У.А. Алексеев одновременно работал главным врачом Республиканской клинической больницы Башкирской АССР. Практическую деятельность совмещал с научной работой. В 1948 г. Учур Алексеевич возобновил прерванную учебу в аспирантуре, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

Работа в специализированном противотуберкулезном госпитале инвалидов Отечественной войны заставила У.А. Алексеева изменить тематику научных исследований в дальнейшем.

Ведущий хирург противотуберкулезного госпиталя У.А. Алексеев приступил к поискам новых методов эффективного лечения туберкулеза и других форм легочных болезней не только медикаментозными, но и хирургическими методами. Опубликовал ряд проблемных статей по этому методу лечения, принимал участие в научно-практических конференциях врачей в разных регионах.

По этому направлению У.А. Алексеев защитил в 1966 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Решением Высшей Аттестационной комиссии ВАК от 9 сентября 1967 года Алексееву У.А. присуждена ученая степень доктора медицинских наук.

В 1967 году он был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой хирургии и был выдвинут на должность проректора по научной работе Башкирского медицинского института.

Этот период его работы в БМИ был очень плодотворным. Под его руководством в институте организован научный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, подготовлены местные кадры научных работников. За короткий срок было защищено 20 кандидатских и 3 докторские диссертации. Профессор У.А. Алексеев был рецензентом нескольких соискателей на звание кандидата медицинских наук из Калмыкии. У.А. Алексеевым опубликовано свыше 120 научных статей, опубликована монография «Экстрапревальный пневмолиз при туберкулезе» (Уфа, 1962). Он был участником многих союзных, российских научных конференций, в т.ч. нескольких научно-практических конференций медицинских работников Калмыкии.

За время работы в Башкирии У.А. Алексеев не забывал и родную для сердца каждого калмыка степь.

В августе 1966 года после защиты докторской диссертации У.А. Алексеев приехал с женой и сыном в гости в Элисту. Он тогда встретился с первым секретарем Калмыцкого обкома КПСС Басаном Бадьминовичем Городовиковым, с которым был ранее знаком по довоенной Москве, где они в то время учились: Б.Б. Городовиков – в военной академии, У.А. Алексеев – в медицинском институте.

На встрече велась долгая беседа о перспективах развития Калмыкии, конкретно в области здравоохранения. Б.Б. Городовиков рассказал о перспективах открытия университета и медицинского факультета при нем, спросил у У.А. Алексеева о возможности его переезда в Элисту, на что он дал согласие.

Позднее, когда конкретно решался вопрос об открытии университета в Элисте, одной из возможных кандидатур на должность ректора был и мой брат.

Заведующий организационным отделом Калмыцкого обкома КПСС Говоров И.М., который занимался подбором кадров на ответственные должности, навел справку об У.А. Алексееве. Кандидатура У.А. Алексеева проходила по всем требованиям на должность ректора университета, кроме одного факта в биографии – «сын белоэмигранта». Этот ярлык всю жизнь висел над ним как дамоклов меч.

Вся дальнейшая активная исследовательская деятельность доктора продолжалась в Уфе в стенах Башкирского государственного медицинского института.

За плодотворную научную и практическую деятельность в области здравоохранения профессору, доктору медицинских наук У.А. Алексееву присвоены почетные звания «Заслуженный врач

Башкирской АССР» (1972), «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР» (1972, удостоверение № 1).

У.А. Алексеев ушел в иной мир, на вечный покой 21 августа 1981 года, похоронен на башкирской земле, где оставил глубокие корни. У него там родились и выросли дочь Ирина, кандидат технических наук, доцент Башкирской сельскохозяйственной академии, сын Владимир, преподаватель автодорожного техникума, ныне пенсионер. Растут внуки Юрий Алексеев, кандидат технических наук, Наталья Алексеева, сотрудник Национального музея Башкирии. Растет и третье поколение – правнуки доктора Учур Абушиновича Алексеева, врача, хирурга-фронтвика, ученого, доктора медицинских наук.

Послесловие

Говорят, человек жив, пока жива о нем память. Прошло почти двадцать пять лет после ухода из жизни моего брата, но память о первом докторе медицинских наук, профессоре-калмыке У.А. Алексееве, еще жива.

В августе 2004 года в Москве на 38-м Международном конгрессе востоковедов мы встретились с учеными из многих регионов России, в том числе и с учеными Башкирии. Один из башкирских ученых Псянчин сказал, что знал Учур Абушиновича, отозвался о нем с теплотой, с уважением. Сказал, что он был обаятельным, добрым человеком и рассказал о нем забавный случай. В то время везде и во всем был дефицит, в том числе на папки для приветственного адреса. У профессора У.А. Алексеева в связи с юбилеем накопилось много папок с приветственными адресами. И при случае, когда срочно требовалось поздравить кого-нибудь с юбилеем, то обращались к нему, и он их вручал.

Летом 2005 года я предприняла дальнюю поездку в Уфу, встретила с детьми и внуками брата, поклонилась праху дорогого для меня человека, так много сделавшего для меня, для моего образования и благополучия.

Во время пребывания у меня появилась необходимость в медицинской помощи. Я по своей неопытности выехала без медицинского полиса и свидетельства о страховании. В Республиканской клинической больнице помнили доктора Алексеева. Зная, что я его сестра, бесплатно обследовали и проконсультировали, подобрали мне новый слуховой аппарат.

Люди долго помнят добрые дела человека.

О ПАРТИЗАНАХ ЮГОСЛАВИИ

Советские солдаты на войне не по своей воле попадали в лагеря для военнопленных. Чаще их спленили ранеными, или при попытке вырваться из окружения... Лагеря для военнопленных создавались немцами повсеместно на оккупированной территории: на Украине, в Польше, Германии, Австрии. По мере необходимости использования их перегоняли из страны в страну.

Но пленные не склоняли головы, они боролись с врагом. Организовывали подпольные группы сопротивления, использовали любые возможности и способы выйти на свободу, связывались с партизанами.

Из опубликованных источников (1) в партизанских отрядах Югославии сражались наши земляки: Авыюсов Санджа Учурович, Бадмаев Харцха, Бажадыков Семен, Бораев Шаврта, Гаврилов Конча, Дакинов Нарма, Картаев Анатолий Анджаевич, Кебюнов Доган, Кеквеев Намин, Лившиев (возможно, Лиджиев) Лиджи, Лиджиев Канур Манкирович, Манджиев Ашкан Сарангович, Монтыков Николай, Мулаев Бембя, Очиров Бадма, Суктугинов Иван, Тагиров Манджи (Миша), Цебеков Петр.

Балханаков Дмитрий Андреевич, бывший участник движения Сопротивления во Франции, занимался судьбами военнопленных из Калмыкии. В его очерке о партизанах Югославии (2) сообщается, что в составе 1-й роты 13-й Хорватской дивизии 1-й Приморской дивизии народно-освободительной армии Югославии воевало 18 партизан калмыцкой национальности. В примечаниях же отмечено, что Д.А. Балханаков установил имена 62 уроженцев степной Калмыкии (3).

По данным доктора Т. Миленковича доблестный список дополнили имена Зудьбинова Ивана Тимофеевича, Картаева Анатолия Анджаевича, Алексеева Эрдне Ермаковича (4).

К сожалению, из скупых первоисточников не удалось установить подробные сведения о воинах, воевавших в отрядах сопротивления но судьба некоторых из них все же нам известна.

ИВАН ЗУДЬБИНОВ

Сирота Ваня Зудьбинов – воспитанник детского дома станицы Пролетарская Ростовской области. Когда в августе 1942 г. территория Ростовской области оказалась временно оккупированной немцами, детский дом эвакуировали. И.Т. Зудьбинов не знает, кого из детей успели вывезти. Оставшиеся же без опеки воспитанники выживали, как могли. В поисках пищи они лазили по огородам, бахчам. Пропадали на реке, ловили рыбу. На них-то и вышли партизаны, привлекли их к работе в качестве связных. Они выполняли различные задания: собирали информацию, помогали переправлять на другой берег пробиравшихся в свои части отставших или выбравшихся из окружения солдат. В одну из вылазок в станицу Иван попал в облаву и был угнан в Польшу. Он стал узником фашистского лагеря в пятнадцать лет. Затем попал в концентрационный лагерь в Нойгамеле в Австрии, а оттуда был направлен в Югославию на строительство оборонительных укреплений.

В первой половине декабря 1943 г. во время обстрела лагеря югославскими партизанами группа советских пленных перебила охрану и бежала. Среди бежавших был и Иван Зудьбинов. Бывшие заключенные составили русский ударный отряд 13-й Приморско-Горанской дивизии народно-освободительной армии Югославии.

Партизан Иван Зудьбинов не знал страха, самоотверженно сражался с врагом, участвовал в диверсионных операциях. Как опытного бойца, разведчика Ивана Зудьбинова прикомандировали в 10-й Загребский корпус под командованием Ивана Хариша-Громовника в диверсионную группу. Иван Зудьбинов не раз был ранен в боях с немцами.

В 1944 г. Иван Зудьбинов за участие в боевых действиях по освобождению оккупированных территорий Югославии от фашистских оккупантов был награжден югославским орденом «За храбрость». Во время освобождения Югославии частями Советской Армии Иван Зудьбинов сражался в их рядах до мая 1945 г.

К концу войны он достиг призывного возраста, службу проходил на Черноморском военном флоте. После демобилизации работал на шахтах Донбасса. Закончив среднюю школу, он поступил в Астраханский рыбный институт.

В 1960 г. он как солдат запаса прошел переподготовку специалистов по химзащите подводных кораблей Черноморского флота. Воинское звание «капитан-лейтенант» получил в 2000 году.

Узник фашизма, партизан Югославии, ветеран Великой Отечественной войны Иван Тимофеевич Зудьбинов награжден двумя орденами Югославии «За храбрость» (1944, 1948), орденом «Отечественной войны» 2-й степени и многими юбилейными медалями.

Последние годы Иван Тимофеевич Зудьбинов жил в Элисте. Трудное детство и лагерь смертников, старые раны и преклонный возраст давали о себе знать. Здоровье уходило, слабело зрение. Сын Юрий Иванович Зудьбинов, кандидат медицинских наук, заведующий Ростовским невро-кардиологическим центром звал отца переехать на жительство к нему, но Иван Тимофеевич не хотел уезжать из родной Элисты.

Иван Тимофеевич Зудьбинов ушел из жизни в 2004 г. (5).

АНАТОЛИЙ АНДЖАЕВИЧ КАРТАЕВ

Анатолий Картаев родился в 1923 году в Найнтахинском аймаке Манычского улуса (до войны Троицкий улус, ныне – Целинный район).

До 1941 г. А. Картаев успел окончить семилетнюю школу. Впереди были планы на учебу, работу. Но началась война, которая перевернула надежды и судьбы народов нашей страны. Надо было защищать Отечество, и он с первых дней попросился на фронт.

Грамотного по тем временам сельского паренька направили в воздушно-десантную школу, по окончании которой он попал на фронт. Служил в составе 212-й военно-воздушной бригады. Летом 1942 г., когда наши войска отступали к югу, в районе города Калач-на-Дону часть, где служил А. Картаев, попала в окружение. В том кровопролитном бою он получил тяжелое ранение в ногу и попал в плен к фашистам.

В концентрационных лагерях Австрии и Италии А. Картаев провел больше года. Все это время пленные не теряли надежду выбраться из этого ада, чтобы с оружием в руках продолжить борьбу с врагом. Они организовали подпольную группу, строили планы побега, ждали удобного момента. И такой случай представился в конце декабря 1943 г. Группа узников во главе с лейтенантом Николаем Монтыковым перебила охрану лагеря. Было убито 14 фашистов. Три десятка смельчаков, в том числе и А. Картаев, завладели их автоматами, а также захватили семь пистолетов, один ручной пулемет. Они совершили переход через горы из Италии в Югославию. Об этом побеге и дальнейшей судьбе

бывших заключенных сообщает доктор исторических наук Тома Миленкович в книге «Калмыки в Сербии. 1920–1944». При подготовке данного материала историк приезжал и работал в фондах Национального архива Республики Калмыкия, в библиотеках Элисты, знакомился с изданиями по Великой Отечественной войне. По сообщению Т. Миленковича, бежавшие из лагеря солдаты влились в состав Истарского партизанского отряда.

В отряде Картаев сражался храбро, заслужил уважение товарищей по оружию. Он входил в дивизионную группу. В одном из боев А. Картаев был ранен, лечился в подпольном госпитале партизанского отряда. Его выходила партизанка Зора Радойчич, впоследствии ставшая женой и верным другом нашего земляка.

За участие в боях против фашистов А. Картаев награжден двумя орденами «За храбрость» и медалью «За храбрость».

Когда в 1944 г. советские войска вошли на территорию Югославии, русская группа партизанского отряда присоединилась в ряды бойцов Красной Армии и воевала до окончательной победы над фашистами.

А. Картаев демобилизовался в октябре 1945 г. После демобилизации А.А. Картаев с семьей жил в г. Черномль, в Словении, работал слесарем-механиком. Зора вела семейное хозяйство, растила детей. А.А. Картаев принял второе, югославское гражданство.

После восстановления автономии калмыцкого народа А.А. Картаев с семьей, спустя долгих шестнадцать лет, наконец, вернулся в родные края.

Жили они в Элисте на перекрестке улиц Комсомольской (ныне ул. Номто Очинова) и Южной (ныне ул. Дармаева). А.А. Картаев работал слесарем на авторемонтном заводе. Жена занималась воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. Рукодельница Зора брала заказы на изготовление трикотажных вещей и помогала мужу пополнить скромный семейный бюджет.

Однако Зоре, выросшей в Словении, где теплый умеренный климат, приспособиться к новым условиям жизни было очень трудно. И в 1966 г. Картаевы вернулись в Словению, в г. Черномль.

В годы проживания в Элисте, в начале 1960-х годов А.А. Картаев бывал в Калмыцком НИИЯ-ЛИ, общался с Мергеном Кичиковым, Анатолием Кичиковым, со своими сверстниками, участниками войны. М.Л. Кичиков, кандидат исторических наук, заведующий отделом истории, возглавлял авторский коллектив сотрудников, составителей сборника документов и материалов «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в который вошел раздел о партизанах Калмыкии, в т.ч. и сведения об Анатолии Анджаевиче Картаеве.

Время быстротечно. Дети А.А. Картаева выросли, разлетелись из родительского гнезда.

Сын Картаева, Александр, живет в США, в г. Хауэлл. Дочь вышла замуж, жила в Болгарии.

Участник Великой Отечественной войны Анатолий Анджаевич Картаев умер в марте 1999 г. в г. Черномль, в Словении.

ЭРДНЕ АЛЕКСЕЕВ

Алексеев Эрдне Ермакович родился в 1915 году в станице Граббевской Сальского округа (ныне х. Граббевский Ремонтненского района Ростовской области). До начала войны проживал в совхозе № 819 им. Юркина (ныне – с-з им. Чкалова Кетченеровского района).

В 1941 г. он был призван на фронт Кетченеровским РВК, служил в 5-й гв. дивизии. Летом 1942 г. в боях, проходивших на территории Украины, был пленен немцами.

В справке УВД Алтайского края, выданной дочери Э.Е. Алексеева Валентине, в деле № 711 от 20 марта 2000 г. указано, что с июня 1941 г. по 19 июня 1942 г. он находился на фронте, с 19 июня 1942 г. по 14 марта 1943 г. – в лагере для военнопленных под Харьковом. По всей видимости, в мае 1943 г. Э. Алексеев был угнан в концентрационный лагерь в Европу. В справке указано, что Эрдне Алексеев с 1943 г. по 9 мая 1945 г. воевал в составе партизан Югославии.

В 1960-е годы, после возвращения из Сибири, Э.Е. Алексеев рассказывал о том, что он был в Италии, воевал в Югославии.

Сопоставляя факты бегства из концлагеря группы Николая Монтыкова, возможно, что среди тех смельчаков мог быть и Э.Е. Алексеев.

После окончания войны Э.Е. Алексеев в административном порядке из Югославии был направлен на спецпоселение в Сталинскую (ныне Донецкую) область УССР, в г. Красноармейск. Работал на шахтах. На основании директивы НКВД СССР от 11.10.1945 г. был поставлен на учет в органах МВД. В 1947 г. перенаправлен на спецпоселение в Рубцовский район Алтайского края, снят со спецпоселения 4 апреля 1956 г.

В спецкомендатуре г. Рубцовск, по воспоминаниям старшей дочери Ирины, у Эрдни Ермаковича отобрали все документы о военной службе и прогнали со словами: «Тебе они теперь не нужны, никакой ты не партизан, а спецпереселенец». Ирина видела у отца военную фотографию, где он запечатлен вместе с Иосипом Броз Тито.

Рядовой Э.Е. Алексеев, вернувшись на родину, не смог доказать, что он действительно являлся участником войны. Работа на шахтах подорвала здоровье, он тяжело болел туберкулезом, но так и не смог добиться инвалидности по состоянию здоровья. Умер Э.Е. Алексеев в 1978 г. Похоронен в пос. Зурган с-за им. Чапаева Малодербетовского района.

У Э.Е. Алексеева остались сыновья Давид и Сергей, дочери Ирина и Валентина, растут внуки, которые с гордостью вспоминают славного фронтовика (6).

МАНДЖИЕВ АШКАН САРАНГОВИЧ

Выпускник Новочеркасского кавалерийского училища Ашкан Манджиев служил в 110-й ОККД пулеметчиком 4-го эскадрона 292 кп. В июне 1942 г. на Дону попал в плен и оказался в одном из концентрационных лагерей для военнопленных на территории Германии, затем был переброшен в Югославию на строительство оборонительных сооружений на севере Италии. С помощью партизан бежал с неволи и влился в состав партизанского отряда в Югославии. Из числа бежавших русских солдат была создана 1-я рота 2-го батальона 7-й бригады 10-й дивизии народно-освободительной армии Югославии.

За участие в боевых действиях за освобождение Югославии он награжден орденом «За храбрость». За отличия в других сражениях партизанской дивизии А.С. Манджиев представлен к присвоению почетного звания «Народный герой Югославии» (Калмыки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Элиста, 1966. Док. 312. С. 522–527).

МОНТЫКОВ НИКОЛАЙ

Учитель из Яшкуля. На фронте с первых дней войны служил в 127 кп, командовал взводом, лейтенант, участвовал в военных операциях в Крыму на Керченском перешейке, где шли тяжелые оборонительные бои. В одном из таких боев Н. Монтыков был тяжело ранен и попал в плен.

В 1942 г. в концлагере Ноехамер в Германии он встретил своих земляков Анатолия Картаева, Канура Лиджиева, Бембю Мулаева, Нарму Дакинова, Санджа Авьюсова, Шаврту Бораева, Манджиева по прозвищу «Черчилль», Кончу Гаврилова, Бадму Очирова.

Совершив побег из лагеря, воевал в составе партизанских бригад Югославии.

АВЬЮСОВ САНДЖА УЧУРОВИЧ

Родился примерно в 1904–1907 гг., в Сальском округе. В книге «Солдаты Победы» (Т. I) указан как Авьюсов Санжа Шаринович. Выпускник Новочеркасского казачьего кавалерийского училища. Был призван Пролетарским РВК. Пропал без вести.

Авьюсов Санджа участвовал в Сталинградской битве, пленен противником, был узником нескольких фашистских лагерей для военнопленных в Европе. Вскоре он был отправлен в Северную Италию для сооружения оборонительных рубежей на Балканах. С группой военнопленных ему удалось выйти на связь с партизанами Югославии и бежать через Альпы.

В сентябре 1943 г. в составе 13-й Пролетарской бригады Народно-освободительной армии Югославии сражался против фашистов. С. Авьюсов служил командиром взвода, роты, состоящих из военнопленных Советской Армии, с боями прошел через всю Хорватию, участвовал в освобождении Белграда. Награжден югославским орденом «За храбрость». Командование бригады представило его к награждению высшей наградой и просило присвоить звание народного Героя Югославии. После освобождения Белграда в 1944 г. советские воины, сражавшиеся вместе с югославскими партизанами, в числе которых был и С. Авьюсов, влились в состав Советской Армии.

БАДМАЕВ ХАРЦХА ОЧИРОВИЧ

Родом из Приволжья. Сын батрака, окончив медрабфак, в начале Великой Отечественной войны учился на 3-м курсе Астраханского медицинского института, а вечерами при аэроклубе изучал авиационное дело.

В числе первых добровольцев ушел на фронт. Его отправили в авиационную школу в г. Чкалов (ныне г. Оренбург).

Однако на фронте стал бронебойщиком, отражая из своего ПТРа танки противника. Служил на

Воронежском направлении. В июле 1942 г. в районе Старого Оскола его часть попала в окружение. Так он оказался в плену.

Прошел через лагерь для военнопленных в Германии и Австрии. В конце 1943 г. он был вывезен в Югославию на ремонтно-строительные работы разрушенных партизанами железных дорог и мостов. В январе 1944 г. во время очередного движения небольшой партии пленных на работу партизаны из засады перебили конвой и освободили группу из 15 человек, в числе которых был и Х. Бадмаев.

Эта группа примкнула к рядам югославских партизан, в составе которых действовала советская партизанская рота. Харцха Бадмаев участвовал в диверсионных боях, был ранен. Вскоре его назначили политруком роты, затем комиссаром. В 1944 г. вместо раненого комбата лично руководил тяжелыми боями. Во время одной из вражеских атак Х. Бадмаев был серьезно ранен в ногу. Истекая кровью, он не покинул поля брани. Тогда батальону удалось удержать важный рубеж и сломить натиск противника в районе г. Постойно.

В мае 1944 г. советский партизанский батальон был преобразован в 1-ю Советскую Ударную бригаду. Она полностью освободила Словению от фашистских захватчиков. Харцха Бадмаев был назначен политкомиссаром Советской ударной бригады. За мужество и стойкость, проявленные в боях с врагом, Харцха Очирович Бадмаев был награжден югославским орденом «За храбрость» и представлен к награде «Серебряный венок».

БОРАЕВ ШАВРТА

Самоотверженно боролся с гитлеровскими захватчиками в составе партизанских бригад Югославии. Был награжден орденом «За храбрость».

ДАКИНОВ НАРМА

До войны работал сельским учителем.

Попал в плен в июле 1942 г. в боях на Миллеровском направлении. Побывал в нескольких лагерях для военнопленных в Европе. В августе-сентябре 1943 г. был переправлен в Италию для работ по сооружению оборонительных укреплений на Балканах. Группе пленных, в том числе и Н. Дакинову, удалось бежать в горы и перебраться в Югославию. Здесь они вступили в ряды югославских партизан.

МУЛАЕВ БЕМБЯ

Был в плену у немцев. В 1943–1944 годах храбро сражался с фашистами в рядах югославского Сопротивления. В 1944 году был награжден югославским орденом «За храбрость».

СУКТУГИНОВ ИВАН

До войны работал в милиции. Участник войны. Попал в плен. В партизанском отряде был пулеметчиком русской роты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. Док. №№ 307, 311; Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории ... Миленкович Т. Калмыки в Сербии. 1920–1944. Белград: Трако, 1998. С. 170–172. На серб.-хорват. яз.

2. Калмыки в Великой Отечественной войне... Док. 312. Ч. 520–523.

3. Там же. Примеч. 2-е.

4. Миленкович Т. Калмыки в Сербии...

5. Там же. С. 170; Солдаты Победы: поименный список участников войны, уроженцев Ростовской области / сост. Алексеева П.Э. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. С. 52.

6. Миленкович Т. Калмыки в Сербии... С. 170–172; Васильев В. Совершив побег из ада, партизанил в Югославии / ЭН, 1999, 16 марта. № 52. С. 3.

7. Солдаты Победы: поименный список... С. 13; Архивная справка УВД Алтайского края от 22 марта 2000 г. № 711.

СИБИРЬ: СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

Накануне войны наша семья проживала в колхозе им. Городовикова Западного улуса Калмыцкой АССР. Отец, Алексеев Эрдне Апилевич, тогда заведовал начальной школой. Сестра Василиса заканчивала в Москве фельдшерскую школу, брат Учур учился в аспирантуре 1-го медицинского института. В июле 1941 г. Василиса уехала на оборонительные работы в район города Вязьма. Их полевое строительство № 6 базировалось на ст. Издешково. Учур воевал на Западном фронте, а его семья из Москвы эвакуировалась к нам в Башанту.

В колхозе радио было только в правлении, газет получали мало, информации было недостаточно, и о переменах на фронте мы могли только догадываться. Поэтому, когда летом 1942 г. усилилось движение войск по шоссе Сандата – Башанта, мы спрашивали у военных, не отступают ли они? А они отвечали, что едут на отдых или в район дислокации своей части. Задавать и отвечать на подобные вопросы в то время было одинаково опасно. Солдаты, набрав воды, уходили в сторону Цороса. А однажды здесь появился немецкий танк.

Село наше небольшое, всего более сотни дворов, располагалось в стороне от дороги. Немцы приезжали сюда на машинах, ловили свиней, стреляли кур и увозили свою добычу. Люди боялись ходить в другие села, старались не выходить из домов, хотя особых бесчинств гитлеровцы у нас не творили. А вот в Башанте они зверствовали. Из тех, кого я знала, были расстреляны старый коммунист, бывший парторг колхоза Иванов Альди Учурович и парторг соседнего колхоза Имкенова Татьяна (Тавнта). Ее сын Лиджи (Алексей) погиб, сражаясь в партизанском отряде, как и председатель нашего колхоза Щербин Николаевич Даванов...

Какой же радостью для нас было сообщение об освобождении Башанты в январе 1943 г., которое привез оттуда нарочный! В феврале-марте в Башанте уже налаживалась жизнь, работали партийные и советские учреждения. Секретарем райкома партии был И.Н. Чернышев (1), бывший руководитель партизанского отряда, председателем райисполкома – Б.Б. Ширипов (2). Открылись школы. Я пошла учиться в 9-й класс.

Летом стали распространяться слухи о выселении калмыков. Но никто в это поверить не мог. Одни говорили, что будут выселять всех калмыков, другие – только семьи тех, кто ушел с немцами. И многие потихоньку готовились к выселению: продавали или забивали скот, запасались продуктами, теплой одеждой. Директор школы молодой учитель Борис Петрович Римович, демобилизованный по ранению, в ноябре собрал нас всех на линейке, выступил с речью о равенстве наций и народов в СССР. Он убедил всех, что слухи о выселении ложные. Многие ученики, в том числе и я, поверили и успокоились и стали готовиться к школьному новогоднему вечеру. Уже находясь в Сибири, я часто вспоминала ту эмоциональную речь...

28 декабря 1943 г. я зашла после занятий за сестрой в райздрав, где она работала, чтобы вместе идти домой в колхоз, который находился в 7-8 километрах от Башанты. Василису вызвали в райотдел НКВД, и она сказала, чтобы я шла домой одна. В поселке было много военных... Неожиданно стало тревожно на душе.

В нашем селе тоже оказались военные, которые расположились в школе.

Придя домой, я увидела сидевшего за столом отца и офицера, который представился: «Майор Филимонов». Я с ним поздоровалась и спросила, правда ли, что войска здесь для того, чтобы выселять калмыков? Он не ожидал от меня такого вопроса и, быстро собрав свои бумаги, ушел.

Я занялась привычными домашними делами, помогая больной матери. Поздно вечером из Башанты приехала наша знакомая, участковый врач из села Лапино Гилана Карвина (3) и осталась переночевать.

А ночью у нашего дома остановилась легковая машина НКВД. Двое, один из них калмык, произвели обыск. Когда меня разбудили, я увидела отца, сидевшего в одном нижнем белье на кровати, и кучу разворошенных вещей посреди комнаты. Отцу велели одеться. С собой ему из продуктов дать было нечего. Так его и увезли. Тут зашел майор Филимонов и объявил о нашем выселении. Предложил собраться, взять минимум вещей, одеться потеплей. Г. Карвиной тоже предложили собраться вместе с нами. Однако она стала проситься домой, где остались трое ее малолетних детей и старая свекровь. Она говорила, что ее муж А.М. Джимбинов – офицер, находится в действующей армии. Немного смягчившись, военные запрягли ее двуколку и отправили в сопровождении солдата.

На мой вопрос, как же я буду без документов из школы, майор ответил, чтобы я не беспокоилась: с нами едет все наше правительство, вся республика. И я подумала, что мы будем жить все вместе, только на другой территории, в другом месте.

Итак, отца увезли, со мной осталась больная мать и двоюродная сестра Таня Сарматова (4). Без разрешения нам не позволяли выйти даже по надобности. В сенях стоял солдат...

Среди разбросанных вещей и книг трудно было найти необходимое. У отца дома хранились чистые тетради для выпускных экзаменов по письму и арифметике. Майор попросил разрешения взять несколько штук. Я в сердцах крикнула: «Берите все, что угодно!». Он посоветовал мне тоже взять с собой чистые тетради. Он же подал отцовские карманные часы, подарок брата-фронтовика У.А. Алексеева, заезжавшего в апреле 1943 г. на несколько дней после освобождения Харькова. Эти тетради и часы оказались самым ценным нашим достоянием и помогли пережить в Сибири зиму 1944 г.

Вещи погрузили на телегу, а нас пешком повели на конный двор. Он был рядом. Узлы сложили кучками на улице, самих загнали в конюшню. Деревня вмиг опустела, только слышен был непрерывный лай собак да рев недоенных, непоенных коров...

В селе осталось несколько русских семей – Кистеревы, Булавины, и одна семья калмыков – престарелые родственники О.И. Городовикова, дед Пляшка со старухой. Так как они были стары и немощны, присматривать за ними оставили одного паренька-сироту, их родственника. Позднее к ним с фронта вернулась их внучка Данара Джумалинова...

В конюшне нас держали более двух суток. Еды не было. А метрах в 300–400, в базу, остались две коровы, наша и брата, два теленка, гуси, куры. Я попросила у старшего конвойного разрешения сходить домой. Он отпустил меня и Татьяну в сопровождении солдата. Мы поймали несколько гусей, отрубили им головы и, засунув в мешок, взяли с собой. Этими гусями и кормились дорогой. Мать, сидя у очага в вагоне, ощипывала окоченевших птиц. Обрабатывать их было негде, мыть нечем – кое-как готовили себе горячую жидкую похлебку.

На третьи сутки пребывания в конюшне подъехали американские машины, крытые брезентом. Нас повезли в Сальск. На станции уже стоял эшелон для переселенцев, составленный из товарных «телячьих» вагонов и оборудованный двухъярусными нарами и железными печками. С перрона были перекинута доски, по ним мы и грузились в вагоны. Закрыли нас наглухо. Те, кто разместились на верхней полке, имели хоть какую-нибудь возможность что-либо увидеть через маленькие оконца. Так началось наше путешествие в неизвестность.

Кто-то стал «старшим»: регулировал очередность приготовления пищи, следил за порядком в вагоне. Мужчины прорубили в полу отверстие для справления нужд. Мужчинам, детям, взрослым женщинам было легче. А мы, молодые девушки, стеснялись, терпели от остановки до остановки. В сутки один раз эшелон останавливался где-нибудь вдалеке от населенных мест, и всех выпускали из вагонов. Во время таких остановок я стала пробегать вдоль вагонов в поисках сестры Василисы. Однажды в самом последнем вагоне нашла семью брата. Жена брата Софья Мутловна Джимбинова работала в совхозной школе. С ней были дети – семилетний сын Артур, полуторагодовалая дочь Лариса и мать брата, наша тетя.

Во время таких вылазок встретила знакомых из Башанты: учительницу Надежду Сядиевну Шаррапову с мужем С.А. Кензеевым, фронтовиком, демобилизованным по ранению, бывших фронтовиков Григория Джамбинова, председателя колхоза Андрея Порсункова, секретаря райкома партии, бывшую партизанку Клаву Мукукенову и других.

На вторые или третьи сутки пути проехали Волгу, было слышно, как громыхал мост. А через несколько дней мы увидели горы. Вокруг лежал снег, было холодно. Теперь во время остановки необходимо было запастись топливом. Тащили все, что горело. К этому времени в пути нас стали кормить. Вдоль вагонов раздавалась команда: «Два ведра, один мешок!». Два-три человека в сопровождении конвоира уходили за едой и все принесенное делилось поровну среди обитателей вагона.

На какой-то станции на Урале я попросила одну женщину отправить открытку брату в армию. Я написала ему, что нас всех везут на восток. Брат, получив эту открытку, узнал о нашей судьбе...

На двенадцатые-тринадцатые сутки пути среди ночи мы услышали, как наш состав перегоняют с места на место, и не понимали, что происходит. А наутро увидели, что эшелон стал короче. В одну из таких ночей исчез вагон, в котором ехала семья брата, и я ни у кого не могла ничего узнать.

14 января 1944 г., вечером, нас выгрузили на станции Называевская Омской области. Один из встречающих эшелон спросил меня: «Где же ваши трубки? Где ваши ножи?». Видя мое недоумение, он пояснил, что слышал, будто все калмыки курят трубки, ходят с ножами и режут людей.

Всех повезли в баню, после – в казарму у военного городка, где стали распределять семьи по селам. Мужчины, бывшие фронтовики, договариваясь с теми, кто занимался расселением, старались разместиться ближе к райцентру со своими родными и знакомыми. Многие остались в самой Называевке. Последними в казарме остались только солдатские вдовы с детьми и я с матерью и Татьяной.

В один из коротких зимних дней к казарме подъехали несколько саней, сибирских, на которые погрузили наш скромный скарб, а самим велели идти пешком. Я было посадила мать на узлы, но возчик силой выбросил ее из саней. Я отказалась ехать и стала выгружать мешки, тогда только матери разрешили сесть в сани. Мы побрели следом, ночью, по зимнему лесу. Ночью же нас выгрузили у здания сельсовета. Внутри было тепло. Мы отогрелись и впервые за все время нашего пути сняли с себя верхнюю одежду. Утром нас распределили по пустующим квартирам и избушкам солдаток, которые перебрались к родителям. Работать определили на Спасский участок леспромхоза.

Сколько семей было уже не помню, но не было ни одного мужчины, только женщины да несколько ребят-подростков. Сюда попали и многодетные Янкины из нашего колхоза, солдатские жены с детьми Гилана Цеденова, Гилана Керенкинова, Абля Шучинова (5), Аня Цебекова с братом-подростком и пожилыми родителями и другие.

В избе, куда нас поселили, были одинарные окна. Здесь топили русскую печь и железную печь-временянку, но тепла не было. Мы брали у хозяев сани, пилу, топор, ездили в лес за дровами. Привезенного хватало на день-два. Дрова сырые, горят плохо, к тому же мы дровосеки неопытные, в жизни не видевшие леса.

Из переселенцев собрали бригаду лесорубов. Меня поставили бригадиром. Лесничим была молодая женщина, относившаяся к нам неплохо, а десятником – здоровенный мужчина, почему-то не служивший в армии. Фамилии его не помню. Но был он очень груб, обзывал нас «немецкими прислужниками».

Работали звеньями по три человека: два пильщика, один обрубщик. Норма на человека – четыре кубометра, а на троих – двенадцать. Снега в лесу – по пояс. Прежде чем пилить, надо было снег откидать, утоптать, чтобы оставшийся пень не превышал 20 см. Сваленные деревья распиливали на бревна по два метра и складывали. Женщины, голодные, раздетые, разутые, спилият одно-два дерева, разведут огонь, набьют трубки листьями и греются у огня. План не выполняли... Лишь несколько девушек, молодых женщин да подростков, такие, как я, Таня Сарматова, Мария и Борис Янкины, Аня и Пантелей Цебековы, Абля Шучинова, тянули на себе тяжкий воз лесорубов. Нам стали выдавать хлеб по рабочим карточкам. Когда ездили грузить лес на платформы, получали даже продукты на обед. Грузить было сложнее, чем пилить лес: бревна тяжелые, приспособлений, хоть несколько облегчивших бы труд, никаких, поднять стволы, уложить их на платформу было непосильно. Пока научились отличать комель от верхушки, пока приловчились.

Однако делать нечего. Стали обживать на новом месте. Вместе с семьей Шучиновых мы подыскали другую квартиру, более теплую, с хозяйскими дровами. Одна солдатка с детьми уступила нам горницу с печкой-голландкой, сами они спали на русской печи. В этом доме жили две сестры, мужья которых были на фронте, сами они работали на ферме доярками, дети учились в школе. Мы спали вповалку на полу. Из посуды был один эмалированный чайник. Колодца в селе не было, воду набирали из озера. Моя мать часть тетрадей, взятых с собой по совету майора, дала хозяйским ребятишкам в благодарность за то, что нас приютили в теплой комнате. Их сверстники в школе увидели настоящие тетради и стали ходить к нам. Придут, бывало, с котелком картошки, молча стоят у порога. И мы постепенно все тетради поменяли на картофель. В общем, тетради нас здорово выручили...

В феврале или в марте к нам в Спасское приехала жена брата Софья Мутловна, семью которого я потеряла в пути. Их вагон отцепили ближе к Омску, людей поселили в лесу, в подсобном хозяйстве военного завода. Она каким-то образом узнала, где мы, и упросила машиниста паровоза довезти ее до разъезда. Я вместе с ней отправилась навестить родных. Там, в подсобном хозяйстве, к приезду калмыков подготовили бараки из березовых сторон, с печкой посередине, с топчанами из таких же жердей. Тут жили калмыки в основном из Башанты, из совхоза № 112, из знакомых я увидела лишь учительницу совхозной школы Марию Николаевну Бальзирову (6) с родителями. Все они работали теперь в подвале, перебирая мерзлый картофель. Наши условия, по сравнению с теми, в которых жили здесь, были лучше: мы попали в обжитое село, где были школа, здравпункт, магазин, почта.

К весне нам, работающим, выдали по 16 кг ржи. Мы с Татьяной пошли в село, где была ветряная мельница. Мельник, пожилой мужчина, пока мололось зерно, расспрашивал: «Никак не пойму, почему вас сюда переселили? Если как врагов народа, то вам оказывают помощь – выдали зерно. Если невиновны, то зачем людей тронули с родных мест, в военное время заняли транспорт, дорогу, везли сюда, в Сибирь?» Что мы могли ему ответить, когда сами ничего не понимали. Мы говорили: «Кто его знает... Наши братья на фронте, а мы здесь...».

С открытием навигации нас стали готовить к отправке на Крайний Север. Выбирали семьи поменьше, чтобы работоспособных было побольше. Мы с Татьяной обе трудоспособные, и у нас была

одна иждивенка – наша мама. Вот нас и повезли из Спасского в Называевку. Там встретили семью брата, выбравшуюся из подсобного хозяйства. Софья Мутловна предъявила в комендатуре документы, что ее муж военнослужащий, и что мы – одна семья. Благодаря ей меня не отправили в район Салехарда. Комендант спецкомендатуры, по всей вероятности, был человеком понимающим. Он видел, что по отношению к целому народу допущена несправедливость. Если память мне не изменяет, то его фамилия была Горбачев. Позже он еще раз сыграл важную роль в моей судьбе...

В Называевке мы вместе с семьей брата занимали комнату в служебном помещении клуба. Я работала на называевском торфоучастке. В трех-четыре километрах от станции, в домах, сложенных из торфяных брикетов, жили несколько калмыцких семей. Из знакомых здесь жила семья майора Андрея Кононовича Темирова (7) – его жена с тремя детьми, мать...

На работе дали резиновые чуни (тапочки) и две лопаты: одна – короткая, для резки торфа, другая – полусовковая, для съема нарезанных брикетов. Рабочим выдавали по 700 граммов хлеба, иждивенцам – по 300, так что я ежедневно получала килограмм хлеба – это целое богатство! В обед кормили затирухой из муки, такой горькой, что ее невозможно было есть. Паек одного дня мы растягивали на два, а другой продавали на базаре, чтобы купить молоко для чая.

Татьяна здоровьем была слабее меня, мама жалела ее. Она устроилась в швейную мастерскую. На торфоучастке я выполняла рабочую норму. Один раз мне выдали премию – отрез желтого сатина, который тоже был продан на базаре...

К лету мы установили связь с братом. И в июне 1944 г. к нам заехал один лейтенант, которого мой брат попросил вывезти его семью в Москву: там у них была комната в общежитии аспирантов в Алексеевском студгородке. Таким образом, Софья Мутловна с двумя детьми уехала, а я осталась теперь с двумя старушками – мамой и тетей. Помню, выезжали они тайком, на вокзале до самого отхода поезда не появлялись. Но как бы то ни было, когда брата отозвали с фронта в Москву, семья его уже была там.

В августе 1944 г. к нам в Называевку приехал сослуживец моего брата, лейтенант А. Д. Баджугинов: брат прислал с ним пропуск на мое и имя его матери на право въезда в Башкирию, где в городе Ишимбае он служил начальником эвакогоспиталя.

Моя мама согласилась остаться до поры до времени с Татьяной. Опять мы обратились к коменданту. Разрешения на выезд он не дал, но согласился особенно не разыскивать. В тот период в комендатуре порядки, видимо, были еще не такие строгие, какие установились в 1947 – 1948 гг. после постановления, подписанного Молотовым. Таким образом, комендант спецкомендатуры Называевского района дважды принял участие в моей судьбе...

Мы стали собираться в дорогу. Что возможно было продать – продали, купили на дорогу продуктов, собрали кое-что из постели. На радостях тетушка, по случаю отъезда, собрала старушек на чай. Нам завидовали, и каждый в душе надеялся, что его тоже когда-нибудь вызволят из неволи. Когда подошли к станции, поезд уже трогался. Мы на ходу побросали вещи, сели, а наша грузная тетушка только семенила рядом с вагоном – сесть не сумела. Нашему провожатому пришлось возвращаться за ней от первого разъезда. Каково было наше состояние, представить невозможно, – уезжали-то тайком... Я доехала одна до Омска, на другой день дождалась отставших.

Кое-как добрались до Уфы, потом до Ишимбая.

Брат мой, Учур Абушинович Алексеев, военный врач, майор медицинской службы, находился на фронте с июля 1941 года, сначала на Западном фронте, потом на Южном и в войсках 3-го и 4-го Украинских фронтов. Летом 1944 г. его, как и всех других офицеров-калмыков, отозвали с фронта. Из Москвы их направили в город Чкалов Южно-Уральского военного округа, оттуда – в Башкирию.

В августе 1944 года я приехала к брату, хотела устроиться на работу. Но он отправил меня учиться в Москву. В Москве я растерялась: документов об образовании нет, дальше своего района нигде не была, одним словом, большой город пугал. Я быстренько вернулась в Ишимбай. Тут в газете появилось объявление о дополнительном наборе в учительский институт – на этот раз меня отправили в Уфу. К счастью, у меня сохранилась справка, что я ученица 10-го класса Башантинской средней школы, выданная для обмена паспорта после оккупации. В Уфе я сдала экзамены, получила место в общежитии. Во время прописки проявились все трудности моего положения: калмычка, неизвестно каким образом появившаяся в Уфе, с башантинской пропиской в паспорте, без выписки... Вызывали в милицию, выясняли... Было страшно от неизвестности: вернешься ли после очередного вызова или опять тебя вышлют в Сибирь, а то и еще дальше. Поехала к брату, рассказала обо всем. Меня прописали в Ишимбае и тут же выписали. Только после этого прописали в Уфе...

В комнате нас жило по 7-8 человек. Удобств никаких. Сами заготавливали дрова, топили печки, мыли полы. Топоры, пилы, ведра, тазы мы покупали в складчину. В общежитии и аудиториях было очень холодно. Отогревались раз в неделю в бане. Одежда моя состояла из фуфайки, сшитой из красноармейской гимнастерки, да кирзовых сапог. Каждый месяц ездила к брату за «подкреплением»: за это время моя сердобольная тетушка успевала засушить мешочек сухарей и сэкономить для меня еще кое-что, вплоть до кусочка мыла.

В 1946 году я окончила учительский институт, и меня направили в самый дальний район на юге Башкирии, в Юмагузино, что на границе с Оренбургской областью. Два моих покровителя, два бывших фронтовика, мой брат и А.Д. Баджугинов, собирали меня на работу: купили пальто, перешитое из офицерской шинели, сапоги, дали наматрасник, солдатское одеяло.

Несмотря на трудности, было огромное желание учиться. И я поступила на заочное отделение педагогического института. В Министерстве просвещения мне дали направление в Нурлинскую татарскую семилетнюю школу преподавателем русского языка. Это было недалеко от Уфы, что позволяло мне быть ближе к своим и ездить на сессии. Сколько раз я избегала комендатуры, а в этом районе мой паспорт, отданный в сельсовет для прописки, задержали. В село приехал сотрудник госбезопасности для допроса. Задавал все те же вопросы: как я, калмычка, попала в Башкирию, откуда приехала и т.д. После этого в селе мне оставаться было нельзя: прошел слух, что я шпионка, не то японская, не то какой другой страны. Со всего села приходили в школу и на квартиру, где я жила, посмотреть на живую шпионку.

Я кое-как проработала до зимних каникул и уволилась. За паспортом пришлось идти в комендатуру. Там несколько человек вели перекрестный допрос. Один лейтенант стал кричать, что мы были на оккупированной территории, продавались немцам и прочее. Я, как могла, отбивалась, доказывала, что мы жили так же, как все население, которое не по своей вине очутилось на временно оккупированной территории, что если моя вина заключается в том, что я калмычка, то можете мне присвоить любую национальность, если быть калмычкой – преступление. После я зашла к начальнику районного отделения НКВД и сказала, что если меня возьмут на спецучет, то мне не разрешат работать в школе, а другой специальности у меня нет. Фамилия его была то ли Смоленцев, то ли Смольников, а звали Иван Александрович... Он вызвал лейтенанта спецкомендатуры и велел выдать мне новый паспорт.

Осенью 1948 года я снова взяла в Министерстве направление на работу. На этот раз я попала в среднюю школу села Кушнаренково, недалеко от Уфы, преподавателем истории, все еще не понимая всех сложностей своего положения. Дело, начатое в спецкомендатуре, потянулось за мной и в другой район. Директор школы № 10 под тем предлогом, что история – предмет партийный, а я беспартийная, пригласил другого историка. В райкоме партии вместе с секретарем по идеологии он мне это и объявил. Я только сумела сказать, что у нас в стране «блок партийных и беспартийных», что иной, имея партийный билет, может творить дела похуже, чем я беспартийная. Так меня лишили права преподавать историю.

В 1949 году я перевелась в семилетнюю школу в деревню Кувыково этого же района. Директором был Василий Федорович Афанасьев, бывший фронтовик. Был он очень строгим, не чурался педагогических экспериментов. Директор требовал от нас полной отдачи, заставлял много работать с учениками и с колхозниками. Школа была центром культурного досуга населения. Здесь же проводились собрания колхозников, выборы, показывали кино.

Жизнь в колхозе после войны была очень трудной. На территории ничего не получали, все выращенное сдавали. Колхозники были обложены различными налогами. Придешь уговаривать колхозника на подписку займа, а у него дома шаром покати, кроме лавок да полатей, ничего. Во дворе – одна коровенка-кормилица. Государством взимался натуральный сбор: с коровы надо было сдать 300 литров молока или 20 кг масла, кроме этого, нужно было сдавать еще мясо, шерсть, яйца. Колхозники предпочитали сдавать масло, тогда для семьи оставалось сепарированное молоко. Большинство колхозников – солдатские вдовы, на руках которых остались разутые, раздетые дети... Люди ходили в лес за ягодами, оттуда – на катер и в Уфу, продавали ягоды и покупали хлеб.

Ученики часто спорили с нами, доказывая, что никакой разницы с крепостным правом нет, что у нас та же барщина и оброк. Колхозники работают без оплаты своего труда, и к тому же платят натуральный налог. Возразить им было трудно...

Однажды В.Ф. Афанасьев спросил меня в учительской при всех учителях: «Скажите, за что формировали вашу республику?». Я ответила, что летом 1942 года на Дону вела оборону калмыцкая кавалерийская дивизия, вооруженная винтовками, а часть солдат – даже деревянными макетами ру-

жей, и немецкие танки прорвались к Сталинграду. За это калмыков и выслали в Сибирь. Все молча выслушали, больше никто подобных вопросов не задавал.

В Кувыково я проработала до 1953 года. Смерть Сталина восприняла так же, как все. Люди ждали, что же будет дальше?...

В 1953 году я по состоянию здоровья ушла из школы. Брат устроил меня библиотекарем в Республиканскую научную медицинскую библиотеку Минздрава БАССР, где я проработала до выезда на родину после восстановления автономии калмыцкого народа.

В Элисте начала работать в областной библиотеке, преобразованной затем в республиканскую, была первым ее директором в период организационных и восстановительных работ по созданию библиотечной системы. Потом перешла в Калмыцкий НИИИФЭ.

Считаю, что внесла вклад в дело восстановления и развития культуры, науки в республике. По сохранению и значимости книжного фонда собрана неплохая библиотека, которая несет добрую службу сотрудникам, студентам.

Возвращаясь к печальным событиям декабря 1943 года, хочу рассказать, что же случилось с моим отцом и сестрой после их ареста в ночь выселения калмыков. Моего отца, Эрдне Апильевича Алексева, взяли из дома, сестру, В.Э. Алексеву, инспектора райздравотдела – прямо с работы, в Башанте. И таким образом, в ту страшную ночь наша семья распалась навсегда. Отца я больше не увидела, сестру разыскала в 1946 году в Кустанайской области, мать была похоронена родственниками в марте 1945 года в Называевке, пока я училась в Уфе. Отца арестовали тогда в четвертый раз после 1929, 1931, 1938 годов...

Отец и сестра как «враги народа» были осуждены Особым Совещанием НКВД по 58 статье. Сестру обвинили в том, что она, находясь на оборонительных работах в районе города Вязьма, раненая 8 октября 1941 года, в числе других людей, работавших там, попала в окружение.

Дело было сфабриковано по ложным доносам. Из рассказов сестры, которая настаивала на очной ставке с клеветниками, мы узнали о доносчиках. Очную ставку, правда, производить было не с кем, так как все, кто писал донос, уже были в Сибири...

Одним из тех, кто проходил по делу отца, был директор соседней Цоросовской школы, старый товарищ его по учебе, на правах друга молодости частенько заезжавший в гости, тем более, что он был уроженцем нашего села. Другим «информатором» был тоже уроженец этого села, фининспектор райфинотдела, по долгу службы разъезжавший по селам. Для придания видимости законности доносам были собраны подписи нескольких женщин. Одна из них проживает теперь со мной в одном доме...

Среди таких же арестованных в ночь выселения, по рассказам сестры, был Мартышкин, он же Нутугаев или Нутулгаев. При аресте у него отобрали то ли именное оружие, то ли именные часы, которыми он был награжден в Монголии. Он очень просил их вернуть, но, конечно, не вернули. По книге «С интернациональной миссией» (Элиста, 1970) я установила позже полное имя этого человека: Мартышкин Доржа Манжикович, член партии с 1923 года, находился в Монголии вместе с Х.Б. Кануковым...

Среди арестованных была и Сайко Насунова из Цороса, председатель сельского совета, были еще пожилые калмыки из села Ахнуд, фамилии их сестра уже не помнит. Арестованных продержали в Башанте до весны 1944 года, затем отправили в пересыльную тюрьму Новочеркаска, где сестра последний раз виделась с отцом. Она попала на вольное поселение сроком на пять лет в Кустанайскую область, где отбывала ссылку до декабря 1948 года.

В Кустанае сестре не разрешили работать фельдшером, была она токарем в механических мастерских и по своей специальности получила возможность трудиться только после возвращения на родину. Она и сейчас работает (8) в республиканском онкологическом диспансере, является отличником здравоохранения СССР.

О судьбе отца после запроса, сделанного мною в 1959 году, поведала скупая справка:

«Возвращаем Ваше заявление и сообщаем, что разыскиваемый Вами Алексей Эрдне Апильевич, 1888 года рождения, при перемещении его в УМВД Кемеровской области 8 сентября 1944 года умер в пути следования...».

Поскольку после XX съезда партии беззаконие по отношению к калмыцкому народу было отменено, я считала, что все обвинения, предъявленные народу и отдельным лицам, сосланным, осужденным в связи с выселением, отменяются, что все они реабилитированы. Но в 1964 году партийная организация института отказала мне в приеме в партию в связи с судимостью моих родных. Я тогда обратилась в органы прокуратуры с просьбой о пересмотре дел по обвинению отца и сестры, незаконно арестованных в декабре 1943 года, и получила следующие документы.

«Дело по обвинению Алексеева Эрдне Апилевича, 1888 года рождения, до ареста работавшего заведующим начальной школой в колхозе имени Городовикова Западного района Ростовской области, арестованного 26 декабря 1943 года, пересмотрено Президиумом Ростовского областного суда 6 мая 1964 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 22 апреля 1944 года в отношении Алексеева Эрдне Апилевича отменено, и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Алексеев Эрдне Апилевич – реабилитирован...».

«Дело по обвинению Алексеевой Василисы Эрдниевны, 1922 года рождения, до ареста работавшей инспектором Западного райздравотдела Ростовской области, арестованной 26 декабря 1943 года, пересмотрено Президиумом Ростовского областного суда 28 декабря 1964 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 22 апреля 1944 года в отношении Алексеевой Василисы Эрдниевны отменено, и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Алексеева Василиса Эрдниевна – реабилитирована...».

После трагедии, произошедшей в декабре 1943 года, от нашей семьи остались одни справки... Отца мы больше не увидели, хотя в справке о реабилитации не указано – «посмертно»... Сестра по молодости лет выдержала все испытания.

Жизнь продолжается. К счастью, честных, добрых людей немало, и они помогают преодолеть душевные невзгоды. Последствия выселения калмыков и других народов невозможно сейчас измерить. Обжитое веками место было искусственно превращено в пустошь, в мертвую зону. Сколько имущества, скота, колхозного, совхозного и личного, осталось брошенным на территории республики! И это во время войны, когда стране и так было нелегко решать хозяйственные, экономические вопросы.

В 1957 году, когда я приехала в родное село, на месте наших колхозов был образован «новый, целинный» совхоз «Южный». Одна из бывших односельчанок, Шура Кистерева, рассказала, как им было страшно и тяжело жить после нашего выселения: деревня пуста, дома мертвы, кругом рев животных, лай собак. Им, нескольким русским семьям, приходилось чуть ли не сутками работать, поить животных, доить их в землю, потому что перерабатывать молоко негде и некому, увозить некуда.

Выселение разобщило людей. Утрачены народные традиции единства, родства, почитания старших, милосердия к немощным. Утрачены и традиции ведения животноводческого хозяйства. Были вырваны корни многих семей – на месте родных деревень, сел, где родились, выросли целые поколения, существуют безликие совхозы «южные», «полынные», «балковские» и т.д. Теперь мы ощущаем еще и угрозу исчезновения родного языка, без знания которого мы перестанем существовать как народ...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернышев Иосиф Никифорович, секретарь райкома партии Западного улуса, бывший командир партизанского отряда № 51 на территории Калмыцкой АССР.

2. Ширипов Бадма – председатель исполкома Западного улуса. В 1941 г. был оставлен в районе со специальным заданием. После гибели комиссара партизанского отряда № 51 Щ.Н. Даванова, бывшего председателя к-за им. О.И. Городовикова, он заменил его.

3. Карвина Гилана Лиджиевна (1910–2004), врач участковой больницы с. Лапино (к-з им. Пролетарская победа Западного улуса), выселенная с детьми, со свекровью попала в Хакасскую авт. область Красноярского края, где ее посадили на 10 лет. Отбывала срок в ГУЛАГе. Реабилитирована.

4. Сарматова Татьяна Андреевна, двоюродная сестра по матери, приехала в гости из Калмыцкого района Ростовской области. Два ее брата Сарматов Улан Андреевич (1914–1989), ст. лейтенант, командир стрелк. роты 2-го Украинского фронта, Сарматов Николай Андреевич (1925–1977), ряд. зенит. арт. полка, находились в рядах Советской Армии. Умерла в Сибири, в Называевском р-не Омской области в 1951 или 1952 гг.

5. Шучинова Абля, жена фронтовика Шучинова Одгя. В с. Спасское жила со свекровью, с 3 малолетними детьми (дочери Светлана и Лидия и сын Клим).

6. Бальзинова Мария Николаевна, после возвращения из Сибири, работала в Элисте на партийно-государственной работе.

7. Майор Темиров Андрей Кононович (1930–1961), кадровый военный, в 1942 г. зам. командира 273, 311 полка 110-ОККД, в 1943 г. зам. ком-ра 42-й кав. гв. див.

8. Баджугинова Василиса Эрдниевна, сестра, ушла из жизни 8 сент. 2004 г.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ КАЛМЫКОВ ИЗ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На Дон калмыки пришли в XVII веке. Основной приток калмыков начался после откочевки их большей части в Джунгарию. В 1771 г. автономная самостоятельность калмыков была ликвидирована и стала проводиться политика их подчинения общероссийским органам управления.

В 1798 г., поселившись на Дону, калмыки обратились к императору Павлу I с просьбой причислить их к казачеству.

По статистическим данным разных источников, начиная с 1822 г., население калмыцкого кочевья Дона стало резко возрастать. И во второй половине XIX века в Области Войска Донского был образован самостоятельный административный округ – Калмыцкий, с окружным центром в станице Великокняжеская (ныне г. Пролетарск Ростовской области).

По Всероссийской переписи 1897 г. на Дону проживало 32283 калмыка.

В начале XX столетия начавшаяся первая империалистическая, а затем гражданская война, вынужденная эмиграция сказались на общей численности населения, в том числе и калмыцкого. По переписи 1920 г. в Донской области числилось 10750 калмыков.

В 1924–1925 гг. началась массовая миграция калмыков с Дона в Калмыцкую автономную область. Предполагалось переселить только в Большедербетовский улус около 13000 человек.

В 1928 г. по решению ВЦИК СССР был организован новый национальный Калмыцкий район в составе Сальского округа Северо-Кавказского края. Центром его стала станица Зимовниковская, а в 1932 г. он был перенесен в ст. Кутейниковскую.

По материалам А.В. Бурдукова, побывавшего в Калмыцком районе в 1932 г. с научной экспедицией Института народов СССР (ныне – Институт этнологии РАН), в районе имелось 11 сельских советов, 23 сельхозартели (колхоза). Калмыцкое население составляло более 5000 человек. В 1940 г. – 11 сельских советов, 36 населенных пунктов, 28 колхозов, 3 совхоза, 3 промышленных предприятия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 115-144 от 27 декабря 1943 г. все калмыцкое население подлежало депортации, которая проходила в несколько этапов, в восточные районы Сибири. Калмыцкий район просуществовал до 1944 г., затем был расформирован, а его территория разделена и передана в ведение Зимовниковского и Мартыновского районов.

По материалам информационного центра МВД Республики Калмыкия в декабре 1943 г. из 11 населенных пунктов Калмыцкого района Ростовской области было выселено 812 семей, или 3185 человек.

Выселение калмыков из других районов Ростовской области проходило в период с марта 1944 г. по август 1945 г. По документам книги «Ссылка калмыков: как это было» установлено, что из 22 районов выселено 753 семьи (3388), которые переселены в Новосибирскую и Томскую области.

По данным информационного центра МВД Республики Калмыкия в момент выселения калмыков 371 человек находился на фронтах Великой Отечественной войны. Большинство из них не вернулись с войны. Оставшиеся же в живых в 1944 г. были отозваны из действующих армий и попали в военные лагеря на Урале. В некоторых семьях на фронте находились по 2-3 человека. Например, в ст. Кутейниковской в семье Будиновых на фронте были 3 брата. В ст. Стояновской в двух семьях воевали по 4 человека. В Сибирь были высланы две малолетние сестры Манкушовой в возрасте 12 и 6 лет. Их отец находился на фронте, а мать в момент выселения была в отъезде.

Жителей Калмыцкого района расселили в Боготольском, Тюхтетском районах Красноярского края, в Убинском районе Новосибирской области, выселенных из Заветинского района – в Тюменской области, из других районов Ростовской области – в Новосибирской и Томской областях.

Находившиеся под строгим контролем спецкомендатуры НКВД без права передвижения с места поселения, некоторые семьи оказались разъединенными на долгие 13 лет.

Выселены из Калмыцкого района:

№№	Названия сел, колхозов	Кол-во семей	Кол-во населения	Нах-ся в армии
1.	Станица Батлаевская	86	316	26
2.	Ст. Власовская (село Ковалевка)	71	218	44
3.	Ст. Граббевская	68	194	31
4.	Ст. Иловайская (хутор Зюнгар)	89	336	36

5.	Ст. Кутейниковская, райцентр	162	778	66
6.	Ст. Новониколаевская	167	764	93
7.	Хутор Денисовский	18	78	12
8.	Ст. Стояновская	51	183	18
9.	Хутор Атаманский	13	16	-
10.	Хутор Новоалексеевский	3	17	4
11.	Ст. Чоносовская, Хутор Сальский, Хутор Сладкий	83 1	282 3	33
		812	3185	
Из Мартыновского района:				
1.	Ферма № 5, опыт. зональная станция	5	16	1
2.	Х. Таракановский	5	12	-
3.	Село Мартыновка	2	12	2
4.	Село Бирючий лиман	2	7	-
5.	Хутор Ряска	1	6	-
		15	53	3
Из Дубовского района:				
1.	Ст. Эркетинская	12	50	5
Из Заветинского района:				
1.	Село Колесово, бывший хутор ст. Граббевской – до 1928 г.	более 20		

В настоящее время вернувшиеся из многолетней ссылки калмыки-уроженцы Ростовской области проживают на территории Калмыкии. В прежних местах их проживания не сохранилось ни одного калмыцкого поселения.

К ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ

Калмыцкая диаспора появилась сначала в Европе, затем в США. Возникновение и развитие такого явления, как калмыцкая диаспора, – это нелегкая история исхода части калмыцкого населения в начале XX века, в годы гражданской войны. Долгое время эта тема была запретной в нашем государстве. Только в последнее время благодаря демократическим преобразованиям в России стало возможным обращение к вопросу русской эмиграции в целом и калмыцкой в частности. Все чаще в последние годы стали выходить в свет публикации, посвященные этому вопросу. Из последних и наиболее полных исследований следует назвать совместную работу И.В. Борисенко и А.Т. Горяева «Очерки истории калмыцкой эмиграции» (Элиста, 1998), статьи профессора А. Борманджинова «Записки о калмыцкой диаспоре» в журнале «Теегин герл» (1996–1998) и другие.

Появление калмыцкой диаспоры за рубежом тесно связано с историей гражданской войны в России. Октябрьская революция 1917 года привела к разрушению старого строя. К власти пришло новое правительство партии большевиков со своей жесткой политикой свержения, уничтожения всего, что было до октября 1917 года. Несогласные с этой политикой насилия люди поднялись на борьбу против них. Гражданское общество разделилось на два непримиримых лагеря – «белых» и «красных».

Мирные жители Калмыцкой степи и Дона оказались в самом центре жестокой борьбы «белых» и «красных». Уходя с насиженных мест от военных действий, они превратились в «беженцев», лиц без места жительства. Они бежали от войны вслед за отступающими частями белой армии. Таким образом они дошли до Кубани, затем до берегов Черного моря, оттуда в Крым и в Турцию.

Вот как это описано в вышеупомянутой книге И. Борисенко и А. Горяева: «... Вслед за калмыцкими полками к морю, предвидя расправу красных и исполняя волю Донского правительства, потянулись чуть ли не целые станицы Сальских степей..., передвигались со своим скарбом, скотом и табунами, если от них еще что-то осталось. Преследование уходивших было на всем пути, кровавые налеты были частыми. 1-го марта 1920 года калмыки-беженцы прошли через Екатеринодар (с декабря 1920 г. г. Краснодар) и потянулись на левый берег Кубани» [1].

В Новороссийске беженцы попали в кровавую рубку. Мало кому удалось спастись и сесть на отходящие в Крым суда. Туда пропускали только военных, в основном лиц командного состава.

В Крыму отступившие войска долго не задержались. В ноябре 1920 года из портов Керчь, Феодосия, Севастополь начался массовый уход в Турцию. На суда грузились воинские части, в первую очередь, командование, офицерский состав. Из гражданских лиц пропускали только мужчин. С большим трудом некоторым воинам-калмыкам удалось попасть на отходящие суда. Женщинам отрезали косы, передевали их в солдатское обмундирование, под видом солдат они проходили на посадку.

Точное количество калмыков, как военных, так и гражданских, эвакуированных в Турцию, неизвестно. По воспоминаниям И.Б. Михалинова, уроженца Денисовской станицы, число отъехавших достигало 3000 человек. С.Б. Балыков, Б.Н. Уланов приводят цифру – более 3500 человек. В рапорте Д. Тундутова генералу А.А. Брусилову говорилось о 1400 человек, находящихся в немецком лагере военнопленных, воевавших в составе 1-го и 2-го (донских) казачьих полков, некоторое количество (260) находилось в Польше [2]. В ответ на запрос О.Ш. Насунова [3] о количестве калмыков за рубежом в 1922 году доктор Э.Д. Хара-Даван пишет, что за границей не 2000 человек, а 1000, так как 1000 человек вернулось домой: «... остались во всех странах сейчас меньше 1000, из них в Сербии – 200, в Болгарии – 16, в Чехии – 30 учеников и 5 семей учителей, в Константинополе (Турция) – 600. Из них 400 служат у англичан, которые после подписания Лозаннского мирного договора должны тоже эвакуироваться в Константинополь для возвращения домой. Слышал, что они собираются в Сербию и Болгарию... Узнав из Вашего письма об облегчении [4], полагаю, что они поедут домой, что считаю единственным правильным решением для наших калмыков... Было бы, конечно, лучше, если кто-либо из нас всех объехал лично, собрал в Варну, съездил в Константинополь, но столь значительных денег мы не имеем, приходится писать...» (Сербия, Банат, д-р Э. Хара-Даван) [5].

В 1923 году Народный комиссариат национальностей (далее – Наркомнац) в лице полномочного представителя Калмыцкой автономной области при Наркомнаце вел активную работу по репатриации калмыков, пожелавших вернуться на родину. Для их отправки в Россию был зафрахтован пароход. Все возвращающиеся проходили фильтрационный контроль в портах Черного моря. Репатриантов

направляли в порт Новороссийск, оттуда после фильтрации разъезжались, кто в Калмыцкую автономную область, кто в Донскую область. Одна группа репатриантов вернулась в Россию в 1923 году на пароходе «Эльдар Паша».

Уполномоченные калмыцкого представительства Наркомнаца Антон Амур-Санан и Овше Насунов сообщали в Константинополь Ефиму Чонову о том, что Президиум ВЦИК 21 апреля 1921 года амнистировал 28 человек, в числе которых были: Санджи Баянов, Эренджен Хара-Даван, Ордаш Босхомджиев, Бата Хундаев, Бадма Уланов, Данара Уланова, Санджарик Уланов (однофамилец Б.Н. Уланова), Цаган Манджиев, Теменников, Бадма Эрендженов, Васькиев, Такиев, Ташуев, Бадма Анканов, Ефим Чонов, Николай Буринов, Лиже Шембенев, Абуша Алексеев, Дордже Онкоров, Пунцуков и др. [6].

Уполномоченный калмыцкого представительства при Наркомнаце О.Ш. Насунов вел переписку с руководителями калмыцких беженцев в Турции о реэмиграции калмыцких беженцев из этой страны. В октябре 1922 года он написал письмо С.Б. Баянову, в котором сообщал об амнистировании 28 человек – представителей калмыцкой интеллигенции, а также об основной массе эмигрантов-калмыков в количестве 200 человек, рядовых участников белого движения, на которых распространяется декрет об амнистии ВЦИКа от 21 ноября 1921 года [7].

ВЦИК разрешил вопрос о возвращении 2000 беженцев из Константинополя. Возвращение эмигрантов проходило под контролем Народного комиссариата по национальностям (Наркомнаца). Заместитель народного комиссара Наркомнаца Г.И. Бройдо [8], уполномоченный представитель Калмыцкой Автономной области (далее КАО) при Наркомнаце в Москве О.Ш. Насунов писали заместителю народного комиссара иностранных дел Л.М. Карахану (1889–1937) о том, что Наркомнац в лице полномочного представителя КАО давно ведет репатриацию калмыков, находящихся в Константинополе, в Болгарии, часть которых уже вернулась на родину, расселена по месту жительства в КАО, Донской области. Дальнейшую репатриацию следует вести через порт Новороссийск, где приемом будут заниматься представители Калмыцкого ЦИКа совместно с портовыми отделениями Главного разведывательного управления (ГРУ) [9].

В марте 1923 года вернулась группа амнистированных калмыков в КАО в составе 30 человек во главе с Санджарик Улановым, Бее Утнасуновым [10].

Согласно архивным документам о репатриации в марте 1923 года всего калмыков числилось до 1100–1200 человек, включая их семьи. Из них около 600 человек находилось в Болгарии на сельскохозяйственных работах. В начале апреля 1923 года вернулось от 400 до 600 человек.

В мае 1923 года вернулось 112 человек во главе с Менкеевым. В апреле 1923 года полномочный представитель КАО в Наркомнаце О. Насунов ходатайствует перед Советом труда и обороны (далее – СТО) о бесплатной перевозке остальной части калмыков (1500 человек) из Константинополя и Варны (Болгария) до порта Новороссийск, оттуда до железнодорожных станций Торговая, Пролетарская, Царицын.

Это ходатайство О. Насунова было обсуждено 15 июня 1923 года на заседании Совета труда и обороны, которое постановило предложить НКПС перевезти 2000 калмыков-беженцев бесплатно, а Народному комиссариату финансов покрыть убытки НКПС [11].

В целях подготовки к перевозке реэмигрантов О. Насунов разослал телеграммы руководителям колоний беженцев в Турции – Е. Чонову, Б. Хундаеву, в Сербию, Банат – окружному врачу Э. Хара-Давану, Батыреву, в Болгарию, село Дельна-Лреховице Тырновского уезда – Санджи Баянову, в Чехословакию, колонию калмыков-беженцев, редакцию газеты «Воля России» Бадме Уланову с просьбой собрать беженцев-калмыков к приходу парохода в Константинополе, Варне, а также сообщить, когда и куда отправить пароход с уполномоченным КАО.

Кроме калмыков-беженцев в Турции, в Болгарии, в Польше, в лагере Турхоля находились 260 человек; в Германии в лагере военнопленных Лихтенгорст находились офицеры и солдаты белой армии, среди которых было 30 калмыков из Донской области.

Е. Чонов сообщал в докладе по вопросу о репатриации о том, что на декабрь 1922 года из общего числа калмыков в Константинополе и его окрестностях осталось около 1000, из них 700 человек находились на частной охранной службе по охране складов; в Сербии – до 350 человек, в Болгарии – до 500 человек, преимущественно семейные.

Большинство было настроено возвратиться в Россию, дождавшись весны, потому что не у всех имелась теплая одежда. Все они были в разных лагерях, и их трудно было собрать в одно место для погрузки на пароход. Бесплатный проезд вполне устраивал репатриантов. В пути они были в состоянии обеспечить себя питанием, смогли бы добраться домой без дополнительных субсидий, но они хотели иметь на руках документ, чтобы обезопасить себя от турецких и советских властей, документ, доказыва-

ющий, что они находились при исполнении служебных обязанностей без политических мотивов [12].

В июне 1922 года по амнистии из Турции вернулось более 70 человек. В июле 1926 года вернулось более 80 человек [13]. Точных данных, сколько калмыков-беженцев находилось в Турции и в других местах, сколько вернулось и сколько осталось за рубежом, неизвестно. Один из репатриантов, вернувшийся в сентябре 1923 года на турецком пароходе «Решид-Паша», указывает цифру 5000 человек [14].

Возвращение репатриантов-калмыков происходило организовано, группами, а также и в одиночку. Все это продолжалось до начала 1930-х годов.

В марте 1927 года в Калмыцкое представительство обратился учитель из Праги Басан Кушлынов с просьбой о восстановлении гражданства и разрешении вернуться группе из 15 человек. Это в основном были молодые люди, доброжелательно относившиеся к новой власти в Советской России, в числе которых были Санджи Цуглинов, Амарханов, Тактиновы, Д. Мухланов, Нури Маглинов, Учур Мухаринов, Б. Шарапов, А. Петров, В. Учуров, Парда (Павел) Ковников, Алена Кушлынова, Бадма Читинов и др. [15] Они вернулись в 1931 году. Все они в начале 1930-х годов подверглись репрессиям по обвинению в контрреволюционной и антисоветской деятельности [16].

После начала 30-х годов репатриация прекратилась. Беженцы-калмыки поняли, что домой обратной дороги нет, постепенно стали обживать в новых условиях в странах Западной Европы.

В Болгарии на 1931 год числилось 100 человек. В 1932 году это число увеличилось до 163 человек. Эта разница объясняется тем, что многие разыскивали родственников, находили их, переезжали друг к другу.

Наиболее многочисленной была калмыцкая колония в Королевстве сербов, хорватов, словенцев.

В Королевстве располагался штаб русской армии. Здесь осело свыше 300 тысяч русских эмигрантов, среди которых числились и калмыки. В начале 20-х годов их было около 200 человек, четвертая часть оставшихся в эмиграции беженцев. После их реэмиграции на 1930 год в Сербии проживало до 300 человек. К ним прибывали соотечественники из Болгарии, Чехословакии. По рассказам уроженцев Сербии [17], условия жизни там были неплохие. В Белграде сконцентрировалось руководство русской армии, это были представители русской интеллигенции, инженеры, врачи, строители и другие специалисты. В Белграде началось усиленное строительство. Город долгое время находился под властью турок. По описаниям очевидцев, дома там были низкие, с плоской крышей. Улицы выложены булыжником. С приходом русских эмигрантов город стал застраиваться современными зданиями европейского образца, строились в основном здания, банки, гостиницы, магазины, рестораны, жилые дома и др. На этих стройках работали калмыки: они подвозили стройматериалы, вывозили глину из котлованов. Многие обзавелись лошадьми, повозками, занимались извозом. Женщины имели хорошую работу, шили военное обмундирование. Скроенные детали привозили им на дом, принимали готовые изделия. Шили они на дому на швейных машинках «Зингер», «Фав». Из отходов, из старого обмундирования шили тапочки на продажу. Швейное производство давало неплохой заработок. Наряду с женщинами шили одежду и мужчины. Это были больные, немощные люди, которые не могли заниматься тяжелым физическим трудом. Некоторые из них впоследствии стали портными-профессионалами. Доктор Т. Миленкович, который написал книгу «Калмыки в Югославии. 1924–1944 гг.», удивлялся умению калмычек шить, выполнять сложные заказы для военного ведомства, тогда как для русских эмигранток открывали специальные курсы шитья [18].

Калмыки в Сербии жили колонией на окраине Белграда, в местечке Мокрый луг. В 1929 году здесь построили первый в Европе буддийский храм. В 1922–1923 гг. руководил калмыцкой колонией Абуша Алексеев (1883–1948), а в 1933–1944 гг. – доктор философии, выпускник философского факультета Пражского университета Эрдне Калтыканович Николаев, уроженец станицы Платовская.

Дети калмыков учились в русской школе, в русско-сербской гимназии. Калмыцкий язык и основы буддизма они изучали в школе при хуруле. После школы некоторые поступили в высшие учебные заведения. В высшей технической школе учился Херсон Чурюмов [19] (ст. Платовская), Пата Переборов (ст. Денисовская), Саран Бадминов (ст. Эркетеновская), в медицинской школе – Лиджи Уланов (ст. Денисовская). Выпускник Пражской реальной гимназии Содмон Кульдинов окончил ветеринарный факультет Белградского университета [20]. Окончили русский кадетский корпус в г. Белая Церковь Току Дакугинов, Саран Бадминов, Араш Борманджинов, Джаб Бурхинов. Выпускники кадетского корпуса имели право поступить в Военную академию, но выпускников-калмыков не принимали. Араш Борманджинов позднее в США закончил Пенсильванский университет в г. Филадельфия [21]. Ныне Араш Борманджинов – известный ученый-славист, профессор, академик Нью-Йоркской академии, находится на пенсии.

В период временной оккупации Югославии немцами из-за тяжелого экономического положения калмыки перебрались из Белграда в сельскую местность ближе к границе Венгрии. Там они занимались сельским хозяйством. При приближении советских войск калмыки стали эвакуироваться в

нейтральную зону, в Австрию. Сначала вывезли детей. Эвакуацию детей организовали А.А. Алексеев, С.Б. Хара-Даван. За детьми выехали все остальные калмыки. В Югославии они не оставили ни одного человека, сумели всех вывезти из зоны военных действий в Австрию. Из Австрии они перебрались в Германию. В лагере Шонгау они находились как беженцы [22].

В Чехословакии первые калмыки-эмигранты появились в 1921 г. Это были бойцы Джунгарского полка, прибывшие из Турции на сельскохозяйственные работы [23]. Здесь же нашли приют представители калмыцкой интеллигенции во главе с Б.Н. Улановым, который сумел добиться права учебы детей калмыцких эмигрантов в русских гимназиях наравне с русскими эмигрантами. Им правительство Чехословакии выделяло субсидии. Калмыки, выходцы из России, числились как русские эмигранты. Б.Н. Уланов (1886–1969) и группа калмыцких учителей (Д.И. Ремилев, Б.Б. Кушлынов, С.Б. Баянов) добились дополнительных субсидий для содержания пансионата калмыцких детей при русской реальной гимназии. В Прагу для учебы в гимназии собрали из разных стран около 50 человек [24].

В 1923 году в Праге Б.Н. Уланов основал Калмыцкую комиссию культурных работников (КККР), куда вошли бакша Н. Нимбушов, Д.Н. Баянова, Д.И. Ремилев, затем к ним присоединились Ш.Н. Балинов, Б.Б. Кушлынов. В 1924 году членами «КККР» стали студенты Н.И. Маглинов, Э.К. Николаев, Э.М. Бурулдушев. В 1928 году число членов «КККР» достигло 18 человек.

Целью «КККР» было создать духовные основы возрождения калмыцкого народа, сохранить свою культуру в условиях пребывания в иной этнической среде. Для этого надо было подготовить кадры калмыцких культурных работников, дав возможность представителям молодого поколения калмыцкого зарубежья учиться в различных учебных заведениях Чехословацкой республики и иных иностранных государств, заняться сбором памятников калмыцкого устного народного творчества, организовать издательское дело «КККР» [25].

В калмыцком пансионате при Пражской русской реальной гимназии получили образование 83 юноши калмыцкой национальности. Несколько выпускников учились в высших учебных заведениях Праги: на философском факультете Пражского университета (Николаев Э.К.), на юридическом (Степанов С.У.), политехнический вуз окончил Бурулдушов Э.М., кооперативно-страховую школу – Шиханов Мирма. С. Кульдинов окончил ветеринарный факультет Белградского университета. На архитектурном факультете учился С. Далантинов, на медицинском – Л. Уланов, в школе живописи обучался Александр Бурчинов. Несколько выпускников учились в различных специальных средних учебных заведениях. Земледельческую школу закончил Петр Джевзинов.

По ходатайству Б.Н. Уланова для учеников-калмыков в Пражской русской гимназии было введено преподавание калмыцкого языка и буддизма.

За время деятельности «КККР» издано 5 выпусков журнала «Хонхо» на «тодо бичиг». В первых двух выпусках опубликованы произведения устного народного творчества калмыцкого народа: сказки, песни, переводы произведений русских и других писателей на калмыцкий язык. В 3 выпуске опубликован неизданный труд учителя Шуургчи Болдырева «Книга для чтения в калмыцких школах». В 4 выпуске опубликован труд Н.Н. Пальмова «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России» (Астрахань, 1922 г.) на калмыцком языке (перевод Ш.Н. Балинова с предисловием С.Б. Баянова). В 5 выпуске издана повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на калмыцком языке в переводе Д.Н. Баяновой. В 1929 г. «КККР» переиздала «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» В.Л. Котвича. Выходил журнал «Улан залат» (2 номера).

К началу 1930 года деятельность «КККР» прекратилась. Из Праги в Братиславу переехал С.Б. Балыков, выехал в Париж Ш.Н. Балинов. С.Б. Балыков и Ш.Н. Балинов организовали «Хальмг Тангачин туг», приступили к изданию журнала «Цаһан өвснэ дольган» («Ковыльные волны»). Э.К. Николаев выехал в Белград, Э.М. Бурулдушов уехал в Аргентину, Н.И. Маглинов и Б.Б. Кушлынов вернулись в Россию. Оставшаяся часть калмыков Пражской колонии во время войны находилась в лагере для перемещенных лиц в Германии.

Русские эмигранты, беженцы, осевшие в Болгарии в конце 20-х годов, в поисках работы по контракту переехали во Францию, среди них были и калмыки, работавшие на фабриках, заводах севера Франции, в фермерских хозяйствах на юге. Расселились калмыки в пригороде Парижа, в Десине, Лионе, Юдине, Нанте, Монтарджи, Куэроне, Ленобле, жили в фабричных кварталах, дети учились в школе. Специальных школ, где бы детям преподавали родной язык, основы буддизма, не было. Всего насчитывалось во Франции 13 мест, где калмыки жили компактно [26].

Калмыки создавали у себя местное самоуправление – станицы с выборными правлением с атаманом, которые занимались урегулированием внутренних вопросов жизни калмыцкой колонии. Все они работали, получали деньги на содержание семьи, безработицы среди них почти не было. Фабрично-

заводские условия были не привычны для степняков. Многие болели, не выдержав тяжелый труд на фабриках и заводах.

Калмыцкая общественная организация «Хальмг Тангачин туг» (далее – «ХТТ») выдвигала идею переселения калмыков на свободные земли других стран, предпочтительно восточных, с общей религией, чтобы жить там компактно, не рассеиваясь, как это было в то время в Европе, заниматься привычным для них сельским хозяйством.

Общее количество калмыков во Франции было неизвестно, но французская колония была довольно многочисленной.

В начале второй мировой войны положение калмыков во Франции ухудшилось. Многих мобилизовали на военную службу. Во время оккупации Франции немцами некоторые калмыки были угнаны в Германию на работы для военных нужд. После окончания войны угнанные в Германию калмыки оказались в лагерях для перемещенных лиц.

ПРЕБЫВАНИЕ КАЛМЫКОВ В ЛАГЕРЯХ ГЕРМАНИИ

Лагеря для перемещенных лиц (беженцев) в Германии находились в ведении УНРРА (Управление объединенных наций по реабилитациям). Калмыцким национальным комитетом один из лагерей для беженцев в г. Шонгау в Баварии был избран местом сбора всех калмыков-беженцев [27]. В этот лагерь попали беженцы из Югославии, из России, пленные из лагерей, «восточные» рабочие, угнанные немцами. Таким образом оказались вместе эмигранты 1-й волны – времен гражданской войны, 2-й волны – периода Великой Отечественной войны. В первое время своего пребывания в лагере они делились на «старые» («белые») и «новые» («шинчуд», или «красные»). Дальнейшая совместная трудная лагерная жизнь уравнивала их в положении беженцев.

С 1949 года лагеря для перемещенных лиц («ди-пи» – *displace persons*) перешли в ведение ИРО (Международная организация ООН по делам беженцев).

Пребывание в лагерях было нелегким, в особенности, для советских граждан, силой вывезенных на рабский труд в Германию. В лагерь для перемещенных лиц попали также военнопленные.

Беженцев-калмыков из лагеря в Шонгау перевели в лагерь Аленштадт, оттуда в смешанный лагерь Фраймен-Мюнхен, где находились русские, сербы, поляки, прибалты, калмыки и другие. Из Аленштадта некоторых беженцев перевели в лагерь Пфаффенгофен [28]. Жили в бараках, начали работать. Для лиц, не имеющих специальности организовали курсы. Открылись школы для детей, обучение в школе велось на русском языке. Учителями работали и некоторые калмыки. Учитель И.С. Теврюков преподавал русский язык и литературу. Инженер-архитектор из Югославии Содмон Далантинов вел черчение, работал также директором технического училища. Некоторые ученики после школы поступали в университеты в г. Мюнхене.

В лагере было налажено издание газет и журналов [29]. В лагере Пфаффенгофен выходила ежедневная газета «Обозрение» под редакцией старого журналиста Шамбы Балинова, яркого ненавистника большевиков. Выходила газета с 1947 г. по 1948 г. Издавался журнал под названием «Теегин очн»: хальмг баһчудин болзг уга хардг гэшу (ред. Санжа Цагадинов. Пфаффенгофен, ДП лагерь, 1947–1948), издано всего 2 номера.

Калмыцкая молодежь и студенты издавали свой журнал под названием «Наши известия» («Мана зянгс»): орган калмыцких студентов. Издатель: Калмыцкое издательство «Мана зянгч» (Пфаффенгофен, Бавария). – Мюнхен-Фрайман, 1946–1947. Всего вышло 20 номеров.

В лагере г. Мюнхена был организован калмыцкий спортивный клуб «Джангар», футбольная команда клуба «Джангар» пользовалась успехом среди других футбольных команд лагеря.

После окончания войны началась репатриация советских граждан из лагерей для перемещенных лиц домой. По репатриации из Германии вернулось 6405 калмыков, из них: военнопленных – 4087, гражданских лиц – 2318 [30]. После фильтрационных проверок гражданские лица были определены на поселение в местах расселения депортированных калмыков, военнопленные направлены для работ на шахты Украины, Воркуты и других мест.

В лагерях для перемещенных лиц оставались калмыки-беженцы из европейских стран и некоторые советские граждане, оформившие документы как калмыки-беженцы времен гражданской войны. Их общее число не превышало 2000 человек.

Международная организация по делам беженцев в конце 1940-х годов завершала свою деятельность. Из лагерей перемещенные лица стали эмигрировать в Америку, Австралию. Калмыцким беженцам тоже пришлось выбирать страну, которая могла бы их принять на местожительство.

Идея переселения калмыков в страну развитой экономики – США – возникла еще в конце 1920-х

годов. В Праге сформировался Казачий колонизационный комитет, который занимался вопросами организации переселения казаков в южные штаты США и северную часть Южной Америки, в Мексику. Члены этого комитета С.Б. Балыков и Ш.Н. Балинов вместе с переселенцами-казаками хотели переселить калмыков. Казаки успели переселиться в США до начала второй мировой войны. В штате Нью-Джерси они имели участок земли, организовали РООВА – парк (Русское общество в Америке), занимались фермерским хозяйством. Построили храм святого Владимира, где располагается русское кладбище.

В начале 50-х снова был поднят вопрос о переселении калмыков в США. Но там существовало ограничение въезда на жительство для выходцев из стран Азии по расовому признаку. Лидеры калмыцкой эмиграции сумели доказать, что «калмыки юго-восточной части Европейской России являются представителями белой расы, или так называемой европейской расы, несмотря на их азиатское происхождение» [31].

Международная организация по оказанию помощи беженцам в Женеве выделила для организации переезда, на обустройство на новом месте в США 182000 долларов [32]. С помощью различных общественных, церковных организаций, а также благодаря пожертвованиям частных лиц, «Толстовского фонда», организованного А.Л. Толстой, дочерью известного русского писателя Л.Н. Толстого, калмыки в 1951 – 1952 года из стран Западной Европы переселились в Америку. По сведениям А. Борманджинова, переселилось более 950 человек [33].

Около месяца они находились на карантине в штате Мэриленд, затем переселились в г. Филадельфия, штат Пенсильвания. Филадельфия, который уже тогда был большим густонаселенным промышленным городом, не совсем подходила бывшим степнякам. Дети переселенцев стали сильно болеть. По совету одного врача, выходца из России, некоторые из них постепенно стали переселяться в г. Лейквуд, местечко Хауэлл, где климат был более благоприятным. Там они стали обживать, строить дома, построили хурул. Таким образом, большинство переселенцев-калмыков в США обосновалось в штате Пенсильвания и Нью-Джерси.

На новом месте переселенцы организовали «Калмыцкое общество в Америке». Через воскресные школы позаботились об обучении родного языка. В качестве пособия был издан «Калмыцко-английский словарь», составленный А. Борманджиновым и С. Цагадиновым. Представители калмыцкой интеллигенции старшего поколения Д.Н. Баянова (Уланова), Д.И. Ремилев, представители молодой интеллигенции А. Борманджинов, С. Кульдинов, С. Цагадинов и др. занимались преподаванием детям родного языка в воскресных школах.

Из-за языкового барьера первые переселенцы работали на низкооплачиваемых работах: мужчины – на стройках, женщины – на швейных фабриках.

За 50 лет существования калмыцкой диаспоры в США произошли большие изменения в культурно-экономической жизни калмыков. Выросло молодое поколение образованных грамотных специалистов – американцев калмыцкого происхождения, среди которых есть ученые, учителя, врачи, инженеры, дипломатические служащие, сотрудники различных военных, финансовых ведомств. В области народного образования известен учитель Басан Нембриков. Он работал в школах Аляски, Австралии, в различных штатах США, был директором специальной школы при ООН в Нью-Йорке, ректором университета в штате Северная Каролина [34]. Успешно работает в области разработки новых лекарственных препаратов доктор Санджи (Стэнли) Алтан. За опытно-конструкторские разработки в области клинической фармакологии он получил премию компании «Джонсон-Энд-Джонсон» (1990, 1991).

Преподавателями в университетах работали профессор Араш Борманджинов, славист и калмыковед, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, профессор Хонгор Уланов, славист. Успешно работал в медицинской лаборатории доктор Нимя Чурюмов. Известны имена дипломатических служащих братьев Иванчуковых.

За 50 лет проживания калмыцкой диаспоры в Америке произошла сильная ассимиляция с местным населением. В связи с уходом из жизни представителей старшего поколения есть опасность полной потери родного языка и особенностей быта.

В 1990 году, в дни празднования 550-летия калмыцкого эпоса «Джангар», впервые за все время эмиграции в Элисту приезжала большая группа американских калмыков на юбилейные торжества. Инициатором этой поездки был Джиджа Андреев из г. Хауэлл, штат Нью-Джерси. С этого времени установились тесные контакты между калмыцкой диаспорой в США и Республикой Калмыкия. Города Элиста и Хауэлл стали городами-побратимами.

Наши соотечественники оказывают республике посильную помощь. В Элисту приезжал Д.Н. Бур-

хинов, привозил медицинский аппарат для больницы. Д. Андреев также не раз привозил медицинскую аппаратуру для республиканской больницы, организовал приезд американских врачей для оказания практической помощи ВИЧ-центру, среди которых был и доктор Нимя Чурюмов. Н. Чурюмов принял личное участие в организации лечения и операции в ожоговом центре г. Бостона дочери Л.Ц. Дорджиевой.

С каждым годом расширяется культурный и научный обмен между нашими соотечественниками в США и Республикой Калмыкия. С помощью соотечественников на гастролях в США побывали наш государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан», государственный театр «Ойраты» и другие коллективы. Они познакомили американцев с самобытным танцевальным искусством калмыцкого народа. Побывали в гостях в Америке известные артисты Республики Калмыкия Валентина Гаряева, Лидия Кулешова, Аркадий Манджиев, художник Виктор Цакиров и др.

Все больший интерес проявляют наши зарубежные соотечественники к историческому прошлому калмыцкого народа, к своим корням, к родному языку. В данное время между Калмыкией и калмыцкой диаспорой в США установлены тесные деловые, культурные, родственные и дружеские личные контакты. Намечается тенденция установления взаимных контактов между молодежными группами, которые продолжают традиции дружбы и сотрудничества с соотечественниками за океаном.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции / Калм. ин-т гуман. исслед. Элиста, 1998. С. 31.
2. Военно-исторический журнал. М., 1990. № 2. С. 61–62.
3. Насунов Овше Ширинович (1898–1934) сотрудник Калмыцкого представительства при Наркомнаце в Москве.
4. В Калмыцком представительстве при Наркомнаце ставился вопрос о бесплатном проезде реэмигрантов.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф.Р.-112. Оп. 1 с. Д. 1.
6. НА РК. Ф. 112. Оп. 4. Д. 1.
7. Жизнь национальностей. М., 1993. № 5–6. С. 43.
8. Бройдо Григорий Исаакович (1885–1956), Зам. нар. комиссара по иностранным делам (1921–1923 гг.).
9. НА РК. Ф. 112.
10. НА РК. Ф. Р.-112. Оп. 4. Д. 1. Л.1, 101.
11. НА РК. Ф. 112. Оп. 4. Д. 1. Л. 32.
12. Там же. Л. 24.
13. Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки... С. 69.
14. Науч. архив КИГИ РАН. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1. Л.л. 29-31.
15. НА РК. Ф.Р.-112. Оп. 1. Д. 198. Л. 72.
16. Информанты: Джевзинова С.З., 1921 г. р., Васькина Е.Б., 1922 г.р., Борманжинов А.Э., 1922 г. р. США, 1993 г.
17. Информанты: Джевзинова С., Бугаева Д. США, 1993 г.
18. Информант: д-р Тома Миленкович, г. Элиста, 1998 г.
19. Херсон Чурюмов родился в 1920 году в Черном море в пути следования последнего отходившего в Константинополь судна «Херсон» под английским флагом.
20. Информант Джевзинова С.З. США, 1993 г.
21. То же.
22. Информанты Джевзинова С.З., Бугаева Д.Б., Борманжинов А.Э. США, 1993 г.
23. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки... С. 98.
24. Там же. С. 98.
25. Русские в Праге. Прага, 1928. С. 132–135.
26. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки... С. 133.
27. Борманжинов А. Записки о калмыцкой диаспоре // Теегин герл. Элиста, 1996. № 6. С. 95.
28. То же // Теегин герл. 1997. № 6. С. 111.
29. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР. 1919–1959 гг. № 6. Исслед. и материалы. Изд. Ин-та по изучению ист. и культуры СССР. Мюнхен, 1952. Вып. 4. Библиогр. эмигрантской периодики на азерб., арм., груз., калм., татар. и тюрк. языках. Информ. Л.С. Бурчиновой.
30. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 годы // История СССР. М., 1990. № 4. С. 26–41.
31. Борманжинов А. Калмыки в Америке спустя 35 лет // Теегин герл. Элиста, 1997. № 6. С. 111.
32. Там же. С. 112.
33. Там же. С. 112.
34. Известия Калмыкии. 1996, 29 мая. № 96. С. 3.

ЖУРНАЛ ПРАЖСКИХ СТУДЕНТОВ-КАЛМЫКОВ «ОЙРАТ»

От сербского профессора Тома Миленковича поступили некоторые материалы по истории калмыцкого зарубежья. Среди них журнал «Ойрат», изданный в 1925 году группой студентов-калмыков, обучавшихся в Праге. Издание осуществлено в Белграде доктором Эрендженом Хара-Даваном, при его финансовой поддержке, литографическим способом, тиражом 100 экземпляров. Ответственным редактором журнала была Данара Баянова-Уланова. В состав редакционной коллегии вошли студенты Пражского университета Эренцен Бурулдушов (агрономический факультет), уроженец станицы Граббевской, Нури Маглинов (медицинский факультет) уроженец станицы Денисовской, Санджа Степанов (юридический факультет), уроженец станицы Кутейниковской. Художественное оформление журнала выполнил Э. Бурулдушов. Оригинал журнала находится в Государственной библиотеке Чешской республики (сооб. д-ра Т. Миленковича).

Издание предваряет обращение редколлегии к читателям, где объясняются цели и задачи журнала в деле решения жизненно важных вопросов калмыцкого народа, оказавшегося в результате войны и революции в тяжелейших условиях.

Журнал начинается статьей Санджи Балыкова «К переселению донских калмыков в Калмыцкую автономную область», где автор высказывает свое отрицательное отношение к переселению донских калмыков в Большедербетовский улус, происходившее в 1923 – 1925 годах.

Статья студента Э. Бурулдушова называется «Из прошлой жизни донских калмыков в связи с казачеством» и посвящена взаимоотношениям калмыков и казаков в разные периоды их совместного проживания.

Большинство статей журнала, так или иначе, затрагивают вопрос национального объединения калмыков в Советской России, их переселение из разных регионов в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области, имевшее место в начале 20 годов. В публикации доктора Э. Хара-Давана «К вопросу о национальном объединении» отмечается роль калмыцкой интеллигенции в деле объединения калмыков в этнических границах проживания калмыцкого народа в районе Волги, Дона, Ставрополя. Автор, сторонник переселения калмыков Дона на территорию Калмыцкой области, пишет: «Объединение и культурное возрождение калмыцкого народа опять сольет сальцев (т.е. донских калмыков) в одно национальное целое. В наше время космополитизма и интернационализма я утверждаю, что есть ценность личности и отдельной нации, ибо убежден, что человечество еще не перешагнуло эру национальной формы бытия и в политике, и в культуре. Природа не любит повторения, поэтому нет ни в растительном, ни в животном мире однообразия, а все вместе взятое есть красота и гармония. Человечество с ее нациями можно сравнить с букетом из самых разнообразных цветов, который тем красивее и ароматнее, чем больше в нем красок, чем специфичнее аромат в них. Каждая нация со своей характерной физической природой, культурой, бытом, языком, даже одеждой – это отдельный цветок в букете народов человечества».

Б. Кушлынов в статье «К вопросу национального объединения и переселения калмыков в России» поддерживает идею объединения калмыков и высказывает мнение, что объединение донских калмыков нужно было решить с занимаемой территорией, на которую переселяются крестьяне Астраханской губернии. Воссоединение земледельческих слоев калмыцкого населения из Донской, Терской, Оренбургской, Уральской областей в западной части Калмыкии ослабляет и без того слабое экономическое состояние восточной части, что «не является благополучным достижением национального объединения».

Идею объединения калмыков поддерживает в своем письме и Абуша Алексеев из Сербии, но – только в союзе с казачеством.

С. Баянов в статье «Вопрос о национальном объединении» говорит об ошибках противников переселения и перечисляет причины необходимости переселения и национального объединения.

О положении и судьбах детей, оказавшихся в эмиграции сообщает учитель Басан Кушлынов в материале «Калмыки и их дети на чужбине». Он пишет о том, как представители калмыцкой интеллигенции образовали пансионат в Праге для калмыцких детей, где созданы неплохие условия для учебы и проживания.

О способах и путях культурного возрождения калмыцкого народа рассуждает доктор Э. Хара-Даван в статье «Изучение способов и путей для культурного возрождения калмыцкого народа». Здесь речь идет о необходимости издания словарей, хрестоматии для детей, об обучении их на родном языке («материнском» у автора – П. А.), о недопустимости применения русского алфавита для калмыцкого

языка, так как в калмыцком языке много звуков, которые нужно будет изображать несколькими буквами, что «нежелание одного поколения выучить калмыцкую письменность (имеется в виду «тодо бичиг») будет иметь пагубные результаты... для будущих поколений, будем оторваны от духовных связей с Востоком, отрезаны от своей древней культуры...».

В журнале опубликован отрывок из калмыцкого героического эпоса «Джангар» «Женитьба Хонгора» на русском языке в переводе Д. Баяновой-Улановой.

В журнале также помещены стихотворения учеников гимназии Дорже Тюльтинова «Наездник», «К матери», ученика Акугинова «Последние снега», «Ожидание бури», Мирмы Шиханова «Когда мне грустно».

Один из авторов стихотворения Дорже Тюльтинов, уроженец станицы Граббевской, вернулся из эмиграции в числе последних реэмигрантов в 1929 году вместе с будущим врачом Н. Шарманжиновым. В 1929 году при организации совхозов в Калмыкии он, как человек, имеющий образование, устроился работать бухгалтером в совхозе «Сарпа». В 1932 году он приехал в гости к родственникам в станицу Граббевскую, где его арестовали. Дальнейшая судьба Н. Шарманжинова неизвестна. Другой автор Мирма Шиханов, уроженец станицы Денисовской (Новониколаевской), остался в эмиграции, дожил до старости, умер в США.

Реэмигранты Басан Кушлынов, Нури Маглинов подверглись репрессиям, расстреляны, как сообщает историк И. Борисенко. Выпускник агрономического факультета Эренцен Мамонович Бурулдущов в поисках работы и возможности переселения калмыков-эмигрантов выехал в Южную Америку, других сведений о нем нет.

Кроме журнала «Ойрат» доктор Тома Миленкович прислал ксерокопии двух статей Эрдне Калтыкановича Николаева, выпускника философского факультета Пражского университета, который продолжительное время жил в Белграде, был руководителем калмыцкой колонии, работал с детьми, преподавал им калмыцкую историю, буддизм. Умер в США. Статьи Э. Николаева написаны на сербском языке. Одна из них называется «Калмыки, их история, культура, быт» (журнал «Живот и рад», Белград, 1934 г.), другая посвящена Массарику, его роли в образовании государственности в Чехо-Словацкой Республике после окончания первой мировой войны (журнал «Народная гдварин», Белград, 1932).

САНДЖИ БАЛЫКОВ И ЕГО ПЕРЕПИСКА

Балыков Санжа [1] (Шалвур) родился 2 марта 1894 г., в год Лошади по восточному календарю, на хуторе Богла станицы Денисовской Области Войска Донского. В семье Балыковых дети, рождавшиеся после первенца Бадмы, умирали в младенчестве. Чтобы сохранить очередного ребенка, по калмыцкому обычаю надо было принять новорожденного в «шалвур», специально сшитые белые портки, после чего перерезать пуповину. Принятый таким образом сын Балыковых получил имя Санжа, а неблагозвучное имя «Шалвур» служило оберегом от злых духов. Это имя впоследствии стало псевдонимом писателя – он подписывался «Шалвур Нимино» (Нимя – имя матери).

Станица Денисовская была центром Богшрахинского аймака, в который входили еще несколько хуторов, раскинувшихся по берегам небольших степных речушек: Эльмт (х. Мокрая Эльмота), Хадта (х. Каменный), Чирвкю (х. Таловый), Дюндю (х. Кривой Лиман), Богла (х. Потаповский), Сал (х. Новониколаевский). Позднее эти названия хуторов, дышащие ароматом родной степи, вновь оживут на далекой чужбине на страницах произведений С.Б. Балыкова.

Отец Санжи Басан Балыков был табунщиком у коннозаводчика Западного участка войскового коннозаводства Сальского округа Супрунова [2] в задонской степи. Это был довольно распространенный вид отходничества среди рядовых калмыков-казаков. Работая табунщиком на государственных или частных конных заводах, казак освобождался от воинской службы, получал возможность иметь заработки на содержание семьи. Но по мере того как дети подрастали, сыновьям приходило время идти на сборы по месту приписки в станицах, а девушкам выходить замуж, табунщики возвращались в родные аймаки. Так, видимо, Балыковы вернулись на хутор Богла.

Санжа рос смышленным мальчиком. Видя его способности, родители решили его, одного из девяти детей, отдать в школу. Он оправдал надежды родителей, успешно закончив хуторскую школу, поступил в четырехклассное высшее городское училище в станице Великокняжеская (калмыцкое название «Чапрак», ныне город Пролетарск Ростовской области), центре Сальского округа Области Войска

Донского. По окончании училища Санжа Балыков получил звание народного учителя и начал недолгую учительскую деятельность в школе хутора Чирвкю (х. Таловый). В 1914–1915 учебном году он учительствовал в школе хутора Атаманский. Об этом мы узнаем из «Памятной книжки Области Войска Донского на 1915 год».

В то время калмыцкими школами заведовали русские учителя, а преподаватели-калмыки назывались помощниками учителя. Они вели уроки родного языка, основы буддизма. В той же «Памятной книжке» есть запись о том, что школой хутора Атаманский заведует М.Е. Деркач, а учителями служат С.Б. Балыков и Р. Уланкинов.

С августа 1917 года начинается военная служба С.Б. Балыкова. Он был направлен в Новочеркасское казачье училище: война с Германией обернулась значительными потерями, и русская армия остро нуждалась в офицерских кадрах.

Вскоре грянула революция 1917 года, расколовшая людей на два непримиримых лагеря. Дон стал местом сосредоточения оппозиции. Сюда стекались военные силы контрреволюции, гражданские люди, не принявшие идеи большевизма и просто напуганные размахом насилия, военных действий, развернувшихся в России. Разразилась гражданская война. С ноября 1917 и до конца 1920 года С.Б. Балыков воевал в составе белоказачьих войск: начал курсантом Новочеркасского училища, а покинул родину в ноябре 1920 года вместе с остатками врангелевской армии в чине сотника Зюнгарского калмыцкого полка. Так Санжа Балыков стал эмигрантом. Завершилась еще одна страница его биографии – военная.

Начиналась новая жизнь, на чужой земле, полная тревог, лишений, требующая напряжения всех сил, чтобы выжить, и выжить достойно. Как и многие тысячи российских эмигрантов, Санжа Балыков остро переживал чувство оторванности, отверженности от родины. В поисках своего места в жизни ему пришлось вести скитальческую жизнь эмигранта-беженца, человека без гражданства, без родины.

В Турции, чтобы не умереть с голоду, многие калмыки-казаки, в том числе С. Балыков, поступили на службу в английский оккупационный корпус. Из Турции он попал в Болгарию, где трудился на трудных сельскохозяйственных работах. Оттуда через Югославию осенью 1924 года перебрался во Францию в город Куерон, испытал «прелести» жизни фабричного рабочего-эмигранта.

В середине 20 годов, когда часть интеллигенции калмыцкой эмиграции нашла прибежище в Чехословакии, при финансовой поддержке, которую оказывала эта страна русским эмигрантам, в 1923 году в местечке Стражница, около Праги, была создана «Калмыцкая комиссия культурных работников» (в дальнейшем – «КККР»). Она должна была вести культурно-просветительскую работу среди калмыцкой эмиграции. Для этих целей был создан печатный орган «Улан Залата», издавался журнал «Хонхо» («Колокольчик»), где печатались произведения калмыцкой литературы, фольклор, материалы на старокалмыцкой письменности.

Пережитое: война, отступление, беженство – все эти события откладывались в памяти, будоражили мысль, просились на бумагу.

Скитальческая жизнь эмигранта не давала возможности заняться писательским трудом, чтобы заново пережить вместе с героями литературных произведений прошлую жизнь, мирную, идеализированную в воспоминаниях жизнь в Задонских степях, такую непритязательную, привычную для любого степняка-труженика, когда не было войны, не было деления на «чужих» и «своих».

Возможность заняться литературным творчеством у С. Балыкова появилась с переездом в Прагу, когда его пригласили на должность технического секретаря «КККР». Он совместно с Ш. Балиновым занимался трудной работой каллиграфа, воспроизводством калмыцких текстов на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» для издаваемых журналов.

К 1929 году в связи с общим экономическим кризисом русские эмигранты лишились финансовой субсидии чехословацкого правительства, и деятельность «КККР» в Чехии почти прекратилась.

С.Б. Балыков вместе с Ш.Н. Балиновым примкнули к Вольноказачьему движению и в рамках его политической программы в 1928 г. создали свою политическую организацию «Хальмг Тангчин Туг» («ХТТ») со своей программой национального возрождения. На личные скудные финансовые средства подготовили издание печатного органа «Ковыльные волны» («Цаһан өвснэ дольган»).

В 30-е годы почетным председателем ХТТ была княгиня К.А. Тундутова, жена Данзана Тундутова, проживавшая в то время в Париже [3].

С.Б. Балыков оставался в Праге, в издательстве журнала «Вольное казачество» [4], а Шамба Балинов переехал во Францию, чтобы наладить издание «Ковыльных волн».

В вольноказачьем движении С.Б. Балыков вел довольно активную работу, считая, что калмыки по своей малочисленности без казачества не могут решать вопросы своего национального возрождения.

Он ведет обширную переписку с представителями калмыцких колоний во Франции, Югославии, Болгарии, вовлекая в ряды движения многих сочувствующих. С.Б. Балыков обеспокоен тем, что калмыки рассеяны по многим странам Европы, начинают забывать родной язык, обычаи, народные традиции. В условиях иной среды появилось много смешанных браков, уменьшилось число говорящих на родном языке. Он считал, что жизнь калмыков в промышленных городах, работа на фабриках и заводах не идет на пользу степнякам: многие из них болеют, преждевременно уходят из жизни.

В конце 20 годов в Праге сформировался Казачий колониальный комитет, который занимался организацией переселения казаков в южные штаты Америки, в штат Техас и в северную часть Южной Америки, в Мексику. Представители комитета ездили туда «на разведку», вели переговоры с банками о предоставлении ссуд для покупки земли.

С.Б. Балыков, являясь членом Казачьего колониального комитета, хотел в число переселенцев-казаков включить калмыков. По этому поводу он вел переписку с представителями калмыцких колоний Югославии, Франции, Болгарии, и у него образовался список из 350 человек.

На новом месте планировалось селиться компактно, образовывать станицы, которые бы именовались по названиям калмыцких колоний, например, «Югославская калмыцкая станица» («Сербская станица»), «Французская калмыцкая станица» и т.д. Но с переселением калмыков в Америку в 30-е годы не получилось, хотя представители русского казачества до второй мировой войны сумели переселиться туда и обустроиться.

Переселенческий вопрос еще долго волновал калмыцкую эмиграцию. После несостоявшегося переселения в Америку, они стали обращать взоры на восток. Калмыки решили переселиться в Азию, ближе к Монголии, где живут народы, родственные по языку, религии. По примеру русских эмигрантов из Франции, переселившихся и туда, где им отвели земли, предоставили орудия труда, скот, калмыки вознамерились переселиться в Маньчжурию, где, по слухам, проживало несколько калмыцких семей, бежавших из России. В качестве ходока «ХТГ» решила направить в Маньчжурию члена организации Ивана Бембиновича Микулинова, жителя города Десина. В октябре 1935 года ему устроили торжественные проводы с пожеланием благополучной поездки. И.Б. Микулинов выехал на свои средства, благополучно добрался до Дайрена, прислал оттуда письмо. Об этих событиях имеются сообщения в № 12 журнала «Ковыльные волны» за 1936 год.

О том, как волновал эмигрантов-калмыков жизненно важный вопрос о переселении в восточные районы Азии, где проживали родственные монголоязычные народы, единоверцы буддисты, показывает переписка Санжи Балыкова с соплеменниками, разбросанными по странам Европы в поисках работы. Европа с заводами и фабриками была чужда степнякам, привычным к сельскому труду животновода, хлебороба.

Переписка С.Б. Балыкова свидетельствует не только о его активном участии в волноказачьем движении в эмиграции, но и о напряженной деятельности в двух-трех редакциях журналов: казачьих – «Вольное казачество», «Казакия»; калмыцких – «Хонхо», «Ковыльные волны». Было задумано издание еще одного журнала – «Санан». С.Б. Балыков вел активную переписку с корреспондентами журналов, с представителями калмыцких колоний, с некоторыми деятелями казачьего движения. Кроме того, он занимался литературным творчеством, журналистикой, публицистикой, готовя редакционные статьи на политические темы.

В одном из писем он сообщает о своей работе над повестью «Взбулугаченная степь», были у него и драматические произведения. В письме во Францию С.Б. Аршинову, датированном 16 февраля 1930 года, он упоминает пьесу «Хомха хоосн», которую в Сербии готовили к «Цагану». Времени до праздника осталось мало, писал он, лионцы все равно не успеют подготовить пьесу к празднику... О том, как приняли пьесу в Сербии, сообщала, видимо, С. Хара-Даван (жена доктора Э.Д. Хара-Давана), если судить по реплике в ответном письме.

В редактируемом им журнале впервые публиковались многие рассказы С.Б. Балыкова: «Растоптанный тюльпан», «Любовь опоясанная», «Ассараев сон»; авторизованные переводы с калмыцкого: «Скупой царь», «Ханский указ»; публицистические статьи «Генералу П.Н. Краснову» (по поводу его нового романа «Ненависть», где карательный отряд чекистов назван «Джунгарским»), «Памяти командира», «Лама Борманжинов», «Этапы калмыцкой эмиграции», «О государственных идеях» и другие.

В 1932 году С.Б. Балыков вместе с И.И. Безугловым переехал в Братиславу, где ряд лет издавал журнал «Казакия», альманахи. Сохранилось его письмо в Сербию выпускнику Пражской гимназии С. Кульдинову, написанное на бланке редакции журнала «Казакия».

По имеющимся в фонде библиотеки КИГИ РАН произведениям С.Б. Балыкова, несколькими номерами журнала «Ковыльные волны» и копиям некоторых его писем разным адресатам прослеживается

трудовая, литературная, политическая деятельность С.Б. Балыкова до первой половины 30 годов. Дальнейшая его деятельность перед началом второй мировой войны и во время войны, вплоть до его кончины, мало известна.

В лагере Пфaffenгофен в Баварии правление «Союза калмыцкой молодежи» 2 января 1949 года устроило собрание, посвященное памяти С.Б. Балыкова: исполнилось шесть лет, как он ушел из жизни. После вступительного слова председателя правления А. Борманжинова, сообщение о творческой деятельности писателя сделал С. Галданов (псевдоним Ш.Н. Балинова), он, в частности, отметил: «Литературное наследие покойного значительное: он написал большое количество рассказов, повестей, неизданный роман из калмыцкой жизни «Честь девичья», публицистических статей, в общем – 371 названий...» [5].

Далее С. Галданов сказал: «В произведениях Балыкова, как в зеркале, отражена калмыцкая народная жизнь во всех ее проявлениях: быт, культура, религия, хозяйство, до мельчайших подробностей воспроизведены обычаи, нравы, традиции, с неизбывной любовью воспевал он свой «Борокчун», свой родной хутор Богла, примитивную мирную... жизнь...» [6].

Повесть «Девичья честь» была закончена в 1938 году в Братиславе перед второй мировой войной, с началом которой Чехословакия потеряла свою самостоятельность и была оккупирована.

В январе 1943 года в Братиславе в возрасте 49 лет С.Б. Балыков скоропостижно скончался.

С литературным наследием С.Б. Балыкова мы познакомились в 1990 году, когда по инициативе Джиджи Андреева на праздновании 550-летия «Джангара» в нашей республике побывала группа калмыков из зарубежья, благодаря которой наметились взаимные культурные связи, стали доступны зарубежные издания произведений С.Б. Балыкова: сборник рассказов «Сильнее власти» (Мюнхен, 1976), историко-бытовая повесть «Девичья честь» (Мюнхен, 1983).

Обе книги в 1989–1990 гг. изданы на английском языке Монгольским обществом Университета штата Индиана в г. Блумингтоне. Вот что пишет главный редактор издательства общества профессор Джон Крюгер: «Многие лица способствовали выходу этой книги... В первую очередь, это вдова автора госпожа Дорджима Бембетова, которая финансировала издание покойного мужа на русском языке. Ее добросовестным помощником двух изданий была Долма Ремилева.

Основной английский перевод этих двух книг является трудом князя Давида Чавчавадзе... Проф. А. Борманжинов оказал ему помощь в отношении проблем кочевой и пограничной терминологии, он же написал вводное слово об авторе С.Б. Балыкове...»

Все мы, принимавшие участие в издании двух книг на английском языке, убеждены в том, что эти книги освещают в истинном виде этнокультурные традиции американских монголов (калмыков – П. А.), и что они нужны, в особенности молодым людям калмыцкого происхождения...»

Легенда «В долине барсов» [7], вошедшая в сборник рассказов в переводе проф. А. Борманжинова, ранее была опубликована в журнале «Урало-Алтаистика» под ред. д-ра К. Загастера в 1986 г. В данный сборник легенда включена с некоторыми поправками» (перевод с англ. В.П. Санчирова).

Судя по письмам С.Б. Балыкова, мы видим, что он не был равнодушным человеком, его интересовало, заботило все, что касалось родного народа: он сопереживает, сочувствует, советует, поучает, иногда и критикует, возмущается. Эпистолярный стиль его очень разнообразен. Для каждого адресата находит он нужные, емкие слова. Письма его, перемежаемые воспоминаниями детства, калмыцкими пословицами, очень разные, содержат много сведений о калмыцкой эмиграции, ее неоднородной политической ориентации, мелкой борьбе за сферы влияния, должности.

Некоторые письма – почтительно-уважительные, например, адресованные бакше Санджи-Ракба Менькову, Абуше Алексееву; некоторые – нравоучительные, лирические, деловые, полемические...

Вот пример одного из писем С.Б. Балыкова в Сербию от 23 декабря 1931 г., адресованного С. Кульдинову. Сетую на некоторую инертность, он пишет: «... В ваши годы уже был хуторским атаманом в Богла, в 500 дворов, а несколько позже не меньшую роль играл в Зюнгарском полку, где было все сильное, здоровое нашего народа в период его напряженной борьбы с большевиками, а потом в лагере Турции, служба у англичан, работа в Болгарии, Франции, и все время в гуще этого самого народа... Я-то уж знаю его, как свои пять пальцев, знаю все его хорошие и дурные стороны... И такой же путь проделал Шамба. Вы хоть от богатых родителей, а мы с ним – от бедных. Вообще, «народ» и «не народ» в отношении калмыков нельзя употреблять. Это вам не русское дворянство и крепостные. Мы все – народ...»

В другом письме тому же адресату С.Б. Балыков, привлекая его к организации «Хальмг Тангчин Туг», раскрывает свою программу политической борьбы: «... Каждый свои скромные способности, будь то литературные, публицистические, ораторские, сценические, лучшие душевные качества, должен направить в сторону обретения политической, административной свободы.

Но как можно с нашим народом, при нашей численности, материальной бедности, добиваться полной политической свободы? Я думал в семье казачества найти долю культурной, административной и политической свободы, т.е. такого положения, когда Калмыцкая область могла бы выбирать свою власть, строить на калмыцком языке все ступени школы, быть хозяином на своем клочке земли, принимать равное участие в организации общегосударственной жизни и даже центральной власти. Моя идеализация казачества сознательная. На деле же это такой же несчастный народ, как и наш...».

В другом письме от 12 июня 1932 года С. Кульдинову, который выразил сочувствие вольноказачьему движению, С.Б. Балыков объясняет картину государственного устройства будущего казачьего государства, проекта под названием «Казакия»: «... Калмыки, входящие в «Вольное казачество», объединены в организацию, называемую «Калмыцкая национально-политическая группа» – «Хальмг Тангчин Туг» («ХТТ») ... Людей мы привлекаем с большой осторожностью ... Тебе мы предлагаем спешно, потому что ты нам нужен и полезен, у нас мало представителей молодой эмигрантской интеллигенции, за которыми – будущее ... У нас до сих пор нет заместителя председателя, который у нас называется «сельвкчи» ... У нас нет представителя в Сербии ... Руководящим группой (так называется председатель) – Шамба, главным секретарем – я.

Если согласен, то, пожалуйста, на имя президиума «ХТТ» – заявление ... мол, сочувствуя идее национального самоопределения, будучи согласен с программой «Вольного казачества» и «ХТТ», прошу принять меня в число национальной организации, после этого я вам пошлю билет и сообщу номер значка. Потом будете держать связь с нами. Одновременно с настоящим посылаю на имя Абуши Алексева [8] как председателю правления обращение к калмыкам. Прочтите, узнайте и помогите».

В следующем письме С. Кульдинову, младшему собрату, С.Б. Балыков еще раз разъясняет задачи национально-политической организации «Хальмг Тангчин Туг», связанные с национальным возрождением (стиль сохранен):

«1. Вопрос национального возрождения и прогресс невозможен без обретения для нашего народа национально-политических прав, без административной и общественной свободы в своей внутренней национальной жизни. Поэтому наша основная цель – добиться такого положения, при котором калмыцкий народ составлял бы национально-государственную единицу с полным правом самоорганизации своей внутренней жизни, с полной возможностью развития языка, с полной свободой в установлении своей местной власти, с свободой пользования своих местных богатств на основе хозяина своей территории.

2. Вследствие малочисленности нашего народа и природной бедности нашей территории, мы не считаем возможным ставить вопрос о полном государственном, самостоятельном существовании калмыцкого народа. Отсюда мы считаем нужным найти такие силы, которые могли быть нам полезны, с которыми мы могли бы строить общее государство.

3. Такого союзника мы, члены «ХТТ», нашли в лице казачества, в обществе «Вольное казачество». Стали мы на этот путь твердо, решительно и бесповоротно...».

Архив КИГИ РАН располагает копиями еще 29 писем С.Б. Балыкова за 1930–1932 гг., адресованных в Югославию, Болгарию, Францию различным лицам.

Вся переписка С.Б. Балыкова посвящена одной задаче: вовлечению как можно большего числа членов в «ХТТ», сочувствующих, поддерживающих идеи «Вольного казачества».

Вот одно из таких писем С.Б. Балыкова от 19 февраля 1930 года на бланке редакции журнала «Вольное казачество», адресованное в Сербию А.А. Алексеву. С обидой на старшего товарища, который не ответил на официальное послание, он пишет ему: «... В жизни бывает масса случаев ошибочных шагов. Это плохо, но еще хуже, если ... он не имеет мужества в этом признаться. Я заявляю о своей неправоте в случае определения Вашего отношения к вольноказачьему движению и выражаю свое сожаление...».

Мне, да и всем нам, калмыкам, вольным казакам, всегда казалось, что Вы отрицательно относитесь к нашей работе. Вероятно, поводом к такому общему мнению служило то обстоятельство, что Вы, старый общественный деятель, видя и зная о возникновении и существовании вольноказачьего движения, зная, что два ваших младших собрата, под ироническое отношение одних, под открытое – других, выбиваются из сил и буквально готовы делать друга из каждого, протянувшего руки, два года храните равнодушное молчание.

Если над Вашей волей довлело то соображение, опасение испортить положение калмыков в Сербии, то Вы все же могли хоть в частном письме написать пару слов одобрения и поощрения, что в высшей степени окрылило бы меня в нашей трудной задаче ... И теперь, если Вы говорите, что против лиц, работающих в «Вольном казачестве» ничего не имеете, т.к. вольноказачье движение считаете продолжением положения на Дону и в казачьих землях в 1917 г., то я принимаю свои слова обратно...».

Письмо С.Б. Балыкова от 20 февраля 1930 года адресовано Эренджену Хара-Давану. Все оно по-

вествует о состоянии дел в «Вольном казачестве», различных трениях. В конце письма он пишет: «Мы Вас считаем своим равноправным товарищем, и никогда Бадма (имеется в виду Б.Н. Уланов – П. А.) не упустит удобный случай, чтобы не предоставить достойную роль».

В письме от 17 апреля 1930 г. в Пловдив однополчанину Адаму Павловичу Зартынову С.Б. Балыков отвечает последнему по поводу стихотворения, посвященного командиру Зюнгарского полка, пишет, что идея очень хорошая, но технически стихотворение слабое. Ненавязчиво, не задевая самолюбия автора, осторожно советует пробовать писать воспоминания прозой, переводить с калмыцкого. Из этого письма узнаем, что в издательстве «Вольного казачества» был издан «Календарь-альманах на 1930 г.». С.Б. Балыков у себя в Пловдиве агитирует А.П. Зартынова в число распространителей журнала «Вольное казачество», «Календаря-альманаха».

Далее пишет: «... Я очень рад, что вы как один из сознательных калмыков поняли необходимость национальной свободы, нашего национального возрождения... При нашей слабости и малочисленности, нам приходится выбирать друзей... Таковыми являются наши двухсотлетние односумы-казаки, с которыми на полях брани и в мирной жизни давно смешалась наша кровь. Вот откуда я сотрудничаю в «Вольном казачестве».

После присоединения наиболее смелых и преданных, я рад, что в их рядах первых сознательных сынов калмыцкого народа оказались и Вы, Адам Павлович. Имя и отчество русское, но сердце у вас чисто калмыцкое, так и должно быть. Где бы мы ни были, каких положений ни достигли, мы всегда и всюду будем калмыками...».

Письмо С.Б. Балыкова от 17 апреля 1930 г. во Францию адресовано Бадме Ильзетиновичу (фамилия установлена, Иванов) [9]. Здесь есть такие строки: «От вас как одного из сознательных и интеллигентных калмыков, иного отношения к вопросу национального возрождения я и не ожидал... Среди наших братьев, среди интеллигенции, рядовых калмыков, старых и молодых, среди духовенства и даже женщин много сочувствующих и благословляющих наше становление. Поэтому мы, зачинатели и основатели этого движения, чувствуем, что мы взяли за правое дело...».

Без национальной свободы жизнь народа немислима. Она составляет элементарное условие, основное право отдельного народа...».

Далее С. Балыков сетует, что мало калмыков сотрудничает с журналом «Вольное казачество», в основном это рядовые, малограмотные казаки, а грамотные, такие, как Кузьма Сасыков, Санжа Алексеев, Учур Алексеев, смело могли бы сотрудничать, но по калмыцкой скромности удерживаются. Он пишет: «... Я тоже долго не решался выступать со своими рассказами, а потом оказалось, что мог и должен был выступить. Недавно я представил свои рассказы в Институте политических наук (иногда называется «Школа политических наук» – П. А.), и меня приняли действительным слушателем этого Института, а по правилам принимали только с законченным средним образованием, какового у меня нет, я только городское (училище) окончил, но, ознакомившись с моими вещами, нашли, что я писатель и журналист, потому удостоили приема. Теперь я старый, пузатый студент, под четвертый десяток лет, ... без специального образования, все-таки трудно. Курс Института два года, а по окончании буду квалифицированным политическим деятелем, и тогда «пропадай моя телега, все четыре колеса». Только, дай бог, благополучно окончить. Трудность заключается в слабом знакомстве с чешским языком. Ну, авось, как-нибудь выдююсь...».

В ответном письме от 24 декабря 1930 г. Эренджену Хара-Давану С.Б. Балыков огорченный тем, что тот отошел от Вольноказачьего движения, пишет: «... Я так был рад, что в Вашем лице обрели хорошего товарища, видного собрата... Что же делать, Эренджен?.. Пути наши, видно, расходятся, дай бог, чтобы было на время..., чтобы это было разницей тактических приемов, настроенных к одной только цели – к обретению нашим несчастным народом сносной жизни.

Вы уже второй раз пишете, что у «Вольного казачества» нет целей, кроме освобождения, а дальше что? – спрашиваете вы.

Во-первых, сама по себе основная цель – освобождение – настолько важная и существенная вещь..., по освобождении будем делать то же, что делают все освободившиеся народы, строить нормальную государственную жизнь, приобщать наш народ к мировой культуре, усиливать экономическую мощь, вообще жить, плодиться, размножаться, развивать свой национальный ум.

У казачества есть вековая твердая авторитетная организационная традиция. Это – выборная власть, Войсковой Круг. В остальных частях Казаки – местные выборные атаманы, утвержденные центром. Единая армия Казачьего Союза, единое внешнее сношение, единая денежная система, свободная торговля, свобода религии.

Если русская эмиграция ищет, какую форму власти сделать у себя... разбились на десятки партий

и на другой же день падения большевиков начнут опять грызться, то у казаков этого не будет, ибо вид государственного устройства у каждого казака в голове готов... Я никогда не затрагивал евразийского, которому вы симпатизируете, из уважения к убеждениям человека... Евразийство, на мой обывательский взгляд, политическое хитросплетение умных русских людей, задумавших под новым интересным соусом преподнести людям старое блюдо великодержавной централизованной России. Я очень боюсь, что тот пункт о народности, которым вас взял Савицкий, только безответные слова... видного человека среди Евразийства...».

Из писем С.Б. Балыкова стало известно, что журнал «Вольное казачество» рассылался во все страны, кроме России.

Письмо С.Б. Балыкова от 26 июля 1930 года во Францию Санже Ивановичу Улюкову, старому другу детства. После приятных моментов воспоминаний детства, удивляясь тому, что они остались живы, какие жертвы понес калмыцкий народ во время войны, он отмечает заслуги народа перед Россией со дня прихода в русские пределы. Объясняет товарищу, что из себя представляет «Калмыцкий союз» во главе с Б. Кушлыновым и «Калмыцкая комиссия культурных работников» во главе с Б. Улановым.

«Калмыцкий союз» – номинально существующая организация, ратующая за возвращение в Россию. Б. Кушлынова считают агентом большевиков. К этому вопросу примыкали больше рядовые казаки, тяготевшие к дому, к семье, которые хотели возвратиться домой (Так потом и было. Вместе с Б. Кушлыновым уехали в Россию 300 калмыков).

«Калмыцкая комиссия культурных работников» – большая организация, в составе которой люди всех убеждений и политических лагерей. Она кое-что сделала, вся эта работа делалась рукой Шамбы Балинова и моими... Оба ушли в «Вольное казачество», работа в «КККР» почти приостановилась... Работа Комиссии свелась к получению пособия от чехов и его поедания... Все же «Калмыцкая комиссия» делала и готова делать хорошее, может быть, еще сделает.

... По-моему, недостатком Комиссии является то, что ее члены слишком разных политических партий, от большевиков до монархиста... Уланов – социалист-националист, Баянов – кадет, централист, русофил, Д. Ремилев – руссопоклонник, сочувствующий милюковцам... Эрдне Николаев – казак-демократ, автономист, я и Шамба – националисты с ориентацией на самостийное казачество.

Понятно, каждый из нас считает себя на правильном пути, а другие ошибаются...».

Письмо подписано Шалвуром Ниминовым (псевдоним С. Балыкова).

Письмо С. Балыкова от 2 августа 1930 г. во Францию, в Тур, адресованное некоему Борису Хатьковичу (фамилия его не установлена, возможно, это Бембинов. – П. А.). Послание это интересно тем, что в нем описываются первые шаги по изданию журнала «Ковыльные волны». С.Б. Балыков пишет: «... Шамба едет во Францию на днях и там останется жить на все время. Вот по этому делу я хотел тебе написать пару слов, ибо считаю тебя нашим близким товарищем, которому не могу не говорить о важных наших шагах. Дело в следующем: Шамба собирается там издавать ежемесячный калмыцкий журнал. Для этого у нас есть ротатор и пишущая машинка. Писать будут: Шамба, я, Хара-Даван, бакша и все, кто сочувствует нашему начинанию. Наши парижские «интеллигенты» помогать нам не будут, так как не разделяют наших взглядов. Но на первый месяц у нас нет денег, а они будут нужны на покупку бумаги и краски. Этот расход думаем с Шамбой покрыть из своих тощих карманов, в то же время надеемся, что и наши товарищи хоть кое-что, на этот первый месяц, дадут... На второй надеемся найти средства... Кроме бумаги и краски, еще нужно изданные журналы разослать. Шаг наш в национальной жизни большой, так как до нас никто не решался издать журнал с чисто политическим направлением. Если был «Улан Залата», то он был журнал аполитичный, как и все другие.

Наш журнал будет ярко националистический, с Вольно-Казачьим оттенком. Вот, сообщая об этом, я приглашаю тебя к посильному сотрудничеству. Уже Саран (Ремилев) прислал одно стихотворение, посвященное памяти Тепкина. Ты мог бы дать условия рабочего рынка там, где живешь, или просто пока краткое приветствие. Нам надо продемонстрировать, что калмыцкая общественность, т.е. народная масса, не дремлет, ...что-то чувствует, ...думает о своей будущей судьбе...

...Я все еще служу секретарем редакции «Вольного казачества», за лето хочу хорошо подготовиться к зимним занятиям... Журналу своему буду помогать отсюда. Уже для первого номера дал две вещи. Кроме своего имени, я буду писать и под своим постоянным псевдонимом – «Шалвур Ниминов».

...Если бы они (пражские ученые) искренне думали бы и заботились об интересах своего народа, было бы ничего, мнения могут расходиться, это бывает, ...знаю, что двигает действиями их, осуждая нас. Одни из них боятся, что испортят будущую карьеру в России, другие ...возмездий, иные... что испортят отношения с русскими...».

Письмо С.Б. Балыкова, написанное в августе 1930 г. в Сербию, адресовано Санже Алексею [10],

в нем он поздравляет друга с переменой в жизни, женитьбой. После мелких подробностей далее пишет: «... Вот на днях Шамба выезжает в Париж и будет пытаться там издавать свой калмыцкий политический журнал. Есть ротатор, машинка и умение обращаться с ними и желание. Дело за небольшими деньгами, но и этот вопрос решим при некотором самоограничении.

Само собой разумеется, я не исполнил бы дружеского долга по отношению к тебе, если... не сообщить и пригласить тебя, как одного из молодых, хорошо грамотных калмыков к сотрудничеству с нами. В твоём умении и желании я не сомневаюсь...

Если ты на самом деле сочувствуешь идее национального освобождения, независимо от шансов и пр., тебе предоставляется возможность сотрудничать в своём калмыцком журнале, который ни копейки ни от кого не получает и не будет получать, который хотят издавать два фанатика исключительно на свои дырявые копейки...

Будь счастлив. Твой Санжа».

Последующие письма С.Б. Балыкова во Францию, Болгарию посвящены предполагаемому переселению в Америку.

Вот письмо С.Б. Балыкова Джамбу от 29 августа 1930 г. [11] в Болгарию. После обязательных приветствий и расспросов о родственниках пишет следующее: «... А потом считаю нужным сообщить для сведения... всех калмыков 150 человек собираются поехать в Америку для поселения на земле. Я состою членом Казачьего колониального комитета, который весной послал в Америку для осмотра земли, знакомства с местными условиями и переговоров с хозяевами земель и с американскими финансистами для кредита нам денег. ...Инженер Терещенко побывал в степях Техаса и северной Мексики, осмотрел землю, переговорил с кем надо... сообщает, что земля годна для обработки, плодородна, вода хорошая, есть реки, богатые рыбой. ...Места лежат по берегу морского залива... Климат сухой, тёплый, ...американцы устраивают там санатории...

...Так вот, дорогой Джамб, подумай, переговоры с соседями... составляют мне список и пришлют... для зачисления в список едущих. Из вашей Платовской станицы многие записались: Цуцукон Санжа, Хабу Яманов, Шунгуров, Бальжир Иванчуков, Эренцен Пагинов и др. Из иловайцев едут Александр Абушинов во главе..., доктор Хара-Даван, Абуша Алексеев тоже записались..., спишитесь с пловдивскими... Я сам еду. Твой брат Санжа Балыков».

Другие письма С.Б. Балыкова во Францию, в Нант, Гренобль, адресованные Ивану Абушинову, Кузьме Шарашевичу Сасыкову, Кони и Санжа Улюковым [12] все о том же, о предполагаемом переселении в Америку: что делать, куда присылать списки желающих.

Два письма С.Б. Балыкова от 28 октября и 1 ноября 1930 г. адресованы Шамбе Балинову.

Первое письмо разбито на пункты, их шесть:

1. Дает Шамбе поручение навести справки по Средней Азии, конкретно по Киргизстану, о киргизкайсаках (название казахов), о размере территории, числе всего населения, киргизов – отдельно. Сообщает, что у него готова статья в 30 машинописных страниц, ему нужно только уточнить некоторые данные.

3. Советует оставить журналу название «Ковыльные волны».

5. Предлагает заблаговременно подготовить материалы для сборника, написать Хара-Давану, что он может дать, на какую тему и сколько. Самому Шамбе предлагает написать статью «Уход калмыков из России, его причины и последствия для судьбы народа» [13].

6. ...«Взбулугаченную степь» решил увеличить ещё тремя главами и довести до размера приличной повести. Я ещё не иссяк. ...Намечается ещё пять-шесть сюжетов...».

В конце письма сообщает о своей болезни, пишет, что он храбрится, лечится, что в Страшнице (т.е. калмыцкой колонии в Чехии) он не бывает, «Улан Залата» сдан в дело.

Во втором письме к Шамбе Балинову все те же вопросы по поводу журнала «Ковыльные волны», денег, расходов на издание.

Письмо С.Б. Балыкова от 1 декабря 1930 г. в Сербию Абуше Алексееву написано на бланке Казачьего колониального комитета:

«Дорогой и глубокоуважаемый Абуша Апелевич!

Итак, пишу Вам ответ на то Ваше большое письмо. Я чрезвычайно рад тому, что своей статьёй о Вашем юбилее вызвал Ваше удовольствие. Поверьте, что я не для благодарности от Вас её писал. Если писал, то так и думал, и это находил нужным и достойным во всеуслышание сказать. Но не все так, оказывается, думали... Грустно все это.

...Работы у меня всяческой стало много, что не замечаю, как старею с каждым днем... с раннего утра до позднего вечера все что-нибудь делаю, все не успеваю, мечусь как угорелый, то редакции,

то школа, то Комитет, переписка, надо писать в журнал и туда (т.е. в «Ковыльные волны»), и сюда (ж-л «Вольное казачество»), и еще интересно жить такой жизнью... Там что выйдет из нашего дела или ничего не выйдет, кто его знает, но, по крайней мере, сейчас живу-горю и чувствую себя исполняющим свой национальный долг. А это чувство – хорошее чувство».

В письме от 12 июня 1931 года во Францию своему станичнику Борису Бембинову, кроме всяких новостей, сообщений о выходе 3 номера журнала «Ковыльные волны», С.Б. Балыков пишет о том, что содержание этого номера будет гораздо интереснее, разнообразнее первых; что он написал рассказ «Рас-топтаный тюльпан» и ряд политических статей, а Шамба написал международный обзор, статью из истории калмыков, Саран Ремилев – стихотворение, посвященное полковнику (Гаврилу) Тепкину; дали стихотворения Петр Крюков, Владимир и Константин Поляковы... [14].

Из этого письма видно, что С.Б. Балыков был хорошим наставником, подталкивал людей к действию: чтобы писали, развивались. Он советует Борису переехать в Париж, ближе подружиться с Шамбой; поскольку он уже хорошо знает французский язык, советует читать хорошие книги, сочинения французских писателей и политических деятелей – Клемансо, Эрио, Анатоля Франса и других.

Пишет об успехах учеников-станичников, уроженцев станицы Денисовской, сообщает, что их уже пятеро вместе с ним самим: Содмон Кульдинов, Мирма Шиханов, Санжа Уланов, Александр Бурчинов. У А. Бурчинова были способности к рисованию, и он из Моравской гимназии перешел в художественную школу в Праге. Он и оформил обложку 3-го номера журнала «Ковыльные волны».

Письмо от 5 августа 1931 г. в Сербию Санджи-Ракба, бакше Санджи Басановичу [15], очень почтительное, уважительное, с интересными предложениями человека, глубоко заинтересованного в решении некоторых вопросов, связанных с религией калмыков, образованием молодежи. В очень деликатной форме предлагает Санжи-Ракба выступить с инициативой оказания помощи студентам в Чехии, оставшимся без стипендии, путем общего сбора денежных средств среди калмыков, хотя не совсем надеется на успех.

Интересуется мнением уважаемого бакши Санжи Умальдинова [16] о его статье о ламе (речь идет о ламе Менько Борманжинове): правильно ли он оценил его деятельность?

Дальше сообщает: «...4-й номер выпустим нескоро, так как у нас с Шамбой порох денежный кончился, а помогать никто не помогает и мы залезли в долг... Постараемся к «Зулу»... Готовьтесь к этому времени написать в калмыцкий отдел текст побольше. Как вы думаете, не поднять ли нам вопрос об избрании одного из бакшей духовным главой, «Ламой» всей калмыцкой эмиграции? Ведь для этого не обязательно съезжаться, а можно путем письменных голосований, так называемым способом плебисцита. Вы поднимали вопрос, чтобы отдать двух-трех детей в манджики. Вопрос, по-моему, интересный...»

У нас здесь в этом году большое горе: чехи сократили помощь русской эмиграции... Шестеро наших студентов лишились стипендии... принуждены бросить университеты. Вот беда... Некоторые предлагают обратиться к калмыкам... ежемесячно жертвовать по 5 франков..., чтобы дать возможность этим студентам закончить университеты...

Ваш Санжа».

Письмо от 25 августа 1931 г. во Францию станичнику Шаршикову:

«Ваше письмо, адресованное редактору журналу «Вольное казачество», я как секретарь редакции и как единственный в ней представитель калмыков читал. Я очень рад, что идея, проповедуемая нашим журналом, интересует вас. ...По моему глубокому убеждению, возрождение калмыцкого народа будет обеспеченным, если казачество получит самостоятельное государственное положение и в состав этого государства в качестве равноправной, федеративной единицы войдет и калмыцкий народ. В программу «Вольного казачества» это входит... Мы, члены калмыцкой политической группы «Хальмг Тангчин Туг», издающей журнал «Ковыльные волны», входим в состав вольноказачьей партии. Руководим организацией я, Санжа Балыков, и Шамба Баинов.

...Вы пишете о своем желании поддержать студенческую кассу взаимопомощи. Дело хорошее... Положение студентов еще больше ухудшилось. Почти все они потеряли стипендии от Чешского правительства... Я тоже состою членом кассы, ежемесячно вношу по 10 франков.

Вы во Франции многие не пропали, сделали карьеру. Надо полагать, что вы человек энергичный, а калмыцкому народу таких надо много-много...».

На этом письмо обрывается.

Среди копий писем С.Б. Балыкова за 1930–1931 гг. имеется несколько писем без даты. Среди них единственное письмо С.Б. Балыкова, адресованное женщине. Это Сарра Бембиновна [17], жена доктора Эренджена Хара-Давана. Мы раньше упоминали о нескольких письмах С.Б. Балыкова Эренджену Хара-Давану, с очень уважительным обращением как к собрату, соратнику, другу, близкие отношения с

которым сложились не в первый год. Надо полагать, автор письма и его получательница были знакомы раньше, со времен учебы в станице Великокняжеской, в Чапраке. С полной уверенностью можно предположить, что в группе молодежи, ездившей в 1917 г. в Башанту, описанной С.Б. Балыковым в повести «Девичья честь», была Сарра Хара-Даван, в девичестве Алексеева. По предположению старых эмигрантов, С. Хара-Даван послужила писателю прототипом Джинджи, одной из героинь повести, а ее жених Эрдне Пуков, погибший на острове Лемнос, – прототип Бадни Цагакова.

Поскольку это единственное письмо, обращенное С.Б. Балыковым к женщине, приводим его полностью.

«Дорогая Сарра Бембиновна!

Я очень боюсь в этом письме перейти грани обыкновения, ибо так сильно во мне сейчас клокочут волны бурного восторга от вашего краткого, как будто наспех набросанного письма.

Жестокий вы человек, как и все хорошенькие женщины. Я до сего времени был уверен, что вы, в лучшем случае, равнодушны к моему национальному трепету, к моему горению, ибо вы ни устно, когда были, и никаким иным образом не давали мне понять о вашем сочувствии, что приходится думать так: «Сарра – интеллигентная женщина, не может быть совершенно равнодушной к нашему новому движению, одна должна была выразить сочувствие или открытое порицание, но раз ни того, ни другого нет, значит, она просто не хочет нас огорчать своим осуждением».

Но (ох, как приятно) оказывается вы сочувствовали нам и одобряли нашу скромную, честную работу, работу, которая вызвана никакими иными соображениями, кроме как только искренней верой и убеждением, что так нужно во имя интересов нашего несчастного народа.

Я говорю всегда и всюду, что идея национальной свободы так притягательна и хороша, что если хоть из тысячи шансов есть один за осуществление нашего стремления, то за этот один шанс стоит жертвовать жизнью. А у нас, в данных условиях международной обстановки, в данном положении России, шансов на воплощение нашей идеи в жизнь больше, чем один.

Много приходится встречаться на путях работы со всякими неприятностями, подчас даже мириться и с тем, с чем в обыкновенных делах не примирился бы, но сознание, что все это нужно, чтобы достичь конечную цель, дает силу и крепость. Многие не одобряют нашу работу, и каждый случай осуждения, особенно, от своих старых братьев и друзей, нас сильно огорчает, но зато бывает немало моментов внутреннего удовлетворения, когда от других получаешь пару добрых слов.

Смелее смотришь тогда вперед, ровнее и увереннее дышишь. Недавно я, совершенно неожиданно, получил доказательство сочувствия нам Абуши Апелевича, который у нас считался безнадежным в этом смысле. Меня сильно это обрадовало, и я написал ему очень теплое письмо. Я везде, в каждом ищу поддержки и помощи; взялся за Санжу (Алексеева), не взирая на всеобщее неважное отношение к нему здешних, и думаю, что из него выйдет хороший мне товарищ. По существу, он парень способный.

Но, ей-богу, не комплимент, никогда до сего времени, ни от кого я не получал такую награду за свою работу, как от вас, в виде вашего маленького письма. Из вашего письма выходит, что я даже осушил слезы на ваших прекрасных глазах... (Стой, как бы тут не перейти в объяснения иного порядка, ведь я старый ваш поклонник, поэтому и нужно мне с вами осторожно).

Одним словом, большое вам спасибо. Я настолько обрадован вашим с нами политическим единомыслием, что не огорчаюсь, что наши не вполне поняли и оценили мою пьесу. Ничего. Все будет в свое время. Придет время, поймут. Я еще много буду писать – и хуже, и лучше.

Я совершенно не удивляюсь, что не поняли и должным образом не приняли драму, так как я помню время, когда я впервые выступал со своими рассказами, многие возражали и указывали на ту или иную неточность... т.е. не понимали, что значит рассказ, что значит статья, беллетристика или публицистика. А потом, слава богу, привыкли и теперь очень хорошо читают.

Я часто себя спрашивал, почему Сарра никогда ничего не пробует и ни от кого не мог добиться ответов. Нельзя смотреть, что наши не поймут и не одобряют. Ведь куда дальше идти? Осудили, да еще группой, выход книги Эренджена. Что с таких требовать! Если на них смотреть, так совершенно ничего нельзя делать. Ведь я ни разу нигде не говорил про үкснэ зовлңг, у меня калмыки всегда едят мясо от зарезанного животного, а если заговоришь про то, так возмутятся. Ну, это действительно наш национальный позор, и про него нужно всегда молчать, чтобы наши не только перестали употреблять, но и забыли, что когда-то его ели. На этом я кончаю и даю бумагу моей Доржме, которая тоже Вам хочет что-то написать. Целую ручку, не только на словах.

Ув. Вас Санжа Балыков».

Письмо С.Б. Балыкова во Францию У.Д. Алексееву не датировано, но судя по содержанию, написано в 1932 году, так как в это время С.Б. Балыков должен был закончить учебу в политической

школе. Основное содержание письма все о том же: вовлечение новых членов в организацию «ХТТ».

С.Б. Балыков пишет: «...Мы за числом членов никак не гонимся, считаем, что лучше быть в числе двух-трех, но надежных и достойных... Вас бы мы приняли... Мы приняли такое правило, чтобы иметь людей, ладящих между собой, чтобы меньше скандалов было. В общественной работе это имеет большое значение. Все равно миллионную партию не наберем, так хоть выиграть в качестве и крепости партии...».

Письмо С.Б. Балыкова Эренджену Хара-Давану не датировано (оно могло быть написано не раньше 1928 г. и не позднее 1931 г.). Из него следует, что С.Б. Балыков выполнял в Праге некоторые поручения Э. Хара-Давана, проживавшего в Сербии. После всех деловых ответов и местных новостей он пишет: «...Как ваш тесть? [18] Бедные, как они там еще живы. Видимо, и мои братья [19] тоже там. А какая ужасная жизнь... Бедная Сарра [20], как она должна переживать, зная, что старый отец именно в таких нечеловеческих условиях... Я хоть не уверен про своих братьев, может быть, они оказались более счастливыми и уже умерли... И вот как подумаешь, что все лучшие люди в таких условиях...

...Да, Владимирцов умер [21]. В газете была точная дата. Жаль... Скоро и старик Котвич [22] отойдет, и кончатся хорошие ориенталисты... Уваж. ваш Санжа».

Во Франции у станичника А. Конторова случилась семейная трагедия, которая привела к смерти жены. С.Б. Балыков обратился к станичникам с письмом, которое, судя по упоминаемым в нем именам жителей Белграда, было направлено в Сербию.

«Дорогие станичники, денисовцы.

Все вы уже слышали, как с нашим молодым станичником Антар Конторовым случилось большое несчастье, и как его трое детей остались без призора и временно приютены сердобольными людьми. В жизни человека бывают моменты, когда необходима бывает общая помощь первому, наиболее серьезно пострадавшему. Положение Конторова и его малолетних детей и есть тот случай, когда нам, его станичникам, нельзя молча пройти мимо несчастья. «Балудт уншн темәнэ эзнэ күчлдг» – точно так же и мы, богшургна әәмгә залус, ик-бах уга, угатя-байн уга, цуһар дүүһән дөңгж, зовлңгас гетлүлх, өнчрсн бичкн күүкдтнь адгтан эцкинъ орвулх зөвтәвидн...

Я не думаю, что все вы останетесь равнодушными к этому случаю, и сумеете урвать от своих трудовых грошей понемножку, чтобы помочь делу его освобождения. Чтобы нанять адвоката... добиться освобождения надо 2000 франков... Я думаю, что мы, денисовцы, сумеем преодолеть такую сумму... И калмыки других станиц помогли нам... Беда случается с каждым...».

Случилось следующее: у молодого большого фабричного рабочего, калмыка А. Конторова, жена ушла к другому, к бывшему жениху, разлученных в годы беженских походов 1919–1920 гг., оставив троих детей. Муж пришел разобраться к сопернику, убил жену. От испуга умерла еще одна женщина, французенка, жена калмыка, ожидавшая ребенка. Конторова посадили, дети остались без родителей. В результате трагедии трое лишились жизни.

Причина трагедии имеет глубокие корни – всему виной война, трагедия беженской судьбы. В эмиграции оказались в большинстве мужчины-казаки, женщин было мало. Вопрос создания семьи был очень сложным, многие казаки-эмигранты так и состарились одинокими.

Трагедия одной семьи, судьба детей волновала всех сородичей, они приняли посильное участие в их судьбе. Сын Конторовых И. Конторов воспитывался в семье Ш. Балинова, двое других были определены в детские учреждения (со слов И. Конторова, г. Элиста, 1992 г.).

Письмо С.Б. Балыкова от 28 марта 1932 г. в Россию адресовано Нури Илюмжиновичу, тоже эмигранту, незадолго до 1932 вернувшемуся на родину, который в письме к другому адресату интересовался С. Балыковым и передавал привет. В ответном письме С.Б. Балыков пишет: «Мое письмо вызывается тем обстоятельством, что в вашем письме услышал явное желание получить отсюда информацию о жизни и положении калмыков в эмиграции. На этот счет осведомленнее меня нет, потому что я имею связь со всеми эмигрантскими колониями...».

Писать туда вам, в страну, куда опасно писать, чтобы не доставить получателю неприятности... я всегда воздерживался. Но вот вы почти с самого начала возвращения туда продолжаете писать и спрашиваетесь на ответы... Ну, что же, дай бог, чтобы вы преуспели в своей деятельности... сумеете оказаться полезным своему народу в его современном положении.

Итак, я начинаю:

1. О калмыцкой эмиграции вообще.

Не считая отдельных калмыков, разбросанных по разным странам, главная масса, 1000 с лишним душ, находится, как вам известно, в Болгарии, Югославии, Чехии и Франции, преимущественно в последней. По численности после Франции идут Сербия, Болгария, Чехия. Помимо этого, в Польше – 15 человек,

4-5 человек – в Бельгии, 1 – в Аргентине, 1 – на Корсике, 1 – в Турции, десяток во Французском легионе.

2. Условия жизни. Живет большинство во всех колониях тяжелым физическим трудом... 8-10 часов физической или строевой службы, служба в подводниках, кучерах, работники в сельских хозяйствах.

В результате кризиса... потеряли работы, кое-кто нуждается, но с голоду никто еще не умер и руку еще никто не протягивает на улице... Во Франции безработные пользуются государственным пособием, достаточным на пропитание. В частности, мой тесть... вот уже больше года сидит на французском пайке и даже не ищет работы, и таких стариков в Париже 7-8 человек.

...Ваши письма рисуют недурную жизнь... картина тамошней жизни нам известна...

...Вы писали, что Амур-Санан состоит зав. восточным отделом при Госфильме и нуждается в бытовых материалах... Таких вещей больше всего у меня. Одних бытовых рассказов, напечатанных.. около 30 и большая повесть. Я бы дал ему даром, но вот как переслать... Его книга («Мудрешкин сын») у меня есть, вижу, что человек легко и с душой пишет... Советские фильмы я видел. Это клюква на клювке. Например, «Буря над Азией»... [23].

...Теперь разрешите Вас просить удовлетворить мое любопытство: я хотел бы знать, живы ли мои родные, кто жив и кого нет... если напишите, будут искренне рад.

...Рерих [24] прислал в наш храм в Югославии иконы из Монголии и Тибета. Наш бакша [25] бакшует, бакша Нимбушов [26] живет во Франции, и несут свои миссии – удовлетворение религиозных запросов своих собратьев. Если только можете, хоть двумя словами ответьте на мой запрос, хоть в чужом письме о моих родных... Уважающий СББ».

Из обзора имеющихся материалов, изданий произведений С.Б. Балыкова, зарубежных калмыцких журналов, копий некоторых его писем разным адресатам за 1930–1932 гг., мы имеем возможность узнать о литературном творчестве писателя, его общественно-политической деятельности и о жизни калмыцкой эмиграции в целом в первое десятилетие их пребывания на чужбине. Мы узнаем о быте эмигрантов, пока еще не забытых народных традициях, трудовой деятельности, учебе молодых, политической борьбе старшего поколения за сферы влияния, т.е. видим их такими, какими были в действительности: как жили, трудились, приживались на новом месте, в новых условиях, в иноязычной среде, как стремились в единению, чтобы не раствориться среди чужих народов...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По официальным данным год рождения С.Б. Балыкова указан 1895 год, так как он опоздал на первые старинные сборы казачат, пошел на сборы с новобранцами следующего года и записан 1895 годом. Родился он в год лошади, что соответствует 1894 году / инф. Асархинова К.Б. Элиста, 1994.

2. Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки / автор-сост. П.Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 66.

3. Ковыльные волны. 1936. № 13–14. С. 5.

4. Вольное казачество: Иллюстрированный, литературный и политический журнал / ред.-изд. Инж. И.А. Билый. Прага, 1927. 1938. №№ 1–52.

5. Обозрение. 1948. 25 янв. С. 4.

6. Там же.

7. Легенда «В долине барсов» С.Б. Балыкова впервые опубликована в ж-ле «Ковыльные волны». Париж, 1933. № 7. С. 6–12.

8. Алексеев Абуша Апельевич (1883–1948) жил в Сербии с 1922 г. Более десяти лет возглавлял калмыцкую колонию в Сербии. Один из инициаторов строительства Буддийского храма в Белграде.

9. Фамилия Бадмы Ильзетиновича – Иванов, что подтвердила Саня Замбовна Джевзинова, 1922 г. р. в письме в апреле 1996 г.

10. Санжа Алексеев, сын Абуши Алексеева, рождения, примерно, 1905–1906 гг. Учился в одно время в гимназии в Праге в 1920 годы, где жил и работал С.Б. Балыков.

11. Речь идет о Джабе Кавлюшове, ур. ст. Платовской / Информ. С.З. Джевзиновой. 1996 г., апрель.

12. Фамилия Кони и Санжи – Улюковы / Информ. С.З. Джевзиновой. 1996 г., апрель.

13. Статья напечатана под названием «Памятная дата в калмыцкой жизни» / Ковыльные волны. 1932. № 5. С. 17–22.

14. Петр Крюков, Владимир и Константин Поляковы, сотрудничавшие с журналом «Ковыльные волны», казаки, родом из Дона.

15. Санджи-Ракба, фамилия его Меньков, молодой буддист, нес службу в буддийском храме в Белграде.

16. Бакша Санджи Басанович, фамилия его Умальдинов (1882–1946), ур. ст. Денисовской. Бакша Буддийского храма в Белграде с 1929 года по 1944 год, до ухода калмыков из Югославии во время войны. Умер в 1946 г. в г. Крумбах, Баварии. Подробнее см.: кн. «Богшрахинский аймак и богшрахинцы...». Элиста, 2002. С. 47–49.

17. Сарра Бембиновна Хара-Даван (1892–1980), ур. ст. Граббевской.

18. Тесть... Речь идет об отце жены Э. Хара-Давана учителе Бембе Сидоровиче Алексееве. В 1929 г. его семья (он, жена и сын) были выселены на Урал. Через год они бежали оттуда, подверглись гонениям. Сын их, Борис Алексеев (1911–1944), участник войны, связист. По болезни (туберкулез) откомиссован, из госпиталя выписался инвалидом войны в 1944 г. Дальнейшая его судьба неизвестна.

19. Один из братьев С.Б. Балыкова Бадма Балыков (1885–1960) до 1937 г. работал ветеринаром на Сальской зональной опытной станции, сочетая практику с селекционной работой по улучшению пород сельско-хозяйственных животных. В 1937 году арестован, сослан в лагерь сроком на 10 лет в Архангельскую область. Умер в 1960 г. в пос. Аршань / Информ. Асархинова К. Б. Элиста, 1992.

20. С.Б. Хара-Даван последние годы жизни провела в монастыре Геше Вангьяла в штате Нью-Джерси. Умерла в 1980 г.

21. Владимирцов – академик Б.Я. Владимирцов (20 июля 1884 – 17 августа 1931).

22. Старик Котвич – ориенталист В.Л. Котвич (20 марта 1872–1944).

23. Так назывался за рубежом фильм кинорежиссера В.И. Пудовкина «Потомок Чингис-хана» (1929).

24. Рерих Н.К. (1874–1947), русский художник, путешественник, тибетолог, жил за рубежом с 1918 г., в США, Индии. Совершил ряд путешествий, два из них по Центральной и Восточной Азии.

25. Речь идет о бакше Санджи Басановиче Умальдинове. См.: примеч. 16.

26. Нимбушов Дорджи (1875–1944), ур. ст. Ново-Александровской (Гелнгикинский аймак). В 1916–1920 гг. занимаемая должность бакши станичного хурула. Умер в г. Париже.

БАЙНА ДАНР

20-ч жилмүдин Гражданск дээнэ учрар, хойрдгч делкэн дээнэ көлд, кесг хальмгуд төрскн һазрасн хольжад, телтр тусад, Европин дала ордудар тарсн болдг.

Теднэс эмд мөнд үлдсн, теднэ салтрмуд ода икнкнх Америкд бээнэ.

Тедн дунд сурһульта, эрдмтэ, хальмг һазртан тачасн, хальмгудын сойлын зөөр хадһлж йовсн улс чигн бээнэ. Одахн күртл тер улсин тускар келж, бичж, эмтнд сонсхдг арһ уга билэ.

Сүл цагт мана орн-нутгт, Өрәсәд шин хэләвр эклж бээнэ, һазадын ордудт бээдг мана орн-нутга улсин тууж экләд шинжлһнд оржана. Орсар келхлә, «История русского зарубежья». Тедн дунд, хальмгудын тууж. Энүнлә ирлцүләд, телтр насан чиләһәд, сәһән хәәсн нег хальмг күүкд күүнэ тускар медүлхәр бэәнөвидн. Терүнэ нернь – Улана Нарна Данр, авалиннь нерәр болхла, Байна Данр гидг күн.

1890-ч жилд Теңгә хальмг һазрт, Гелнгәхнэ әәмгт, теңгә хальмг хазгин Улана Эрнцнэ Нарна өрк-бүлд күүкн төрж, хальмгин келнэ айлһар, Данр нер эзлж. Хальмг бурхна зурхан номар Дава болн Нарн хойр нернәс үүдсн иим нер Дондг Даши хаана дү күүкн түрүн болж зүүсмн.

Данрин эцкнх хазгин полкин офицер Пиитр хотл балһснд церглж йовсмн. Энүнә седвәрәр болн бүрдәмжәр 1903-ч жил төвдин эмчин медрлтә Эртнә хурлын Зунһру багшта хамдан Төвд тал хальмгудын зуучлһ күцәсмн.

Данрин төрскн Гелнгәхнэ әәмг, эс гиж Төркмүдәхн (орс нернь – станица Ново-Алексеевская) теңгә хальмгудын әәмгүд дунд тооһарн зөвәр ик бәәсмн.

XIX-ч зун жилин чилгчәр әәмгин цутхлң деер 1000 һар күн бәәршлжәсмн. Атаманский, Калмыцкий, Стояновский, Николаевский гидг күүтрмүдтәһән 3000 үлү әмтн бүүршлжәсмн. Стояновск күүтрнх хөөннх әәмгин нерн тохрад Гелнгәхнэ әәмг, станица Стояновская нер зүүв.

Эн әәмгин цутхлң деер эклц школ, танчин паравлян, почт, фельдшерин пункт, хулд гүүлгәнә лавкс бас бәәсмн.

Эклц сурһулян Данр эврәннх әәмгтән сурсмн. Хальмг хазгудын күүкд-көвүд дундын сурһуль Сальск округин цутхлңд, Великокняжеская станицд (хальмгаһар Чапрак, ода болхла Пролетарск) сурдг бәәсмн.

XX-ч зун жилин эклцәр, Өрәсәд, эгл әмтнә күүкд-көвүд өөдән, сән ик сурһуль авхар шунцхадг болв. Әәдрхнә хальмг теегин билгтә баһчуд олна эв-арһар, дөнгәр, Әәдрхнә дундын сурһульд, гимназъд, училищд сурдг болв. Казань, Пиитр, Шарту болн нань чигн балһсдт ах сурһуль сурдг бәәж. Тедн дундас мана түрүн ах сурһульта интеллигентнр, юристнр Очра Номт, Байна Санж, эмчнр Хар Даван Эрнжән, Душана Үлмж, багшнр Нарман Лиж, Чапчан Араш, Масловин Алексей болн нань чигн улс.

Теңгә хальмг баһчудын элчнр Великокняжеская, Константиновская станицсд гимназъд, учи-

лишд, Кермн балһснд, Ростовд дундын сурһульд сурад, түүнэ хөөн зэрмнь Өрэсэн хотл балһснд чигн сурдг бээсмн. Тиигэд, XX-ч зун жилин эклцэр Пиитрт ах сурһульд оржасн баһчудас Байна Санж, Хар Даван Эрнжэн, Очра Номт, Манжин Дорж, Бадм, Данр ах дү хойр Улановихн бээж.

Улана Бадм Петербургск университетин юридическ факультетд эклж орад, сурһулян Казаньд төгсөв. Энүнэ дү күүкн Данр болхла, Пиитрт күүкд улсин Бестужевск ах курст акушерин эрдмэр сурһуль дассмн. Мана тоолврар, Улана Данр Бестужевск ах курст хальмгудас һанцхарн орсн болдг бээдлтэ.

Петербургск университетин профессор Андрей Николаевич Бекетов һарджах интеллигенцирин кружокин седвэрэр, 1873-ч жил эрэсэн күүкд улс дед сурһуль сурхин төлө, күүкд улсин (институтын ирццэтэ) ах курс бүрдэгдсмн. Түрүн болж энүг профессор Бестужев-Рюмин ахлсмн. Эн учрар Бестужевск курс гиж нер зүүсмн.

Хаана йоснд эн курс таасгдл уга, күүкд улст дала сулдхв хээгч седвэр авчана гийһэд, хаахар седсмн. Болв сэн седвэртэ орс интеллигенцир энүг харсад, зүткэд бээж, курс шинэс үүдэсмн.

1914-ч жил курсд 7000 күүкд сурчасмн. Теднэ тоод ор һанцхн хальмг күүкн сурчасн болж һарчана. Эгл эмтнэ күүкд ах сурһульд бичэ суртха гийһэд, правительств оln зүсн саалтг учрасн болдг. Курст сурһуль дасхин төлө күүкд мөңг орулж өгх йоста бээсмн. Сурһульчнр олар бээдг герт бээх йоста. Нань чигн саалтгуд бээсмн.

Данр, Намжл күүкнәннь келсэр, хотл балһснд сурчасн цаган бүләнэр сандг бээж. Оln сурһульч бээдг герин нег хорад хойр еврей күүкнлэ хамдан баһ стипендьэрн бийән теткж бээсмн.

Бестужевск медицинск курс төгсэснэ хөөн акушер эрдмин иткл цааста, эврәннь нутгтан күүкд улст төрлһнэ халхар тусан күргдг болв. Тиигэд көдлснэ хөөн Донской университетин физико-математическ факультетин естественн энгд орад, 1919 жил төгсэсмн. Гражданск дэәнэ учрар университет төгсэсн дипломан авч чадсн уга. Болв Ростов балһсна Донской университет төгсэснэ иткл цаасн энүнд бээж.

Данрин күүкн Намжл Бурхинован келсэр, XX зун жилин эклцэр, Пиитрт, сурһуль сурч йовсн цаган, тер цагин хальмг үүрмүдән бүләнэр тодлж келдг бээж. Хальмг теегэсн хол сурһульд йовх баһчуд хоорндан үзлж, хальмгин байрин нээрән темдглхэр цуглрдг бээж.

Тер цагт Пиитрт Манжин Дорж хойр ном дасдг бээсмн: университетд – юристин халхар, консерваторьт виолончелин класст сурчаж. Хальмг көгжм сонсхдан дурта, консерваторин багш профессор Николай Андреевич Римский-Корсаков, Доржиг дуудад, хальмг айсмуд татулад, сонсдг бээж.

Болв билгтэ хальмг көгжмч көвүнэ әмдрлнь зуурдар тасрв. Ар үзгин киитн, чиигтэ йиртмж теегин улст зокдго билэ. Дорж гемнэд, сурһулян төгсөж чадсн уга. Өөрхн үүрмүднь, багшнрнь әмнүләд, эдгэж авхар, Финляндүр йовулв, болв эннь тус болсн уга.

Тер жилмүдт Петербургин университетд моңһлч Андрей Дмитриевич Руднев багш бээсмн. Урднь, 1903-ч жил А.Д. Руднев финск номт Рамстедта хамдан Хальмг теегт ирж хальмг тууль, ду цуглулж, бичж авсн болдг. Тер көдлмштнь хальмг оютнр Байна Санж, Хар Давана Эрнжэн, Очра Номт, багш Нармин Лиж дөң болсн бээж.

Хөөннь, Пиитрт, А.Д. Руднев «Моңһл келтнрин айсмуд» гидг статья барт белджэсн цагт, тенд сурһуль сурчасн хальмг оютнр айсмудинь дуулж өгэд, нот бичлһнднь тусан күргж.

1993-ч жилин июль сард Данрин күүкн Намжл иигж келж өгв: «Экм Пиитрин студентрәс Очра Номтыг тодлж келдг билэ. Очра Номт Баһ Дөрвдә нутга, Черноярск уездын кирслсн хальмгудас бээж. Очра Номт үгтә-күүртә күн бээж. Эднә сүл харһлт һашута жилмүдт, Гражданск дэәнэ көлд, Ховң һолын көвәд, Екатеринодарт болж. Орһж йовх әмтнә ик зунь Ховңгин һолын эргнд әмнәсн һаһцж, цөөкн үлдснь цааран Хар теңгс темцәд зулж йовсн цаг. Түрү-үдү цаг, хот-хол ховр. Очра Номт цааран йовшгоһар Екатеринодарт үлдхәр шиидв. Кесг жилин туршарт үүрлж йовсн Байна Санж, Очра Номт, Улана Данр эдн сүл асхан хамдан давулж. Нег һалуна мах хулдж авад, терүгәрн хот кеһәд, салхиннь учрар нег бичкн нәр кеж. Очра Номт тер асхн үүрмүдтән, уулын келн улсин «Наурская» гидг би биилж өгч. Шулуң-шудрмг, гийгн цогцта, сән биич бээсмн гийһэд әкм келдг билә», – гиж Намжл келв.

Намжлин келсэр, Данр Уланова, мел тер сүүл харһлтан, Очра Номт яһж биилсинь бәс-бәәс гижәһәд, сергәж келдг билә, гив.

20-ч жилмүдт Данр Петербургск юридическ факультет төгсэсн Байна Санж авальтаһан Прага балһснд бээсмн. Баяновихн, өрк-бүләрн, Прага балһснд бүрдәсн сойлын көдләнрин хальмг комиссин шуңлтта орлцачнр бээсмн.

Һазадын орн-нутгт хальмг интеллигенцирин элчнрин бүрдэсн эн организацин һол күслнь – эврэ келән, сойлан, туужан болн номан хадһллһн гиж зөрсн бөөж. «Хонх» гидг эврәннь барин орган бүрдэж. Терүндөн барлсн материалан хальмг келәр «тод үзгәр» барлдг бөөж. 1924-ч жиләс авн 1927-ч жил күртл «Хонхин» тавн һарц барас һарсмн. «Хонхд» барлгдсн материал цуглулж белдснд Байна Данрин тәвц ик. Тер хураңһуст хальмг амн-үгин зөөр меддг улсас бичж авсн туульс, үлгүрмүд, хальмг дуд барлгдж. Зөрм дуудын нот бас барлгдсмн. Терүнә белдвр Байна Данр күцөж.

Хальмгин үнтә гисн зөөр «Жаңһр» эпосар Данр икәр соньмсдг бөөсмн. 1925-ч жилд «Хонхин» түрүн һарцд хальмг эпосин нег бөлгинь барлгдв. Прага балһсна гимназъд сурчасн хальмг сурһульчнрин драматическ кружокд Данр «Жаңһр» эпосин нег бөлгин мөрәр наад бичәд, бел кеж. Эн наадан сурһульчнр Прага балһснд хальмг улсин Цаһан Сар нөөрт үзүлж.

Орчулачин көдлмш Данр бас кедг бөөж. Алдр орс бичәч А.С. Пушкина «Капитанская дочка» түүк хальмг келнд буулһад, 1927-ч жил «Хонх» журналын 4-ч һарцд тод бичгәр барлж. Джаб Бурхиновин келсәр, Данр нань чигн орс бичәчнрин үүдәврмүд орчулсн болж һарна. Теднинь хөөж, олж авх кергтә.

Байна Данр хальмг улсин эпос «Жаңһрар» цааранднь чигн соньмсад, «Жаңһрин» зөрм бөлгүдиг орс келнд орчулж йовсмн. 1927-ч жил Прага балһснд барлгджасн «Улан Залата» журналд Д. Баянова «Догһн Шар Гүргүһин» бөлг барлсн болдг.

Орчуллһна эклц үгднь эн эврәннь санаһан иигж бичжәнә: «Жаңһр» умшхла седкл авлсн бөөдлиг юунла чигн әдлцүлж болшго, шүлгләнә өвәрц, сәәхн хальмг келн – цуг эн седкл авлж, эрднь зөөр эклж төржәх холдк цагур авч одна. Тегәд чигн хальмг келн-әмтнә һамгин сәәхн гисн үүдәвр авч орчулхд ик зөрг кергтә бөөсмн. Кедр эврәннь селвгән өгч, дуту-дундсинь зааж өгдг күн олдхла, ик ханлт өргхүв. Кедр мини эн көдлмш эрдмчнрт харһхла, онцар ханх биләв».

Данрин эн келсн үгмүднь «Жаңһр» шинжләчнрт одахн, 1990-ч жил, «Жаңһрин» 550 өөн темдглгджәсн кемд илдкгдв. 1927-ч жил Д.Н. Бурхинов «Жаңһр» барлгдсн «Улан Залата» журналын копий дегтрин санд илгәсмн.

1928-ч жилин март сард һарсн эн журналд Байна Данрин орс келнд орчулсн «Хонһрин гер авсна бөлг» болн «Жаңһрин» эклц «Тәк Зула Хаани үлдл» барлгдж. Данр эн бөлгиг 1910-ч жил Эәлән Овлан дуулсн, Очра Номтын бичж авсн «Жаңһр» олзлж, «Жаңһрин» эклциг орчуллһндан барлсмн.

Тер жилмүдт Прага балһснд «Жаңһр» орс келнд орчулсна тускар профессор В.Л. Котвич манаһна номт С.А. Козинд бичсн бичгтән зәңглж. «Жаңһрин» халхар Данрин кесн талдан көдлмш ода деерән медгджәхш.

Байна Данр зокъялмуд чигн үүдәж йовж.

1946-ч жил Мюнхен балһснд хальмг баһчудын баг «Мана зәңг» журнал бүрдәж. Журналын нег тойгт литературн әңгд «Калмыцкая старина» түүкин чилгчнь харһв. Бичсн күүнә нернь Дон-Ара-Ши. Тернь Байна Данр болж медгдв. Түүкд хальмг хүрмин авьясин тускар бичгдж.

Парижд, Әрәсән хазгудын «Родимый край» журнал барлгддг бөөсмн. 1974-ч жил тер журналд Байна Данрин «Хальмгуд» гидг баһ хураңһу барлгдв. Эн дегтрт орс моңһлч А.М. Позднеевин барлсн «Калмыцкая хрестоматия» дегтрәс Байна Данр «Хальмг хаадын ахр тууж» орчулж. «Хальмгуд» гидг статьяг Данрин ах Улана Бадм бичж. һурвдгч статьянь «Баһ-Дөрвд, Ик Дөрвд болн хальмг хазгуд» гидг нертә. Авторнь Байна Данр.

Данриг өөрхн медж йовсн хальмгуд цуһарн түүнә сән бәрцинь, өөдән медрлинь тодлна. Эн күүкд күн эврәннь үйин улс дундан өөдән медрлтә, сурһульта хальмг күүкд улсин негнь бөөсмн. Хальмг күүкд улсла бөөсн медрләрн хувалцж, сүв-селвгән өгч, баһ, бичкн гиж йилһл уга, үзсн-соңссн тоотарн әмтнлә хувалцж йовла гиж келцхәнә. Көгжмд әвр дурта, хальмг кесг зевсгүд татдг, меддг билә. Экин билгнь Санл көвүнднь күртж гицхәнә. Көвүнь консерваторьт сурчасмн...

1950-ч жилмүдт, Америкд туссн цагтан эврә дулар хальмг бичкдүдт төрскн кел хальмг ду, би дасхдг бөөж.

Байна Данр зург чигн зурдг бөөж. Данрин күүкнә Намжл Бурхинован өрк-бүлд экиннь зурсн цөөкн зургуд хадһлгджана. Тер зургудан Данр 80 һар настан, нүднә харань муурад бөөсн цагт зурсн болна. Көгшн эәж зургудтан ухан-тодлврән зурсмн. Баһ насан, төрскн теегән санад, зургудан зурсн болж медгднә.

Мана эрлһәр Намжл Бурхинова Байна Данрин үүдәсн зургудас долан зургин өңгтә копий буулһж өгв. Нег зург деернь «Данара Баянова, 1967 жил» гисн темдг бәәнә.

Нег зургт хальмг хувцта баһ наста берин дүр тодлгдж. Эн цегдгтә, шиврлгтә. Толһа деернь

хальмг махла. Ар бийднь хальмг хотна бээдл-жирһл үзгднэ: мөрн-тергн, мөрд, ишкэ гермүд зурата.

Наадк зургт бас хальмг хотн: гермүд, урһмл модд үзгджэнэ. Герин өмн бийд заһта худг, худгин өөр мал услдг өһһшин өөр усар наачах күүкд үзгджэнэ.

Һурвдгч зургт ар талнь хотн, хол, багц зурата. Багцин тал дунд маначин жолм, жолмин өмн ширдг деер көгшө сууна. Багцин тал дунд хаалһ деер тарвс ачсн тергн үзгднэ. Күүкд, гергчүд урһц хуражана.

Дарук зургтнь гер буулһжах көвүнэ шин, цаһан ишкэ гер. Герин өөр хүрм тосчах күүкд улс үзүлгдж. Теднэ негнь баһчудын шин өрк-бүл йөрөж, зурхачин бичсн дарцг бөржөнэ. Хүрм өөрдж йовна. Буулһжах күүкн мөрн деер. Өөрнь мөртэ залус күүкнэ ора деер чачр татсн зурата. Герин үүднэ өөр күүкнэ өлг-эд: авдрмуд, ширэ бээнэ. Баһ наста берин һарт домбр бээнэ. Цугтан күүк, хүрмин эклц күлэжэнэ. Энүнэ зургуд Санж Балыковин «Девичья честь» гидг түүкд хүрмин кем үзүлгдснэ эдлэр зургдж.

Байна Данр болн Санж Балыков нег үйин улс, эдн эврәннь келн-эмтнэ авъяс, заң-бэрц, жирһлин бээдл сээнэр меддг улс бээсмн.

Дэкэд нег зург өмннь үзүлсн зург немж, шин өрк-бүлин герин дотркиг үзүлжэнэ. Барун талнь ясчксн көшгтэ орн хуралһата, барана өөр бурхн залата, бурхна өөр деежин зулын цөгц. Хүрмин нег кем үзүлгджэнэ. Домбрин айст баһчуд биилжэнэ.

Талдан нег зургт бас герин дотрк бээдл үзүлгджэнэ. Эннь эмтн бээдг гер. Дунднь, тулһ деер, өрк нердг хэесн углата, өрк нержэх кем. Тулһин өөр ширдг деер көгшн эмгн һанз татж сууна. Булд чигэнэ сав, архд бээнэ.

Дэкэд нег зургт үвлин цага селэнэ бээдл үзүлгджэнэ. Һолын эрг деер хальмг хурл, хурл эргэд гелнгүд бээдг гермүд. Хурл тал мөртэ болн цанар йовж йовх улс үзгджэнэ. Хурлын өөр заһта худг, худгин өөр ус зөөдг бочкта тергн. Тагтын ца, хойр талднь селэнэ гермүд.

Иигэд, көгшрсн насндан төрсн һазрасн хол бээхлэрн, төрсн һазртан, зүркндэн өөрхн төрсн селэндэн күрх сана зүүһэд, баһ настадан салсн Гелнгэхнэ ээмгэн санад, эн үүдэврмүдэн чеежэсн һарһад зүрсн бээдлтэ.

1993-ч жилин хөөн Данрин күүкн Намжл Бурхинова маднд экиннь зүрсн зургудын харинь (копии) илгэлэ. Тер зургудинь олин эмтн үзтхэ, таньлдха гиһэд, тедниг Хальмг зургудын галерейин санлд өгчклэвидн. Галерейин директор Шиняевд би күргж өглэв.

Билгтэ, сэн авъяста күүкд күн бээсинь энүнэ туск цөөкн материалмудас, үлдэсн зөөрэснь, зүрсн зургудаснь медгднэ. Хальмг литературин делгрлтэр гүүнэр эн соньмсч, үнлж йовсмн. Зурач, көгжмч, фольклорист, эврәннь келн-улсин сойл делгрулһнэ төлө шунж йовсн билгтэ күүкдин негнь – Байна Данр.

ХУДОЖНИК НАДИ КАШТАНОВА*

В августе 1991 г. в Калмыкии побывала в гостях группа калмыков – соотечественников из Франции. Все они оказались людьми очень простыми, доброжелательными, общительными. Они живо интересовались нашей республикой, ее жителями, бытом, природой, совершили увлекательные поездки в районы республики, в соседние Ростовскую, Волгоградскую и Астраханскую области, побывали на Волге.

Мне удалось познакомиться со многими из них. Хочется рассказать подробнее об одной из них – Нади Каштановой из Парижа. Нади – художник-реставратор.

Ее предок, дед Санже Каштанов, уроженец ст. Граббевской Ростовской области (быв. Области войска Донского), вместе с сыном-гимназистом Морна, которому тогда было лет 17–18, оказался в Турции, в лагере беженцев. Во время гражданской войны походный атаман Области войска Донского генерал Петр Харитонович Попов отступил вглубь степи и насильственно мобилизовал в свое войско всех казаков в калмыцких казачьих станицах. Так, из станицы Граббевской оказалось в эмиграции много мужчин-казаков, в числе которых был и Санже Каштанов вместе с сыном Морна. Морна Каштанов (1901 г.р.) до этого времени успел окончить гимназию в г. Ростов.

Мать Нади, Дугди Бувяшова, (1905–1936) уроженка г. Астрахань. Подростком попала она в беженский поток эмигрантов вместе с братом и бабушкой. Из Турции беженцы в поисках работы разъеха-

* Журнал «Теегин герл», 1992. № 7. С. 33–34

лись по странам Западной Европы. Отец Нади, Морна Каштанов, вместе с отцом в 1925–1926 гг. завербовался во Францию, в г. Виши. Работал на заводе.

Затем он переехал в местность Льюкрузо. Эмигранты – русские и калмыки – жили здесь колонией. Они старались сохранить свою самобытность, свою национальную культуру.

Дед Нади, Санже Каштанов, крупного телосложения, физически сильный человек занимался извозом, держал лошадей.

Нади очень рано лишилась матери, в возрасте двух лет. Ее и старшего брата воспитывали отец и дед. Маленькой Нади запомнились картины детства: дымящийся самовар, дед около лошадей... Росли брат Борис и Нади без материнской ласки. В 1938 г. отца Нади призвали во французскую армию. Во время оккупации Франции немецкими войсками он попал в плен и находился в концлагере до окончания второй мировой войны. Вышел из лагеря в 1945 г., когда их освободили союзные американские войска. Вернулся тяжелобольной, искалеченный. Прожил он недолго, в 1955 году умер. Еще раньше ушел из жизни любимый дед Санже. Нади очень рано пришлось самой заботиться о себе. Ее брат Борис учился рисовать. Это очень заинтересовало Нади, и она поступила в Лионскую школу искусств. Во время школьных каникул она работала у декораторов Лиона, которые помогли овладеть ей различной техникой живописи по ткани. Чтобы иметь возможность учиться, Нади занималась с детьми в богатых семьях, помогала готовить уроки. Эту работу она совмещала с учебой в школе изящных искусств. Затем Нади переехала в Париж и поступила в Академию художеств, где училась пять лет, начиная с 1955 г. Став художником-реставратором, она стала работать в Париже у Малсэ, реставратора картин.

С середины 60 годов Нади работала в ателье «Мунимо-истории» музея Лувра Министерства культуры Франции. Пост министра культуры в то время занимал Андре Мульрух, человек, приближенный к генералу де Голлю и пользовавшийся его поддержкой.

Нади хотелось не только заниматься реставрацией картин, но и творить самой, и она увлеклась рисунками на шелке. На первые шейные платки Нади перенесла свои рисунки, выношенные мечтой. Каждая вещь была уникальной. Прием ее платков у модельеров Парижа подбодрил ее, и Нади решила открыть свое ателье. Большую помощь в этом ей оказал ученый Пьер Бонэ. Вскоре они трудились вместе, дополняя друг друга: Нади – художник, П. Бонэ – декоратор. Ателье «Бонэ-Каштанов» пользовалось известностью, по просьбе модельеров их платки стали использоваться для изготовления одежды. Нади занялась созданием соответствующей ткани. В течение трех лет ателье изготавливало модные платки, галстуки – исключительно из расписной ткани. Их изделия – занавесы, кроватиные покрывала, портьеры – выполнялись из муслинового шелка или шерсти. Натуральные шелка для работы ввозились из Китая. Изделия ателье «Бонэ-Каштанов» пользовались большим спросом, а имя Нади в 1967 г. было занесено в списки мастеров.

С 1989 г. Нади Каштанова – сотрудница Музея Человека. В этом Музее собраны сведения о происхождении человека со времен кромальона, неандертальца.

В настоящее время Нади готовит выставку к 500-летию открытия Америки со времен путешествия Христофора Колумба.

Известный американский художник Георг Катлин (1796–1872) в 1826 г. создал ряд картин из жизни аборигенов Америки – индейцев. Картины Г. Катлина находятся во Франции в Музее Делоне. В 1846 г. их приобрел король Франции Луи Филипп. За прошедшие более 150 лет картины пострадали от времени. Реставрация этих картин была поручена Нади Каштановой. На картинах Г. Катлина изображены индейцы в яркой национальной одежде. По словам Нади, аборигены Америки по происхождению принадлежат монгольской расе. Выставка к 500-летию открытия Америки откроется осенью 1992 г.

В свободное время Нади любит путешествовать. Она побывала во многих странах Европы. В России была впервые. Нади знакома с творчеством В. Маяковского, В. Хлебникова, М. Волошина.

Сын Нади Каштановой Ахпад – студент физико-математического факультета Института Мари Кюри в Париже.

В Калмыкии Нади впервые встретила со своими родственниками Каштановыми. После этой поездки она «загорелась» желанием познакомить французов с самобытным искусством калмыцкого народа. Нас радует интерес наших соотечественников за рубежом к истории и культуре своих предков.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛМЫКОВ – В ЭМИГРАЦИИ

Представители калмыцкой интеллигенции даже в годы гражданской войны, в 1918–1920 годы XX столетия, то есть в период временного проживания в Крыму, Турции, а затем в странах Западной Европы, не забывали об учебе своих детей, старались дать им образование и специальность. Так, в 1920 году в Крыму оказалось много беспризорных детей-калмыков, родители которых погибли во время военных действий, умерли от болезней. Для них был организован приют, где с ними занимались учителя Басан Кушлынов, Дорджи Ремилев, Сарра Алексеева и другие. В Турции, где также была организована учеба детей, кроме общеобразовательных предметов, возникла необходимость изучать иностранные языки. Европейские языки преподавала Нимен-Делик Тюмень, окончившая в 1915 г. Петроградское училище св. Екатерины с правом получения золотой медали.

В середине 1920-х годов один из лидеров калмыцкой эмиграции Б.Н. Уланов добился для детей калмыцких беженцев права обучаться в русской гимназии в Праге, где учились дети российских эмигрантов. Там был организован пансионат для детей, приехавших на учебу из Сербии, Франции, Болгарии. Некоторые из этих учащихся после окончания гимназии поступили в специализированные школы, где получали специальности землемеров, лесничих и другие. Несколько человек сумели окончить в Праге высшие учебные заведения (С.У. Степанов, Э.К. Николаев, С.Л. Далантинов, Э.М. Бурулдушов, С.Б. Балыков). Учились они и в высших учебных заведениях Сербо-Хорватского королевства (Херсон Чурюмов, Пата Переборов, Саран Бадминов, Лиджи Уланов, Содмон Кульдинов), получили специальности инженера, врача, ветеринарного врача.

В Сербии четверо калмыков закончили Русский кадетский корпус (Току Дакугинов, Саран Бадминов, Араш Борманджинов, Джаб Бурхинов). В Белграде дети калмыков учились в русских, сербских школах.

Во время второй мировой войны калмыки-эмигранты из Болгарии, Югославии, Чехословакии, Франции попали в иммиграционный лагерь на юге Германии, в Баварии. Там для детей были организованы различные курсы для приобретения специальности, а также школы для детей эмигрантов. В этих школах учителями работали калмыки Д.И. Ремилев, И.С. Теврюков, Д.Ц. Арбаков, С.Л. Далантинов и другие. Они обучали их родному и русскому языкам, математике, преподавали и другие предметы.

После окончания второй мировой войны надо было решить вопрос об эмиграции в такую страну, которая бы согласилась их принять. По инициативе Б.Н. Уланова была создана общественно-политическая организация «Калмыцкое представительство в Западной Европе», в которую вошли Б.Н. Уланов (председатель), юрист С.У. Степанов (зам. председателя), Санджа Цуцуков, Эрдне Цуцуков, учитель Дорджи Ремилев, врач Лиджи Уланов, философ Эрдне Николаев, ветврач Содмон Кульдинов, инженер Саран Бадминов, Алексей Шурганов, Басан Бембетов, Галзан Алдакимов, Санжа Эльзятинов и другие. Эта организация начала борьбу за получение калмыками права на эмиграцию в другие страны. Тем временем семнадцать стран отказались принять эмигрантов-калмыков.

Общественно-политической организации «Калмыцкое представительство в Западной Европе» удалось создать в США «Комитет по калмыцким эмиграционным делам» при поддержке ряда общественных организаций, Мировой службы церквей, «Толстовского фонда», «Комитета международной помощи», церковных организаций.

Председатель «Калмыцкого представительства в Западной Европе» Б.Н. Уланов представил Международной организации по делам беженцев при ООН в Женеве докладную записку о расовой принадлежности перемещенных лиц калмыцкой национальности «Memorandum on the Kalmyk D. P. Race», который сыграл решающую роль в получении ими права на иммиграцию в США.

Калмыцкие иммигранты, обосновавшись в США, начали борьбу за политическую реабилитацию калмыцкого народа в СССР.

В Филадельфии (штат Пенсильвания) были созданы «Калмыцкое общество по защите элементарных прав калмыцкого народа в СССР» и «Общество калмыцкого братства». 27 декабря 1953 г., в день 10-летия депортации калмыцкого народа, состоялось собрание, на котором и было принято решение вести борьбу за реабилитацию своих собратьев в СССР.

В США в то время ничего конкретного об истории калмыцкого народа не было известно. И в рамках «Исследовательской программы о СССР» (Восточноевропейский фонд) была подготовлена памятная записка по истории калмыков «Некоторые аспекты калмыцкой истории и общества» («Кал-

мыцкое право и трагедия маленького народа») для сведения ученых, занимающихся историей России. Составитель документа И.С. Теврюков получил грант. Этот материал был издан в 1952 г. в Нью-Йорке, книга вышла под фамилией «Борис Истоков».

При подготовке данного материала автор использовал труды российских ученых Н.Я. Бичурина, С.М. Соловьева, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Ф.А. Бюлера, К.И. Костенкова, Н.Н. Пальмова, Н.А. Нефедьева, Ф.И. Леонтовича, Н.А. Попова о калмыках и другие доступные в тех условиях источники по истории калмыцкого народа.

В этом обзорном материале охвачены все стороны истории и жизни ойрат-калмыков со времени появления их в Джунгарии: откочевка Хо-Урлюка со своим улусом в пределы России, продвижение и прибытие на Волгу, территория расселения калмыков в пределах Нижнего Поволжья, численность во время их прибытия в XVII в. и в период ухода в 1771 г., численность оставшихся в пределах Астраханской губернии.

С предводителем калмыков Хо-Урлюком прибыло до 5000 кибиток (семей). До 1771 г. еще прибывали группы калмыков-ойратов. К 1771 г. численность калмыков дошла до 70000 кибиток. Также происходил обратный отток в Джунгарию, а также переселение в другие регионы России в 1701, 1710, 1714, 1764, 1771 годах. После 1771 года в пределах России осталось 12800 кибиток.

Далее идут сведения об общественном строе, быте, религии, законах, классовом составе калмыцкого общества.

Несколько слов об авторе этого материала. Теврюков Иван (калмыцкое имя Орхаг) Степанович был родом из станицы Иловайской (Зюнгарский аймак) Сальского округа Области войска Донского (ныне – Зимовниковский район Ростовской области). Окончил четырехклассное окружное училище в станице Великокняжеская Сальского округа (ныне – г. Пролетарск Ростовской области). После соответствующей аттестации получил звание народного учителя.

В 1924–1925-х гг., в период переселения донских калмыков в Калмыцкую автономную область, семья Теврюковых переселилась в Зюнгар-Кюбетовский аймак Большедербетовского улуса (ныне Городовиковский район), недалеко от Кердаты. До 1941 г. И.С. Теврюков учительствовал в школе родного аймака. Заочно окончил филологический факультет Сталинградского педагогического института.

Как рассказывал о нем Джаб Бурхинов, это был очень грамотный человек, ему всегда поручали ведение протоколов собраний, составление текстов документов, писем. Наверное, именно поэтому эту ответственную работу по подготовке исторического материала о калмыках выполнял он.

В начале 1950-х гг., когда калмыцкие беженцы обосновались в штатах Нью-Джерси, Пенсильвания, где компактно поселились иммигранты из разных европейских стран, остро встал вопрос об изучении истории, родного языка, сохранения своей национальной культуры в условиях иноязычного окружения.

Небольшая группа калмыцкой интеллигенции, озабоченная этой проблемой, организовала в Филадельфии (штат Пенсильвания) общественную культурологическую организацию «Общество ревнителей калмыцкой культуры». Ее члены организовали воскресные школы для калмыцких детей школьного возраста для изучения родного языка, литературы, истории. Вели занятия в школе Санджи Цагадинов, Араш Борманджинов, Баазр Степанов, Содмон Кульдинов, Данара Баянова, Дорджи Ремилев и другие. Занятия по буддизму вели гелюнг Санджи-Ракба Меньков, Чёёрик Унков, по калмыцкой истории – Шамба Балинов. Но школа просуществовала недолго. Причин было много: люди заняты работой, детей надо было все время привозить и увозить. Занятия в воскресной школе возобновились в 1974, 1976 гг. в Хауэлле, штат Нью-Джерси. Дети калмыцких американцев, посещавшие эти школы в те годы, владеют родным языком, хотя говорят на нем с некоторым иностранным акцентом. Последующие поколения родного языка не знают, говорят только на английском. Иммигранты, родившиеся и выросшие в Европе, владеют калмыцким, русским и языками стран пребывания: болгарским, сербско-хорватским, чешским, немецким.

Учебников родного языка у них не было. Члены «Общества ревнителей калмыцкой культуры» Араш Борманджинов и Санджи Цагадинов составили «Калмыцко-английский словарь». Были изданы и другие пособия для занятий по родному языку. Среди них следует отметить сборник переводов тибетских текстов религиозного содержания «Төвд келнэс хальмг келнд орчулсн бичик хуранһу йөрэл, зальврл тергутен оршва» (Филадельфия, 1954). Перевел тексты с тибетского на калмыцкий язык бывший гелюнг Белградского буддийского храма Санджи-Ракба Меньков. Сборник содержит тексты молитв на «тодо бичиг» с транслитерацией на кириллице. В конце сборника приведены названия годов, дней недели калмыцкого календаря.

Санджи-Ракба подготовил еще один поэтический перевод буддийских магталов с тибетского на калмыцкий язык под названием «Адистиде чихал орхн кемекүү магтал» на «тодо бичиг» и латинским алфавитом.

Третий сборник калмыцких текстов на «тодо бичиг», предназначенный для занятий с детьми, составил Шамба Балинов. В него вошли калмыцкие песни, переводы басен И.А. Крылова и другие материалы. В конце сборника напечатаны стихи «Теегм» Г. Мушаева.

«Общество ревнителей калмыцкой культуры» в 1966 г. в серии «Калмыцкая монографическая литература» издало «Калмыцко-ойратский сборник» под редакцией А. Борманджинова и американского профессора Д. Крюгера. Это было первое издание научного сборника по калмыковедению за рубежом. Подготовлен он был при участии видных востоковедов, проживавших в США, в том числе Н.Н. Поппе.

Из наиболее актуальных публикаций следует отметить доклад Н.Н. Поппе «Роль Зая-Пандиты в культурной истории монгольских народов» на заседании «Калмыцкого общества в Америке» в Филадельфии. В сборник вошли также статьи Н.Н. Поппе «Об отношении ойратской письменности к калмыцкому языку» с пояснениями и «Новые издания по калмыковедению». В этой заметке Н.Н. Поппе дал обзор материалов, опубликованных в первых двух выпусках «Записок Калмыцкого НИИЯЛИ» (Вып. 1, 1960; Вып. 2, 1962). Подчеркнул, что первый выпуск записок посвящен 350-летию вхождения калмыков в состав России. Это были статьи Б.О. Джимбинова, Н.В. Устюгова, П.С. Преображенской. Особо отметил он значение статьи С.С. Черникова «Памятники архитектуры ойрат-калмыков» об Аблаинките и других монастырях ойрат-калмыков в Джунгарии. О статье Б.Х. Тодаевой «Значение и функции падежей в калмыком языке» он отозвался как о первой работе по синтаксису калмыцкого языка.

В обзорной статье о новых изданиях по калмыковедению он остановился на работах «Состав и классификация фонем калмыцкого языка» Д.А. Павлова и «Дербетский говор» А.Ш. Кичикова, которых считал серьезными исследованиями языковедов Калмыкии. А о статье А.Ш. Кичикова «Дербетский говор» сказал, что это своевременно вышедшая работа, ибо диалекты имеют свойство быстро исчезать.

А в заключение он отметил: «... Калмыцкая наука, несмотря на то, что история ее еще сравнительно короткая, сделала значительные успехи. Этому можно только радоваться. Вместе с тем можно выразить надежду, что плодотворная деятельность калмыцких ученых в скором времени приведет к еще большим успехам. Уверенность в этом дает весьма успешное начало». Так писал известный востоковед Н.Н. Поппе в 1966 г., на восьмом году восстановления деятельности Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, который в этом году отмечает 65-летие.

Таковы некоторые сведения о просветительско-издательской деятельности калмыцкой интеллигенции в эмиграции, которую она проводила для сохранения культуры своего народа.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

КНИГА ПРО ЖИЗНЬ*

Недавно вышла книга Николая Илюмжинова под названием «Абиль». Автор создал ее в жанре романа-были и описал тяжелую судьбу казака-калмыка, прошедшего через жестокие испытания и оставшегося, несмотря ни на что, человеком, которого не сломили ни ужасы фашистских концлагерей, ни депортация в Сибирь.

Произведение многоплановое, охватывает большой период жизни калмыцкого народа, события двадцатых – сороковых годов XX века, происходившие в донских степях. Все персонажи имеют прототипов в жизни, поэтому они так узнаваемы. Просто и бесхитростно показаны быт и традиции калмыков того времени, значительные моменты Гражданской и Отечественной войн, жизнь в сибирской ссылке. Потому, как мне кажется, книга Н. Илюмжинова будет интересна для самого широкого круга читателей, но особенно для молодых. Из романа они узнают названия предметов домашнего обихода, орудий труда, конского снаряжения, национальных блюд. Они почерпнут для себя и немало достоверных сведений о войне и военнопленных.

Я благодарна автору за то, что он вернул меня к событиям шестидесятилетней давности, происходившим в Западном улусе (ныне Городовиковский район), в места, до боли мне знакомые, родные с детских лет.

...Война. Мужчины уходили на войну, а старики и подростки – на строительство оборонных укреплений на Дону. Были мобилизованы старшекласники и студенты Башантинского совхоза-техникума. Шло жаркое лето 1942 г., наши войска отступали по шоссе Сальск – Сандата – Башанта. Мы, работавшие в поле на уборке урожая, допытывались у них: «Вы отступаете?» – «Нет, – отвечали они нам, – едем на отдых... На новое место дислокации». Над нами летали немецкие самолеты. Фашисты палили из пулеметов, а нам укрыться негде, только падали на стерню...

Прототипом главного героя Абиля является Алексей Балыков, который был родом из села Бичкн (полное название – Бичкн Кел). Основано оно уроженцами Бемдякинского аймака (ст. Власовской) в 1924 – 1925 гг. во время переселения калмыков с Дона в Большедербетовский улус (Городовиковский и Яшалтинский районы). Бемдякинцы тогда основали два поселения – с. Сладкое и Бичкн Кел, которые после разделения Большедербетовского улуса на Западный и Яшалтинский оказались в разных улусах. Но все бемдякинцы не теряли связи с донскими калмыками.

В книге повествуется о жизни Абиля, показаны детство, пора возмужания, женитьба и его «путешествия» вынужденного беженца по странам Западной Европы во вторую мировую войну.

Абиль часто вспоминает во время своих скитаний по лагерям бывших военнопленных – старых казаков, рассказывавших об участии калмыков в войнах с Японией в 1905 г., Германией – в 1914 г. Воспоминания согревали его душу и не давали сломиться духу.

В романе, на мой взгляд, удачны и описания моментов домашнего трудового воспитания сельских ребят. Дети во время своих забав получали навыки обращения с лошадьми, учились ездить, скакать, пользоваться конской сбруей. Старшие, более опытные ребята, подтягивали младших, не унижая, давали уроки мастерства.

Прототипом другого героя, Намсы, стал также реальный человек – Намса Иванов, батальонный комиссар 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. После июльских событий 1942 г. оставшиеся в живых кавалеристы отступали к Северному Кавказу. Был такой случай, когда Н. Иванов с группой в 12 человек пошел на разведку. Как рассказывала очевидица тех давних событий (тогда десятилетняя девочка, ныне пенсионерка, жительница г. Элисты) Лилия Александровна Иванова, Намса зашел в дом, где они жили, и стал расспрашивать об обстановке в этом селе. Потом Намса дал ей бинокль, попросил девочку подняться на крышу и посмотреть, не движутся ли немецкие части. Группу разведчиков Намса предусмотрительно спрятал в балке, в селе появился только с коневодом... Немцы на машине появились неожиданно и, увидев двух лошадей, сразу направились к их дому. Обыскав дом, немцы направились к кухне, где Намса с коневодом успели спрятаться. Началась перестрелка, Намса ранил вражеского офицера. Немцы с криком «Партизаны!» быстро сели в машину, поехали вдоль улицы, открыв пальбу

* Впервые опубликовано в журн. «Теегин герл», 2004, № 2.

по летней кухне, дверь которой они успели закрыть снаружи. Мать Лиды попросила дочку подползти и откинуть щеколду на двери. Намса с коневодом выскочили и, сев на коней, успели скрыться. К счастью, немцы в страхе не успели застрелить лошадей...

Еще в одном герое, партизане Гасане, угадываются черты реального человека – Гасана Чемкинова (или Чимкинова), расстрелянного немцами в Башанте в конце 1942 г. вместе с другими подпольщиками – партработниками Александром (Альди) Учуровичем Ивановым, Татьяной Имкеновой, агрономом Коженбаевым, Хониновым, Ульджаевым (по сведениям все той же Лидии Ивановой).

После освобождения Башанты в январе 1943 г. останки патриотов были захоронены в братской могиле. В 80-е годы они перезахоронены на мемориале погибшим воинам. Их имена высечены на стеле.

Нет надобности пересказывать всю книгу. Лучше ее прочитать самим. Но на одном моменте хотелось бы мне заострить внимание читателей. После войны домой возвращались многие репатрианты – советские граждане, угнанные в неволю в Германию, военнопленные из немецких концентрационных лагерей. Калмыки-репатрианты в большинстве своем трудились на авиационном заводе им. Чкалова в Новосибирске, жили в заводских бараках. Среди них был и Абиль – Алексей Балыков. Несмотря на тяжелейшие условия жизни в депортации, завод помог Абилю и всем спецпереселенцам выжить. Заводчане до сих пор помнят о калмыках как о трудолюбивых и смекалистых людях.

...В мае 2001 года наш «Поезд памяти» в Сибири двое суток находился в Новосибирске. Были выходные дни. Несмотря на это, нам устроили экскурсию на завод им. Чкалова. Мы проехали на автобусах по огромной территории завода и аэродромам, принадлежащим ему. Сопровождал нас заместитель директора по кадрам Леонид Петрович Брымских (ныне помощник депутата Госдумы). Рассказывая о предприятии, он подчеркнул, что в 1945 – 1946 гг. на заводе работало очень много калмыков, среди них были фронтовики, отмеченные боевыми наградами. Они трудились очень хорошо.

Среди участников «Поезда памяти» были бывшие заводчане. Воспользовавшись случаем, они обратились к Л. Брымских с просьбой о получении справок, подтверждающих их стаж работы на заводе. Но поскольку были выходные дни, он передал заявления одному из своих работников, Юрию Абрамовичу Шалхакову, чтобы тот постарался помочь своим землякам. Надо заметить, Ю. Шалхаков просьбу калмыков выполнил, необходимые справки выслал по адресам.

Вот такие размышления вызвала у меня книга Николая Илюмжинова «Абиль» – о жизни, о войне, о Сибири.

О КЕРДАТЕ И КЕРДАТИНЦАХ

(Заметки библиотекаря)

Недавно вышедшая из печати книга Н.Ц. Манджиева называется «Кердата и кердатинцы». Ее содержание выходит за рамки одного села и его жителей. Книга уводит нас в далекую древность истории калмыков, в историю одного из больших родов калмыцкого народа – дербетов. Нельзя утверждать, что эта книга только о дербетах, ибо история всех родов калмыцкого народа взаимосвязана, у нас одни корни, общие корни, мы все являемся одним народом.

Но историю отдельных родов, отдельных аймаков знать необходимо. Без этих знаний невозможно познать всю историю своего народа. Читая книгу «Кердата и кердатинцы», мы узнаем много интересного о калмыцком народе и других народах, живущих в Республике Калмыкия.

В 1960–1970-е годы после восстановления автономии репрессированного калмыцкого народа шла интенсивная работа по созданию истории Калмыцкой АССР, возрождению культуры, литературы, экономики Калмыкии. Разрушить легче всего, а восстанавливать, воссоздавать, возрождать гораздо тяжелее. Все надо было начинать заново.

В Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (далее – Калм. НИИЯЛИ) по инициативе тогдашнего зам. директора по науке И.И. Орехова был создан проект (по современной терминологии) «История городов и сел Калмыцкой АССР». Авторская группа сектора истории приступила к выполнению этой темы. В русле этого проекта был опубликован ряд статей руководителя группы Н.Ш. Ташнинова «Бюдермес – Кюбетовский аймак», «Из истории народного образования Большедербетовского улуса», «Из истории 1-го Ики-Туктуновского аймака»; Б.П. Дарбаковой «Из истории эстонских поселений в Калмыкии»; Сангаджиева П.Д., Монраева М.У. «О возникновении поселка Лагань и происхождении названия». Потом эта тема постепенно была забыта. То ли в этом

проекте увидели «улусизм», то ли сочли, что эта тема не актуальна для истории Калмыкии, но она была снята с исследовательских планов института. Служебная справочная картотека по теме «История городов и сел Калмыкии» продолжалась, пополнялась. Нынешние энтузиасты создания истории своего рода, села начинают поисковую работу со знакомства с этой картотекой.

В последнее время у народа выросло национальное самосознание. Вырос интерес к изучению родовых корней той или иной семьи, интерес к истории своих поселений. Люди хотят знать, кто есть кто, откуда они родом.

Этот интерес еще более возрос после выхода Указов Президента Республики Калмыкия К.Н. Илюмжинова «О паспортизации родов калмыцкого народа», «О паспортизации родов русского народа».

Демократизация общества, новый взгляд на вопросы изучения общественных явлений, возможность высказывания своего мнения, издания своих трудов подтолкнули людей к изучению истории отдельных селений, аймаков, рода, истории одной семьи и их потомков. В русле этого интереса вышли из печати книги: Илюмжинов Н.Д. Предки. Факты. Время. (Элиста, 1997); Бакаев П.Д., Бакаев Б.Д. Из истории нашей семьи. (Элиста, 2001); Дорджиева Г.Ш., Дорджиев М.Б. Хотон Эндыр; Церенов В.З. Эркетени (Элиста, 1997); Алексеева П.Э. Станица Граббевская. (Элиста, 1997), Богшрахинский аймак и богшрахинцы. (2002); Манджикова Л.Д. Очерки истории Большедербетовского улуса» (Городовиковск, 1998); Очерки из истории поселений Приютное, Воробьевка С.С. Белоусова; Н.Ц. Манджиева – о Чоносовском аймаке Манычского улуса и др.

Эта серия изданий пополнилась еще одной интересной, полезной книгой Н.Ц. Манджиева «Кердата и кердатинцы».

Известный журналист Н.Ц. Манджиев, работая в архивах над книгой по истории чоносовцев Манычского улуса, нашел материалы о Большедербетовском улусе, о родовых владениях зайсангов улуса, статистические сведения о количестве кибиток, земельных владений, количестве скота и др.

Идея создания книги такого характера, тогда еще без названия, о жителях Кердаты и Бага Бурула занимала Г.Л. Карвину. Она хотела увековечить имена известных ей людей того времени, ее отца – учителя Лиджи Карвина, известных ей тогдашних общественных деятелей Большедербетовского улуса и Калмыкии в целом – А.М. Амур-Санана, Егора Сайкова, Овше Насунова, Ефима Чонова и многих других, которых знала лично, видела, слышала о них, вспоминала. Она часто говорила, что составила довольно обширный список имен известных ей людей.

Автор книги «Кердата и кердатинцы» Н.Ц. Манджиев проделал большую работу по изысканию, подбору материалов в Национальном архиве Республики Калмыкия, архивах Ставрополя. Им собраны рассказы жителей улуса, очевидцев тех или иных событий прошлого. Автор воспользовался записями старожилов Кердаты Эренцена Манжиковича Моголцыкова и его сверстника Лиджи Чурюмова. Они еще в начале 1960-х годов приходили в библиотеку КНИИЯЛИ, искали материалы о Большедербетовском улусе, о селе Кердате, ездили в архивы Ставрополя, в г. Ессентуки к бывшей учительнице кердатинской школы Нохаше Джамбиновой. Они даже пытались добиться назначения ей персональной пенсии республиканского значения...

Автор книги Н.Ц. Манджиев тщательно изучил и воспользовался опубликованными источниками и литературой по Большедербетовскому улусу изданий XIX и начала XX столетия.

Книга начинается с вводного материала древней истории монголов: отпочкование ойратов, появление их на Нижней Волге под названием «калмыки», куда входили торгуты, дербеты, хошуты, хойты и другие представители мелких родов.

Дербеты в пределах Астраханской губернии в конце XVIII столетия разделились на Большие и Малые. Название получили не по численности кибиток (семей), а по старшинству владельцев дербетских родов. Большие дербеты из-за пастбищ и других причин несколько раз уходили на Дон и возвращались, потом снова уходили.

С 1860 года Большедербетовский улус отошел в ведение администрации Ставропольской губернии в составе Медвежинского уезда. Улус снова вошел с остальными калмыцкими улусами в состав Калмыцкой автономной области после 1920 года.

Внимательный, заинтересованный читатель найдет в книге много интересных сведений о самом Большедербетовском – Западном улусе, ныне Городовиковском районе, об истории поселения восьми аймаков улуса, о природных условиях, занятиях населения, о людях, которые внесли свою лепту в историю своего улуса в меру своих сил, умений, таланта.

В начале XX столетия в улусе появилось много ярких личностей, таких, как Антон Амур-Санан, Ефим Чонов, Андрей Михайлов-Идэров, Лиджи Карвин и другие образованные люди с новым видением и взглядами на общественную жизнь калмыцкого народа, с желанием и стремлением изменить

и улучшить быт калмыцкого народа, поднять его культурный уровень, распространить образование, открыть народные, национальные школы, преподавать в школах на родном языке.

Для меня, как читателя, книга «Кердата и кердатинцы» очень интересна. Но она близка еще и потому, что с самого начала работы над книгой автора Н.Ц. Манджиева я была в курсе всех событий, предшествовавших созданию книги. Я беседовала с ним, советовала, на какие ранние издания по Большедербетовскому улусу следует обратить внимание, рекомендовала поработать в архивах Ставрополя.

Имена, местность, события, о которых повествуется в книге, мне, как бывшей жительнице Западного улуса до депортации 1943 года, хорошо знакомы.

При переселении донских калмыков в Большедербетовский улус КАО в 1924–1926 г.г. часть нашего самого многочисленного Цевднякинского аймака поселилась на землях 2-го Ики-Чоносовского аймака Бюдюльчинеровского сельского совета Большедербетовского улуса. Здесь цевднякинцы в местности Зун основали село Теегин Нур. В 1927–1928 годах группа цевднякинцев из с. Теегин Нур, свыше 100 семей из числа бедняков во главе с Муутлом Манджиковым, Цебеком Антакановым и другими, переселилась на земли Бюдермесовского (Кердатинского) аймака (земельного общества) и основала пос. Цевднякин (или же Шуста). Они организовали ТОЗ (Товарищество по совместной обработке земли). При коллективизации сел Кердата, Цевднякин, Зюнгар – Кюбетовский был организован к-з им. Ленина. Цевднякинцы составляли 1-ую полеводческую бригаду к-за им. Ленина. Бригадиром 1-й полеводческой бригады был Куприян Полович Манжиков. Бригада собирала высокий урожай зерновых, была несколько раз участницей ВДНХ в Москве. Бригада настолько окрепла, что отделилась в самостоятельный колхоз им. Сталина, просуществовавший до декабря 1943 г. Председателем колхоза им. Сталина был избран бессменный бригадир 1-й полевой бригады Куприян Манжиков.

В пос. Цевднякин имелась начальная школа. В 1943 г. в школе работали учителями Надежда Батыревна Андреева (Ермакова) – выпускница Московского института национальных школ 1938 г., учительница Полина Ивановна Цондинова – выпускница Калмыцкого педтехникума 1937 г. П.И. Цондинова, заслуженный учитель Калмыцкой АССР, живет в г. Элиста.

В 1941 г. почти все мужчины призывного возраста ушли на фронт. Удалось установить имена около 40 человек, ушедших на фронт. Вернулись с войны единицы. Имена 34 фронтовиков – цевднякинцев из Западного улуса указаны в списке участников войны в книге «Станица Граббевская».

В декабре 1943 года, во время выселения калмыков, часть жителей пос. Цевднякин попала на поселение в Кормиловский район Омской области. Другая же часть поселилась в Голышмановском районе Тюменской, тогда еще Омской области. Это случилось потому, что они попали в разные эшелоны.

Я подробно остановилась на пос. Цевднякин Западного района потому, что пос. Цевднякин основан на земле Кердатинского земельного общества, входил в состав Кердатинского сельского совета, полтора десятка лет был связан тесными узами с Кердатой.

У калмыков есть пословица «Океану и капля добавка» («Далад дусал невр»). Книга «Кердата и кердатинцы» Н.Ц. Манджиева и есть та капля, так необходимая истории о калмыцком народе, об отдельных родах, семьях.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
----------------	---

Слово об авторе

Баянова А.Т. Жизнь – открытая книга.....	4
--	---

История

Гидротехник Михаил Иванович Сердюков	6
Контр-адмирал Денис Спиридонович Калмыков	7
Джунгарский князь Лоузанг-Шуну.....	8
Антон Григорьевич Владыкин и его вклад в изучение маньчжурского языка.....	11
Калмыки в материалах экспедиций XVIII века.....	14
Вклад в отечественное востоковедение.....	18
О Сарепте, сарептянах, калмыках.....	21
Иоганн Иериг и калмыковедение.....	23
Я.И. Шмидт и калмыки: взаимообогащение двух культур (в соавторстве с Музраевой Д.Н.).....	25
Об истории калмыков в трудах В. Н Татищева.....	30
О Корнильевых – предках великого ученого Менделеева.....	33
Исследователь Ставрополя Иосиф Бентковский.....	34
Адвокат Федор Плевако и два случая защиты калмыков на суде.....	36
Исследователь Калмыцкой степи Николай Барбот де Марни (1830–1876).....	39
Ефим Чонов – юрист, общественный деятель (1887–1927).....	39
Северный Кавказ, Минеральные воды и калмыки.....	41
О коневодах и коннозаводстве в Сальских степях.....	44
О коневодстве в Калмыцкой степи (обзор материалов по результатам «Военно-конной переписи» конца XIX в.).....	50

Народное образование

Учитель, переводчик, врач Михаил Бадмаев	53
Наймин Бадмаев – кавалер ордена святого Станислава	55
Учитель Лиджи Нормаев и его вклад в калмыковедение.....	56
Народные просветители Кутузовы.....	61

Языкознание

О первых преподавателях китайского и маньчжурского языков в России.....	65
Корни двуязычия: из истории изучения калмыцкого языка в дореволюционной России.....	66

Литература. Фольклор

Предания и песни о Мазан-Батыре.....	71
А.С. Пушкин и калмыки.....	73
Восточная сага С.А. Козина.....	75
Иван Попов – собиратель фольклора.....	77
Андрей Руднев и музыкальный фольклор калмыков.....	79
К истории географии распространения песни «Бумбржан».....	83
Цевднякинские песни.....	86

Этнография. Религия

Цаьан Сар – весенний праздник.....	88
------------------------------------	----

О калмыцком календаре.....	89
Женщина-мать и ее роль в калмыцкой семье.....	93
Рассказы о калмыцком чае.....	96
Православный священник калмык Михаил Здравомыслов.....	98
О православных священниках-калмыках и крещении калмыков.....	100

Путешествия. Путешественники. Паломники

Лавр Корнилов – исследователь Азии.....	103
Путешествие калмыков в Центральную Азию.....	105
О ламе Дамбо Ульянове и его миссии в Тибет.....	111
Сложный путь ламы Лувсан-Шарапа Тепкина.....	116
Неизвестные страницы жизни В. Хомутникова.....	119

Война. Воины. Депортация

К истории 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии: формирование, боевой путь.....	121
Трудные дороги войны доктора Учуря Алексеева.....	124
О партизанах Югославии.....	128
Сибирь: страницы пережитого.....	133
Из истории депортации калмыков из Ростовской области.....	140

Калмыцкое зарубежье

К истории развития калмыцкой диаспоры за рубежом.....	142
Журнал пражских студентов «Ойрат».....	149
Санджи Бальков и его переписка.....	150
Байна Данрин тускар.....	162
Художник Нади Каштанова.....	165
Просветительская деятельность калмыков в эмиграции.....	167

Заметки о книгах

Книга про жизнь.....	170
О Кердате и кердатинцах.....	171

Научное издание

П. Э. Алексеева

О ЛЮДЯХ И ВРЕМЕНИ

сборник статей

Подписано в печать 23. 10. 2010 г. Формат 60 x 84 1/8.
Бумага тип № 1. Усл. печ. 22 л.
Тираж 300 экз.

Компьютерная верстка, технический редактор О.Ш. Мучеряев
Корректор И.М. Болдырева

Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000 г. Элиста, ул. Илишкина, 8